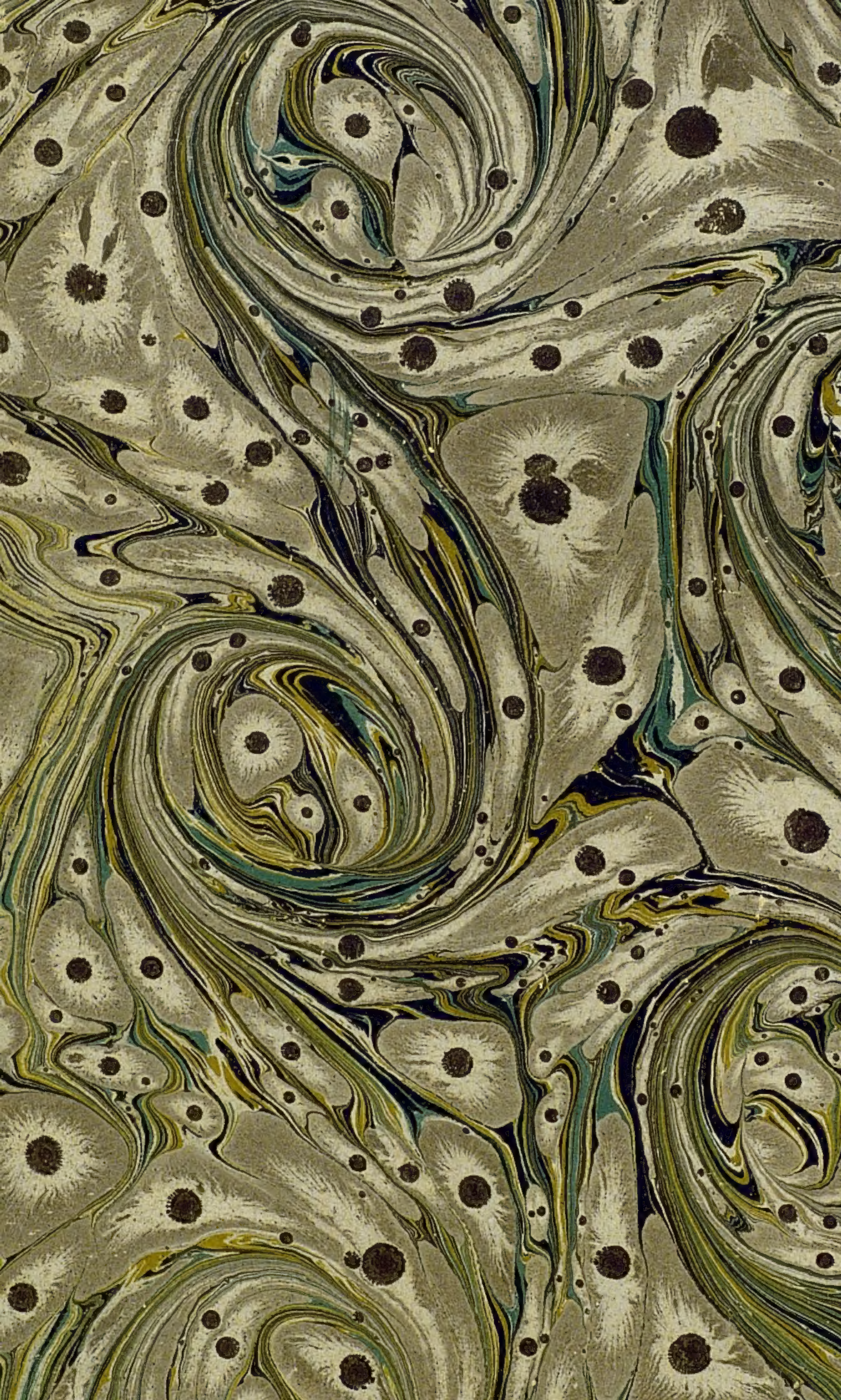


20. 84. 2. 1/8

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ VIII.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ III.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВОСЬМОГО ТОМА:

стр.

СТУКЪ!... СТУКЪ!... СТУКЪ!... — Студія 1
ПУНИНЪ и БАБУРИНЪ.—Разсказъ Петра Петровича Б. 37
ЧАСЫ.—Разсказъ старика 107
СОНЪ. — Разсказъ 163
РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ 187
ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВОИХЪ и ЧУЖИХЪ:
I. Старые портреты 203
II. Отчаянный 230
ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ 257
КЛАРА МИЛИЧЪ. — Повѣсть 283

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ:

Отъ редакціи «Вѣстника Европы» 351
1. Деревня 353
2. Разговоръ 355
3. Старуха 356
4. Собака 358
5. Соперникъ 359
6. Нищій 360
7. «Услышишь судъ глупца» 361
8. Довольный человѣкъ 362
9. Житейское правило 363
10. Конецъ свѣта . . . . . —
11. Маша 365
12. Дуракъ 367
13. Восточная легенда 368
14. Два четверостишія 370

стр.
15. Воробей 374
16. Черепья 375
17. Чернорабочій и бѣлоручка . . . . . —
18. Роза 377
19. Памяти Ю. П. Вревской 379
20. Послѣднее свиданье 380
21. Посѣщеніе 381
22. Necessitas — Vis — Libertas 382
23. Милостыня 383
24. Насѣкомое 384
25. Щи 385
26. Лазурное царство 386
27. Два богача 388
28. Старикъ . . . . . —
29. Корреспондентъ 389
30. Два брата . . . . . —
31. Эгоистъ 391
32. Пиръ у Верховнаго существа 392
33. Сфинксъ 393
34. Нимфы 394
35. Врагъ и Другъ 396
36. Христосъ 397
37. Камень 398
38. Голуби 399
39. Завтра! Завтра! 400
40. Природа 401
41. «Повѣсить его!» 402
42. Что я буду думать? 404
43. «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы» 405
44. Морское плаваніе 406
45. Н. Н. 408
46. Стой! . . . . . —
47. Монахъ 409
48. Мы еще повоюемъ! 410
49. Молитва . . . . . —
50. Русскій языкъ 411

СТУКЪ... СТУКЪ... СТУКЪ!...

Студія.

I.

.... Мы всѣ усѣлись въ кружокъ—и Александръ Васильевичъ Ридель—нашъ хорошій знакомый (фамилія у него была нѣмецкая—но онъ былъ коренной русакъ) — Александръ Васильевичъ началъ такъ:

— Я разскажу вамъ, господа, исторію, случившуюся со мной въ тридцатыхъ годахъ.... лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ видите. Я буду кратокъ—а вы не прерывайте меня.

Я жилъ тогда въ Петербургѣ — и только-что вышелъ изъ университета. Мой братъ служилъ въ конной гвардейской артиллеріи прапорщикомъ. Баттарея его стояла въ Красномъ селѣ—дѣло было лѣтомъ. Братъ квартировалъ собственно не въ Красномъ-Селѣ—а въ одной изъ окрестныхъ деревушекъ; я не разъ гостилъ у него и перезнакомился со всѣми его товарищами. Онъ помѣщался въ довольно опрятной избѣ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ его баттареи. Звали этого офицера Тѣглевымъ, Ильей Степанычемъ. Съ нимъ я особенно сблизился.

Марлинскій теперь устарѣлъ—никто его не читаетъ—и даже надъ именемъ его глумятся; но въ тридцатыхъ годахъ онъ гремѣлъ какъ никто—и Пушкинъ, по понятію тогдашней молодежи, не могъ идти въ сравненіе съ нимъ. Онъ не только пользовался славой перваго русскаго писателя, онъ даже—что гораздо труднѣе и рѣже встрѣчается—до нѣкоторой степени наложилъ свою печать на современное ему поколѣніе. Герои à la Марлинскій—попадались вездѣ, особенно въ провинціи и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языкомъ; въ обществѣ держались сумрачно, сдержанно—съ „бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови", какъ лейтенантъ Бѣлозоръ „Фрегата Надежды". Женскія сердца „пожирались" ими. Про нихъ сложилось тогда прозвище: „фатальный". Типъ этотъ, какъ извѣстно, сохранялся долго, до временъ Печорина. Чего-чего не было въ этомъ типѣ? И байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона; вѣра въ судьбу, въ звѣзду, въ силу характера, поза и фраза—и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствительная сила и отвага; благородныя стремленья—и плохое воспитаніе, невѣжество; аристократическія замашки—и щеголяніе игрушками.... Но, однако, довольно философствовать.... Я обѣщался разсказывать.

II.

Подпоручикъ Тѣлевъ принадлежалъ къ числу именно такихъ „фатальныхъ" людей, хотя и не обладалъ наружностью, обыкновенно этимъ личностямъ присвоемой: онъ, напр., нисколько не походилъ на Лермонтовскаго „фаталиста". Это былъ человѣкъ средняго роста, довольно плотный, сутуловатый, бѣлокурый, почти бѣлобрысый; лицо имѣлъ круглое, свѣжее, краснощекое, вздернутый носъ,

низкій, на вискахъ заросшій лобъ и крупныя, правильныя, вѣчно неподвижныя губы: онъ никогда не смѣялся, не улыбался даже. Лишь изрѣдка, когда онъ уставалъ и задыхался, выказывались четырехъ-угольные зубы, бѣлые, какъ сахаръ. Та же искусственная неподвижность была распространена по всѣмъ его чертамъ: не будь ея, онѣ бы являли видъ добродушный. Во всемъ его лицѣ не совсѣмъ обыкновенны были только глаза, небольшіе, съ зелеными зрачками и желтыми рѣсницами: правый глазъ былъ чуть-чуть выше лѣваго, и на лѣвомъ глазу вѣка поднималась меньше, чѣмъ на правомъ, что̀ придавало его взору какую-то разность и странность и сонливость. Физіономія Тѣглева, не лишенная, впрочемъ, нѣкоторой пріятности, почти постоянно выражала неудовольствіе, съ примѣсью недоумѣнія: точно онъ слѣдилъ внутри себя за невеселой мыслію, которую никакъ уловить не могъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ не производилъ впечатлѣнія гордеца: его скорѣй можно было принять за обиженнаго, чѣмъ за гордаго человѣка. Говорилъ онъ очень мало съ запинками, сиплымъ голосомъ, безъ нужды повторяя слова. Въ противность большей части фаталистовъ, онъ особенно-вычурныхъ выраженій не употреблялъ—и прибѣгалъ къ нимъ только на письмѣ; почеркъ имѣлъ совершенно дѣтскій. Начальство считало его офицеромъ—„такъ-себѣ“,—не слишкомъ способнымъ и не довольно усерднымъ. „Есть пунктуальность—но аккуратности нѣтъ“, говорилъ о немъ бригадный генералъ нѣмецкаго происхожденія. И для солдатъ Тѣглевъ былъ—„такъ себѣ“ — ни рыба ни мясо. Жилъ онъ скромно, по состоянію. Девяти лѣтъ отъ роду онъ остался круглымъ сиротою: отецъ и мать его утонули весною, въ половодье, переправляясь на паромѣ черезъ Оку. Онъ получилъ воспитаніе въ частномъ пансіонѣ, гдѣ считался однимъ изъ самыхъ тупыхъ и самыхъ смирныхъ учениковъ; поступилъ, по собственному

настоятельному желанію, и по рекомендаціи двоюроднаго дяди, человѣка вліятельнаго, юнкеромъ въ гвардейскую конную артиллерію—и, хотя съ трудомъ, однако, выдержалъ экзаменъ сперва на прапорщика, потомъ на подпоручика. Съ другими офицерами онъ находился въ отношеніяхъ натянутыхъ. Его не любили, посѣщали его рѣдко—и самъ онъ почти ни къ кому не ходилъ. Присутствіе постороннихъ людей его стѣсняло; онъ тотчасъ становился неестественнымъ, неловкимъ.... въ немъ не было ничего товарищескаго—и ни съ кѣмъ онъ не „тыкался“. Но его уважали; и уважали его не за его характеръ или умъ и образованность—а потому, что признавали на немъ ту особенную печать, которою отмѣчены „фатальные“ люди. „Тѣглевъ сдѣлаетъ карьеру, Тѣглевъ чѣмъ-нибудь отличится“ — этого никто изъ его сослуживцевъ не ожидалъ;—но „Тѣглевъ выкинетъ какую-нибудь необыкновенную штуку“— или: „Тѣглевъ возьметъ, да вдругъ выйдетъ въ Наполеоны“— это не считалось невозможнымъ. Потому, тутъ дѣйствуетъ „звѣзда“ — и человѣкъ онъ „съ предопредѣленіемъ“ — какъ бываютъ люди „со вздохомъ“ и „со слезою“.

III.

Два случая, ознаменовавшіе самое начало его офицерской службы, много способствовали къ упроченію за нимъ его фатальной репутаціи. А именно: въ самый первый день его производства—около половины марта мѣсяца — онъ, вмѣстѣ съ другими, только-что выпущенными офицерами, шелъ, въ полной парадной формѣ, по набережной. Въ тотъ годъ весна наступила рано, Нева вскрылась; большія льдины уже прошли—но всю рѣку запрудилъ мелкій, сплошной, пропитанный водою, ледъ. Молодые люди разговаривали, смѣялись.... вдругъ одинъ изъ нихъ остановился: онъ

увидалъ на медленно двигавшейся поверхности рѣки, шагахъ въ двадцати отъ берега, небольшую собачку. Взобравшись на выдававшуюся льдину, она дрожала всѣмъ тѣломъ и визжала. „А вѣдь она погибнетъ“—проговорилъ офицеръ сквозь зубы. Собачку тихонько проносило мимо одного изъ спусковъ, устроенныхъ вдоль набережной. Вдругъ Тѣглевъ, ни слова не говоря, сбѣжалъ по этому самому спуску—и, перепрыгивая по тонкому льду, проваливаясь и выскакивая, добрался до собачки, схватилъ ее за шиворотъ и, благополучно вернувшись на берегъ, бросилъ ее на мостовую. Опасность, которой подвергался Тѣглевъ, была такъ велика, поступокъ его былъ такъ неожиданъ, что товарищи его словно окаменѣли—и только тогда заговорили всѣ разомъ, когда онъ подозвалъ извощика, чтобы ѣхать къ себѣ домой; весь мундиръ на немъ былъ мокръ. Въ отвѣтъ на ихъ восклицанія, Тѣглевъ равнодушно промолвилъ, что кому что̀ на роду написано, тотъ того не минуетъ—и велѣлъ извощику ѣхать.

— Да ты собаку-то возьми съ собой, на память, — крикнулъ одинъ изъ офицеровъ. Но Тѣглевъ только рукой махнулъ— и товарищи его переглянулись въ молчаливомъ изумленіи.

Другой случай произошелъ нѣсколько дней спустя, на карточномъ вечерѣ у баттарейнаго командира. Тѣглевъ сидѣлъ въ углу — и не участвовалъ въ игрѣ. „Ахъ, кабы мнѣ, какъ въ Пушкинской Пиковой дамѣ, бабушка напередъ сказала, какія карты должны выиграть!“—воскликнулъ одинъ прапорщикъ, спускавшій свою третью тысячу. Тѣглевъ молча приблизился къ столу, взялъ колоду, снялъ— и, проговоривъ: шестерка бубенъ!—перевернулъ колоду: внизу была шестерка бубенъ. — Тузъ трефъ! — провозгласилъ онъ и снялъ опять: снизу оказался тузъ трефъ.— Король бубенъ! промолвилъ онъ въ третій разъ сердитымъ шопотомъ, сквозь стиснутые зубы — отгадалъ въ третій

разъ.... и вдругъ весь покраснѣлъ. Вѣроятно, онъ самъ этого не ожидалъ. „Отличный фокусъ! Покажите-ка еще“, замѣтилъ баттарейный командиръ. „Я фокусами не занимаюсь“, сухо отвѣтилъ Тѣглевъ—и вышелъ въ другую комнату. Какимъ образомъ это такъ случилось, что онъ заранѣе отгадывалъ карту— я растолковать не берусь, но видѣлъ я это собственными глазами. Послѣ него многіе изъ присутствовавшихъ игроковъ пытались сдѣлать тоже самое—и никому оно не удалось: *одну* карту еще иной и угадаетъ, но уже двѣ сряду—никакъ. А у Тѣглева вышло цѣлыхъ три! Этотъ случай еще болѣе утвердилъ за нимъ репутацію таинственнаго, фатальнаго человѣка. Мнѣ послѣ часто приходило на умъ, что не удайся ему фокусъ съ картами — кто знаетъ, какой бы она приняла оборотъ, и какъ бы онъ самъ взглянулъ на себя; но эта неожиданная удача окончательно рѣшила дѣло.

IV.

Понятно, что Тѣглевъ тотчасъ ухватился за эту репутацію. Она придавала ему особое значеніе, особый колоритъ.... „Cela le posait, какъ выражаются французы,—и при небольшомъ его умѣ, незначительныхъ познаніяхъ и громадномъ самолюбіи—такая репутація приходилась ему какъ разъ подъ-руку. Заслужить ее было трудно, а поддержать ее—ничего не значило: стоило только молчать и дичиться. Но не въ силу этой репутаціи я сошелся съ Тѣглевымъ—и, можно сказать, полюбилъ его. Полюбилъ я его, во-первыхъ, потому, что самъ былъ порядочный дичокъ—и видѣлъ въ немъ собрата; а во вторыхъ, и потому, что человѣкъ онъ былъ добрый—и, въ сущности, очень простосердечный. Онъ внушалъ мнѣ нѣчто въ родѣ сожалѣнія; мнѣ казалось, что, помимо его напускной фаталь-

ности, надъ нимъ дѣйствительно тяготѣетъ трагическая судьба, которой онъ самъ не подозрѣваетъ. Разумѣется, *этого* чувства я ему не высказывалъ: внушать сожалѣніе — можетъ ли быть обида хуже для „фатальнаго" человѣка? И Тѣглевъ чувствовалъ расположеніе ко мнѣ: со мной было ему легко, со мной онъ разговаривалъ,—въ моемъ присутствіи онъ рѣшался покидать тотъ странный пьедесталъ, на который не то попалъ, не то взобрался. Мучительно, болѣзненно-самолюбивый, онъ, вѣроятно, все-таки сознавалъ въ глубинѣ души своей, что ничѣмъ не оправдываетъ своего самолюбія—и что другіе, пожалуй, могутъ смотрѣть на него свысока.... а я, девятнадцатилѣтній мальчикъ, не стѣснялъ его: страхъ сказать что-нибудь неумное, неумѣстное при мнѣ не сжималъ его вѣчно-насторожennаго сердца. Онъ даже иногда впадалъ въ болтливость; и благо ему, что никто, кромѣ меня, не слыхалъ его рѣчей! Его репутація не долго бы удержалась. Онъ не только зналъ очень мало—онъ почти ничего не читалъ, и ограничивался тѣмъ, что набирался подходящихъ анекдотовъ и исторій. Онъ вѣрилъ въ предчувствія, предсказанія, примѣты, встрѣчи, въ счастливые и несчастные дни, въ преслѣдованіе или благоволеніе судьбы, въ значительность жизни, однимъ словомъ. Онъ даже вѣрилъ въ какіе-то „климатерическіе" годы, о которыхъ кто-то упомянулъ при немъ и значеніе которыхъ онъ самъ не понималъ хорошенько. Фатальнымъ людямъ настоящаго закала не слѣдуетъ высказывать подобныя вѣрованія: они должны внушать ихъ другимъ.... Но Тѣглева, съ *этой* стороны, зналъ я одинъ.

V.

Однажды, помнится, въ самый Ильинъ день, 20-го іюля, я поѣхалъ гостить къ брату — и не засталъ его: на цѣлую недѣлю куда-то откомандировали. Вернуться въ

Петербургъ я не хотѣлъ; потаскался съ ружьемъ по окрестнымъ болотцамъ, убилъ парочку бекасовъ, а вечеръ провелъ съ Тѣглевымъ, подъ навѣсомъ пустого сарая, въ которомъ онъ устроилъ, какъ онъ выражался, лѣтнюю свою резиденцію. Мы покалякали кой-о-чемъ, а впрочемъ бо̀льшей частью пили чай, курили трубки и разговаривали то съ хозяиномъ, обрусѣвшимъ чухонцемъ, то съ мотавшимся около баттареи разнощикомъ, продавцемъ „пельциновъ, лимоновъ хоро-о-шихъ", милымъ человѣкомъ и балагуромъ, который, кромѣ другихъ талантовъ умѣлъ играть на гитарѣ и разсказывалъ намъ о несчастной любви, которую онъ въ „младости" питалъ къ дочери хожалаго. Войдя въ лѣта, этотъ Донъ-Жуанъ въ александрійской рубахѣ уже не зналъ несчастныхъ привязанностей. Передъ воротами нашего сарая разстилалась, постепенно углубляясь, широкая равнина: маленькая рѣчка блистала мѣстами въ извилинахъ ложбинъ; дальше, на небосклонѣ виднѣлись низкіе лѣса. Ночь приближалась, и мы остались одни. Вмѣстѣ съ ночью спускался на землю тонкій, сырой паръ, который все болѣе и болѣе разростаясь, превратился наконецъ въ густой туманъ. На небо взошелъ мѣсяцъ: весь туманъ проникнулся насквозь и какъ бы позлатился его сіяніемъ. Все странно передвинулось, закуталось и смѣшалось; далекое казалось близкимъ, близкое далекимъ, большое малымъ, малое большимъ.... все стало свѣтло и неясно. Мы словно перенеслись въ сказочное царство, въ царство бѣло-золотистой мглы, тишины глубокой, чуткаго сна.... И какъ таинственно, какими серебристыми искорками сквозили сверху звѣзды! Мы оба умолкли. Фантастическій о̀бликъ этой ночи подѣйствовалъ на насъ: онъ настроилъ насъ на фантастическое.

VI.

Тѣглевъ первый заговорилъ, съ обычными запинками, недомолвками и повтореніями, о предчувствіяхъ.... о привидѣніяхъ. Въ такую точно ночь, по его словамъ, одинъ его знакомый студентъ, только-что поступившій въ гувернеры къ двумъ сиротамъ и помѣщенный съ ними въ павильонѣ, въ саду,—увидалъ женскую фигуру, наклоненную надъ ихъ постелями, и на слѣдующій день узналъ эту фигуру въ незамѣченномъ имъ до тѣхъ поръ портретѣ, изображавшемъ мать этихъ самыхъ сиротъ. Потомъ Тѣглевъ разсказалъ мнѣ, будто родителямъ его, за нѣсколько дней до ихъ гибели, все чудился шумъ воды; будто дѣдушка его въ бородинскомъ сраженіи избавился отъ смерти тѣмъ, что, увидавъ на землѣ простой сѣрый голышъ, внезапно нагнулся и поднялъ его—а въ это самое мгновенье картечь пролетѣла надъ его головою и сломила его длинный черный султанъ. Тѣглевъ даже обѣщался показать мнѣ этотъ самый голышъ, спасшій его дѣда и вдѣланный имъ въ медальонъ. Потомъ онъ упомянулъ о призваніи каждаго человѣка и о своемъ въ особенности, и прибавилъ, что онъ досель въ него вѣритъ, и что, если въ немъ когда-нибудь на этотъ счетъ возникнутъ сомнѣнія, то онъ съумѣетъ раздѣлаться съ ними и съ жизнью, ибо жизнь тогда потеряетъ для него всякое значеніе. „Вы, можетъ быть, полагаете, промолвилъ онъ, искоса глянувъ на меня, что на это у меня не хватитъ духа? Вы меня не знаете.... У меня воля желѣзная!“

„Хорошо сказано“, подумалъ я про себя.

Тѣглевъ задумался, глубоко вздохнулъ и, выпустивъ изъ руки чубукъ, объявилъ мнѣ, что нынѣшній день для него очень важный.—Нынче Ильинъ день—я именинникъ.... Это.... это для меня всегда тяжелая пора.

Я ничего не отвѣчалъ и только глядѣлъ на него, какъ онъ сидѣлъ передо мною, согнутый, сутулый, неповоротливый, съ уставленнымъ на землю сонливымъ и насмурнымъ взоромъ.

— Сегодня, продолжалъ онъ, одна старушка нищая (Тѣглевъ не пропускалъ ни одного нищаго, не подавъ ему милостыни) сказала мнѣ, что она о моей душенькѣ помолится.... Развѣ это не странно?

„Охота же человѣку все съ собою возиться!“ подумалъ я опять. Я долженъ однако прибавить, что въ послѣднее время я сталъ замѣчать необычное выраженіе заботы и тревоги на лицѣ Тѣглева, и не „фатальная“ то была меланхолія: его что-то дѣйствительно грызло и мучило. И въ этотъ разъ меня поразила унылость, распространенная по его чертамъ. Ужъ не начинали ли возникать въ немъ тѣ сомнѣнья, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. Мнѣ сказывали товарищи Тѣглева, что онъ, незадолго передъ тѣмъ, подавалъ начальству проектъ о какихъ-то переформированіяхъ „по лафетной части“, и что этотъ проектъ былъ ему возвращенъ съ „надписью“, т. е. съ выговоромъ. Зная его характеръ, я не сомнѣвался въ томъ, что подобное пренебреженіе начальства глубоко его оскорбило. Но то, что мнѣ чудилось въ Тѣглевѣ, походило болѣе на грусть, имѣло болѣе личный оттѣнокъ.

— Однако, сыро становится, промолвилъ онъ вдругъ, и повелъ плечами. Пойдемте въ избу—да и спать пора. У него была привычка поводить плечами и поворачивать голову со стороны на сторону, точно ему галстухъ становился тѣснымъ, причемъ онъ бралъ правой рукою за горло. Характеръ Тѣглева выражался—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось — въ этомъ тоскливомъ и нервическомъ движеніи. Ему тоже было тѣсно на свѣтѣ.

Мы вернулись въ избу и легли, каждый на лавкѣ, онъ въ красномъ углу, я—въ переднемъ, на постланномъ сѣнѣ.

VII.

Тѣглевъ долго ворочался на своей лавкѣ, и я не могъ заснуть. Разсказни ли его взволновали мои нервы, странная ли эта ночь раздражала мою кровь—не знаю, только я заснуть не могъ. Всякое даже желаніе сна исчезло наконецъ, и я лежалъ съ раскрытыми глазами, да думалъ, напряженно думалъ, Богъ знаетъ о чемъ, о самыхъ безсмысленныхъ пустякахъ, — какъ это всегда бываетъ во время безсонницы. Переворачиваясь съ боку на бокъ, я протянулъ руки.... Палецъ мой ударился объ одно изъ бревенъ стѣны. Раздался слабый, но гулкій и какъ бы протяжный звукъ.... Я, должно быть, попалъ на пустое мѣсто.

Я вторично ударилъ пальцемъ.... уже нарочно. Звукъ повторился. Я еще.... Вдругъ Тѣглевъ приподнялъ голову.

— Ридель, промолвилъ онъ, слышите, кто-то стучитъ подъ окномъ.

Я притворился спящимъ. Мнѣ вдругъ пришла охота потрунить надъ моимъ фатальнымъ товарищемъ. Все равно—мнѣ не спалось.

Онъ опустилъ голову на подушку. Я подождалъ немного и опять постучалъ три раза сряду.

Тѣглевъ опять приподнялся и сталъ прислушиваться.

Я постучалъ опять. Я лежалъ къ нему лицомъ, но мою руку онъ не могъ видѣть.... я ее назадъ закинулъ, подъ одѣяло.

— Ридель! крикнулъ Тѣглевъ.

Я не отозвался.

— Ридель! повторилъ онъ громко.—Ридель!

— А? Что такое? проговорилъ я, словно съ просонья.

— Вы не слышите, кто-то все стучитъ подъ окномъ. Въ избу, что ли, проспится.

— Прохожій.... пролепеталъ я.

— Такъ надо его впустить, или узнать, что̀ за человѣкъ!

Но я уже не отвѣчалъ и снова притворился спящимъ.

Прошло нѣсколько минутъ.... Я опять за свое....

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!...“

Тѣглевъ тотчасъ выпрямился и сталъ слушать.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ! Стукъ.... стукъ.... стукъ!“

Сквозь полузакрытые вѣки, при бѣлесоватомъ свѣтѣ ночи, я хорошо могъ видѣть всѣ его движенья. Онъ обращалъ лицо то къ окну, то къ двери. Дѣйствительно, трудно было понять, откуда шелъ звукъ: онъ словно облеталъ комнату, словно скользилъ вдоль стѣнъ. Я случайно попалъ на акустическую жилку.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!...“

— Ридель! закричалъ, наконецъ, Тѣглевъ. — Ридель! Ридель!

— Да что̀ такое? промолвилъ я, зѣвая.

— Неужели вы ничего не слышите! Стучитъ кто-то!

— Ну, Богъ съ нимъ! отвѣтилъ я, и опять показалъ видъ, что заснулъ, захрапѣлъ даже....

Тѣглевъ успокоился.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!...“

— Кто тамъ? закричалъ Тѣглевъ.—Войди!

Никто, разумѣется, не отвѣчалъ.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!“

Тѣглевъ вскочилъ съ постели, открылъ окно, и, высунувъ голову наружу, дикимъ голосомъ спросилъ: „Кто тамъ? Кто стучитъ?“ Потомъ онъ отворилъ дверь и повторилъ свой вопросъ. Въ отдаленіи проржала лошадь— и только.

Онъ вернулся къ своей постели....

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!“

Тѣглевъ мгновенно перевернулся и сѣлъ.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!“

Тѣглевъ проворно надѣлъ сапоги, накинулъ шинель на плечи, и, отцѣпивъ со стѣны саблю, вышелъ изъ избы. Я слышалъ, какъ онъ два раза обошелъ ее кругомъ, и все спрашивалъ: Кто тутъ? Кто тутъ ходитъ? Кто стучитъ?“ Потомъ онъ вдругъ умолкъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ на улицѣ, недалеко отъ угла, гдѣ я лежалъ, и ужъ ни слова больше не говоря, вернулся въ избу и легъ, не раздѣваясь.

„Стукъ.... стукъ.... стукъ!“ началъ я снова. „Стукъ.... стукъ.... стукъ!

Но Тѣглевъ не шевелился, не спрашивалъ: кто стучитъ? а только подперъ голову рукою.

Видя, что *это* больше не дѣйствуетъ, я спустя немного времени, притворился, что просыпаюсь и вглядѣвшись въ Тѣглева, принялъ удивленный видъ.

— Вы развѣ куда ходили? спросилъ я.

— Да, равнодушно отвѣчалъ онъ.

— Вы все продолжали слышать стукъ?

— Да.

— И никого не встрѣтили?

— Нѣтъ.

— И стукъ прекратился?

— Не знаю. Теперь мнѣ все равно.

— Теперь? Почему же именно теперь?

Тѣглевъ не отвѣчалъ.

Мнѣ стало немножко совѣстно и немножко досадно на него. Сознаться въ своей шалости я, однако, не рѣшался.

— Знаете ли что? началъ я: — я убѣжденъ, что все это—одно ваше воображеніе.

Тѣглевъ нахмурился. — А! вы полагаете!

— Вы говорите: вы слышали стукъ....

— Я не одинъ стукъ слышалъ, перебилъ онъ меня.

— Что-же еще?

Тѣглевъ качнулся впередъ — и закусилъ губы. Онъ видимо колебался....

— Меня звали! промолвилъ онъ, наконецъ, въ полголоса и отвернулъ лицо.

— Васъ звали? Кто же васъ звалъ?

— Одна.... Тѣглевъ продолжалъ глядѣть въ сторону.— Одно существо, про которое я до-сихъ поръ только полагалъ, что оно умерло.... а теперь я это навѣрное знаю.

— Клянусь вамъ, Илья Степанычъ, воскликнулъ я это все одно воображеніе!

— Воображеніе? повторилъ онъ. Хотите сами убѣдиться на дѣлѣ?

— Хочу.

— Ну, такъ выйдемте на улицу.

VIII.

Я наскоро одѣлся и вмѣстѣ съ Тѣглевымъ вышелъ изъ избы. Противъ нея, по ту сторону улицы, не было домовъ—а тянулся низкій, мѣстами сломанный, плетень, за которымъ начинался довольно крутой спускъ на равнину. Туманъ по прежнему окутывалъ всѣ предметы—и за двадцать шаговъ почти ничего не было видно. Мы съ Тѣглевымъ дошли до плетня —и остановились.

— Вотъ, здѣсь, промолвилъ онъ, и понурилъ голову. Стойте, молчите—и слушайте! Я, такъ же, какъ онъ, приникъ ухомъ—и кромѣ обычнаго, до крайности слабаго, но повсемѣстнаго ночного гула, этого дыханья ночи—не услышалъ ничего. Нѣсколько переглядываясь другъ съ другомъ, простояли мы неподвижно нѣсколько минутъ—и уже собирались идти дальше....

„Илюша!“ почудился мнѣ шопотъ изъ-за плетня.

Я глянулъ на Тѣглева — но онъ, казалось, ничего не слыхалъ — и по прежнему держалъ голову понуро.

„Плюша.... а Плюша....“ раздалось явственѣе прежняго—настолько явственно, что можно было понять: эти слова произнесла женщина.

Мы оба разомъ вздрогнули — и уставились другъ на друга.

— Что? спросилъ меня шопотомъ Тѣглевъ. Теперь не будете сомнѣваться?

— Постойте, отвѣчалъ я ему такъ же тихо—это еще ничего не доказываетъ. Надо посмотрѣть—нѣтъ ли кого? Какой-нибудь шутникъ....

Я перескочилъ черезъ плетень—и пошелъ по тому направленію, откуда, сколько я могъ судить, пропесся голосъ.

Подъ ногами я почувствовалъ мягкую, рыхлую землю: длинныя полосы грядъ пропадали въ туманѣ. Я находился въ огородѣ. Но ничего не шевелилось ни вокругъ меня, ни впереди. Все какъ бы замерло въ онѣмѣніи сна. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ.

— Кто тутъ! закричалъ я не хуже Тѣглева.

„Ррррръ!“ вспугнутый перепелъ выскочилъ изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ—и полетѣлъ прочь, прямо, какъ пуля. Я невольно пошатнулся.... Что за глупость!

Я глянулъ назадъ. Тѣглевъ виднѣлся на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я его оставилъ. Я приблизился къ нему.

— Напрасно вы будете звать, промолвилъ онъ. Этотъ голосъ дошелъ до насъ.... до меня.... издалека.

Онъ провелъ рукой по лицу—и тихими шагами направился черезъ улицу домой. Но я не хотѣлъ такъ скоро сдаться—и вернулся въ огородъ. Что дѣйствительно кто-то три раза кликнулъ „Плюшу“—въ этомъ я никакъ сомнѣваться не могъ: что въ этомъ зовѣ было что-то жалобное и таинственное—въ этомъ я тоже долженъ былъ самому себѣ признаться.... Но кто знаетъ, быть можетъ, все

это только казалось непонятнымъ—а на дѣлѣ объяснялось такъ же просто, какъ и тотъ стукъ, который взволновалъ Тѣглева?

Я отправился вдоль плетня, отъ времени до времени останавливаясь и посматривая кругомъ. Подлѣ самаго плетня, въ недальнемъ разстояніи отъ нашей избы, росла старая кудрявая ветла: большимъ чернымъ пятномъ выдавалась она среди общей бѣлизны тумана, той тусклой бѣлизны, которая хуже темноты слѣпитъ и притупляетъ взоръ. Вдругъ мнѣ почудилось, будто что-то, довольно крупное, живое, ворохнулось на землѣ возлѣ той ветлы. Съ восклицаніемъ: „Стой! Кто это?“ бросился я впередъ. Послышались легкіе, словно заячьи шаги; мимо меня быстро шмыгнула скорченная фигура, мужская ли, женская ли—я разобрать не могъ.... Я хотѣлъ схватить ее—но не успѣлъ, споткнулся, упалъ и обжогъ лицо о крапиву. Приподнимаясь и опираясь на землю, я почувствовалъ что-то жесткое подъ рукою: то былъ рѣзной мѣдный гребешокъ на шнуркѣ, въ родѣ тѣхъ, которые наши крестьяне носятъ на поясѣ.

Дальнѣйшія мои разысканія остались тщетными—и я съ гребешкомъ въ рукѣ и съ острёканными щеками вернулся въ избу.

IX.

Я засталъ Тѣглева сидящимъ на лавкѣ. Передъ нимъ на столѣ горѣла свѣчка—и онъ что-то записывалъ въ небольшой альбомчикъ, который постоянно носилъ съ собою. Увидавъ меня, онъ проворно сунулъ альбомчикъ въ карманъ и принялся набивать трубку.

— Вотъ, батюшка, началъ я — какой трофей я изъ моего похода принесъ! Я показалъ ему гребешокъ и разсказалъ, что со мной случилось около ветлы.—Я, должно

быть, вора вспугнулъ, прибавилъ я. Вы слышали—вчера у нашего сосѣда украли лошадь?

Тѣглевъ холодно улыбнулся и закурилъ трубку. Я усѣлся возлѣ него.

— И вы все по прежнему увѣрены, Илья Степанычъ, промолвилъ я—что голосъ, который мы слышали, прилетѣлъ изъ тѣхъ невѣдомыхъ странъ....

Онъ остановилъ меня повелительнымъ движеніемъ руки.

— Ридель, началъ онъ,—мнѣ не до шутокъ — и потому прошу васъ также не шутить.

Тѣглеву дѣйствительно было не до шутокъ. Лицо его измѣнилось. Оно казалось блѣдиѣе, выразительиѣе — и длиниѣе. Его странные, „разные“ глаза тихо блуждали.

— Не думалъ я, заговорилъ онъ снова, что я когда-нибудь сообщу другому.... другому человѣку то, что вы сейчасъ услышите, и что должно было умереть.... да, умереть въ груди моей; но, видно, такъ нужно — да и выбору мнѣ нѣтъ. Судьба! Слушайте.

И онъ сообщилъ мнѣ цѣлую исторію.

Я уже сказалъ вамъ, господа, что повѣствователь онъ былъ плохой; но не однимъ неумѣньемъ передавать случившіяся съ нимъ самимъ событія поразилъ онъ меня въ ту ночь; самый звукъ его голоса, его взгляды, движенія, которыя онъ производилъ пальцами, руками—все въ немъ, однимъ словомъ, казалось неестественнымъ, ненужнымъ, фальшью наконецъ. Я былъ еще очень молодъ и неопытенъ тогда—и не зналъ, что привычка риторически выражаться, ложность интонацій и манеръ до того можетъ въѣсться въ человѣка, что онъ уже никакъ не въ состояніи отдѣлаться отъ нея: это своего рода проклятіе. Въ послѣдствіи времени мнѣ случилось встрѣтиться съ одной дамой, которая такимъ напыщеннымъ языкомъ, съ такими театральными жестами, съ такимъ мелодраматическимъ трясеніемъ головы и закатываніемъ глазъ разсказывала мнѣ о впечатлѣніи,

произведеномъ на нее смертью ея сына—объ ея „неизмѣримомъ" горѣ, объ ея страхѣ за собственный разсудокъ, что я подумалъ про себя: „Какъ эта барыня вретъ и ломается! Она своего сына вовсе не любила!" А недѣлю спустя я узналъ, что бѣдная женщина дѣйствительно съ ума сошла. Съ тѣхъ поръ я сталъ гораздо осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ и гораздо меньше довѣрялъ собственнымъ впечатлѣніямъ.

X.

Исторія, которую разсказалъ мнѣ Тѣглевъ, была вкратцѣ слѣдующая. У него въ Петербургѣ, кромѣ сановнаго дяди, жила тетка, женщина не сановная—но съ состояніемъ. Будучи бездѣтной, она взяла къ себѣ въ пріемыши дѣвочку, сиротку, изъ мѣщанскаго сословія, дала ей приличное воспитаніе—и обращалась съ ней, какъ съ дочерью. Звали ее Машей. Тѣглевъ видѣлся съ нею чуть не каждый день. Кончилось тѣмъ, что они оба другъ въ друга влюбились, и Маша отдалась ему. Это вышло наружу. Тетка Тѣглева страшно разсердилась, съ позоромъ прогнала несчастную дѣвушку изъ своего дома—и переѣхала въ Москву, гдѣ взяла барышню изъ благородныхъ къ себѣ въ воспитанницы и наслѣдницы. Вернувшись къ прежнимъ родственникамъ, людямъ бѣднымъ и пьянымъ, — Маша терпѣла участь горькую. Тѣглевъ обѣщался жениться на ней—и не исполнилъ своего обѣщанія. Въ послѣднее свое свиданіе съ нею—онъ принужденъ былъ высказаться: она хотѣла узнать правду—и добилась ея. „Ну, промолвила она—коли мнѣ не быть твоей женою, такъ я знаю, что мнѣ остается сдѣлать". Съ этого послѣдняго свиданья прошло недѣли двѣ слишкомъ.

— Я ни на минуту не обманывался на счетъ значенія

ея послѣднихъ словъ, прибавилъ Тѣглевъ; я увѣренъ, что она покончила съ жизнью, и.... и что это былъ *ея* голосъ, что это *она* звала меня туда.... за собою.... Я *узналъ* ея голосъ.... Что-жъ: одинъ конецъ!

— Но отчего же вы не женились на ней, Илья Степанычъ? спросилъ я. Вы ее разлюбили?

— Нѣтъ; я до сихъ-поръ люблю ее страстно!

Тутъ я, господа, уставился на Тѣглева. Вспомнился мнѣ другой мой знакомый, человѣкъ очень смышленый, который, обладая весьма некрасивой, неумной и небогатой женой—и будучи очень несчастливъ въ супружествѣ—на сдѣланный ему при мнѣ вопросъ: почему же онъ женился? вѣроятно, по любви?—отвѣчалъ: „Вовсе не по любви! А такъ!“ А тутъ Тѣглевъ любитъ страстно дѣвушку и не женится. Что-жъ? и это тоже—такъ?!

— Отчего же вы не женитесь? спросилъ я вторично.

Сонливо-странные глаза Тѣглева забѣгали по столу.

— Этого.... въ немногихъ словахъ.... не скажешь, началъ онъ, запинаясь. Были причины.... Да притомъ она.... мѣщанка. Ну, и дядя.... я долженъ былъ принять и его въ соображеніе.

— Дядю вашего? вскрикнулъ я. Но на какой чортъ вамъ вашъ дядя, котораго вы только и видите, что въ новый годъ, когда съ поздравленіемъ ѣздите? На его богатство разсчитываете? Да у него самого чуть не дюжина дѣтей!

Я говорилъ съ жаромъ.... Тѣглева покоробило, и онъ покраснѣлъ.... покраснѣлъ неровно, пятнами....

— Прошу не читать мнѣ нотацій — промолвилъ онъ глухо. Впрочемъ, я не оправдываюсь. Загубилъ я ея жизнь—и теперь надо будетъ долгъ выплатить....

Онъ опустилъ голову—и умолкъ. Я тоже ничего сказать не нашелся.

XI.

Такъ мы сидѣли съ четверть часа. Онъ глядѣлъ въ сторону, а я глядѣлъ на него—и замѣтилъ, что волосы у него надо лбомъ какъ-то особенно приподнялись и завились кудрями, что̀ по замѣчанію одного военнаго лекаря, на рукахъ котораго перебывало много раненыхъ, всегда служитъ признакомъ сильнаго и сухого жара въ мозгахъ.... Опять мнѣ пришло въ голову, что надъ этимъ человѣкомъ дѣйствительно тяготѣетъ рука судьбы, и что товарищи его не даромъ видѣли въ немъ нѣчто фатальное. И въ то же время я внутренно осуждалъ его. „Мѣщанка! думалось мнѣ:—да какой же ты аристократъ?“

— Можетъ быть, вы меня осуждаете, Ридель, началъ вдругъ Тѣглевъ, какъ бы угадавъ, о чемъ я думалъ. Мнѣ самому.... очень тяжело. Но какъ быть? Какъ быть?

Онъ опершя подбородкомъ на ладонь и принялся покусывать широкіе и плоскіе ногти своихъ короткихъ и красныхъ, какъ желѣзо твердыхъ пальцевъ.

— Я того мнѣнія, Илья Степанычъ, что надо вамъ сперва удостовѣриться. точно ли ваши предположенія справедливы.... Быть можетъ, ваша любезная здравствуетъ. („Сказать ему о настоящей причинѣ стука?“ мелькнуло у меня въ головѣ.... „Нѣтъ—послѣ“).

— Она мнѣ ни разу не писала съ тѣхъ поръ, какъ мы въ лагерѣ, замѣтилъ Тѣглевъ.

— Это еще ничего не доказываетъ, Илья Степанычъ.

Тѣглевъ махнулъ рукою. — Нѣтъ! ея уже навѣрное больше на свѣтѣ нѣтъ. Она меня звала....

Онъ вдругъ повернулся лицомъ къ окну.—Опять кто-то стучитъ!

Я невольно засмѣялся. — Ну, ужъ извините, Илья Сте-

ванычъ! На сей разъ это у васъ нервы. Видите: разсѣтаетъ. Черезъ десять минутъ солнце взойдетъ — теперь уже четвертый часъ—а привидѣнья днемъ не дѣйствуютъ.

Тѣглевъ бросилъ на меня сумрачный взглядъ, и промолвилъ сквозь зубы: „прощайте-съ“—легъ на лавку и повернулся ко мнѣ спиною.

Я тоже легъ—и, помнится, прежде чѣмъ заснулъ, подумалъ, что къ чему это Тѣглевъ все намекаетъ на то, что намѣренъ.... лишить себя жизни? Что за вздоръ, что за фраза! По собственной волѣ не женился.... бросилъ.... а тутъ вдругъ убить себя хочетъ! Смысла нѣтъ человѣческаго! Нельзя не порисоваться!

Съ этими мыслями я заснулъ очень крѣпко—и когда я открылъ глаза, солнце стояло уже высоко на небѣ — и Тѣглева не было въ избѣ....

Онъ, по словамъ его слуги, уѣхалъ въ городъ.

XII.

Я провелъ весьма томительный и скучный день. Тѣглевъ не возвратился ни къ обѣду, ни къ ужину; брата я и не ожидалъ. Къ вечеру опять распространился густой туманъ, еще пуще вчерашняго. Я легъ спать довольно рано. Стукъ подъ окномъ разбудилъ меня.

Пришла *моя* очередь вздрогнуть.

Стукъ повторился—да такъ настойчиво-явственно, что сомнѣваться въ его дѣйствительности было невозможно. Я всталъ, отворилъ окно и увидалъ Тѣглева. Закутанный шинелью, въ надвинутой на глаза фуражкѣ, онъ стоялъ неподвижно.

— Илья Степанычъ! воскликнулъ я — это вы? Мы прождались васъ. Войдите. Али дверь заперта?

Тѣглевъ отрицательно покачалъ головою.—Я не намѣренъ войти, произнесъ онъ глухо: — я хотѣлъ только попросить васъ передать завтра это письмо баттарейному командиру.

Онъ протянулъ мнѣ большой куверть, запечатанный пятью печатями. Я изумился—однако машинально взялъ куверть. Тѣглевъ тотчасъ отошелъ на середину улицы.

— Постойте, постойте, началъ я.... Куда же вы? Вы только теперь пріѣхали? И что это за письмо?

— Вы обѣщаетесь доставить его по адресу? промолвилъ Тѣглевъ и отступилъ еще на нѣсколько шаговъ. Туманъ запушилъ очертанія его фигуры.—Обѣщаетесь?

— Обѣщаюсь.... но сперва....

Тѣглевъ отодвинулся еще дальше—и сталъ продолговатымъ, темнымъ пятномъ.—Прощайте! раздался его голосъ. Прощайте, Ридель, не поминайте меня лихомъ.... И Семена не забудьте....

И самое пятно исчезло.

Это было слишкомъ. „О, фразеръ проклятый!“ подумалъ я. „Нужно же тебѣ все на эффектъ бить!“ Однако мнѣ стало жутко; невольный страхъ стѣснилъ мнѣ грудь. Я накинулъ шинель—и выбѣжалъ на улицу.

XIII.

Да; но куда было идти? Туманъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ. На пять, на шесть шаговъ вокругъ онъ еще сквозилъ немного—а дальше такъ и громоздился стѣною, рыхлый и бѣлый, какъ вата. Я взялъ направо по улицѣ деревушки, которая тутъ же прекращалась! наша изба была предпослѣдняя съ краю, а тамъ начиналось пустынное поле, кое-гдѣ поросшее кустами; за полемъ, съ четверть версты отъ деревни, находилась березовая рощица—и черезъ нее

протекала та самая рѣчка, которая нѣсколько ниже огибала деревню. Все это я зналъ хорошо, потому что много разъ видѣлъ все это днемъ; теперь же я ничего не видѣлъ—и только по бо̀льшей густотѣ и бѣлизнѣ тумана могъ догадываться, гдѣ опускалась почва и протекала рѣчка. На небѣ блѣднымъ пятномъ стоялъ мѣсяцъ—но свѣтъ его не въ силахъ былъ, какъ прошлую ночь, одолѣть дымную плотность тумана и висѣлъ наверху широкимъ, матовымъ по̀логомъ. Я выбрался на поле—прислушался.... Нигдѣ ни звука, только кулички посвистывали.

— Тѣглевъ! крикнулъ я. Илья Степанычъ!! Тѣглевъ!!

Голосъ мой замиралъ вокругъ меня безъ отвѣта; казалось, самый туманъ не пускалъ его дальше. Тѣглевъ! повторилъ я.

Никто не отозвался.

Я пошелъ впередъ на-обумъ. Раза два я наткнулся на плетень, разъ чуть не свалился въ канаву, чуть не споткнулся о лежавшую на землѣ крестьянскую лошаденку...— Тѣглевъ! Тѣглевъ! кричалъ я.

Вдругъ, позади меня, въ самомъ близкомъ разстояніи, послышался негромкій голосъ:—Ну, вотъ я.... Что вы хотите отъ меня?

Я быстро обернулся....

Передо мною, съ опущенными руками, безъ фуражки на головѣ, стоялъ Тѣглевъ. Лицо его было блѣдно: но глаза казались оживленными и больше обыкновеннаго.... Онъ протяжно и сильно дышалъ сквозь раскрытыя губы!

— Слава Богу! воскликнулъ я въ порывѣ радости—и схватилъ его за обѣ руки.... Слава Богу! Я уже отчаявался найти васъ. И не стыдно вамъ такъ пугать меня? Илья Степанычъ, помилуйте!

— Что вы хотите отъ меня? повторилъ Тѣглевъ.

— Я хочу.... я хочу, во-первыхъ, чтобы вы вмѣстѣ со мною вернулись домой. А во-вторыхъ, я хочу, я требую,

требую отъ васъ, какъ отъ друга, чтобы вы немедленно мнѣ объяснили, что̀ значатъ ваши поступки— и это письмо къ полковнику? Развѣ съ вами въ Петербургѣ случилось что-нибудь неожиданное?

— Я въ Петербургѣ нашелъ именно то, что̀ ожидалъ, отвѣчалъ Тѣглевъ, все не трогаясь съ мѣста.

— То-есть.... вы хотите сказать.... ваша знакомая.... эта Маша....

— Она лишила себя жизни.—торопливо и какъ бы со злостью подхватилъ Тѣглевъ. Третьяго дня ее похоронили. Она не оставила мнѣ даже записки. Она отравилась.

Тѣглевъ поспѣшно произносилъ эти страшныя слова— а самъ все стоялъ неподвижно, какъ каменный.

Я всплеснулъ руками. — Неужели? Какое несчастье! Ваше предчувствіе сбылось.... Это ужасно!

Въ смущеніи, я умолкъ. Тѣглевъ тихо и какъ бы съ торжествомъ скрестилъ руки.

— Однако, началъ я. что же мы стоимъ здѣсь? Пойдемте домой.

— Пойдемте, сказалъ Тѣглевъ. Но какъ мы найдемъ дорогу въ этомъ туманѣ?

— Въ нашей избѣ огонь въ окнахъ свѣтитъ — мы и будемъ держаться на него. Пойдемте.

— Ступайте впередъ, отвѣтилъ Тѣглевъ. Я за вами.

Мы отправились. Минутъ съ пять или мы — и путеводный нашъ свѣтъ не показывался: наконецъ, онъ блеснулъ впереди двумя красными точками. Тѣглевъ мѣрно выступалъ за мною. Мнѣ ужасно хотѣлось поскорѣй добраться домой и узнать отъ него всѣ подробности его несчастной поѣздки въ Петербургъ. Пораженный тѣмъ, что̀ онъ сказалъ мнѣ, я, въ припадкѣ раскаянія и нѣкотораго суевѣрнаго страха, не дойдя еще до нашей избы, сознался ему. что вчерашній таинственный стукъ производилъ я.... и какой трагическій оборотъ приняла эта шутка!

Тѣглевъ ограничился замѣчаніемъ, что я тутъ не при чемъ—что рукой моей водило нѣчто другое—и что это только доказываетъ, какъ мало я его знаю. Голосъ его, странно-спокойный и ровный, звучалъ надъ самымъ моимъ ухомъ.—Но вы меня узнаете, прибавилъ онъ. Я видѣлъ, какъ вы вчера улыбнулись, когда я упомянулъ о силѣ воли. Вы меня узнаете—и вы вспомните мои слова.

Первая изба деревни, какъ нѣкое темное чудище, выплыла изъ тумана передъ нами.... вотъ, выныряла и вторая, наша изба—и моя лягавая собака залаяла, вѣроятно, почуявши меня.

Я постучалъ въ окошко.—Семенъ! крикнулъ я Тѣглевскому слугѣ:—эй, Семенъ! отвори намъ поскорѣй калитку.

Калитка стукнула и распахнулась; Семенъ шагнулъ черезъ порогъ. — Илья Степанычъ, пожалуйте, промолвилъ я и оглянулся....

Но никакого Ильи Степаныча уже не было за мною. Тѣглевъ исчезъ, словно въ землю провалился.

Я вошелъ въ избу, какъ ошалѣлый.

XIV.

Досада на Тѣглева, на самого себя, смѣнила изумленіе, которое сначала овладѣло мною.—Сумасшедшій твой баринъ! накинулся я на Семена: какъ есть сумасшедшій! Поскакалъ въ Петербургъ, потомъ вернулся—да и бѣжать зря! Я-было залучилъ его, до самыхъ воротъ привелъ—и вдругъ.... хвать! опять удралъ! Въ этакую ночь не сидѣть дома! Нашелъ время гулять!

„И зачѣмъ это я выпустилъ его руку?" укорялъ я самого себя.

Семенъ молча поглядывалъ на меня, какъ бы собираясь

сказать что-то—но, по обычаю тогдашнихъ слугъ, только потоптался немножко на мѣстѣ.

— Въ которомъ часу онъ уѣхалъ въ городъ? спросилъ я строго.

— Въ шесть часовъ утра.

— И что же—онъ казался озабоченнымъ, грустнымъ?

Семенъ потупился. — Нашъ баринъ — мудреный, началъ онъ: кто его понять можетъ?—Какъ собрался въ городъ, новый мундиръ подать себѣ велѣлъ — ну, и завился.

— Какъ завился?

— Волосы завилъ. Я имъ и щипцы приспособлялъ.

Этого я, признаюсь, не ожидалъ.—Извѣстна тебѣ одна барышня, спросилъ я Семена. — Ильи Степаныча пріятельница—зовутъ ее Машей?

— Какъ намъ Марьи Аемподистовны не знать! Барышня хорошая.

— Твой баринъ въ нее влюбленъ, въ эту Марью.... ну, и такъ далѣе.

Семенъ вздохнулъ. — Отъ этой самой отъ барышни и пропадать Ильѣ Степанычу. Потому: любятъ они ее ужаственно—а въ супружество взять не рѣшаются—и бросить ее тоже жаль. Отъ этого отъ самаго ихняго малодушія. Ужъ очень они ее любятъ.

— Да что, она—хорошенькая? полюбопытствовалъ я.

Семенъ принялъ серьезный видъ. — Господа такихъ любятъ.

— А на твой вкусъ?

— Для насъ.... статья не подходящая— вовсе.

— А что?

— Тѣломъ очепно худы.

— Если-бы она умерла, началъ я снова — ты полагаешь, Илья Степанычъ ея не пережилъ бы?

Семенъ опять вздохнулъ.—Этого мы сказать не смѣ-

емъ—дѣло господское.... а только баринъ нашъ — мудреный!

Я взялъ со стола большое и довольно толстое письмо, отданное мнѣ Тѣглевымъ, повертѣлъ его въ рукахъ.... Адресъ на имя „его высокородія, господина баттарейнаго командира, полковника и кавалера“; съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи — былъ очень чётко и тщательно написанъ. Въ верхнемъ углу куверта стояло слово: „нужное“, дважды подчеркнутое.

— Послушай, Семенъ, началъ я. Я боюсь за твоего барина. У него, кажется, недобрыя мысли на умѣ. Надо будетъ отыскать его непремѣнно.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Семенъ.

— Правда, на дворѣ туманъ такой, что на два аршина ничего разсмотрѣть нельзя; но все равно: надо попытаться. Мы возьмемъ по фонарю—а въ каждомъ окнѣ зажжемъ по свѣчкѣ—на всякій случай.

— Слушаю-съ, повторилъ Семенъ, зажегъ фонари и свѣчки—и мы отправились.

XV.

Какъ мы съ нимъ блуждали, какъ путались—это передать невозможно! Фонари нисколько не помогали намъ; они нисколько не разгоняли той бѣлой, почти свѣтлой мглы, которая насъ окружала. Мы съ Семеномъ нѣсколько разъ теряли другъ друга, несмотря на то, что перекликались, аукались и то и дѣло взывали—я: „Тѣглевъ! Илья Степанычъ!“ — онъ: „Господинъ Тѣглевъ! Ваше благородіе!“—Туманъ до того сбивалъ насъ съ толку, что мы бродили, какъ во снѣ;—мы оба скоро охрипли: сырость проникала до самаго дна груди. Кое-какъ мы опять, по милости свѣчекъ въ окнахъ, сошлись у избы. Наши сово-

кунные поиски ни къ чему не повели—мы только связывали другъ друга—а потому мы и положили уже не думать о томъ, какъ бы не разбиться—а идти каждому своей дорогой. Онъ взялъ налѣво, я направо, и скоро пересталъ слышать его голосъ. Туманъ, казалось, пробрался въ самую мою голову—и я бродилъ какъ отуманенный, да только покрикивалъ: Тѣглевъ! Тѣглевъ!

— Я! раздалось вдругъ мнѣ въ отвѣтъ.

Батюшки! какъ я обрадовался! какъ бросился туда, гдѣ послышался мнѣ голосъ.... Человѣческая фигура зачернѣла впереди.... я къ ней.... Наконецъ-то!

— Но, вмѣсто Тѣглева, я увидѣлъ передъ собою другого офицера той же баттареи, котораго звали Телешевымъ.

— Это *вы* мнѣ отозвались? спросилъ я его.

— А это *вы* меня звали? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Нѣтъ; я звалъ Тѣглева.

— Тѣглева? Да я сію минуту его встрѣтилъ. Какая дурацкая ночь! Никакъ къ себѣ домой не попадешь.

— Вы видѣли Тѣглева? куда онъ шелъ?

— Кажись — туда! Офицеръ провелъ рукой по воздуху. — Но теперь ничего понять нельзя. Вотъ, напр., извѣстно ли вамъ, гдѣ деревня? Одно спасеніе—собака залаетъ. Предурацкая ночь? Позвольте закурить сигарку... все-таки, какъ будто путь себѣ освѣщаешь.

Офицеръ былъ, сколько я замѣтилъ, немного навеселѣ.

— Вамъ Тѣглевъ ничего не сказалъ? спросилъ я.

— Какъ же! Я ему говорю: братъ, здорово! а онъ мнѣ: прощай, братъ!—Какъ прощай? Почему прощай?—Да я, говоритъ, хочу сейчасъ застрѣлиться изъ пистолета.—Чудакъ!

У меня духъ захватило. — Вы говорите, онъ вамъ сказалъ....

— Чудакъ! повторилъ офицеръ и поплелся отъ меня прочь.

Не успѣлъ я еще придти въ себя отъ заявленія офицера—какъ мое собственное имя, нѣсколько разъ съ усиліемъ выкрикнутое, поразило мой слухъ. Я узналъ голосъ Семена.

Я отозвался.... Онъ подошелъ ко мнѣ.

XVI.

— Ну, что? спросилъ я его. Нашелъ ты Илью Степаныча?

— Нашелъ-съ.

— Гдѣ?

— А тутъ, недалече.

— Какъ же ты.... нашелъ его? Онъ живъ?

— Помилуйте — я съ ними разговаривалъ. (У меня отъ сердца отлегло). Сидятъ подъ березкой, въ шинели.... и ничего. Я имъ докладываю: пожалуйте-молъ, Илья Степанычъ, на квартиру: Александръ Васильичъ очень о васъ безпокоются. А они мнѣ говорятъ: охота ему безпокоиться! Я на чистомъ воздухѣ быть желаю. У меня голова болитъ. Ступай-молъ домой. А я приду послѣ.

— И ты ушелъ? воскликнулъ я и всплеснулъ руками.

— А то какъ же-съ? Приказали идти.... какъ же я останусь?

Всѣ мои страхи ко мнѣ вернулись разомъ.

— Сію минуту веди меня къ нему — слышишь? Сію минуту! Эхъ, Семенъ, Семенъ, не ожидалъ я этого отъ тебя! Ты говоришь, онъ недалеко отсюда?

— Близехонько, вотъ гдѣ роща началась—тутъ и сидятъ. Отъ рѣчки—отъ берегу—сажени съ двѣ, не больше. Я по рѣчкѣ ихъ и нашелъ.

— Ну веди, веди!

Семенъ отправился впередъ. — Вотъ, извольте, по-

жалуйте.... Только къ рѣчкѣ спуститься — а тамъ сейчасъ....

Но вмѣсто того, чтобы спуститься къ рѣчкѣ — мы зашли въ какую-то ложбину и очутились передъ пустымъ сарайчикомъ....

— Э! стой! воскликнулъ вдругъ Семенъ. Это я, знать, вираво забралъ.... Надо будетъ сюда, полѣвѣе....

Мы пошли полѣвѣе—и попали въ такой густой бурьянъ, что едва могли выбраться.... сколько я помнилъ, вблизи нашей деревни и не было нигдѣ такого силошного бурьяна. А тамъ вдругъ болото захлюпало у насъ подъ ногами, показались круглыя, моховыя кочки, которыхъ я тоже никогда не видалъ.... Мы пошли назадъ—передъ нами выросъ крутой холмикъ, а на холмикѣ стоитъ шалашъ и въ немъ хранитъ кто-то. Мы съ Семеномъ нѣсколько разъ крикнули въ шалашъ: что-то заворочалось въ его глубинѣ, затрещала солома—и хриплый голосъ произнесъ: кар-раул-лю!

Мы опять назадъ.... поле, поле, безконечное поле....

Я готовъ былъ заплакать.... Вспомнились мнѣ слова шута въ „Королѣ Лирѣ:“—„эта ночь насъ всѣхъ съ ума сведетъ, наконецъ“....

— Куда-жъ идти? обратился я съ отчаяніемъ къ Семену.

— Насъ, баринъ, знать, лѣшій обошелъ, отвѣчалъ растерявшійся слуга. Это не спроста.... Дѣло это нечистое!

Я-было хотѣлъ прикрикнуть на него—но въ это мгновенье до слуха моего долетѣлъ отдѣльный, негромкій звукъ, который тотчасъ привлекъ все мое вниманіе. Что-то слабо пукнуло, вотъ, какъ если-бъ кто вытащилъ тугую пробку изъ узкаго горлышка бутылки. Раздался этотъ звукъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Почему этотъ звукъ показался мнѣ особеннымъ и страннымъ—я сказать не умѣю—но я тотчасъ пошелъ по его направленію.

Семенъ послѣдовалъ за мною. Черезъ нѣсколько мгно-

вечій, что-то высокое и широкое зачернѣло сквозь туманъ.

— Роща! вотъ она, роща! воскликнулъ радостно Семенъ: да, вонъ.... вонъ и баринъ сидитъ подъ березой.... Гдѣ я его оставилъ,—тамъ и сидитъ. Онъ самый и есть!

Я вглядѣлся. Дѣйствительно: на землѣ, у корня березы, спиною къ намъ, неуклюже сгорбившись, сидѣлъ человѣкъ. Я быстро приблизился къ нему—и узналъ шинель Тѣглева, узналъ его фигуру, его наклоненную на грудь голову. Тѣглевъ! кликнулъ я.... но онъ не отозвался.

— Тѣглевъ! повторилъ я — и положилъ ему руку на плечо.

Тогда онъ вдругъ покачнулся впередъ, послушно и скоро, словно онъ ожидалъ моего толчка и повалился на траву. Мы съ Семеномъ тотчасъ его подняли и повернули лицомъ кверху. Оно не было блѣдно, но безжизненно-неподвижно: стиснутые зубы обѣлѣли—а глаза, тоже неподвижные и незакрытые, сохранили обычный, сонливый и „разный“ взглядъ....

— Господи! промолвилъ вдругъ Семенъ—и показалъ мнѣ свою обагренную кровью руку.... Кровь эта выходила изъ-подъ разстегнутой шинели Тѣглева, съ лѣвой стороны его груди.

Онъ застрѣлился изъ небольшого одноствольнаго пистолета, который лежалъ тутъ-же, возлѣ него. Слабый звукъ, слышанный мною — былъ звукъ, произведенный роковымъ выстрѣломъ.

XVII.

Самоубійство Тѣглева не слишкомъ удивило его товарищей. Я уже сказывалъ вамъ, что, по ихъ понятію, онъ, какъ человѣкъ „фатальный“, долженъ былъ выкинуть какую-нибудь необыкновенную штуку, хотя именно этой

штуки они, быть можетъ, отъ него и не ожидали. Въ письмѣ къ баттарейному командиру онъ просилъ его, во-первыхъ: распорядиться о выключеніи изъ списковъ подпоручика Ильи Тѣглева, яко самовольно умершаго, причемъ онъ заявлялъ, что у него въ шкатулкѣ найдется больше наличныхъ денегъ, чѣмъ сколько на немъ можетъ оказаться долговъ: а во-вторыхъ: доставить важному лицу, командовавшему тогда всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, другое, незапечатанное письмо, находившееся въ томъ же конвертѣ. Это второе письмо мы, разумѣется, всѣ прочитали: нѣкоторые изъ насъ взяли съ него копіи. Тѣглевъ видимо трудился надъ сочиненіемъ этого письма. „Вотъ, Ваше В—ство (такъ, помнится, начиналось оно), какъ вы бываете строги и взыскиваете за малѣйшую неисправность въ мундирѣ, за ничтожнѣйшее отступленіе отъ формы, когда къ вамъ является блѣдный, трепещущій офицеръ: а вотъ, я теперь являюсь передъ нашего общаго, неподкупнаго, неумытнаго Судію, передъ Верховное Существо, передъ Существо, которое неизмѣримо значительнѣе даже Вашего В—ства, и являюсь запросто, въ шинели, даже безъ галстуха на шеѣ“.... Ахъ, какое тяжелое и непріятное впечатлѣніе произвела на меня эта фраза, каждое слово, каждая буква которой старательно были выведены дѣтскимъ почеркомъ покойнаго! Неужели, спрашивалъ я самого себя, неужели стоило придумывать такой вздоръ въ такую минуту? А Тѣглеву, очевидно, понравилась эта фраза: онъ для нея пустилъ въ ходъ всѣ бывшія тогда въ модѣ нагроможденія эпитетовъ и амплификацій à la Марлинскій. Дальше онъ упомянулъ о судьбѣ, о гоненіяхъ, о своемъ призваніи, которое такъ и осталось неисполненнымъ, о тайнѣ, которую онъ унесетъ въ могилу, о людяхъ, которые не хотѣли его понять; приводилъ даже стихи какого-то поэта, который говорилъ о толпѣ, что она носитъ жизнь „какъ опейникъ“ —и въ порокъ въѣдается. „какъ репейникъ“—и все это не безъ орографическихъ

ошибокъ. Правду сказать, это предсмертное письмо бѣднаго Тѣглева было довольно пошло — и я воображаю презрительное недоумѣніе высокой особы, на имя которой оно было адресовано — воображаю, какимъ тономъ она произнесла: „дрянной офицеръ! дурную траву изъ поля вонъ!“ Передъ самымъ только концомъ письма вырвался изъ сердца Тѣглева искренній крикъ. Ахъ, Ваше В—ство! такъ заключалъ онъ свое посланіе—я сирота, меня некому было любить съ молоду—и всѣ меня чуждались.... а единственное сердце, которое отдалось мнѣ — я самъ загубилъ!“

Въ карманѣ шинели у Тѣглева Семенъ нашелъ альбомчикъ, съ которымъ его господинъ не разставался. Но почти всѣ листы были вырваны; уцѣлѣлъ только одинъ, на которомъ стояло слѣдующее вычисленіе:

Наполеонъ род. 15-го августа 1769 года.

1769
15
8 (августъ—8-й мѣс. въ году).
Итого 1792
1
7
9
2
Итого **19!**

Илья Тѣглевъ род. 7-го января 1811 года.

1811
7
1 (январь—1-й мѣс. въ году).
Итого 1819
1
8
1
9
Итого **19!**

Наполеонъ умеръ 5-го мая 1825 года.

1825
5
5 (май—5-й мѣс. въ году).
Итого 1835
1
8
3
5
Итого **17!**

Илья Тѣглевъ умеръ 21-го іюля 1834 года.

1834
21
7 (іюль—7-й мѣс. въ году).
Итого 1862
1
8
6
2
Итого **17!**

Бѣднякъ! ужъ не оттого ли онъ и пошелъ въ артиллеристы?

Его похоронили, какъ убійцу—внѣ кладбища—и немедленно о немъ позабыли.

XVIII.

На другой день послѣ похоронъ Тѣглева (я находился еще въ деревнѣ, въ ожиданіи брата) Семенъ вошелъ въ избу и доложилъ, что Илья желаетъ меня видѣть.

— Какой Илья? спросилъ я.

— А нашъ разнощикъ.

Я велѣлъ позвать его.

Онъ явился. Пожалѣлъ слегка о господинѣ подпоручикѣ; удивился, что̀ молъ это съ нимъ такое попритчилось....

— Онъ остался тебѣ долженъ? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ. Они что забирали — все сейчасъ выплачивали въ аккуратѣ. А вотъ что-съ.... Тутъ разнощикъ осклабился.—Досталась вамъ одна моя вещица....

— Какая такая вещица?

— А самая вотъ эта-съ. Онъ показалъ пальцемъ на рѣзной гребешокъ, лежавшій на туалетномъ столикѣ.— Вещица малой важности-съ, продолжалъ балагуръ — но какъ я ее получилъ въ подарокъ....

Я вдругъ поднялъ голову. Меня какъ свѣтомъ озарило.

— Твое имя Илья?

— Точно такъ-съ.

— Такъ уже это не тебя ли я.... намедни.... подъ ветлою?

Разнощикъ подмигнулъ глазомъ и еще пуще осклабился.

— Меня-съ.

— И это *тебя* звали?....

— Меня-съ, повторилъ разнощикъ съ игривой скромностью. Тутъ есть одна дѣвица, продолжалъ онъ фальцетомъ, которая, по причинѣ очень большой строгости со стороны родителей....

— Хорошо, хорошо, перебилъ я его, вручилъ ему гребешокъ и выпроводилъ его вонъ.

Такъ вотъ кто былъ „Илюша“ — подумалъ я—и погрузился въ философическія разсужденія, которыя я, впрочемъ, вамъ навязывать не стану, ибо никому не намѣренъ мѣшать вѣрить въ судьбу, предопредѣленіе и прочія фатальности.

Вернувшись въ Петербургъ, я собралъ свѣдѣнія о Машѣ. Я даже отыскалъ доктора, который ее лечилъ. Къ изумленію моему я услышалъ отъ него, что она умерла не отъ отравы, а отъ холеры! Я сообщилъ ему то, что̀ слышалъ отъ Тѣглева.

— Э! э! воскликнулъ вдругъ докторъ. Этотъ Тѣглевъ— артиллерійскій офицеръ, средняго роста, сутулый, пришепетываетъ?

— Да.

— Ну, такъ и есть. Этотъ господинъ отъявился ко мнѣ— я его тутъ въ первый разъ увидѣлъ—и началъ настаивать на томъ, что та дѣвушка отравилась. „Холера“, говорю я; „ядъ“, говоритъ онъ. „Да холера же“, говорю я; „да ядъ же“, говоритъ онъ. Я вижу, человѣкъ какой-то словно помѣшанный, съ широкимъ затылкомъ, значитъ упрямый, пристаетъ ко мнѣ не съ короткимъ.... Все равно, думаю, субъектъ вѣдь номеръ.... Ну, говорю, отравилась она, коли вамъ этакъ пріятнѣе. Онъ поблагодарилъ меня, даже руку пожалъ—и скрылся.

Я разсказалъ доктору, какимъ образомъ этотъ самый офицеръ въ тотъ же самый день застрѣлился.

Докторъ даже бровью не повелъ— а только замѣтилъ, что на свѣтѣ чудаки бываютъ разные.

— Бываютъ, повторилъ за нимъ и я.

Да, справедливо сказалъ кто-то про самоубійцъ: пока они не исполнятъ своего намѣренія—никто имъ не вѣритъ; а исполнятъ—никто о нихъ не пожалѣетъ.

Баденъ-Баденъ. — 1870.

ПУНИНЪ И БАБУРИНЪ.

Разсказъ Петра Петровича Б.

....Я теперь и старъ, и боленъ—и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда—зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ; лѣтомъ, расхаживая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ,—припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ раннее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки—мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ—и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа....

Но стану разсказывать по порядку и въ связи.

I.

1830 г.

Старый лакей Филиппычъ вошелъ, по обыкновенію, на цыпочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстукомъ, съ крѣпко стиснутыми—„чтобы не отдавало духомъ“ —

губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба: вошелъ, поклонился и подалъ на желѣзномъ подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо....

— Самъ онъ тутъ? спросила она.

— Чего изволите? робко проговорилъ Филиппычъ.

— Безтолковый! Тотъ, кто привёзъ письмо—тутъ?

— Тутот-ка, тутот-ка.... Въ конторѣ сидитъ.

Бабушка погремѣла своими янтарными чётками.... — Вели ему явиться.... А ты, сударь, обратилась она ко мнѣ—сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минутъ пять спустя, вошелъ въ комнату человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый, съ широкоскулымъ, рябымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не соотвѣтствовали восточному складу остальнаго лица. Одѣтъ былъ вошедшій человѣкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился—одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ? спросила бабушка, и тутъ же прибавила про себя: „Il a l'air d'un arménien".

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: „твоя"—брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его „выкать", говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

— Яковъ Петровичъ, начала бабушка, въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ человѣка „тверёзаго“ и трудолюбиваго; однако, отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого.... качества? Этого я что-то не понимаю.— Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, что̀ имъ угодно было назвать странностями. Развѣ вотъ, что я.... тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась. — Неужто-жъ Яковъ Петровичъ тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія.... надъ крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки приподняла.

— А! промолвила она наконецъ, и нагнувши голову нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Бабурина. — Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно все равно; я тебя не въ прикащики прошу, а въ конторщики, въ писцы. Почеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ орографическихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ—главное, чтобы чётко

было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ буквъ съ хвостами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабуринъ помялся на мѣстѣ, кашлянулъ....

— Быть можетъ.... господинъ помѣщикъ изволилъ намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.... но....

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живетъ одно лицо.... мужескаго пола.... товарищъ, убогій человѣкъ, съ которымъ я не разстаюсь.... вотъ уже, почитай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ—товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ, поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ-бы предупреждая возраженія.—Живетъ онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ долженъ принесть, такъ какъ грамотѣ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣетъ примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожевывая губами и щурясь.

— Онъ на твоемъ иждивеніи живетъ?

— На моемъ-съ.

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости.... такъ какъ бѣднаго человѣка обязанность есть—помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервое слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе.... а для нашего брата....

— Ну, довольно, довольно, хорошо, перебила бабушка и, подумавъ немного, промолвила въ носъ, что всегда было дурнымъ знакомъ:—А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ?—Я полагала, онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ— и притомъ....

— Довольно, вторично перебила бабушка. Ты, значитъ, филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоемъ званіи— это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да, вотъ еще на счетъ жалованья....—Que faites vous ici? прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо.—Allez étudier votre devoir de mythologie.

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился,—не изучать миѳологію, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и нескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу вереском и зорей. Лишь кое-гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣжки и свѣтлыми пятнами загорались золотые шарики „куриной слѣпоты“. Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя,—такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ!—только мнѣ одному. Выйдя изъ бабушкинаго кабинета, я прямо от-

правился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною „Швейцаріей“. Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до „Швейцаріи“, я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длинная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбленномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное, мягкое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручекъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ-бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, вглядѣлся еще внимательнѣе.... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнятъ и заставляютъ пѣть канареекъ. Сукъ хрустнулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпые глазенки въ чащу и поднятился-было.... да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте, промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня назвалъ барчукомъ. Что за фамильярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ я строго.

— А вотъ, видите, отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться.—Птичекъ на пѣніе вызываю.—Онъ показалъ мнѣ свои чашечки.—Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по

младости вашихъ лѣтъ, нѣніе пернатыхъ должно услащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать—а они за мною сейчасъ—какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно, зяблякъ отозвался на ближней рябинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе — каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, худощавыя руки, самый его картузъ, его длинный балахонъ—все въ немъ дышало добродушіемъ. чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали? спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ....

— Господинъ Бабуринъ съ барыней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня—Пунинымъ. Пунинъ моя фамилія; Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ.—Онъ опять зажужжалъ чашечками. — Слышите, слышите зяблика.... Какъ заливается!

Мнѣ этотъ чудакъ вдругъ „ужасно“ полюбился. Какъ почти всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакомъ.

— Пойдемте со мною, сказалъ я ему: я знаю мѣстечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка: мы сѣсть можемъ. и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте, отвѣчалъ на расхлѣвъ мой новый пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ переваливался. шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ воротникомъ, болталась небольшая кисточка.—Что это у васъ такое виситъ? спросилъ я.

— Гдѣ? переспросилъ онъ, и, пощупалъ воротникъ рукою.—А! Эта кисточка? Пущай ее! Значитъ, для красы пришита. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился рядомъ.—Здѣсь хорошо! промолвилъ онъ и вздохнулъ глубоко, глубоко.—Охъ, хорошохонько! Отличнѣйшій у васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него сбоку.—Какой у васъ картузъ; невольно воскликнулъ я.—Покажите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте.—Онъ снялъ картузъ; я протянулъ-было руку, но поднялъ глаза и—такъ и прыснулъ. Пушинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика не видѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза — а по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны. — Что? сказалъ онъ наконецъ.—Не правда ли, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! подхватилъ я съ восторгомъ.—И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы! — Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако я, по милости моихъ миѳологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты; тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало-быть, учились миѳологіи? спросилъ я, переворачивая въ рукахъ картузъ, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ облѣзлымъ околышкомъ и картоннымъ надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ этотъ предметъ, барчучёночекъ мой миленькій; въ жизни моей всего было достаточно! А теперь

возвратите-тка мнѣ покрышку, ею же защищается нагота главы моея.

Онъ нахлобучилъ картузъ, и перекосивъ свои бѣловатыя брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители?

— Я внукъ здѣшней помѣщицы, отвѣчалъ я. Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.

Пунинъ перекрестился.—Царство имъ небесное! Значитъ: сирота; ну, и наслѣдникъ. Дворянская-то кровь сейчасъ видна: такъ въ глазенкахъ и бѣгаетъ, такъ и играетъ... ж...ж...ж...ж... Онъ представилъ пальцами, какъ играетъ кровь.—Ну—а не знаете ли, ваше благородіе, поладилъ ли мой товарищъ съ бабенькой вашей, получилъ ли мѣсто, которое ему обѣщали?

— Этого я не знаю.

Пунинъ крякнулъ. — Эхъ! кабы здѣсь пристроиться! хотя бы на время! А то странствуешь, странствуешь, пріюта не обрѣтается, тревоги житейскія не прекращаются, душа сомущается....

— Скажите, перебилъ я его:—вы изъ духовнаго званія?

Пунинъ обернулся ко мнѣ и прищурился.—А какая сему вопросу причина, отроче мой любезный?

— Да вы такъ говорите — вотъ, какъ въ церкви читаютъ.

— Что славянскія-то рѣченія я употребляю? Но это не должно васъ удивлять. Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя рѣченья не всегда умѣстны, но какъ только воспаришь духомъ—такъ сейчасъ и слогъ является возвышѐнный. Неужто же вашъ учитель — преподаватель словесности россійской — вѣдь вамъ ее преподаютъ? — неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?

— Нѣтъ, не объясняетъ, отвѣтилъ я. Когда мы въ деревнѣ живемъ—у меня и учителя нѣтъ. Въ Москвѣ у меня много учителей.

— А долго ли вы въ деревнѣ проживать изволите?

— Мѣсяца два, не больше: бабушка говоритъ, что я въ деревнѣ балуюсь. Гувернантка со мной есть и тутъ.

— Француженка?

— Француженка.

Пупинъ почесалъ у себя за ухомъ.—Спрѣчь, мамзель?

— Да; ее зовутъ мадмуазель Фрикэ. — Мнѣ вдругъ показалось постыднымъ, что у меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, не гувернеръ, а гувернантка, точно у дѣвочки!— Да я ея не слушаюсь, прибавилъ я съ пренебреженіемъ.— Мнѣ что!

Пупинъ покачалъ головою.—Охъ, дворянчики, дворянчики! полюбились вамъ иностранчики! Отъ россійскаго вы отклонилися,—на чужое преклонилися, къ иноземцамъ обратилися....

— Что это? Вы стихами говорите? спросилъ я.

— А вы какъ полагаете? Я могу завсегда, сколько угодно; потому, сіе мнѣ природно....

Но въ это самое мгновеніе раздался въ саду, за нами, сильный и рѣзкій свистъ. Собесѣдникъ мой проворно поднялся съ лавки.—Простите, барчукъ, это товарищъ меня зоветъ, ищетъ меня.... Что-то онъ мнѣ скажетъ? простите, не взыщите....

Онъ юркнулъ въ кусты и исчезъ, а я посидѣлъ еще на скамейкѣ. Я чувствовалъ недоумѣнье и какое-то другое, довольно пріятное чувство.... я никогда еще не встрѣчался и не говорилъ съ такимъ человѣкомъ. Понемногу я размечтался, но вспомнилъ миѳологію—и побрёлъ домой.

Дома я узналъ, что бабушка согласилась съ Бабуриньмъ: ему отвели небольшую комнату въ людской избѣ, на конномъ дворѣ. Онъ тотчасъ поселился въ ней съ своимъ товарищемъ.

На другое утро, я, напившись чаю и не отпросившись у мадмуазель Фрике, отправился въ людскую избу. Мнѣ хотѣлось опять поболтать со вчерашнимъ чудакомъ. Не постучавшись въ дверь—этого обычая у насъ и въ заводѣ не было—я прямо вошелъ въ комнату. Я засталъ въ ней не того, кого я искалъ, не Пушина, а покровителя его—филантропа Бабурина. Онъ стоялъ передъ окномъ, безъ верхней одежды, широко растопырив ноги, и тщательно вытиралъ себѣ голову и шею длиннымъ полотенцемъ.

— Вамъ что угодно? промолвилъ онъ, не опуская рукъ и насупивъ брови.

— Пушина нѣтъ дома? спросилъ я самымъ развязнымъ манеромъ и не снимая шапки.

— Господина Пушина, Никандра Васильича, въ сію минуту, точно, нѣтъ дома, отвѣчалъ, не торопясь, Бабуринъ; но позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ: развѣ прилично—такъ, не спросясь, входить въ чужую комнату?

Я!... молодой человѣкъ!... какъ онъ смѣетъ!... Я вспыхнулъ отъ гнѣва.

— Вы, должно быть, меня не знаете, произнесъ я уже не развязно, а надменно:—я здѣшней барыни внукъ.

— Это мнѣ все едино, возразилъ Бабуринъ, снова принимаясь за полотенце. Вы хоть и барскій внукъ—а не имѣете права входить въ чужую комнату.

— Какая же она чужая? Что вы?! Я здѣсь—вездѣ—дома.

— Нѣтъ, извините, здѣсь дома—я; потому, что комната эта назначена мнѣ, по условію,—за мои труды.

— Не учите меня, пожалуйста, перебилъ я его: я лучше васъ знаю, что....

— Васъ надобно учить, перебилъ онъ меня въ свою очередь, потому что вы въ такомъ возрастѣ обрѣтаетесь... Я знаю свои обязанности, но и права свои знаю тоже очень

хорошо, и если вы будете продолжать такимъ образомъ со мною бесѣдовать—то мнѣ придется попросить васъ отсюда выдти....

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось наше пренираніе, если-бъ въ эту минуту, шмыгая и раскачиваясь, не вошелъ Пушинъ. Онъ, вѣроятно, догадался, по выраженію нашихъ лицъ, что между нами произошло что-то неладное, и тотчасъ обратился ко мнѣ съ самыми любезными изъявленіями радости.

— А, барчукъ! барчукъ! воскликнулъ онъ, безпорядочно взмахивая руками и заливаясь своимъ беззвучнымъ смѣхомъ: миленькій! меня навѣстить пришелъ! пришелъ, миленькій! (Что это? подумалъ я: неужто же онъ мнѣ— „ты“ говоритъ?) Ну, пойдемъ, пойдемъ со мною въ садъ. Я тамъ нѣчто такое нашелъ.... Что въ духотѣ сидѣть-то! пойдемъ.

Я послѣдовалъ за Пушинымъ, однако на порогѣ двери почелъ за нужное обернуться и бросить вызывающій взоръ на Бабурина. Я, молъ, тебя не боюсь!

Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и даже фукнулъ въ полотенце—вѣроятно, для того, чтобы хорошенько дать мнѣ почувствовать, до какой степени онъ меня презираетъ!

— Какой нахалъ вашъ пріятель! сказалъ я Пушину, какъ только дверь затворилась за мною.

Пушинъ чуть не съ испугомъ поворотилъ ко мнѣ свое пухлое лицо.

— Это вы о комъ такъ выражаетесь? спросилъ онъ, выпуча глаза.

— Да, конечно, о немъ.... какъ вы его называете? объ этомъ.... Бабуринѣ.

— О Парамонѣ Семеновичѣ?

— Ну, да; вотъ объ этомъ.... черномазомъ.

— Э.... э.... э...! промолвилъ съ ласковой укоризной Пушинъ.—Какъ это вы можете такъ говорить, барчукъ

барчукъ!—Наранонъ Семенычъ человѣкъ достойнѣйшій, строжайшихъ правилъ, изъ ряду вонъ! Ну, конечно,—себя онъ въ обиду не дастъ, потому—цѣну себѣ знаетъ. Большими познаніями обладаетъ сей человѣкъ—и не такое бы ему занимать мѣсто! Съ нимъ, мой миленькій, надо обходиться вѣжливенько, вѣдь онъ.... тутъ Пунинъ наклонился къ самому моему уху—республиканецъ!

Я уставился на Пунина. Этого я никакъ не ожидалъ. Изъ учебника Кайданова и другихъ историческихъ сочиненій я вычиталъ, что существовали когда-то, въ древности, республиканцы, греки и римляне, и даже почему-то воображалъ ихъ всѣхъ въ шлемахъ, съ круглыми щитами на рукахъ и голыми большими ногами: но чтобы въ дѣйствительности, въ настоящее время, особенно въ Россіи, въ ....ой губерніи, могли находиться республиканцы—это сбивало всѣ мои понятія, совершенно путало ихъ!

— Да, мой миленькій, да: Наранонъ Семенычъ республиканецъ, повторилъ Пунинъ; вотъ, вы и знайте впередъ, какъ о такомъ человѣкѣ отзываться! — А теперь пойдемте въ садъ. Представьте, что я тамъ нашелъ! Кукушкино яйцо въ гнѣздѣ у горихвостки! чудеса!

Я отправился въ садъ вмѣстѣ съ Пунинымъ; но мысленно все твердилъ: республиканецъ! рес...пу...бликанецъ!

„То-то, рѣшилъ я, наконецъ. — у него такая синяя борода!“

Мои отношенія къ этимъ двумъ личностямъ—Пунину и Бабурину—опредѣлились окончательно съ самаго того дня. Бабуринъ возбуждалъ во мнѣ чувство враждебное, къ которому, однако, въ скоромъ времени примѣшалось нѣчто похожее на уваженіе. И боялся же я его! Я не переставалъ бояться его даже тогда, когда въ его обращеніи со мною исчезла прежняя рѣзкая строгость. Нечего говорить, что я

Пушина не боялся; я даже не уважалъ его, я считалъ его — говоря безъ обиняковъ—за шута; но полюбилъ я его всею душою! Проводить цѣлые часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его разсказы — стало для меня истиннымъ наслажденьемъ. Бабушкѣ очень не нравилась эта „intimité“ съ человѣкомъ изъ „простецовъ“—„du comtoir;“ но я, какъ только мнѣ удавалось урваться, тотчасъ бѣжалъ къ моему забавному, дорогому, страшному другу. Свиданія наши стали особенно часты послѣ удаленія мадмуазель Фрикэ, которую бабушка отправила обратно въ Москву въ наказаніе за то, что она вздумала пожаловаться заѣзжему армейскому штабсъ-капитану на скуку, господствовавшую въ нашемъ домѣ. И Пушинъ, съ своей стороны, не тяготился продолжительными бесѣдами съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ: онъ словно самъ искалъ ихъ. Сколько переслушалъ я его разсказовъ, сидя съ нимъ въ пахучей тѣни, на сухой и гладкой травѣ, подъ навѣсомъ серебристыхъ тополей, или въ камышахъ надъ прудомъ, на крупномъ и сыроватомъ песку обвалившагося берега, изъ котораго, страшно сплетаясь, какъ большія черныя жилы, какъ змѣи, какъ выходцы подземнаго царства, торчали узловатые коренья! Пушинъ въ подробности разсказалъ мнѣ свою жизнь, всѣ свои счастливые и несчастные случаи, которымъ я всегда такъ искренно сочувствовалъ! Его отецъ былъ дьякономъ; — „чудесный былъ человѣкъ — однако, подъ хмѣлемъ строгъ до безпамятства“.

Самъ Пушинъ учился въ семинаріи; но, не выдержавъ „пропиціи“ и не ощущая въ себѣ расположенія къ духовному званію, сдѣлался міряниномъ, вслѣдствіе чего произошелъ всѣ мытарства и сталъ, наконецъ, бродягой. —„И не встрѣться я съ благодѣтелемъ моимъ Парамономъ Семенычемъ“, прибавлялъ обыкновенно Пушинъ—(онъ иначе не величалъ Бабурина)—„погрязъ бы я въ пучинѣ бѣдствій, безобразія и пороковъ!“ Пушинъ любилъ высокопарныя вы-

ражéнія—и если не ко лжи, то къ сочинительству и преувеличиванію поползновеніе имѣлъ сильное; всему-то онъ дивился, отъ всего приходилъ въ восторгъ.... И я, въ подражаніе ему, тоже пускался преувеличивать и восторгаться.—„Да ты какой-то бѣсноватый сталъ—перекрестись, что ты это“,—говаривала мнѣ старая няня. Разсказы Пушина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мною. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой, и, украдкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ, мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ, мы сидимъ уже рядкомъ, вотъ, уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плесени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія глядку я въ лицо, въ губы Пушина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ польется сладостная рѣчь! Раздаются, наконецъ, первые звуки чтенія! Всё вокругъ исчезаетъ.... нѣтъ, не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго!—Эти деревья, эти зеленыя листья, эти высокія травы заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остальнаго міра; никто не знаетъ, гдѣ мы, что̀ мы—а съ нами поэзія, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у насъ происходитъ важное, великое, тайное дѣло.... Пушинъ преимущественно придерживался стиховъ—звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить

за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Ноэя! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, въ полголоса, какъ-бы бормоча.... Это онъ называлъ читать на-черно; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ набѣло, и вдругъ вскочитъ, подниметъ руки—не то молитвенно, не то поучительно.... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пушину по вкусу)—но даже „Россіаду" Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая „Россіада", меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня: теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось! —„Да", говаривалъ бывало Пушинъ, значительно кивая головою: „Херасковъ—тотъ спуску не дастъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ—просто, зашибетъ.... Только держись!... Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ—вонъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ! За то ужъ и имя ему дано! одно слово: Херрасковъ!!" Ломоносова Пушинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели пиита. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а „кантами;" всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвернуться отъ Пушина—онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки,—либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣ-

довать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ.... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, восѣвать каны.... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкалъ....

Пушинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья.

Увы! всѣ эти попытки и волненія, и восторги, наши уединенныя чтенія, наша жизнь вдвоемъ, наша поэзія— все покончилось разомъ. Какъ громовой ударъ, на насъ внезапно обрушилась бѣда.

Бабушка во всемъ любила чистоту и порядокъ, ни дать ни взять—тогдашніе исполнительные генералы; въ чистотѣ и порядкѣ долженъ былъ содержаться и садъ нашъ. А потому отъ времени до времени въ него „нагоняли“ безтягольныхъ мужиковъ-бобылей, занятыхъ или опальныхъ дворовыхъ — и заставляли ихъ чистить дорожки, полоть гряды, просѣвать и разрыхлять землю подъ клумбы и т. п. Вотъ, однажды, въ самый разгаръ именно такого пригона, бабушка отправилась въ садъ, и меня съ собой взяла. Вездѣ, между деревьевъ, по луговинамъ, мелькали бѣлыя, красныя, сѣрыя рубахи: всюду слышался скрежетъ и лязгъ скребущихъ лопатъ, глухой стукъ земляныхъ комьевъ о косопоставленныя сита. Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень,

съ испитымъ лицомъ и впалыми тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь прорванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это? спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы.... про кого.... изволите.... заслепталъ было Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что̀ волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ, стоитъ—не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ.... Э.... э.... это Ермилъ, Павла Аоанасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Аоанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но, внезапно впавъ въ немилость, такъ же внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше, кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудъ муки мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

— Ага! промолвила бабушка: яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что̀ изъ-подлобья смотрятъ, — не надобно.

Бабушка вернулась домой—и распорядилась. Часа черезъ три, Ермила, совершенно „снаряженнаго“, привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, видѣлась крестьянская телѣжёнка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! — Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съеженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана,

подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета, и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго сельскаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ ту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ, дневальный казачекъ и я.

Бабушка качнула головою сверху внизъ....

— Сударыня, раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ. Я оглянулся. Лицо у Бабурина покраснѣло.... покраснѣло до темноты; подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острыя точки.... Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: „Сударыня!“

Бабушка тоже оглянулась, и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ.... говоритъ? произнесла она медленно.... въ носъ. Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня, началъ онъ: это я.... рѣшился.—Я полагалъ.... Я осмѣливаюсь доложить вамъ, что вы напрасно изволите поступать такъ.... какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть? повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь.... продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово—я изъясняюсь на счетъ этого парня, что̀ ссылается на поселеніе.... безо всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ.... и къ другимъ—чего Боже сохрани!—послѣдствіямъ—и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты.... гдѣ учился? спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія, и опустила лорнетъ.

Бабуринъ изумился. — Чего изволите-съ? пробормоталъ онъ.

— Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился? — Ты такія мудреныя слова употребляешь.

— Я.... воспитаніе мое.... началъ-было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ.—Стало-быть, перебила она, тебѣ мои распоряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно —въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю,—только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали, и не въ свое дѣло, мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтные. Такъ я до тебя жила, и послѣ тебя я такъ жить буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ. — Николай Антоновъ, обратилась бабушка къ дворецкому: — разсчитай этого человѣка: чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было! Слышишь? Не введи меня въ гнѣвъ. Да и другого, того.... дурака приживальщика съ нимъ отправить.—Чего-жъ еще Ермилка ждетъ? прибавила она, снова глянувъ въ окно.—Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ-бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо: ступайте всѣ люди вонъ!"

Всѣ мы удалились — всѣ, кромѣ казачка-дѣвальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ „человѣкомъ".

Приказъ бабушки былъ исполненъ въ точности. Къ обѣду, и Бабуринъ, и другъ мой Пушинъ, выѣхали изъ усадьбы. Не берусь описать мое горе, мое искреннее, прямо дѣтское отчаяніе. Оно было такъ сильно, что заглушало даже то чувство благоговѣйнаго удивленія, которое внушила мнѣ смѣлая выходка республиканца Бабурина. Послѣ разговора съ бабушкой, онъ тотчасъ отправился къ себѣ

въ комнату и началъ укладываться. Меня онъ не удостоивалъ ни словомъ, ни взглядомъ, хотя я все время вертѣлся около него, то-есть, въ сущности—около Пунина. Этотъ совсѣмъ потерялся—и тоже ничего не говорилъ, за то безпрестанно взглядывалъ на меня, и въ глазахъ его стояли слезы.... все одинъ и тѣ же слезы: онѣ не проливались и не высыхали. Онъ не смѣлъ осуждать своего „благодѣтеля“:—Парамонъ Семенычъ не могъ ни въ чемъ ошибиться, — но очень ему было тошно и грустно. Мы съ Пунинымъ попытались-было прочесть на прощаніе нѣчто изъ „Россіады“; мы даже запершись для этого въ чуланъ—нечего было думать идти въ садъ—но на первомъ же стихѣ запнулись оба, и я разревѣлся какъ теленокъ, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ и претензіи быть больнымъ. Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда вырастете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный.... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!“ Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду.... буду помнить, что обѣщаюсь.... сдѣлаю.... непремѣнно.... непремѣнно....

Но тутъ на Пунина, съ которымъ мы передъ тѣмъ разъ двадцать обнялись—(мои щеки горѣли отъ прикосновенія его небритой бороды, и весь я былъ пропитанъ его запахомъ) — тутъ на Пунина нашло внезапное изступленіе! Онъ вскочилъ на сидѣнье тарантаса, поднялъ обѣ руки кверху и началъ громовымъ голосомъ (откуда онъ у него взялся!) декламировать извѣстное переложеніе Давидова псалма Державинымъ, пѣтой на этотъ разъ—а не царедворцемъ:

Возсталъ Всесильный Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ!...
Доколь вамъ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы....

— Сядь! сказалъ ему Бабуринъ.

Пупинъ сѣлъ, но продолжалъ:

Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ...

Пупинъ при словѣ „сильныхъ“—указалъ пальцемъ на барскій домъ, а потомъ ткнулъ имъ въ спину сидѣвшаго на козлахъ кучера:

Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!
Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ...

Прибѣжавшій изъ барскаго дома Николай Антоновъ закричалъ во все горло кучеру: „Пошелъ! ворона! пошелъ, не зѣвай!“ и тарантасъ покатился. Только издали еще слышалось:

Воскресни, Боже, Боже правый!...
Приди, суди, карай лукавыхъ—
И будь одинъ Царемъ земли!

— Экой паяцъ! замѣтилъ Николай Антоновъ.

— Недостаточно пороли въ юности, доложилъ появившійся на крылечко дьякошъ. Онъ приходилъ освѣдомиться, въ которомъ часу угодно барынѣ назначить всенощную.

Въ тотъ же день, узнавъ, что Ермилъ находится еще на деревнѣ и только на другое утро рано препровождается въ городъ, для исполненія извѣстныхъ законныхъ фор-

мальностей, которыя, имѣя цѣлью стѣснить произволъ помѣщиковъ, служили только источникомъ добавочныхъ доходовъ для предержащихъ властей,—въ тотъ же день я отыскалъ его и, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, вручилъ ему узелокъ, въ который увязалъ два носовыхъ платка, пару стоптанныхъ башмаковъ, гребенку, старую почную рубашку и совѣмъ новенькій шелковый галстухъ. Ермилъ, котораго мнѣ пришлось разбудить—онъ лежалъ на задворкѣ, возлѣ телѣги, на охапкѣ соломы—Ермилъ довольно равнодушно, не безъ нѣкотораго даже колебанія, принялъ мой подарокъ, не поблагодарилъ меня, тутъ же уткнулъ голову въ солому и снова заснулъ. Я ушелъ отъ него нѣсколько разочарованный. Я воображалъ, что онъ изумится и возрадуется моему посѣщенію, увидитъ въ немъ залогъ моихъ будущихъ великодушныхъ намѣреній—и вмѣсто того....

— Эти люди — что̀ ни говори — безчувственны, думалось мнѣ на обратномъ пути.

Бабушка, которая почему-то оставляла меня въ покоѣ весь этотъ памятный для меня день, подозрительно оглянула меня, когда я сталъ, послѣ ужина, съ ней прощаться.

— У васъ глаза красны, замѣтила она мнѣ по-французски—и отъ васъ виномъ пахнетъ. Не буду входить въ разбирательство вашихъ чувствъ и вашихъ занятій—я не желала бы быть вынужденной наказать васъ — но надѣюсь, что вы оставите всѣ ваши глупости и будете снова вести себя, какъ прилично благородному мальчику. Впрочемъ, мы теперь скоро вернемся въ Москву, и я возьму для васъ гувернера — такъ какъ я вижу, чтобы справиться съ вами, нужна мужская рука. Ступайте.

Мы, дѣйствительно, скоро вернулись въ Москву.

II.

1837 г.

Прошло семь лѣтъ. Мы по прежнему жили въ Москвѣ — но я былъ уже второкурснымъ студентомъ—и власть бабушки, замѣтно одряхлѣвшей въ послѣдніе годы, не тяготѣла надо мною. Изо всѣхъ моихъ товарищей я особенно близко сошелся съ нѣкіимъ Тарховымъ, веселымъ и добродушнымъ малымъ. Наши привычки, наши вкусы совпадали. Тарховъ былъ большой охотникъ до поэзіи, и самъ пописывалъ стишки; во мнѣ тоже не пропали сѣмена, посѣянныя Пунинымъ. У насъ, какъ это водится между сблизившимися молодыми людьми, не было тайнъ другъ передъ другомъ. Но вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней я сталъ замѣчать въ Тарховѣ какую-то оживленность и тревогу... Онъ пропадалъ по часамъ—и я не зналъ, гдѣ онъ пропадаетъ, чего прежде никогда не случалось. Я уже собирался потребовать отъ него, во имя дружбы, полной исповѣди... Онъ самъ предупредилъ меня.

Однажды я сидѣлъ у него въ комнатѣ... „Петя",—заговорилъ онъ вдругъ, весело краснѣя и глядя мнѣ прямо въ лицо,— „я долженъ познакомить тебя съ моею Музой".

— Съ твоей музой! какъ ты странно выражаешься! Точно классикъ! (Романтизмъ находился тогда, въ 1837-мъ году, въ полномъ разгарѣ). Развѣ я съ нею давно не знакомъ—съ твоей музой! Новое стихотвореніе ты написалъ, что̀ ли?

— Ты меня не понимаешь, возразилъ Тарховъ, все продолжая смѣяться и краснѣть. — Я познакомлю тебя съ живою музой.

— А! вотъ какъ! Но почему же она—твоя?

— Да потому же... Вотъ, постой, кажется, это она идетъ сюда.

Послышался легонькій стукъ проворныхъ каблучковъ—дверь распахнулась — и на порогѣ показалась дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ нестренькомъ ситцевомъ платьецѣ, съ черной суконной мантильей на плечахъ, съ черной соломенной шляпой на бѣлокурыхъ, немного взбитыхъ волосахъ. Увидѣвъ меня, она испугалась и застыдилась, и подалась назадъ.... но Тарховъ тотчасъ вскочилъ ей на встрѣчу.

— Пожалуйста, пожалуйста, Муза Павловна, войдите: это мой закадычный пріятель, прекраснѣйшій человѣкъ—и смирный-пресмирный.... Его вамъ нечего бояться. Петя, обратился онъ ко мнѣ — рекомендую тебѣ мою Музу—Музу Павловну Виноградову, хорошую мою знакомую.

Я поклонился.

— Какъ же такъ.... Музу? началъ-было я....

Тарховъ засмѣялся.—А ты не знаешь, что въ святцахъ существуетъ такое имя? И я, братъ, не зналъ, пока вотъ не встрѣтился съ этой милой барышней. Муза! этакое имя прелестное! И такъ къ ней идетъ!

Я вторично поклонился хорошей знакомой моего пріятеля. Она отдѣлилась отъ двери, стукнула раза два и остановилась. Очень она была миловидна, но съ мнѣніемъ Тархова я согласиться не могъ, и даже подумалъ про себя: „Ну, какая она муза!“

Черты ея кругловатаго, розоваго лица были тонки и мелки: свѣжей, бойкой молодостью вѣяло отъ всей ея миніатюрной, стройной фигуры; но музу, олицетвореніе музы я въ то время—да и не я одинъ—всѣ мы, юнцы, представляли себѣ совсѣмъ иначе! Прежде всего, муза непремѣнно должна была быть черноволоса и блѣдна. Презрительно-гордое выраженіе, ѣдкая усмѣшка, вдохновенный взглядъ—и то „нѣчто“, таинственное, демоническое, фатальное—вотъ безъ чего мы не могли вообразить музу, музу Байрона, тогдашняго властителя людскихъ думъ. Ничего подобнаго не замѣчалось на лицѣ вошедшей дѣвушки.

Будь я тогда постарше, да поопытнѣе—я бы, вѣроятно, обратилъ больше вниманія на ея глаза, маленькіе, углубленные, съ припухлыми вѣками, но черные какъ агатъ, живые и свѣтлые — что рѣдко въ бѣлокурыхъ. Не поэтическія наклонности открылъ бы я въ ихъ торопливомъ, какъ-бы скользящемъ взглядѣ, а признаки страстной, до самозабвенія страстной души.... Но я былъ тогда еще очень юнъ.

Я протянулъ Музѣ Павловнѣ руку—она не подала мнѣ своей,—она не замѣтила моего движенія; сѣла на подолгинутый Тарховымъ стулъ, но шляпы и мантильи не сняла.

Ей, видимо, было неловко: мое присутствіе ее стѣсняло. Она дышала неровно и протяжно, словно воздуху въ себя набирала.

— Я къ вамъ на минуточку, Владиміръ Николаичъ, начала она,—голосъ у ней былъ очень тихій и грудной; въ ея алыхъ, почти дѣтскихъ устахъ, онъ казался немного страннымъ;—но наша мадамъ никакъ не хотѣла отпустить меня больше, чѣмъ на полчаса. Третьяго дня вамъ нездоровилось.... такъ вотъ, я подумала....

Она запнулась, наклонила голову. Осѣненные густыми, низкими бровями, неумолимо бѣгали —туда-сюда—ея темные глазки. Въ жаркое лѣто, между былинками высохшихъ травъ, попадаются такіе же темные, проворные и блестящіе жучки.

— Какая же вы милая, Муза, Музочка! воскликнулъ Тарховъ. Но посидите, посидите немножко.... Мы, вотъ, самоваръ поставимъ.

— Ахъ, нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ! какъ возможно! Я сію секунду должна уйти.

— Отдохните хоть крошечку. Вы запыхались.... Вы устали.

— Я не устала. Я.... не оттого.... Только вотъ.... дайте мнѣ другую книжку: эту я прочла.—Она достала изъ кармана истрепанный сѣрый томикъ московскаго изданія.

— Извольте, извольте. А что? понравилась она вамъ?— Рославлевъ, прибавилъ Тарховъ, обратившись ко мнѣ.

— Да. Только Юрій Милославскій, мнѣ кажется, гораздо лучше. Наша мадамъ очень строга на счетъ книгъ. Говоритъ, онѣ работать мѣшаютъ. Потому, по ея понятіямъ....

— Но вѣдь и Юрій Милославскій не чета Цыганамъ Пушкина? А? Муза Павловна? перебилъ съ улыбкой Тарховъ.

— Еще бы! Цыганы.... протянула она съ разстановкой. Ахъ, да, вотъ еще что, Владиміръ Николаичъ: завтра не приходите.... куда знаете....

— Почему же?

— Нельзя.

— Да почему?

Дѣвушка пожала плечами, и разомъ, словно что ее толкнуло, встала со стула.

— Куда же вы, Муза, Музочка, жалобно возопилъ Тарховъ. Посидите еще!

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя. — Она проворно подошла къ двери, взялась за ручку....

— Ну, хоть книжку возьмите?

— Въ другой разъ.

Тарховъ бросился къ дѣвушкѣ, но та мгновенно юркнула вонъ изъ комнаты. Онъ чуть не стукнулся носомъ о дверь.—Экая! настоящая ящерица! проговорилъ онъ не безъ досады, а потомъ задумался.

Я остался у Тархова. Надо-жъ было узнать, что все это значило. Тарховъ не сталъ скрытничать. Онъ разсказалъ мнѣ, что эта дѣвушка—мѣщаночка, швея; что недѣли три тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ ее въ модной лавкѣ, куда онъ зашелъ заказать шляпку по порученію сестры, живущей въ провинціи; что онъ съ перваго взгляда въ нее влюбился, и что ему на другой же день уда-

лось заговорить съ ней на улицѣ: что она сама къ нему, кажется, неравнодушна.

— Только ты, пожалуйста, не думай, прибавилъ онъ съ жаромъ—не воображай чего-нибудь дурного о ней. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще ничего не произошло между нами такого...

— Дурного, подхватилъ я: не сомнѣваюсь; не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ты объ этомъ искренно сожалѣешь, дружище! Потерпи—все уладится.

— Надѣюсь! промолвилъ Тарховъ со вздохомъ, хотя и сквозь зубы.—Но, право, братъ, эта дѣвушка.... Я тебѣ скажу—это типъ, знаешь, изъ новыхъ. Ты не успѣлъ разглядѣть ее хорошенько. Она дичокъ; у! какой дичокъ! И съ норовомъ! Да еще съ какимъ! Впрочемъ, самая эта дикость мнѣ въ ней нравится. Признакъ самостоятельности! Я, братъ, просто по уши въ нее врѣзался!

Тарховъ пустился толковать о своемъ „предметѣ", и прочелъ мнѣ даже начало стихотворенія, озаглавленнаго: „Моя Муза". Его сердечныя излія̀нія мнѣ не пришлись по вкусу. Я втайнѣ завидовалъ ему. Я скоро ушелъ отъ него.

Нѣсколько дней спустя, мнѣ случилось проходить по одному изъ рядовъ Гостинаго двора. День былъ субботній: покупщиковъ набралось пропасть; отовсюду, посреди давки и толкотни, раздавались зазывные крики сидѣльцевъ. Купивъ, что̀ мнѣ было нужно, я думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ ихъ назойливаго приставанья — какъ вдругъ остановился.... по невол̀ѣ: въ одной фруктовой лавкѣ я увидалъ знакомую моего пріятеля—Музу, Музу Павловну! Она стояла ко мнѣ бокомъ,—и, казалось, чего-то дожидалась. Немного поколебавшись, я рѣшился подойти и заговорить съ нею. Но не успѣлъ я переступить порогъ

лавки и снять картузъ—какъ она съ ужасомъ отпатинулась и проворно обернулась къ старичку въ фризовой шинели, которому лавочникъ отвѣшивалъ фунтъ изюму, — схватила его за руку, какъ-бы прибѣгая подъ его защиту. Тотъ, въ свою очередь, обернулся къ ней лицомъ—и представьте мое изумленіе! Кого я узнаю въ немъ? Пунина!

Да, это былъ онъ; это были его воспалённые глазки, его пухлыя губы, его повислый, мягкій носъ. Онъ даже мало измѣнился въ эти семь лѣтъ; развѣ обрюзгъ немного.

— Никандръ Вавилычъ! воскликнулъ я. Вы меня не узнаёте? — Пунинъ встрепенулся, раскрылъ ротъ, уставился на меня....

— Не имѣю чести, началъ-было онъ—и вдругъ заницалъ: троицкій барчукъ! (имѣніе моей бабушки прозывалось Троицкимъ). Неужели троицкій барчукъ? — Фунтъ изюму вывалился изъ его рукъ.

— Точно такъ, отвѣтилъ я, и, поднявъ съ полу покупку Пунина, облобызался съ нимъ.

Онъ задыхался отъ радости, отъ волненія; онъ чуть не прослезился, снялъ шапку,—причемъ я могъ убѣдиться, что послѣдніе слѣды волосковъ исчезли съ его „яйца“,— досталъ со дна ея платокъ, высморкался, занюхалъ шапку за пазуху вмѣстѣ съ изюмомъ, надѣлъ ее снова, снова уронилъ изюмъ.... Не знаю, какъ держала себя Муза за все это время: я старался на нее не глядѣть. Я не полагаю, чтобы волненіе Пунина происходило отъ излишней привязанности къ моей особѣ: просто, его натура не выдерживала никакого неожиданнаго толчка.—Нервозность бѣдняковъ!

— Пойдемте къ намъ, къ намъ, голубчикъ, залепеталъ онъ наконецъ: вѣдь вы не побрезгаете посѣтить наше скромное гнѣздышко? Вы, я вижу, студентъ....

— Помилуйте, я, напротивъ, буду очень радъ.

— Вы теперь свободны?

— Совершенно свободенъ.

— И прекрасно! Какъ Парамонъ Семенычъ будетъ доволенъ! Сегодня и онъ раньше обыкновеннаго домой возвращается, и ее, вотъ, мадамъ отпускаетъ по субботамъ. Да, постойте, извините, я совѣмъ съ панталыку сбился. Вы вѣдь съ племянницей нашей незнакомы?

Я поспѣшилъ вернуть, что не имѣлъ еще удовольствія....

— Само собой разумѣется! Гдѣ вы могли съ нею встрѣтиться! Музочка.... Замѣтьте, милостивый государь: эту дѣвицу зовутъ Музой—и это не прозвище, а настоящее ея имя.... Каково предопредѣленіе? Музочка, представляю тебя господину.... господину....

— Б...у—подсказалъ я.

— Б...у, повторилъ онъ. Музочка! Внимай! Преотличнѣйшаго, прелюбезнѣйшаго юношу видишь ты передъ собою. Меня съ ними судьба свела, когда они еще совѣмъ въ младыхъ лѣтахъ были! Прошу любить, да жаловать!

Я отвѣсилъ низкій поклонъ. Муза, красная, какъ маковъ цвѣтъ, вскинула изъ подлобья глазами и тотчасъ потупилась.

— А! подумалъ я,—ты изъ тѣхъ, что въ трудныхъ случаяхъ не блѣднѣютъ, а краснѣютъ: это къ соображенію принять слѣдуетъ!

— Не взыщите, она у насъ не модница,—замѣтилъ Пушинъ, и вышелъ изъ лавки на улицу; мы съ Музой послѣдовали за нимъ.

Домъ, въ которомъ квартировалъ Пушинъ, находился въ довольно большомъ разстояніи отъ Гостинаго двора, а именно на Садовой улицѣ. Дорогой—мой бывшій наставникъ по части поэзіи успѣлъ сообщить мнѣ не мало подроб-

постей о своемъ житьѣ-бытьѣ. Со времени нашей разлуки, и онъ, и Бабуринъ, порядкомъ поколесили по святой Руси, и только недавно, полтора года тому назадъ, нашли постоянный пріютъ въ Москвѣ. Бабурину удалось поступить главнымъ письмоводителемъ въ контору богатаго купца-фабриканта. Мѣстечко не доходное, замѣтилъ со вздохомъ Пунинъ,—работы много, пользы мало.... да что̀ будешь дѣлать? И то—слава Богу! Я тоже стараюсь пріобрѣсть кое-что перепиской, да уроками, только старанія мои до сихъ поръ остаются безуспѣшны. Почеркъ у меня, вы, можетъ, помните, старозавѣтный, для нынѣшняго вкуса непривѣтный, а что насчетъ уроковъ—много мнѣ препятствуетъ недостатокъ приличной одежды; къ тому же, я страшусь, что и въ дѣлѣ преподаванія—преподаванія россійской словесности—я такъ же на нынѣшній вкусъ непригодный; оттого-то я сижу голодный. (Пунинъ засмѣялся своимъ сиплымъ, глухимъ смѣхомъ. Онъ сохранилъ прежній, нѣсколько возвышенный, складъ рѣчи и прежнюю замашку риомовать). Всѣ къ новизнамъ, къ новизнамъ обратились! Чай, и вы старыхъ боговъ уже не почитаете, къ новымъ принадаете?

— А вы, Никандръ Вавилычъ, неужели все еще уважаете Хераскова?

Пунинъ остановился и разомъ взмахнулъ обѣими руками.

— Въ высшей степени, сударь мой! въ выс....шей сте.... пе....ни!

— И Пушкина не читаете? Пушкинъ вамъ не нравится?

Пунинъ опять вознесъ руки выше головы.

— Пушкинъ? Пушкинъ есть змѣя, скрытно въ зеленыхъ вѣтвяхъ сидящая, которой данъ гласъ соловьиный!

Пока мы такимъ образомъ бесѣдовали съ Пунинымъ, осторожно выступая по неровно-сложеннымъ кирпичнымъ

тротуарамъ „бѣлокаменной“ Москвы, той самой Москвы, въ которой нѣтъ ни одного камня, и которая вовсе не бѣла,—Муза тихонько шла съ нами рядомъ, по ту сторону отъ меня. Говоря о ней, я назвалъ ее: ваша племянница. Пунинъ помолчалъ немного, почесалъ затылокъ и сообщилъ мнѣ въ поль-голоса, что онъ называлъ ее этимъ именемъ.... только такъ; что она ему нисколько не доводится съ родни: что она сирота, найденная и призрѣнная Бабуринымъ въ городѣ Воронежѣ; но что онъ, Пунинъ, могъ бы величать ее дочерью, такъ какъ любитъ ее не хуже дочери настоящей. Я не сомнѣвался въ томъ, что, хотя Пунинъ нарочно понижалъ голосъ, Муза очень хорошо слышала все, что̀ онъ говорилъ: и сердилась-то она, и робѣла, и стыдилась: тѣни и краски перебѣгали у ней по лицу, и все на немъ слегка двигалось: вѣки и брови, и губы, и узенькія ноздри. Очень все это было мило, забавно и странно.

Но вотъ, мы достигли, наконецъ, „укромнаго гнѣздышка“. И точно: очень оно было укромно, это гнѣздышко. Оно состояло изъ небольшого, чуть въ землю не вросшаго, одноэтажнаго домика съ покривившейся тесовой крышей и четырьмя тусклыми окошечками на переднемъ фасѣ. Убранство комнатъ было самое бѣдное, не совсѣмъ даже опрятное. Между окнами и по стѣнамъ висѣло около дюжины крошечныхъ деревянныхъ клѣтокъ съ жаворонками, канарейками, щеглами, чижами. „Мои подданные!“—торжественно проговорилъ Пунинъ, указывая на нихъ пальцемъ. Не успѣли мы войти и осмотрѣться, не успѣлъ Пунинъ откомандировать Музу за самоваромъ, какъ появился и самъ Бабуринъ. Онъ показался мнѣ постарѣвшимъ гораздо больше Пунина, хотя походка его осталась твердою, и вообще выраженіе лица сохранилось; но онъ похудѣлъ, сгорбился,

щеки осунулись, и его черную, густую щетину—„сѣдой волосъ развилъ“. Меня онъ не узналъ—и никакого особеннаго удовольствія не выказалъ, когда Пунинъ назвалъ меня; онъ даже глазами не улыбнулся, едва головой кивнулъ; спросилъ—весьма небрежно и сухо—жива ли моя *бабка*—да и только. „Меня, молъ, дворянскимъ посѣщеніемъ не удивишь, и нисколько мнѣ оно не лестно“. Республиканецъ остался республиканцемъ. Муза вернулась; дряхлая старушенка внесла за нею плохо вычищенный самоваръ. Пунинъ засуетился, сталъ меня подчивать; Бабуринъ сѣлъ за столъ, подперъ голову обѣими руками и провелъ кругомъ усталый взглядъ. За чаемъ онъ, однако, разговорился. Положеніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ. „Кулакъ, не человѣкъ“,—такъ отзывался онъ о своемъ хозяинѣ: „подначальные люди для него—соръ, ничего не значущій; а самъ давно ли сермягу таскалъ? Жестокость одна, да алчность. Хуже коронной—служба! Да и вся здѣшняя торговля на одномъ надувательствѣ стоитъ и имъ только держится!“ Слушая такія невеселыя рѣчи, Пунинъ вздыхалъ сокрушенно, поддакивалъ, покачивалъ головою то сверху внизъ, то съ боку на бокъ; Муза упорно молчала.... Ее, очевидно, мучила мысль: что я такое, скромный ли человѣкъ или болтунъ? И если я скромничаю, то не съ умысломъ ли? Ея черные, быстрые, безпокойные глаза такъ и мелькали подъ полуопущенными вѣками. Только однажды взглянула она на меня, да такъ пытливо, пронзительно, почти злобно.... Я даже вздрогнулъ. Бабуринъ съ нею почти не заговаривалъ; но всякій разъ, когда онъ обращался къ ней, въ его голосѣ слышалась угрюмая, не отеческая ласка.

Пунинъ, напротивъ, то и дѣло заигрывалъ съ Музой; однако, она ему неохотно отвѣчала. Онъ называлъ ее спѣгуркой, спѣжинкой.

— Почему вы Музѣ Павловнѣ такія имена даете? спросилъ я.

Пунинъ засмѣялся.—А потому, что очень она у насъ холодная.

— Благоразумная, подхватилъ Бабуринъ: какъ слѣдуетъ быть молодой дѣвицѣ.

— Мы можемъ ее и хозяюшкой величать — воскликнулъ Пунинъ. — Ась? Парамонъ Семенычъ? — Бабуринъ нахмурился; Муза отвернулась.... Я тогда не понялъ этого намека.

Такъ прошло часа два... не очень оживленно, хотя Пунинъ всячески старался „занять честную компанію". Онъ, между прочимъ, прикорнулъ передъ клѣткой одной изъ своихъ канареекъ, раскрылъ дверцы и скомандовалъ: „На *кумполъ!* Валяй концертъ!"—Канарейка тотчасъ выпорхнула, сѣла на *кумполъ*, т. е. на голое темя Пунина и, поворачиваясь съ боку на бокъ и потрясая крылышками, защебетала изо всѣхъ силъ. Во все продолженіе концерта Пунинъ не шевелился и только пальцемъ слегка дирижировалъ, да глаза ёжилъ. Я не могъ не расхохотаться.... но ни Бабуринъ, ни Муза не смѣялись.

Передъ самымъ уходомъ моимъ Бабуринъ удивилъ меня неожиданнымъ вопросомъ. Онъ пожелалъ узнать отъ меня, какъ отъ человѣка, который занимается въ университетѣ, что за личность былъ Зенонъ и какого я о немъ понятія?

— Какой Зенонъ? спросилъ я не безъ изумленія.

— Зенонъ, древній мудрецъ. Неужели онъ остался вамъ неизвѣстнымъ?

Я смутно помнилъ имя Зенона, какъ основателя стоической школы; а, впрочемъ, рѣшительно ничего больше о немъ не зналъ.

— Да, оно былъ философъ, проговорилъ я наконецъ.

— Зенонъ, продолжалъ съ разстановкой Бабуринъ — тотъ самый есть мудрецъ, который объяснилъ, что страданіе не есть зло, ибо терпѣніе все превозмогаетъ, а добро

есть на семъ свѣтѣ одно: справедливость; да и самая добродѣтель есть не что иное, какъ справедливость.

Пунинъ съ благоговѣніемъ приникъ ухомъ.

— Сообщилъ мнѣ это изрѣченіе одинъ здѣшній обыватель, у коего много обрѣтается старинныхъ книгъ, продолжалъ Бабуринъ;—очень оно мнѣ понравилось. Но вы, я вижу, такого рода предметами не занимаетесь.

Бабуринъ сказалъ правду. Такими предметами я не занимался — точно. Со времени моего поступленія въ университетъ, я сталъ республиканцемъ не хуже самого Бабурина. О Мирабо и Робеспьерѣ я поговорилъ бы съ наслажденіемъ. Да что Робеспьеръ!... у меня надъ письменнымъ столомъ висѣли литографированные портреты Фукіэ-Тенвилля и Шаліэ! — Но Зенонъ!! — Откуда принесло Зенона?

Прощаясь со мною, Пунинъ очень настаивалъ на томъ, чтобы я посѣтилъ ихъ на слѣдующій день, въ воскресенье; Бабуринъ не приглашалъ меня вовсе, и даже замѣтилъ сквозь зубы, что бесѣда съ людьми простыми, разночинцами не можетъ мнѣ доставить большое удовольствіе, и что, вѣроятно, моей *бабкѣ* будетъ непріятно.... На этомъ словѣ я однако перебилъ его рѣчь и далъ ему понять, что бабушка мнѣ больше не указка.

— А во владѣніе имѣніями не вступили? — спросилъ Бабуринъ.

— Нѣтъ, не вступилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, и стало быть.... Бабуринъ не докончилъ начатой фразы; но я ее докончилъ за него: „стало быть, я мальчикъ“.—Прощайте, сказалъ я громко, и удалился.

Я уже выходилъ со двора на улицу.... Муза вдругъ выбѣжала изъ дому и, сунувъ мнѣ въ руку скомканную бумажку, тотчасъ скрылась. У перваго фонарнаго столба я развернулъ эту бумажку. Она оказалась запиской. Съ трудомъ разобралъ я блѣдныя, карандашемъ начертан-

ныя строки. „Ради Бога—писала мнѣ Муза—приходите завтра послѣ обѣдни въ Александровскій садъ возлѣ башни Кутафьи я буду ждать васъ не откажите мнѣ не сдѣлайте меня несчастной мнѣ непремѣнно нужно васъ видѣть". Орѳографическихъ ошибокъ въ этой запискѣ не было, но не было также знаковъ препинанія. Я вернулся домой въ недоумѣніи.

Когда, за четверть часа до назначеннаго времени, сталъ я, на слѣдующій день, подходить къ башнѣ Кутафьѣ (дѣло было въ началѣ апрѣля, почки наливались, травка зеленѣла, и воробьи шумно чирикали и дрались въ обнаженныхъ кустахъ сирени), я, къ немалому моему удивленію, увидѣлъ въ сторонкѣ, недалеко отъ ограды, Музу. Она предупредила меня. Я направился-было къ ней; но она сама пошла мнѣ на встрѣчу.

— Пойдемте къ кремлевской стѣнѣ, шепнула она утомленнымъ голосомъ, бѣгая по землѣ опущенными глазами,—а тѣ здѣсь люди.

Мы поднялись по дорожкѣ въ гору.

— Муза Павловна,—началъ-было я.... Но она тотчасъ меня перебила.

— Пожалуйста, заговорила она тѣмъ же порывистымъ и тихимъ голосомъ, — не судите меня, не думайте чего нехорошаго. Я вамъ письмо написала, свиданье назначила—потому.... я боялась.... Мнѣ вчера показалось,— вы словно все посмѣивались. — Послушайте, прибавила она съ внезапнымъ усиліемъ, и остановилась, и повернулась ко мнѣ, послушайте: если вы скажете, съ кѣмъ.... если вы назовете, у кого мы встрѣтились, я брошусь въ воду, я утонусь, я руки на себя наложу!

Она тутъ въ первый разъ взглянула на меня тѣмъ, уже знакомымъ мнѣ, пытливымъ и острымъ взглядомъ.

„А вѣдь она, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ.... чего добраго?“ подумалось мнѣ.

— Помилуйте, Муза Павловна, посѣщно промолвилъ я: какъ вы можете имѣть о мнѣ такое дурное мнѣніе? Неужели я способенъ выдать пріятеля и повредить вамъ! Да и, наконецъ, въ вашихъ отношеніяхъ, сколько я знаю, нѣтъ ничего предосудительнаго.... Ради Бога, успокойтесь.

Муза выслушала меня, не трогаясь съ мѣста и не глядя на меня болѣе.

— Я вамъ вотъ еще что̀ должна сказать, начала она, снова подвигаясь впередъ по дорожкѣ,—а то вы можете подумать: да она сумасшедшая! Я вамъ должна сказать: на мнѣ этотъ старикъ жениться хочетъ!

— Какой старикъ? Лысый? Пунинъ?

— Нѣтъ—не тотъ! другой.... Парамонъ Семенычъ.

— Бабуринъ?

— Онъ самый.

— Неужто? Онъ вамъ предложеніе сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ.

— Но вы, конечно, не согласились?

— Нѣтъ, согласилась.... потому что я тогда ничего не понимала. Теперь — другое дѣло.

Я руками всплеснулъ. — Бабуринъ — и вы! Да вѣдь ему подъ пятьдесятъ лѣтъ.

— Онъ говоритъ: сорокъ три. Да это все равно. Будь ему двадцать пять лѣтъ — я за него все-таки не выду. Что за радость! Цѣлая недѣля пройдетъ,—онъ и не улыбнется ни разу. Парамонъ Семенычъ мой благодѣтель, очень я ему обязана, онъ меня призрѣлъ, воспиталъ, я бы пропала безъ него, я должна почитать его, какъ отца.... Но женой его быть! Лучше смерть! Лучше прямо въ гробъ!

— Что это вы все о смерти упоминаете, Муза Павловна?...

Муза опять остановилась.

— Да ужъ будто жизнь таковѣ красна? Я и знакомаго то вашего, Владиміра-то Николаича, можно сказать, съ тоски, да съ печали полюбила, — а тутъ Нарамонъ Семенычъ со своими предложеніями.... Пушинъ, тотъ хотя стихами надоѣдаетъ, да не пугаетъ по крайности: не заставляетъ Карамзина читать по вечерамъ, когда у меня отъ усталости голова съ плечъ валится! И на что мнѣ эти старики? Еще холодной меня величаютъ. Съ ними — да горячей быть? Станутъ принуждать — уйду. Самъ же Нарамонъ Семенычъ все говоритъ: свобода! свобода! Ну, вотъ, и я захотѣла свободы. А то—что-жъ это такое? Всѣмъ воля, а меня въ тюрьмѣ держать? Я ему сама скажу. А коли вы меня выдадите или хоть намекнете—помните: только меня и видали!

Муза стала поперегъ дороги.

— Только меня и видали! повторила она рѣзко. Она и на этотъ разъ глазъ не подняла; она словно знала, что непремѣнно выдастъ себя, покажетъ, что у ней на душѣ, если кто ей прямо въ глаза посмотритъ.... И именно отъ того она, не иначе, какъ въ сердцахъ или съ досады поднимала взоръ—и тогда уже прямо уставлялась на человѣка, съ которымъ говорила.... Но ея небольшое, розовое, миловидное лицо дышало безповоротной рѣшимостью.

„Ну,—мелькнуло у меня въ головѣ,—Тарховъ правъ. Эта дѣвушка—новый типъ“.

— Меня вамъ нечего бояться, произнесъ я, наконецъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Даже, если.... Вотъ, вы что-то такое сказали о нашихъ отношеніяхъ.... Такъ даже въ случаѣ.... Она умолкла.

— И въ этомъ случаѣ вамъ бояться нечего, Муза Павловна. Я вамъ не судья. А тайна ваша погребена— вотъ тутъ. Я указалъ себѣ на грудь.—Повѣрьте, я умѣю цѣнить....

— Письмо мое съ вами? внезапно спросила Муза.

— Со мной.

— Гдѣ?

— Въ карманѣ.

— Отдайте мнѣ.... скорѣй, скорѣй!

Я досталъ вчерашнюю бумажку. Муза схватила ее своей жесткой ручкой, постояла немного передо мною, какъ-бы собираясь поблагодарить меня; но вдругъ вздрогнула, оглянулась и, даже не поклонившись, проворно спустилась подъ гору.

Я посмотрѣлъ въ сторону, куда она отправлялась. Не вдалекѣ отъ башни, завернутая въ альмавиву — (альмавивы были тогда въ великой модѣ), — видиѣлась фигура, въ которой я тотчасъ призналъ Тархова.

„А, братъ, — подумалъ я, — тебя, стало быть, извѣстили, если ты ее караулишь“....

И, посвистывая себѣ подъ носъ, я отправился домой.

На другое утро, я только-что успѣлъ напиться чаю, явился ко мнѣ Пунинъ. Вошелъ онъ въ комнату съ довольно смущеннымъ видомъ, началъ поклоны отвѣшивать, оглядываться, извиняться въ своей яко бы нескромности. Я поспѣшилъ его успокоить. Грѣшный человѣкъ, я вообразилъ, что Пунинъ пришелъ съ намѣреніемъ занять деньжонокъ. Но онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ стаканчикъ чайку съ ромкомъ, благо, самоваръ былъ не убранъ. — „Не безъ сердечнаго трепетанія и замиранія шелъ я къ вамъ на свиданіе.—заговорилъ онъ, откусывая кусочекъ сахара. Васъ-то я не боюсь: но стращусь вашей почтенной бабушки! Смущаетъ меня также моя одежда, какъ уже я вамъ докладывалъ“.—Пунинъ провелъ пальцемъ по бортищу своего ветхаго сюртука.— „Дома-то оно ничего, и на улицѣ тоже не бѣда; а какъ попадешь въ золоченыя палаты, — бѣдность твоя тебѣ

предстанетъ—и конфузно тебѣ станетъ!"—Я занималъ двѣ небольшія комнаты въ антресоли, и, конечно, никому не пришло бы въ голову назвать ихъ палатами, да еще золоченными; но Пушинъ, вѣроятно, говорилъ обо всемъ бабушкиномъ домѣ, который, впрочемъ, тоже не отличался роскошью. Онъ поценялъ мнѣ, зачѣмъ я не посѣтилъ ихъ наканунѣ: Парамонъ-молъ Семенычъ васъ ожидалъ, хоть и увѣрялъ, что вы ни за что̀ не придете. И Музочка тоже ждала васъ.

— Какъ? и Муза Павловна? спросилъ я.

— И она. А вѣдь миленькая у насъ проявилась дѣвица! Скажите?

— Премиленькая, подтвердилъ я.

Пушинъ съ чрезвычайной быстротой потеръ свою обнаженную голову. — „Красавица, сударь мой, перлъ или даже бриліантъ — истинно вамъ говорю". — Онъ наклонился къ самому моему уху.—„Тоже дворянская кровь", шепнулъ онъ мнѣ: „только — вы понимаете — съ лѣвой стороны: запретнаго плода вкуснено было. Ну-съ, родители померли, родственники отступились и бросили на произволъ судьбы! значитъ: отчаяніе, голодная смерть! Но тутъ вступаетъ Парамонъ Семенычъ, извѣстный, стародавній избавитель! Взялъ, одѣлъ, согрѣлъ — вывелъ птенчика; и разцвѣла наша радость! Я вамъ говорю: рѣдчайшихъ достоинствъ человѣкъ!"

Пушинъ откинулся на спинку кресла, вскинулъ руками и, снова наклонившись впередъ, снова началъ шептать, но еще таинственнѣе: „вѣдь и самъ Парамонъ Семенычъ.... Вы не знаете? онъ тоже происхожденія высокаго—и тоже съ лѣвой стороны. Говорятъ его отецъ былъ владѣтельный грузинскій князь, изъ племени Царя Давыда.... Какъ вы это понимаете? Въ немногихъ словахъ—а сколько сказано?! Кровь Царя Давыда! Каково? А по другимъ извѣстіямъ, родоначальникомъ Парамона

Семеныча былъ нѣкій индійскій шахъ Бабуръ Бѣлая Кость! Хорошо вѣдь и это? А?“

— Что-жъ? спросилъ я—и его, Бабурина, тоже бросили на произволъ судьбы?

Пушинъ опять потеръ свое темя.—Непремѣнно! И даже съ бо̀льшею жестокостью, чѣмъ нашу кралечку! Съ ранняго дѣтства — одна борьба! Я даже, признаться, по этому случаю, вдохновясь Рубапомъ, четверостишіе къ портрету Нарамона Семеныча сложилъ. Постойте.... какъ бишь? Да!

Съ пеленокъ не щадя гоненій лютыхъ рокъ
Ко краю бездны злъ Бабурина привлекъ!
Но огнь во мглѣ, златъ лучъ на гноищѣ блистаетъ,—
И се! побѣдный лавръ чело его вѣнчаетъ!

Пушинъ произнесъ эти стихи размѣреннымъ нѣжучимъ голосомъ, и на о̀, какъ и слѣдуетъ читать стихи.

— Такъ вотъ, отчего онъ республиканецъ! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, не оттого, простодушно отвѣчалъ Пушинъ.— Онъ отцу давно простилъ; но несправедливость перенести никоимъ образомъ не можетъ; чужая печаль его тревожитъ!

Я собирался навести рѣчь на то̀, что̀ я узналъ наканунѣ отъ Музы, а именно, на сватовство Бабурина, — да не зналъ, какъ приступить. Пушинъ самъ вывелъ меня изъ затрудненья.

— Вы ничего не замѣтили? спросилъ онъ меня вдругъ, лукаво прищуривъ глазки.—Какъ у насъ были? ничего особеннаго?

— Да развѣ было, что̀ замѣчать? спросилъ я въ свою очередь.

Пушинъ оглянулся черезъ плечо, какъ-бы желая удостовѣриться, что насъ никто не подслушиваетъ.—Наша красоточка, Музочка, скоро станетъ замужней дамой!

— Какъ?

— Госпожей Бабуриной, напряженно произнесъ Пунинъ, и, нѣсколько разъ ударивъ себя ладонями по колѣнямъ, закивалъ головою, какъ фарфоровый китаецъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я съ притворнымъ изумленьемъ.

Голова Пунина немедленно остановилась, и руки его замерли. — А почему же: не можетъ быть? позвольте полюбопытствовать?

— Потому, что Нарамонъ Семенычъ въ отцы бы годился вашей барышнѣ; потому, что такое различіе въ лѣтахъ исключаетъ всякую вѣроятность любви—со стороны невѣсты.

— Исключаетъ? съ азартомъ подхватилъ Пунинъ. А благодарность? А чистота сердечная? А нѣжность чувствъ? Исключаетъ!! Вы бы хоть то сообразить изволили: положимъ, Муза прекраснѣйшая дѣвица; но заслужитъ расположеніе Нарамона Семеныча, быть его утѣхой, подпорой—супругой, наконецъ! развѣ это не есть высочайшее счастіе даже для такой дѣвицы? И она это понимаетъ! Вы посмотрите, бросьте внимательный взглядъ! Музочка передъ Нарамономъ Семенычемъ вся благоговѣніе, вся трепетъ и восторгъ!

— Въ томъ-то и бѣда, Никандръ Вавилычъ, что она, какъ вы говорите, вся трепетъ. Кого любишь, передъ тѣмъ не трепещешь.

— И съ этимъ я несогласенъ! Вотъ я, напримѣръ: ужъ больше моего, кажется, невозможно любить Нарамона Семеныча, а я.... я трепещу передъ нимъ.

— Да вы—другое дѣло.

— Почему другое дѣло? почему? почему? перебилъ Пунинъ. Я просто не узнавалъ его: онъ горячился, серьёзничалъ, чуть не сердился—и не риомовалъ.—Нѣтъ, твердилъ онъ, я замѣчаю: у васъ око не проницательное! Нѣтъ! Вы не сердцевѣдецъ!—Я пересталъ ему противорѣчить....

и, чтобы придать иное направленіе разговору, предложилъ заняться, по старой памяти, чтеніемъ.

Пунинъ помолчалъ.

— Изъ прежнихъ? Изъ настоящихъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ; изъ новыхъ.

— Изъ новыхъ? повторилъ недовѣрчиво Пунинъ.

— Изъ Пушкина, отвѣчалъ я. Мнѣ вдругъ пришли въ голову „Цыгане“, о которыхъ упомянулъ недавно Тарховъ. Тамъ же, кстати, пѣсенка поётся о старомъ мужѣ. Пунинъ поворчалъ немного, но я усадилъ его на диванъ, чтобы ему было удобнѣе слушать, и принялся читать Пушкинскую поэму. Вотъ дошло дѣло до „стараго мужа, грознаго мужа;“ Пунинъ выслушалъ пѣсенку до конца— и вдругъ порывисто поднялся.

— Не могу, промолвилъ онъ съ глубокимъ, меня самого поразившимъ волненіемъ:—извините меня; не могу я слушать болѣе сего сочинителя. Онъ безнравственный нашквилянтъ, онъ лжецъ.... онъ меня смущаетъ. Не могу! Позвольте прекратить мое сегодняшнее посѣщеніе.

Я началъ уговаривать Пунина остаться; но онъ настаивалъ на своемъ съ какимъ-то тупымъ и испуганнымъ упорствомъ; повторилъ нѣсколько разъ, что онъ чувствуетъ смущеніе и желаетъ освѣжиться на воздухѣ—и при этомъ его губы слегка дрожали, и глаза его избѣгали моихъ глазъ—точно я обидѣлъ его. Такъ онъ и ушелъ.

А спустя немного и я вышелъ изъ дому, и отправился къ Тархову.

Ни у кого не спросясь, по студенческой привычной безцеремонности, я прямо пробрался къ нему на квартиру. Въ первой комнатѣ никого не было. Я кликнулъ Тархова по имени, и, не получивъ отвѣта, хотѣлъ-было

удалиться; но дверь сосѣдней комнаты растворилась—и появился мой пріятель. Онъ какъ-то странно взглянулъ на меня и молча пожалъ мнѣ руку. Я приступилъ къ нему съ тѣмъ, чтобы пересказать все, что я узналъ отъ Нунина: и хотя я тотчасъ почувствовалъ, что посѣтилъ Тархова не въ пору, однако, поговоривъ немного о предметахъ посторонннхъ, кончилъ-таки тѣмъ, что сообщилъ ему намѣреніе Бабурина на счетъ Музы. Это извѣстіе, повидимому, не очень его удивило; онъ тихонько подсѣлъ къ столу и, внимательно вперивъ въ меня глаза и безмолвствуя по прежнему, придалъ чертамъ своимъ выраженіе.... такое выраженіе, точно онъ желалъ сказать: „ну, что ты еще сообщишь? Ну, излагай свои мысли“. Я попристальнѣе посмотрѣлъ ему въ лицо.... Оно мнѣ показалось оживленнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ, нѣсколько даже наглымъ. Но это не помѣшало мнѣ „изложить свои мысли“. Напротивъ. „Ты фоpсъ свой выказывать“, подумалось мнѣ: „такъ и я-жъ тебя щадить не стану!“ И тутъ же, немедленно, приступилъ къ разсужденію о вредѣ внезапныхъ увлеченій, объ обязанности каждаго человѣка уважать свободу и личность другого человѣка,—словомъ, приступилъ къ преподаванью полезныхъ и дѣльныхъ совѣтовъ. Разглагольствуя такимъ манеромъ, я, для бо̀льшей легкости, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Тарховъ не перебивалъ меня и не шевелился на своемъ стулѣ: только пальцами игралъ по подбородку.

— Я знаю, говорилъ я.... (Что̀ собственно побуждало меня говорить—мнѣ самому оставалось неяснымъ, вѣроятнѣе всего зависть;—не служеніе же нравственности, въ самомъ дѣлѣ!). Я знаю, говорилъ я, что это дѣло не легкое, не шуточное; я увѣренъ, что ты любишь Музу и что Муза тебя любитъ, что это съ твоей стороны не мгновенная прихоть.... Но, вотъ, положимъ! (Тутъ я скрестилъ руки на груди).... Положимъ: ты удовлетворилъ свою страсть, а

дальше что? Вѣдь ты не женишься на ней? И, между тѣмъ, ты разрушаешь счастье хорошаго, честнаго человѣка, ея благодѣтеля—и—кто знаетъ? (тутъ мое лицо выразило, въ одно и то же время, и проницательность, и грусть)—быть можетъ, и ея собственное счастье....

И т. д., и т. д., и т. д.!!!

Около четверти часа лилась моя рѣчь. Тарховъ все молчалъ. Меня начинало смущать это молчаніе. Я изрѣдка взглядывалъ на него, не столько для того, чтобы удостовѣриться во впечатлѣніи, которое производили мои слова, сколько для того, чтобы понять, отчего это онъ не возражаетъ и не соглашается, а сидитъ словно глухо-нѣмой? Мнѣ, наконецъ, однако, показалось, что въ лицѣ его происходитъ.... да, дѣйствительно, происходитъ перемѣна. Оно стало выражать безпокойство, тревогу, тоскливую тревогу.... Но, странное дѣло! то оживленное, свѣтлое, смѣющееся нѣчто, то, что поразило меня съ самаго перваго взгляда на Тархова, все-таки не покидало этого встревоженнаго, этого тоскливаго лица! Я еще не зналъ, поздравлять ли мнѣ самого себя съ успѣхомъ своей проповѣди, какъ вдругъ Тарховъ поднялся и, стиснувъ мнѣ обѣ руки, промолвилъ скороговоркой: „Благодарю, благодарю. Ты, конечно, правъ.... хотя, съ другой стороны, можно было бы замѣтить.... Вѣдь что такое, собственно, твой хваленый Бабуринъ?—Честный тупецъ—и больше ничего! ты его республиканцемъ величаешь—а онъ просто—бука! У! Вотъ онъ что!—Весь его республиканизмъ состоитъ въ томъ, что онъ нигдѣ не уживается".

— А! ты такъ полагаешь! Бука! не уживается!!—но знаешь ли ты, продолжалъ я съ внезапной запальчивостью, знаешь ли ты, любезный Владиміръ Николаичъ, что въ наше время не уживаться нигдѣ—это признакъ хорошей, благородной натуры? Одни пустые люди—дурные люди—вездѣ уживаются и примиряются со всѣмъ! — Ты гово-

рнинъ: Бабуринъ—честный тупецъ!!!— Что-жъ, по твоему, лучше быть безчестнымъ острякомъ?

— Ты извращаешь мои слова! воскликнулъ Тарховъ.— Я хотѣлъ только объяснить тебѣ, какъ я понимаю этого господина.—Ты думаешь—онъ такой рѣдкій экземпляръ? Ничуть! — Подобныхъ ему людей я тоже встрѣчалъ на своемъ вѣку. — Сидитъ человѣкъ съ этакимъ важнымъ видомъ, молчитъ, упорствуетъ, топорщится.... Ого-го! Знать, у него внутри, тамъ—много! А внутри-то ничего у него нѣтъ, ни единой мысли нѣтъ въ его головѣ, — одно только чувство собственнаго достоинства.

— Ужъ и это одно—почтенная вещь, перебилъ я.— Но, позволь спросить, гдѣ ты успѣлъ такъ изучить его?— Вѣдь ты его не знаешь? Или ты его расписываешь.... со словъ Музы?

Тарховъ пожалъ плечомъ.—Мы съ Музой.... не о немъ разговариваемъ.—Послушай, прибавилъ онъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ всего тѣла,—послушай: коли Бабуринъ такая благородная и честная натура—какъ же это онъ не видитъ, что Муза—ему не пара?—Одно изъ двухъ: либо онъ понимаетъ, что совершаетъ надъ ней нѣчто въ родѣ насилія, во имя благодарности, тамъ, что ли.... и тогда, куда дѣвается его честность?—либо онъ этого не понимаетъ.... и тогда—какъ же не назвать его тупицомъ?

Я хотѣлъ-было возражать, — но Тарховъ снова схватилъ мои руки и снова заговорилъ торопливымъ голосомъ.—„Впрочемъ.... конечно.... я сознаюсь, ты правъ, тысячу разъ правъ.... Ты мнѣ настоящій другъ.... но теперь оставь меня, пожалуйста“.

Я изумился.—Тебя оставить?

— Да. Вотъ, видишь ли, я долженъ поразмыслить хорошенько о всемъ, что ты сейчасъ сказалъ.... Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ты правъ.... но теперь оставь меня!

— Ты въ такомъ волненіи.... началъ я.

— Въ волненіи? я? — Тарховъ засмѣялся, но тотчасъ спохватился.—Да, конечно! Какъ же иначе? ты самъ говоришь это не шутка. Да, объ этомъ надо подумать.... наединѣ.—Онъ продолжалъ стискивать мнѣ руки.—Прощай, братъ, прощай!

— Прощай, повторилъ я. Прощай, братъ! — Уходя, я бросилъ послѣдній взглядъ на Тархова. Онъ казался доволенъ. Чѣмъ? Тѣмъ ли, что я, какъ вѣрный другъ и товарищъ, указалъ ему опасность пути, на который онъ занесъ ногу,—или тѣмъ, что я уходилъ? Разнообразнѣйшія мысли вертѣлись у меня въ головѣ цѣлый день, до самаго вечера,—до самой той минуты, когда я вступилъ въ домъ, занимаемый Пунинымъ и Бабуринымъ, ибо я пошелъ къ нимъ въ тотъ же день. Я долженъ сознаться, что нѣкоторыя выраженья Тархова запали мнѣ въ душу.... звенѣли у меня въ ушахъ... И въ самомъ дѣлѣ, неужто Бабуринъ... неужто онъ не видитъ, что она ему не пара?

Но какъ же такъ можно! Бабуринъ, самоотверженный Бабуринъ,—честный тупецъ!!

Пунинъ сказывалъ мнѣ, во время своего посѣщенія, что меня у нихъ ожидали наканунѣ. Быть можетъ; но въ тотъ день рѣшительно никто не ожидалъ меня.... Я засталъ всѣхъ дома, и всѣ удивились моему появленію. Бабуринъ и Пунинъ —оба были нездоровы; у Пунина голова болѣла, и онъ лежалъ калачикомъ на лежанкѣ, повязавъ голову пестрымъ платкомъ и приложивъ по разрѣзанному огурцу къ каждому виску. Бабуринъ страдалъ разлитіемъ желчи: весь желтый, почти бурый, съ темными кругами вокругъ глазъ, съ наморщеннымъ лбомъ и небритой бородой—онъ мало походилъ на жениха! Я хотѣлъ уйти.... Однако, меня не отпустили и даже напоили чаемъ. Невеселый провелъ я вечерокъ. У Музы, правда, ничего не болѣло, она даже ди-

чилась меньше обыкновеннаго, но явно досадовала, злилась... Наконецъ, она не вытерпѣла—и, подавая мнѣ чашку чаю, торопливо прошептала: „Вы что тамъ ни говорите, какъ вы ни старайтесь, а ничего вы не подѣлаете.... Такъ-то!“ Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее и, улучивъ удобную минутку, спросилъ ее, тоже въ полголоса:—Какой смыслъ вашихъ словъ? — „А такой смыслъ“, отвѣчала она, и черные ея глаза, злобно блеснувъ изъ подъ надвинутыхъ бровей, уперлись мнѣ въ лицо, и тотчасъ отклонились въ сторону: „такой смыслъ, что я все слышала, что вы сегодня тамъ говорили, и спасибо вамъ сказать не́ за что, а будетъ, все-таки, не по вашему“.— Вы были тамъ? невольно вырвалось у меня.... Но тутъ Бабуринъ насторожился и глянулъ въ нашу сторону.—Муза отошла отъ меня прочь.

Минутъ десять спустя, ей опять удалось приблизиться ко мнѣ. Ей словно было пріятно говорить мнѣ смѣлыя и опасныя вещи, и говорить ихъ въ присутствіи своего покровителя, подъ его наблюденіемъ, ровно настолько скрываясь, насколько оно было нужно для того, чтобы не возбудить его подозрительность. Извѣстное дѣло: ходить въ обрѣзъ, по самому краю пропасти—любимое женское занятіе.—„Да, я была тамъ“, шептала Муза, не мѣняясь въ лицѣ: только ноздри ея слегка трепетали и губы криво подергивало.—„Да, и если Парамонъ Семенычъ меня спроситъ, о чемъ я съ вами теперь перешептываюсь, я сейчасъ ему скажу. Что мнѣ!“

— Будьте же осторожнѣе, убѣждалъ я ее: — право, кажется, они замѣчаютъ....

— Я же вамъ говорю, что я готова все сказать. Да и кто замѣчаетъ? Одинъ съ лежанки шею вытягиваетъ, точно больной утёнокъ, да и не слышитъ ничего: а другой о философіи размышляетъ. Вы не бойтесь! — Голосъ Музы слегка возвышался, и щеки ея понемногу краснѣли какой-

то злорадной, тусклой краской: и чудесно шло это къ ней, и никогда она не была такъ хороша собою. Убирая со стола, разставляя по мѣстамъ чашки, блюдечки, она быстро двигалась по комнатѣ: было что-то вызывающее въ ея развязной, легкой походкѣ.—„Судите, мать, меня, какъ знаете, а я сама по себѣ, и васъ не боюсь".

Не могу скрыть, что Муза мнѣ казалась обаятельной, именно въ тотъ вечеръ. Да, думалось мнѣ, эта злюка—это новый типъ.... Это—прелесть. Эти руки, пожалуй, ударить могутъ.... Что-жъ! Не бѣда!

— Нарамонъ Семенычъ! воскликнула она вдругъ: — республика—это такое государство, гдѣ всякій дѣлаетъ, что̀ ему̀ вздумается?

— Республика не есть государство, отвѣтилъ Бабуринъ, подавъ голову и насупивъ брови:—она есть такое... устройство, въ которомъ все основано на законѣ и справедливости.

— Стало-быть, продолжала Муза, — въ республикѣ никто не можетъ принуждать другого?

— Никто не можетъ.

— И собою всякъ располагать воленъ?

— Воленъ.

— А! только это я и хотѣла знать.

— Это тебѣ—на что̀ же?

— А такъ; нужно.—Мнѣ нужно было, чтобы *вы* это сказали.

— Любознательная у насъ барышня, замѣтилъ съ лежанки Пунинъ.

Когда я вышелъ въ переднюю, Муза проводила меня, конечно, не изъ вѣжливости, а все изъ того же злорадства. Я спросилъ ее на прощанье.—Неужто вы такъ сильно его любите?

— Люблю-ли, не люблю-ли, про-то̀ я знаю, отвѣчала она; а только чему быть, того не миновать.

— Смотрите, не играйте съ огнемъ.... сгорите.

— Лучше сгорѣть, чѣмъ замерзнуть. А вы.... съ вашими совѣтами! И почемъ вы знаете, что онъ не женится на мнѣ? Почемъ вы знаете, что я непремѣнно хочу выйти замужъ? Ну, я пропаду.... Вамъ-то что за дѣло?

Она захлопнула за мною дверь.

Помнится, на возвратномъ пути домой, мнѣ было довольно пріятно думать, что моему другу, Владиміру Тархову, можетъ придтись—ой, ой, ой, какъ сѣдлано отъ „новаго типа".... Долженъ же онъ хоть чѣмъ-нибудь поплатиться за свое счастье!

Въ томъ, что онъ будетъ счастливъ, я, къ сожалѣнію, не могъ сомнѣваться.

Прошло дня три. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, передъ письменнымъ столомъ, и не столько работалъ, сколько собирался завтракать.... услышалъ шорохъ, поднялъ голову и остолбенѣлъ. Передо мною—неподвижное, страшное, бѣлое какъ мѣлъ, стояло привидѣніе.... стоялъ Пунинъ. Медленно мигая, глядѣли на меня его съѣженные глазки: безсмысленный, заячій испугъ выражали они, и руки висѣли, какъ плети.

— Никандръ Вавилычъ? Что съ вами? Какъ вы сюда попали? Никто не видалъ васъ? Что случилось? Да говорите же!

— Сбѣжала,—произнесъ Пунинъ едва слышнымъ, сиплымъ шепотомъ.

— Что вы говорите?

— Сбѣжала, повторилъ онъ.

— Кто?

— Муза. Ушла ночью, и записку оставила.

— Записку?

— Да. Благодарю, молъ, но уже болѣе не вернусь. Не

ницте. Мы туда—сюда; спрашиваемъ кухарку: та ничего не знаетъ. Я не могу громко говорить, извините. Голосъ сорвался.

— Муза Павловна васъ оставила! воскликнулъ я. Скажите! Г-нъ Бабуринъ долженъ быть въ отчаяніи. Что же онъ намѣренъ теперь сдѣлать?

— Ничего онъ не намѣренъ сдѣлать. Я хотѣлъ бѣжать къ генералъ-губернатору; запретилъ. Я хотѣлъ подать въ полицію объявленіе; запретилъ, и даже прогнѣвался. Говоритъ: ея воля. Говоритъ: притѣснять не желаю. Даже на службу въ свою контору отправился. Только, конечно, облика человѣческаго уже на немъ не имѣется. Больно много любилъ онъ ее.... Охъ, охъ, много мы оба ее любили!

Тутъ Пунинъ впервые обнаружилъ, что онъ не истуканъ, а живой человѣкъ: поднялъ оба кулака кверху и опустилъ ихъ себѣ на темя, лоснившееся, какъ слоновая кость.

— Неблагодарная! простоналъ онъ: кто тебя кормилъ, поилъ, спасъ, обулъ, воспиталъ: кто заботился о тебѣ, кто всю жизнь, всю душу.... А ты все забыла! Меня бросить, конечно не штука, но Парамона Семеныча, Парамона....

Я попросилъ его присѣсть, отдохнуть....

Пунинъ отрицательно покачалъ головою. — Нѣтъ, не надо. Я и пришелъ-то къ вамъ.... не знаю, зачѣмъ. Я, какъ опалѣлый; остаться дома одному—жутко; куда дѣться? Стану посреди комнаты, закрою глаза и зову: Муза! Музочка! Этакъ съ ума сойдешь. Да нѣтъ, что я вру? Я знаю, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ. Вы, вотъ, мнѣ, намедни съ ту треклятую пѣсенку прочли.... помните, гдѣ говорится о старомъ мужѣ? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Али вы ужъ что знали тогда.... или догадывались? Пунинъ глянулъ на меня. — Батюшка, Петръ Петровичъ, воскликнулъ онъ вдругъ, и затрепеталъ весь:—вамъ, быть можетъ, извѣстно, гдѣ она находится? Батюшка, къ кому она ушла?

Я смутился и поневолѣ опустилъ глаза....

— Развѣ она въ своемъ письмѣ сказала вамъ, началъ я....

— Она сказала, что уходитъ отъ насъ, потому что полюбила другого! Батюшка, голубчикъ, вы навѣрное знаете, гдѣ она? Спасите ее, пойдемте къ ней; мы ее уговоримъ. Помилуйте, посудите, кого она убила?— Пунинъ вдругъ покраснѣлъ, вся кровь прилила ему въ голову, онъ тяжко грохнулся на колѣни.—Спасите, отецъ, пойдемте къ ней!

Человѣкъ мой появился на порогѣ и остановился въ недоумѣніи.

Не малаго труда стоило мнѣ поднять Пунина снова на ноги, растолковать ему, что если я даже что-нибудь и подозрѣваю, то, все-таки, нельзя дѣйствовать такъ, сплеча, особенно вдвоемъ; что этимъ только все дѣло испортишь, что я готовъ попытаться, но ни за что не отвѣчаю. Пунинъ не возражалъ мнѣ, но и не слушалъ меня, и лишь изрѣдка повторялъ своимъ надорваннымъ голосомъ: — Спасите, спасите ее и Нарамона Семеныча. Онъ наконецъ заплакалъ.—Скажите, по крайней мѣрѣ, одно, спросилъ онъ, что.... *она* хороша собою, молода?

— Молода, отвѣчалъ я.

— Молодъ, повторилъ Пунинъ, размазывая по щекамъ слезы. И она молода.... Вотъ, въ чемъ вся бѣда!

Эта рѣчь пришлась случайно: бѣдному Пунину было не до поэзіи. Я бы дорого далъ, чтобы снова услышать отъ него витіеватыя рѣчи, или хотя его почти беззвучный смѣхъ.... Увы! тѣ рѣчи исчезли навсегда,—я не слыхалъ болѣе его смѣха.

Я обѣщался навѣстить его, какъ только узнаю что-нибудь положительное.... Тархова я, однако, не назвалъ.— Пунинъ вдругъ опустился весь.—„Хорошо-съ, хорошо-съ, спасибо-съ“, замѣтилъ онъ съ убогой ужимочкой, и вставляя слово-ерики, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ;— только, знаете-съ, Нарамону Семенычу не говорите-съ

ничего-съ.... а то онъ разсердится!—Одно слово: запретилъ! Прощайте-съ, сударь!“

Уходя и повернувшись ко мнѣ спиною, Пунинъ показался мнѣ такимъ мизернымъ, что я даже удивился: и хромалъ-то онъ на обѣ ноги, и приседалъ на каждомъ шагу....

„Плохо дѣло! Finis, что̀ называется“,—подумалъ я.

Хотя я обѣщалъ Пунину собрать свѣдѣнія о Музѣ, однако, отправляясь въ тотъ же день къ Тархову, я нисколько не надѣялся что-нибудь узнать, ибо навѣрное полагалъ, что либо я не застану его дома, либо онъ меня не приметъ. Предположеніе мое оказалось ошибочнымъ: я засталъ Тархова дома, онъ меня принялъ, и я даже узналъ все, что̀ хотѣлъ узнать; но пользы отъ этого не вышло никакой. Тарховъ, какъ только я переступилъ порогъ его двери, подошелъ ко мнѣ рѣшительно, быстро, и съ сіяющими, горячими глазами на похорошѣвшемъ и просвѣтленномъ лицѣ, твердо и бойко промолвилъ: —Слушай, братъ Петя! Я догадываюсь, зачѣмъ ты пришелъ и о чемъ ты собираешься говорить со мною; но предупреждаю тебя, что если ты хотя единымъ словомъ упомянешь о ней, или объ ея поступкѣ, или о томъ, что̀, по твоему, мнѣ повелѣваетъ благоразуміе—мы больше не друзья, мы даже не знакомые, и я буду просить тебя быть со мною, какъ чужой.

Я посмотрѣлъ на Тархова: онъ весь внутренно трепеталъ, какъ натянутая струна, онъ весь звенѣлъ, онъ едва сдерживалъ порывы поднимавшейся молодой крови, сильное, радостное счастье ворвалось ему въ душу и завладѣло имъ—и онъ имъ завладѣлъ.

— Это твое неизмѣнное рѣшеніе? произнесъ я печально.

— Да, братъ, Петя, неизмѣнное.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается сказать тебѣ: прощай!

Тарховъ слегка прищурился.... Ужъ очень ему было хорошо.

— Прощай, братъ. Петя, проговорилъ онъ немножко въ носъ, съ откровенной улыбкой, весело сверкнувъ всѣми своими бѣлыми зубами.

Что мнѣ было дѣлать? Я оставилъ его съ его „счастьемъ“.

Когда я захлопнулъ за собою дверь, другая дверь въ комнатѣ, я это слышалъ, хлопнула тоже.

Нелегко мнѣ было на сердцѣ и на слѣдующій день, когда я поплелся къ своимъ злополучнымъ знакомцамъ. Я втайнѣ надѣялся—такова слабость человѣческая! — что не застану ихъ дома, и опять ошибся. Оба были дома. Перемѣна, происшедшая съ ними въ послѣдніе три дня, поразила бы всякаго. Пунинъ весь пожелтѣлъ и отёкъ. Куда дѣвалась его болтливость? Онъ говорилъ вяло, слабо, все тѣмъ же сиплымъ голосомъ, и видъ имѣлъ изумленный и потерянный. Бабуринъ, напротивъ, скорчился и почернѣлъ; неслововохотливый и въ прежнее время, онъ теперь едва произносилъ отрывистые звуки; выраженіе окаменѣлой строгости такъ и замерло на его чертахъ.

Я чувствовалъ, что молчать было невозможно; но что было сказать? Я ограничился тѣмъ, что шепнулъ Пунину: „Ничего я не узналъ, и мой совѣтъ вамъ: бросьте всякую надежду“. Пунинъ взглянулъ на меня своими опухшими, красными глазёнками—только и осталось у него краснаго на всемъ лицѣ,—пробормоталъ что-то невнятное и отковылялъ въ сторону. Бабуринъ, вѣроятно, догадался, о чемъ шла рѣчь у насъ съ Пунинымъ, и, раскрывъ свои стиснутыя, словно склеенныя губы, произнесъ несвѣжимъ голосомъ: — „Милостивый государь! со времени вашего по-

слѣдняго посѣщенія, у насъ случилась непріятность: воспитанница наша, Муза Павловна Виноградова, не находя болѣе удобнымъ жить съ нами, рѣшилась насъ покинуть, о чемъ оставила намъ письменное заявленіе. Не почитая себя въ правѣ ей препятствовать, мы предоставили ей поступать по ея благоусмотрѣнію. Желаемъ, чтобы ей было хорошо,—прибавилъ онъ не безъ усилія,—а васъ покорнѣйше просимъ объ этомъ предметѣ не упоминать, такъ какъ подобныя рѣчи безполезны и даже огорчительны".

„Вотъ, и этотъ, какъ и Тарховъ, запрещаетъ мнѣ говорить о Музѣ", подумалось мнѣ, и не могъ я внутренно не подивиться. Не даромъ же онъ такъ высоко цѣнилъ Зенона. Я хотѣлъ-было сообщить ему нѣчто объ этомъ мудрецѣ, но языкъ у меня не повернулся, и хорошо сдѣлалъ.

Я скоро ушелъ во-свояси. Разставаясь со мною, ни Пунинъ, ни Бабуринъ не сказали мнѣ: до свиданья!—оба въ одинъ голосъ промолвили: „прощайте-съ!" Пунинъ даже возвратилъ мнѣ книжку „Телеграфа", которую я принесъ ему: теперь-молъ мнѣ этого больше уже не надо.

Недѣлю спустя, со мной произошла странная встрѣча. Весна наступила ранняя, крутая; въ полдень жара доходила до восемнадцати градусовъ. Все зеленѣло и лѣзло изъ разрыхленной, сырой земли. Я нанялъ въ манежѣ верхового коня и отправился за городъ, на Воробьевы-горы. На дорогѣ мнѣ попалась телѣжка, запряженная парой лихихъ, до самыхъ ушей забрызганныхъ, вятокъ, съ заплетенными хвостами, съ красными лентами въ чолкахъ и гривахъ. Сбруя на лошадяхъ была охотницкая, съ мѣдными бляхами и кистями, — и правилъ ими молодой щеголь-ямщикъ, въ синей поддёвкѣ безъ рукавовъ и желтой канаусовой рубахѣ, въ низкой поярковой шляпѣ, съ павлинымъ пером вокругъ тульи. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка мѣщанскаго или купеческаго званія, въ пестрой парчевой кацавейкѣ, съ большимъ голубымъ платкомъ на головѣ—

и такъ и заливался смѣхомъ. Ямщикъ ухмылялся тоже. Я поворотилъ своего коня въ сторону, а впрочемъ, не обратилъ особаго вниманія на быстро-мелькнувшую веселую чету, какъ вдругъ, парень гикнулъ на лошадей.... Да это голосъ Тархова! Я оглянулся.... Точно: онъ; несомнѣнно онъ, наряженный ямщикомъ, а возлѣ него — ужъ не Муза-ли?

Но въ это мгновенье вятки подхватили, и только я ихъ и видѣлъ. Я-было пустилъ моего коня въ галопъ, вслѣдъ за ними, но это былъ старый манежный драбантъ, съ такъ-называемымъ генеральскимъ аллюромъ въ разскачку: галопомъ онъ шелъ еще тише, чѣмъ рысью.

— Гуляйте, любезные! проворчалъ я сквозь зубы.— Должно замѣтить, что Тархова я не видѣлъ въ теченіе всей недѣли, хотя раза три заходилъ къ нему. Его никогда не было дома. Бабурина и Пунина я тоже не видѣлъ.... Я ихъ не посѣщалъ.

Я простудился на моей прогулкѣ: хотя и было очень жарко, но вѣтеръ дулъ пронзительный. Я опасно заболѣлъ—и когда я выздоровѣлъ, мы съ бабушкой отправились въ деревню — „на подножный кормъ“ — по совѣту доктора. Въ Москву я уже больше не попалъ: къ осени я перешелъ въ петербургскій университетъ.

III.

1849 г.

Прошло уже не семь, а цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, и мнѣ стукнулъ тридцать-второй годъ. Бабушка давно скончалась: я жилъ въ Петербургѣ, чиновникомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Тархова я потерялъ изъ виду: поступилъ онъ въ военную службу и находился почти постоянно въ провинціи. Мы съ нимъ встрѣтились раза два

по-пріятельски, радушно; но разговоры наши не касались прошедшаго. Въ эпоху второй нашей встрѣчи, онъ, сколько мнѣ помнится, былъ уже женатъ. Однажды, въ знойный лѣтній день, я проклиная и служебныя обязанности, удерживавшія меня въ Петербургѣ, и городскую духоту, вонь и пыль, пробирался по Гороховой улицѣ. Погребальная процессія перебила мнѣ дорогу. Вся она состояла изъ единственной колесницы, т. е., собственно говоря, изъ дряхлыхъ дрогъ, на которыхъ, грубо подбрасываемый толчками ухабистой мостовой, колыхался убогій деревянный гробъ, до половины прикрытый потертымъ чернымъ сукномъ. Старый человѣкъ, съ бѣлой головою, выступалъ одинъ за дрогами.

Я вглядѣлся въ него.... Лицо знакомое.... Онъ тоже повелъ на меня глазами.... Боже мой! да это Бабуринъ!

Я снялъ шляпу, подошелъ къ нему, назвалъ себя—и отправился съ нимъ рядомъ.

— Кого вы хороните? спросилъ я.

— Никандра Васильевича Пунина, отвѣчалъ онъ.

Я предчувствовалъ, я заранѣе зналъ, что онъ назоветъ это имя, и сердце все-таки дрогнуло во мнѣ. Грустно стало мнѣ, и радъ я былъ, что случай доставилъ мнѣ возможность отдать послѣдній долгъ моему наставнику....

— Могу я идти съ вами, Нарамонъ Семенычъ?

— Можете.... Я одинъ провожалъ его; теперь насъ будетъ двое.

Больше часа продолжалось наше шествіе. Спутникъ мой подвигался, не поднимая глазъ, не разжимая губъ. Онъ окончательно состарѣлся съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; изрытое морщинами, мѣднаго цвѣта лицо рѣзко отдѣлялось отъ бѣлыхъ волосъ. Слѣды трудовой, терпкой жизни, постоянной борьбы, сказывались во всемъ существѣ Бабурина: обглодала его нужда да бѣдность. Когда все покончилось, когда то, что было Пуни-

нымъ, на вѣки скрылось въ сырой.... увѣ, точно, сырой землѣ Смоленскаго кладбища, Бабуринъ, постоявъ минуты двѣ съ потупленной, непокрытой головою передъ нововыросшимъ холмикомъ песчаной глины, обратилъ ко мнѣ свое изможденное, какъ бы ожесточенное лицо, свои сухіе, впалые глаза, угрюмо поблагодарилъ меня и хотѣлъ-было удалиться; но я удержалъ его.

— Гдѣ вы живете, Нарамонъ Семенычъ? Позвольте васъ навѣстить. Я не зналъ вовсе, что вы живете въ Петербургѣ. Мы бы старое вспомнили, побесѣдовали бы о покойномъ нашемъ другѣ.

Бабуринъ не тотчасъ отвѣтилъ мнѣ.

— Я третій годъ, какъ въ Петербургѣ обрѣтаюсь, промолвилъ онъ наконецъ: — квартирую я на самомъ концѣ города. Впрочемъ, если вы, точно, желаете меня посѣтить, приходите.—Онъ далъ мнѣ свой адресъ.— Приходите вечеромъ; вечеромъ мы всегда дома.... мы оба.

— Вы.... оба?

— Я женатъ. Моя жена сегодня не совсѣмъ здорова: оттого она и не провожала покойника. А впрочемъ, достаточно и одному человѣку исполнить эту пустую формальность, этотъ обрядъ. Кто же во все это вѣритъ!

Я нѣсколько удивился послѣднимъ словамъ Бабурина, однако ничего не сказалъ, взялъ извощика и предложилъ Бабурину довезти его до дому, но онъ отказался.

— ———

Въ тотъ же день, вечеромъ, я отправился къ нему. Дорогой я все думалъ о Нунинѣ. Мнѣ вспомнилось, какъ я въ первый разъ съ нимъ встрѣтился, и какой онъ былъ тогда восторженный и забавный: потомъ, въ Москвѣ, какъ онъ присмирѣлъ— особенно въ послѣднее наше свиданіе; а вотъ и совсѣмъ кончитъ разсчетъ съ жизнію: не шутитъ, видно,

она! Квартировалъ Бабуринъ на Выборгской сторонѣ, въ домикѣ, напоминавшемъ мнѣ его московское гнѣздышко: петербургское чуть ли не было еще бѣднѣе. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сидѣлъ въ углу, на стулѣ, уронивъ обѣ руки на колѣни; нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала его повислую, бѣлую голову. Онъ услышалъ шумъ моихъ шаговъ, встрепенулся и привѣтствовалъ меня радушнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Спустя нѣсколько мгновеній, появилась его жена: я въ ней тотчасъ узналъ Музу— и тутъ только понялъ, зачѣмъ Бабуринъ меня пригласилъ къ себѣ: онъ хотѣлъ показать мнѣ, что онъ все-таки добился своего.

Перемѣнилась Муза много—въ лицѣ, въ голосѣ и въ движеньяхъ; но больше всего перемѣнились ея глаза. Бывало, они бѣгали, какъ живчики, эти злые, эти красивые глаза; они блистали украдкой, но ярко; взоръ ихъ кололъ, какъ булавка.... Теперь они глядѣли прямо, спокойно, пристально; черныя зеницы потускнѣли. „Я надломана, я смирна, я добра"—казалось, говорилъ ея тихій и тупой взоръ. То же самое говорила ея постоянная, покорная улыбка. И платье на ней было смиренное: коричневое съ маленькими горошинами. Она первая подошла ко мнѣ, спросила, узнаю ли я ее? Она, очевидно, не конфузилась, и не потому, чтобы она потеряла стыдъ или память, а просто потому, что суета отъ нея отошла. Муза много говорила о покойномъ Пушкинѣ, говорила ровнымъ, тоже похолодѣвшимъ голосомъ. Я узналъ, что онъ, въ послѣдніе годы, совсѣмъ сталъ хилый, почти въ дѣтство впалъ, такъ что даже скучалъ безъ игрушекъ; правда, его увѣряли, что онъ шьетъ ихъ изъ тряпокъ для продажи.... онъ самъ забавлялся ими. Страсть его къ стихамъ, однако не угасла, и память сохранилась на одни только стихи: за нѣсколько дней до смерти онъ еще декламировалъ изъ „Россіады": за то Пушкина боялся, какъ дѣти боятся буки. Привязан-

ность его къ Бабурину также не уменьшилась: онъ по прежнему благоговѣлъ передъ нимъ, и, уже охваченный мракомъ и холодомъ кончины, еще лепеталъ коснѣющимъ языкомъ: „благодѣтель!“ Я узналъ также отъ Музы, что вскорѣ послѣ московскаго происшествія, Бабурину опять пришлось поколесить по Россіи, перекочёвывая съ одной частной должности на другую; что и въ Петербургъ онъ прибылъ опять-таки на частную службу, которую, впрочемъ, принужденъ былъ оставить на-дняхъ, по непріятности съ хозяиномъ! Бабуринъ вздумалъ заступиться за рабочихъ.... Постоянная улыбка Музы, сопровождавшая ея рѣчи, наводила меня на размышленія печальныя; она довершала впечатлѣніе, возбужденное во мнѣ наружностью ея мужа. Трудно доставался имъ обоимъ насущный хлѣбъ—въ этомъ не было сомнѣнія. Самъ онъ мало вмѣшивался въ нашу бесѣду: онъ казался еще болѣе озабоченнымъ, чѣмъ огорченнымъ.... Что-то грызло его.

— Парамонъ Семенычъ, пожалуйте, проговорила кухарка внезапно появившись на порогѣ двери.

— Что такое? что нужно? тревожно спросилъ онъ.

— Пожалуйте, значительно и настойчиво повторила кухарка. Бабуринъ застегнулся и вышелъ.

Когда мы остались одни съ Музой, она посмотрѣла на меня нѣсколько измѣненнымъ взоромъ, и промолвила голосомъ тоже измѣненнымъ, и уже безъ улыбки:—Не знаю, Петръ Петровичъ, что вы теперь обо мнѣ думаете, но полагаю, что вы помните, какая я была.... Самоувѣренная была я, веселая.... и недобрая; хотѣла въ свое удовольствіе пожить. А я вамъ вотъ что скажу теперь: когда меня бросили, и я была, какъ потерянная, и только ждала, что либо Богъ меня приберетъ, либо у самой хватитъ духа съ собой покончить,—я опять, какъ въ Воронежѣ, встрѣтилась съ

Парамономъ Семенычемъ — и онъ опять спасъ меня.... Слова обиднаго я отъ него не услышала, ни одного упрека не услышала, ничего онъ отъ меня не потребовалъ—не стòила я того; но онъ меня любилъ.... и я стала его женой. Чтò же мнѣ было дѣлать? умереть—не удалось;—жить тоже не пришлось, какъ хотѣлось.... Куда же было дѣться! И тò—милость. Вотъ и все.

Она умолкла, отвернулась на мгновеніе.... прежняя покорная улыбка опять появилась на ея губахъ. „Легко ли мнѣ жить, не спрашивай“—почудилось мнѣ теперь въ этой улыбкѣ.

Разговоръ перешелъ къ предметамъ обыкновеннымъ. Муза разсказала мнѣ, что послѣ Пушина осталась кошка, которую онъ очень любилъ, но что она съ самой его смерти ушла на чердакъ и тамъ сидитъ, и все мяучитъ, точно зоветъ кого-то.... сосѣди очень пугаются и воображаютъ, что это душа Пушина перешла въ кошку.

— Парамонъ Семенычъ чѣмъ-то встревоженъ, проговорилъ я, наконецъ.

— А вы это замѣтили?—Муза вздохнула.—Ему нельзя не тревожиться. Вамъ нечего сказывать, что Парамонъ Семенычъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.... Нынѣшній порядокъ вещей могъ только укрѣпить ихъ. (Муза выражалась совсѣмъ иначе, чѣмъ, бывало, въ Москвѣ: языкъ ея принялъ литературный, начитанный оттѣнокъ). Впрочемъ, я не знаю, могу ли я вамъ довѣриться и какъ вы примете....

— Почему же вы полагаете, что мнѣ довѣриться нельзя?

— Да вѣдь вы состоите на службѣ, вы чиновникъ.

— Ну, такъ что-жъ?

— Вы, слѣдовательно, преданы правительству.

Я внутренно подивился.... молодости Музы.—О моихъ отношеніяхъ къ правительству, которое и существованія моего не подозрѣваетъ, я распространяться не буду, про-

молвилъ я; но вы можете быть спокойны. Вашего довѣрія я во зло не употреблю. Убѣжденіямъ вашего супруга я сочувствую.... больше, чѣмъ вы полагаете.

Муза покачала головою.

— Да; это все такъ, начала она не безъ запинки; но вѣдь вотъ что: убѣжденіямъ Парамона Семеныча, быть можетъ, скоро придется выказаться на дѣлѣ. Они не могутъ больше оставаться подъ спудомъ. Есть товарищи, отъ которыхъ теперь невозможно отстать....

Муза внезапно умолкла, словно языкъ себѣ прикусила. Ея послѣднія слова меня изумили и немножко испугали. Вѣроятно, лицо мое выразило то, что̀ я почувствовалъ—и Муза это замѣтила.

Я уже сказалъ, что свиданіе наше происходило въ 1849 году. Многимъ еще памятно, какое это было смутное и тяжелое время, и какими событіями ознаменовалось оно въ С.-Петербургѣ. Меня самого поразили нѣкоторыя странности въ обращеніи Бабурина, во всей его повадкѣ. Раза два онъ съ такой рѣзкой горечью и ненавистью, съ такимъ отвращеніемъ отозвался о правительственныхъ распоряженіяхъ, о высокопоставленныхъ лицахъ, что я почувствовалъ недоумѣніе....

— А что̀? спросилъ онъ меня вдругъ: — освободили вы своихъ крестьянъ?

Я принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ.

— А вѣдь, чай, бабка-то умерла?

И въ этомъ я долженъ былъ сознаться.

— То-то, вы, господа дворяне, проворчалъ сквозь зубы Бабуринъ.... Чужими руками.... жаръ загребать.... это вы любите.

Въ его комнатѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, висѣла извѣстная литографія, изображавшая Бѣлинскаго; на столѣ лежалъ томикъ старинной, бестужевской „Полярной Звѣзды“.

Бабуринъ долго не возвращался послѣ того, какъ кухарка его вызывала. Муза нѣсколько разъ съ безпокойствомъ глянула на дверь, въ которую онъ вышелъ. Наконецъ, она не вытерпѣла, встала, извинилась и тоже вышла въ ту же дверь. Черезъ четверть часа она вернулась назадъ съ своимъ мужемъ; лица обоихъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалось, выражали смущеніе. — Но вотъ, внезапно, лицо Бабурина приняло другое, ожесточенное, почти изступленное выраженіе....

— Какой же этому будетъ конецъ? заговорилъ онъ вдругъ прерывистымъ, захлёбывавшимся, ему вовсе не свойственнымъ голосомъ, и поводя кругомъ, блуждая одичалыми глазами. — Живёшь, живёшь, надѣешься, авось лучше будетъ, легче будетъ дышать,—а напротивъ того, все идетъ хуже да хуже!—Совсѣмъ ужъ къ стѣнѣ *прижали!* Въ молодости я всего натерпѣлся; меня.... быть можетъ.... даже били.... да! прибавилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ и словно накинувшись на меня:— я, уже совершеннолѣтнимъ будучи, получалъ истязанія тѣлесныя.... да;—о другихъ несправедливостяхъ я уже не говорю.... Но неужто-жъ намъ къ тѣмъ, прежнимъ временамъ.... предстоитъ вернуться?—Что теперь дѣлаютъ съ молодыми людьми!—Да, вѣдь, это, наконецъ, всякое терпѣніе лопнетъ.... Лопнетъ! Да! Погодите!

Я никогда не видалъ Бабурина въ подобномъ состояніи. — Муза даже побѣднѣла вся.... Бабуринъ вдругъ раскаялся и опустился на скамейку. Не желая стѣснять ни его, ни Музу своимъ присутствіемъ, я рѣшился уйти, и уже прощался съ ними, какъ вдругъ та же дверь въ сосѣднюю комнату отворилась, и показалась голова.... Но не голова кухарки, а всклокоченная, перепуганная голова молодого человѣка.

— Бѣда, Бабуринъ, бѣда! проленеталъ онъ торопливо, но тотчасъ же скрылся при видѣ незнакомой моей фигуры.

Бабуринъ бросился вонъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. Я крѣпко пожалъ руку Музѣ—и удалился, съ дурными предчувствіями на сердцѣ.

— Приходите завтра, шепнула она тревожно.

— Приду непремѣнно, отвѣтилъ я.

Я на другой день еще лежалъ въ постели, когда мой человѣкъ подалъ мнѣ письмо отъ Музы.

„Милостивый государь, Петръ Петровичъ! писала она: Парамона Семеныча сегодня ночью арестовали жандармы—и увезли въ крѣпость, или не знаю куда: они не сказали. Всѣ наши бумаги перерыли, многое запечатали, съ собою взяли. Также книги и письма. Говорятъ, въ городѣ пропасть народа арестовано. Вы можете себѣ представить, что̀ я чувствую. Хорошо, что Никандръ Вавилычъ до этого не дожилъ! Во̀-время онъ убрался. Посовѣтуйте, что̀ мнѣ сдѣлать. За себя я не боюсь—съ голоду я не умру—но мысль о Парамонѣ Семенычѣ не даетъ мнѣ покоя. Приходите, пожалуйста, если только вы не боитесь посѣщать людей въ нашемъ положеніи. —

„Готовая къ услугамъ—Муза Бабурина“

Черезъ полчаса я былъ у Музы. Увидавъ меня, она протянула мнѣ руку, и хотя не сказала ни слова, выраженіе благодарности мелькнуло на ея лицѣ. На ней было вчерашнее платье: по всему было замѣтно, что она не ложилась и не спала всю ночь. Глаза у ней были красны—но отъ безсонницы, не отъ слезъ. Она не плакала. Ей было не до того. Она хотѣла дѣйствовать, хотѣла бороться съ поразившимъ ее несчастьемъ: прежняя, энергическая, самовольная Муза воскресла въ ней. Даже негодовать ей было некогда, хотя негодованіе ее душило. Какъ помочь Бабурину, къ кому прибѣгнуть, чтобы облегчить его участь—ни о

чемъ другомъ она не думала. Она хотѣла немедленно идти... просить.... требовать.... Но куда идти? кого просить? чего требовать? вотъ что она желала услышать отъ меня, вотъ о чемъ желала посовѣтоваться со мною.

Я началъ съ того, что посовѣтовалъ ей.... терпѣнье. На первыхъ порахъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только выжидать и, по мѣрѣ возможности, наводить справки. Предпринять что-нибудь рѣшительное теперь, когда дѣло едва началось, едва загорѣлось,—было просто немыслимо, безразсудно. Надѣяться на успѣхъ было безразсудно, даже если бы я обладалъ гораздо бо̀льшей долей значенія и вліянія.... но что̀ могъ сдѣлать я, маленькій чиновникъ? У ней самой не было никакой протекціи....

Не легко было растолковать ей все это.... однако она, наконецъ, поняла мои доводы; поняла также, что не эгоистическое чувство руководило мною, когда я доказывалъ безполезность всякихъ попытокъ.

— Да скажите, Муза Павловна, началъ я, когда она наконецъ присѣла на стулъ—(до тѣхъ поръ она все стояла на ногахъ, какъ-бы готовясь тотчасъ пойти на помощь Бабурину), — какимъ образомъ Парамонъ Семенычъ — въ его годы—попался въ такой исторіи? Тутъ, я увѣренъ, одни молодые люди замѣшаны, въ родѣ того, который вчера вечеромъ приходилъ предупредить васъ....

— Эти молодые люди — наши друзья! воскликнула Муза, и глаза ея заблистали и забѣгали по старинному. Что-то сильное, неудержимое, казалось, такъ и поднялось со дна ея души.... а мнѣ вдругъ вспомнилось названіе „новаго типа“, данное ей нѣкогда Тарховымъ.—Годы ничего не значатъ, когда дѣло идетъ о политическихъ убѣжденьяхъ!—Муза особенно напирла на эти два послѣднія слова. Можно было подумать, что, при всемъ ея горѣ, ей было не непріятно выказать себя передо мною въ этомъ новомъ, неожиданномъ свѣтѣ—въ свѣтѣ женщины образованной

созрѣлой, достойной супруги республиканца! — Иные старики моложе иныхъ молодыхъ, продолжала она, — способнѣе на жертвы.... Но не въ томъ вопросъ.

— Мнѣ кажется, Муза Павловна, замѣтилъ я — вы нѣсколько преувеличиваете. Зная характеръ Парамона Семеныча я былъ заранѣе увѣренъ, что онъ будетъ сочувствовать всякимъ.... честнымъ порывамъ; но, съ другой стороны, я всегда считалъ его за человѣка благоразумнаго.... Неужели онъ не понимаетъ всю невозможность, всю нелѣпость заговоровъ у насъ, въ Россіи? Въ его положеніи, въ его званіи....

— Конечно, съ горечью въ голосѣ перебила Муза: онъ мѣщанинъ; а въ Россіи вступать въ заговоры позволительно только дворянамъ, какъ, напримѣръ, четырнадцатаго декабря.... вѣдь вотъ что̀ вы хотѣли сказать.

„Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы жалуетесь?“ чуть не сорвалось у меня съ языка.... однако я удержался.—Полагаете ли вы, что результатъ четырнадцатаго декабря такого свойства, что долженъ поощрять другихъ? произнесъ я громко.

Муза нахмурилась.—„Съ тобою нечего толковать объ этомъ“, прочелъ я на ея потупленномъ лицѣ.

— Парамонъ Семенычъ очень скомпрометированъ? рѣшился спросить я наконецъ. Муза ничего не отвѣчала.... Голодное, дикое мяуканье раздалось съ чердака.

Муза вздрогнула. — Ахъ, хорошо, что Никандръ Вавилычъ всего этого не видѣлъ! почти съ отчаяніемъ простонала она.—Не видѣлъ онъ, какъ ночью, насильно схватили его благодѣтеля, нашего благодѣтеля, быть можетъ, лучшаго и честнѣйшаго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ,—не видѣлъ онъ, какъ обращались съ почтеннымъ старикомъ, какъ говорили ему: „ты“.... какъ грозили ему—и чѣмъ ему грозили!... потому только, что онъ мѣщанинъ! Этотъ офицеръ, молодой тоже, должно быть, изъ числа такихъ

безсовѣстныхъ бездушниковъ, какихъ и мнѣ въ моей жизни....

Голосъ Музы порвался. Она вся трепетала, какъ листъ.

Долго сдержанное негодованіе прорвалось, наконецъ; потрясенныя, вызванныя наружу общей душевной тревогой, всколыхнулись старыя воспоминанія.... Но собственно я убѣдился въ это мгновенье, что „новый типъ“ остался тѣмъ же, той же страстной, увлекающейся натурой.... Только увлекалась Муза уже не тѣмъ, чѣмъ, бывало, въ молодые годы. То, что̀ въ первое мое посѣщеніе я принялъ за резиньяцію, за усмиренность, и что̀ дѣйствительно было тѣмъ—этотъ тихій, тупой взоръ, этотъ холодный голосъ, эта ровность и простота—все это имѣло смыслъ лишь въ отношеніи къ прошедшему, невозвратному....

Теперь настоящее заговорило.

Я постарался успокоить Музу, постарался перевести нашу бесѣду на болѣе практическую почву. Надо было принять нѣкоторыя неотложныя мѣры: узнать, гдѣ собственно находился Бабуринъ; а потомъ достать и ему, и Музѣ средства къ существованію. Все это представляло затрудненія немалыя: приходилось отыскивать не прямо деньги, а работу, что̀, какъ извѣстно, гораздо болѣе сложная задача....

Я ушелъ отъ Музы съ цѣлымъ роемъ соображеній въ головѣ.

Я скоро узналъ, что Бабуринъ сидитъ въ крѣпости....

Дѣло началось.... затянулось. Я каждую недѣлю по нѣсколько разъ видался съ Музой. Она тоже имѣла нѣсколько свиданій съ мужемъ. Но въ самый моментъ разрѣшенія всей этой печальной исторіи меня въ Петербургѣ не было. Непредвидѣнныя дѣла заставили меня съѣздить на югъ Россіи. Во время моей отлучки я узналъ, что Бабурина по суду оправдали: оказалось, что вся вина его состояла только въ томъ, что у него, какъ у

человѣка неспособнаго возбудить подозрѣнія, собирались иногда молодые люди—и онъ присутствовалъ при ихъ бесѣдахъ; однако, административнымъ порядкомъ сослали его на жительство въ одну изъ западныхъ губерній Сибири. Муза уѣхала съ нимъ.

„....Парамонъ Семенычъ этого не желалъ, писала она мнѣ; потому, по его понятіямъ, никто не въ правѣ жертвовать собою для другого человѣка — не для дѣла; но я ему отвѣтила, что тутъ никакой жертвы нѣтъ. Когда я сказала ему въ Москвѣ, что буду его женою, то я подумала про себя: на вѣки и нерушимо! Такъ нерушимо должно оно стоять до конца дней....“

IV.

1861 г.

Еще двѣнадцать лѣтъ прошло.... Всѣ въ Россіи знаютъ и вѣчно помнить будутъ, что совершилось между 49-мъ и 61-мъ годомъ. И въ моей личной жизни произошло много перемѣнъ, о которыхъ, впрочемъ, распространяться нечего. Появились въ ней новые интересы, новыя заботы.... Чета Бабуриныхъ сперва отступила на второй планъ, потомъ совсѣмъ стушевалась. Я, однако, продолжалъ переписываться съ Музой—очень, правда, рѣдка; иногда протекало болѣе года безъ всякихъ извѣстій о ней и объ ея мужѣ. Я узналъ, что вскорѣ послѣ 55-го года ему было дозволено возвратиться въ Россію; но что онъ самъ пожелалъ остаться въ томъ небольшомъ сибирскомъ городкѣ, куда забросила его судьба, и гдѣ онъ, повидимому, свилъ себѣ гнѣздо, нашелъ пріютъ, кругъ дѣятельности....

И вотъ, въ концѣ марта мѣсяца 1861 года, получаю я слѣдующее письмо отъ Музы:

„Я такъ давно къ вамъ не писала, почтеннѣйшій И. И., что даже не знаю, живы ли вы; а если и живы, то не за-

были ли о нашемъ существованіи? Но все равно; не могу я не писать вамъ сегодня. У насъ доселѣ все шло по старинному; мы съ Парамономъ Семенычемъ занимались нашими школами, которыя подвигаются помаленьку; сверхъ того, Парамонъ Семенычъ занимался чтеніемъ и перепиской, да обычными своими преніями съ старовѣрцами, духовными лицами и ссыльными поляками; здоровье его было порядочно.... Мое тоже. Но вотъ, вчера къ намъ пришелъ манифестъ 19-го февраля! Давно мы его ждали, давно ходили слухи о томъ, что̀ дѣлается у васъ въ Петербургѣ.... но все же, не могу я вамъ описать, что̀ это было! Вы знаете хорошо моего мужа; несчастье нисколько его не измѣнило, а напротивъ, онъ сталъ еще крѣпче и энергичнѣе. (Не могу скрыть, что Муза написала енѣргичнѣе). Сила воли въ немъ желѣзная, но тутъ онъ не выдержалъ! Руки тряслись у него, когда онъ читалъ; потомъ онъ обнялъ меня три раза и три раза со мной облобызался, хотѣлъ что-то сказать,— но нѣтъ! не могъ! и кончилъ тѣмъ, что прослезился, что̀ очень было удивительно видѣть, и вдругъ закричалъ „Ура! ура! Боже, царя храни!“ — Да, Петръ Петровичъ, эти самыя слова! Потомъ онъ прибавилъ: „Нынѣ отпущаеши“.... и еще: „это первый шагъ, за нимъ должны послѣдовать другіе“; и, какъ былъ, безъ шапки, побѣжалъ сообщить великую эту новость нашимъ пріятелямъ. Морозъ стоялъ сильный, и даже пурга зачиналась, я его удерживала, но онъ не послушался. А когда пришелъ домой, весь былъ запорошенъ снѣгомъ, волосы, лицо и борода—у него теперь борода по самую грудь— и даже слезы на щекахъ застыли! Но очень онъ былъ живъ и веселъ, и велѣлъ мнѣ бутылку цымлянскаго раскупорить, и вмѣстѣ съ нашими пріятелями, которыхъ онъ съ собой привелъ, пилъ за здоровье царя и Россіи, и всѣхъ русскихъ свободныхъ людей; и взявъ бокалъ и

опустивъ взоръ на землю, сказалъ: „Никандръ, Никандръ, слышишь ли? Нѣтъ на Руси болѣе рабовъ! Радуйся и въ гробу, старый товарищъ!“ И многое еще такое говорилъ, что „сбылись-молъ мои ожиданія!“ Говорилъ также и о томъ, что теперь уже повернуть назадъ невозможно; что это—своего рода залогъ или обѣщаніе.... Всего я не запомню, но давно я его такимъ счастливымъ не видала. И вотъ, я рѣшилась вамъ написать, чтобы и вы узнали, какъ мы радовались и ликовали въ отдаленныхъ сибирскихъ пустыняхъ, чтобы и вы порадовались вмѣстѣ съ нами....“

Это письмо я получила въ концѣ марта; а въ началѣ мая пришло другое, весьма коротенькое письмо отъ той же Музы.—Она извѣщала меня, что ея мужъ, Парамонъ Семенычъ Бабуринъ, получивъ простуду въ самый день прибытія манифеста, скончался 12-го апрѣля отъ воспаленія въ легкихъ 67 лѣтъ отъ роду. Она прибавила, что намѣрена остаться тамъ, гдѣ покоится его тѣло, и продолжать завѣщанную имъ работу, потому что такова была послѣдняя воля Парамона Семеныча—а у ней другого закона нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не слыхала о Музѣ.

Парижъ.—1874 г.

ЧАСЫ.

Разсказъ старика.

1850 г.

I.

Разскажу вамъ мою исторію съ часами....

Курьезная исторія!

Дѣло происходило въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1801 году. Мнѣ только-что пошелъ шестнадцатый годъ. Жилъ я въ Рязани, въ деревянномъ домикѣ, недалеко отъ берега Оки—вмѣстѣ съ отцомъ, теткой и двоюроднымъ братомъ. Мать свою я не помню: она скончалась года три послѣ замужества; кромѣ меня, у отца моего дѣтей не было. Звали его Порфиріемъ Петровичемъ. Человѣкъ онъ былъ смирный, собою неказистый, болѣзненный; занимался хожденіемъ по дѣламъ тяжебнымъ—и инымъ. Въ прежнія времена подобныхъ ему людей обзывали подъячими, крючками, кранивымъ сѣменемъ; самъ онъ величалъ себя стряпчимъ. Нашимъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала его сестра, а моя тетка—старая пятидесятилѣтняя дѣва; моему отцу тоже минулъ четвертый десятокъ.

Большая она была богомолка—прямо сказать: ханжа, тараторка, всюду носъ свой совала; да и сердце у ней было не тѣ, что у отца—недоброе. Жили мы—не бѣдно, а въ обрѣзъ. Былъ у моего отца еще братъ, Егоръ по имени; да того, за какіе-то якобы „возмутительные поступки и якобинскій образъ мыслей“ (такъ именно стояло въ указѣ) сослали въ Сибирь еще въ 1797 году.

Егоровъ сынъ, Давыдъ, мой двоюродный братъ, остался у моего отца на рукахъ и проживалъ съ нами. Онъ былъ старше меня однимъ только годомъ; но я преклонялся передъ нимъ и повиновался ему, какъ будто онъ былъ совсѣмъ большой. Малый онъ былъ не глупый, съ характеромъ, изъ себя плечистый, плотный, лицо четыреугольное, весь въ веснушкахъ, волосы рыжіе, глаза сѣрые, небольшіе, губы широкія, носъ короткій, пальцы тоже короткіе—крѣпышъ, что называется — и сила не по лѣтамъ! Тетка терпѣть его не могла; а отецъ—такъ даже боялся его.... или, можетъ быть, онъ передъ нимъ себя виноватымъ чувствовалъ. Ходила молва, что не проболтайся мой отецъ, не выдай своего брата,—Давыдова отца не сослали бы въ Сибирь! Учились мы оба въ гимназіи, въ одномъ классѣ, и оба порядочно; я даже нѣсколько получше Давыда.... Память у меня была острѣй; но мальчики—дѣло извѣстное! — *этимъ* превосходствомъ не дорожатъ и не гордятся, и Давыдъ все-таки оставался моимъ вожакомъ.

II.

Зовутъ меня — вы знаете — Алексѣемъ. Я родился 7-го, а именинникъ я 17-го марта. Мнѣ, по старозавѣтному обычаю, дали имя одного изъ тѣхъ святыхъ, праздникъ которыхъ приходится на десятый день послѣ рожденія. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ нѣкто Анастасій Ана-

стасьевичъ Пучковъ, или собственно: Настасѣй Настасѣичъ; иначе никто его не величалъ. Сутяга былъ онъ страшный, кляузникъ, взяточникъ—дурной человѣкъ совсѣмъ; его изъ губернаторской канцеляріи выгнали, и подъ судомъ онъ находился не разъ: отцу онъ бывалъ нуженъ... Они вмѣстѣ „промышляли“. Изъ себя онъ былъ пухлый да круглый; а лицо—какъ у лисицы, носъ шиломъ; глаза каріе, свѣтлые, тоже какъ у лисицы. И все онъ ими двигалъ, этими глазами, направо да налѣво, и носомъ тоже водилъ—словно воздухъ нюхалъ. Башмаки носилъ безъ каблуковъ и пудрился ежедневно, что̀ въ провинціи тогда считалось большою рѣдкостью. Онъ увѣрялъ, что безъ пудры ему быть нельзя, такъ какъ ему приходится знаться съ генералами и съ генеральшами.

И вотъ наступилъ мой именинный день. Приходитъ Настасѣй Настасѣичъ къ намъ въ домъ и говоритъ:

— Ничѣмъ-то я досѣлева, крестничекъ, тебя не дарилъ; за то, посмотри, каку штуку я тебѣ принесъ сегодня!

И достаетъ онъ тутъ изъ кармана серебряные часы луковицей, съ написаннымъ на циферблатѣ розаномъ и съ бронзовой цѣпочкой! Я такъ и сомлѣлъ отъ восторга,—а тетка, Пелагея Петровна, какъ закричитъ во все горло:

— Цѣлуй руку, цѣлуй руки, паршивый!

Я сталъ цѣловать у крестнаго отца руку, а тетка знай причитываетъ:

— Ахъ, батюшка, Настасѣй Настасѣичъ, зачѣмъ вы его такъ балуете! Гдѣ ему съ часами справиться? Уронитъ онъ ихъ, навѣрное, разобьетъ или сломаетъ!

Вошелъ отецъ, посмотрѣлъ на часы, поблагодарилъ Настасѣича—небрежно таково, да и позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. И слышу я, говоритъ отецъ, словно про себя:

— Коли ты, братъ, *этимъ* думаешь отдѣлаться....

Но я уже не могъ устоять на мѣстѣ, надѣлъ на себя часы и бросился стремглавъ показывать свой подарокъ Давыду.

III.

Давыдъ взялъ часы, раскрылъ и внимательно разсмотрѣлъ ихъ. У него большія были способности къ механикѣ; онъ любилъ возиться съ желѣзомъ, мѣдью, со всякими металлами; онъ обзавелся разными инструментами, и поправить или даже заново сдѣлать винтъ, ключъ и т. п.—ему ничего не стòило.

Давыдъ повертѣлъ часы въ рукахъ, и пробурчавъ сквозь зубы (онъ вообще былъ неразговорчивъ):

— Старые.... плохіе....—прибавилъ:—откуда?

Я ему сказалъ, что подарилъ мнѣ ихъ мой крестный.

Давыдъ вскинулъ на меня свои сѣрые глазки:

— Настасѣй?

— Да; Настасѣй Настасѣичъ.

Давыдъ положилъ часы на столъ и отошелъ прочь, молча.

— Они тебѣ нравятся?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не то.... А я, на твоемъ мѣстѣ, отъ Настасѣя никакого подарка бы не принялъ.

— Почему?

— Потому что человѣкъ онъ дрянь; а дряни-человѣку одолжаться не слѣдуетъ. Еще спасибо ему говори. Чай, руку у него поцѣловалъ?

— Да, тетка заставила.

Давыдъ усмѣхнулся,—какъ-то особенно, въ носъ. Такая у него была повадка. Громко онъ никогда не смѣялся: онъ считалъ смѣхъ признакомъ малодушія.

Слова Давыда, его безмолвная улыбка, меня глубоко огорчили. Стало-быть, подумалъ я, онъ меня, внутренно порицаетъ! Стало-быть, я тоже дрянь въ его глазахъ! Самъ

отъ никогда до этого бы не унизился, не принялъ бы подачки отъ Настасѣя! Но что мнѣ теперь остается сдѣлать?

Отдать часы назадъ невозможно!

Я попытался-было заговорить съ Давыдомъ, спросить его совѣта. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что никому совѣтовъ не даетъ, и чтобъ я поступилъ, какъ знаю.—Какъ знаю?! Помнится, я всю ночь потомъ не спалъ: раздумье меня мучило. Жаль было лишиться часовъ—я ихъ положилъ возлѣ постели, на ночной столикъ; они такъ пріятно и забавно постукивали.... Но чувствовать, что Давыдъ меня презираетъ.... (Да, нѣчего обманываться! онъ презираетъ меня!).... это мнѣ казалось невыносимымъ! Къ утру во мнѣ созрѣло рѣшеніе.... Я, правда, всплакнулъ — но и заснулъ за то, и какъ только проснулся—наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Я рѣшился отдать мои часы первому бѣдному, котораго встрѣчу.

IV.

Я не успѣлъ отбѣжать далеко отъ дому, какъ уже наткнулся на то, что искалъ. Мнѣ попался мальчикъ лѣтъ десяти, босоногій оборвышъ, который часто шлялся мимо нашихъ оконъ. Я тотчасъ подскочилъ къ нему, и не давъ ни ему, ни себѣ времени опомниться — предложилъ ему мои часы.

Мальчикъ вытаращилъ глаза, одной рукой заслонилъ ротъ, какъ-бы боясь обжечься—и протянулъ другую.

— Возьми, возьми, — пробормоталъ я: — они мои, я тебѣ дарю ихъ—можешь продать ихъ и купить себѣ.... ну, тамъ, что-нибудь нужное.... Прощай!

Я всунулъ часы ему въ руку — и во всю прыть пустился домой. Постоявши немного въ нашей общей спальнѣ за дверью и переведя духъ, я приблизился къ

Давыду, который только-что кончилъ свой туалетъ, и причесывалъ себѣ волосы.

— Знаешь что̀, Давыдъ?—началъ я, какъ можно болѣе спокойнымъ голосомъ. — Я Настасѣевы часы-то отдалъ.

Давыдъ глянулъ на меня и провелъ щеткой по вискамъ.

— Да,—прибавилъ я все тѣмъ же дѣловымъ тономъ,— я ихъ отдалъ. Тутъ есть такой мальчикъ, очень бѣдный, нищій: такъ вотъ, ему.

Давыдъ положилъ щетку на умывальный столикъ.

— Онъ можетъ за деньги, которыя выручитъ,—продолжалъ я, — пріобрѣсти какую-нибудь полезную вещь. Все-таки, за нихъ онъ что-нибудь получитъ.

Я умолкъ.

— Ну, что-жъ! дѣло хорошее! — проговорилъ, наконецъ, Давыдъ, и пошелъ въ классную. Я послѣдовалъ за нимъ.

— А коли тебя спросятъ—куда ты ихъ дѣлъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я скажу, что я ихъ обронилъ, — отвѣчалъ я небрежно.

Больше о часахъ между нами въ тотъ день уже не было рѣчи; а все-таки мнѣ сдавалось, что Давыдъ не только одобрялъ меня — но.... до нѣкоторой степени.... даже удивлялся мнѣ.—Право!

V.

Прошло еще два дня. Случилось такъ, что никто у насъ въ домѣ часовъ не хватился. У отца вышла какая-то крупная непріятность съ однимъ изъ его довѣрителей: ему было не до меня и не до моихъ часовъ. За то я безпрестанно думалъ о нихъ! Даже одобреніе.... предполагаемое одобреніе Давыда меня не слишкомъ утѣшало. Онъ же ничѣмъ особенно его не выказывалъ: всего только разъ сказалъ—

и то вскользь—что не ждалъ отъ меня такой удали. Рѣшительно: пожертвованіе мое приходилось мнѣ въ убытокъ. оно не уравновѣшивалось тѣмъ удовольствіемъ, которое мое самолюбіе мнѣ доставляло.

А тутъ еще, какъ нарочно, подвернись другой знакомый намъ гимназистъ, сынъ городского доктора—и начни хвастаться новыми, и не серебряными, а томпаковыми часами, которые подарила ему его бабушка....

Я не вытерпѣлъ наконецъ—и, тихомолкомъ выскользнулъ изъ дому, принялся отыскивать того самаго нищаго мальчика, которому я отдалъ свои часы!

Я скоро нашелъ его: онъ съ другими мальчиками игралъ у церковной паперти въ бабки. Я отозвалъ его въ сторону—и, задыхаясь и путаясь въ рѣчахъ, сказалъ ему, что мои родные гнѣваются на меня за то, что я отдалъ часы,—и что если онъ согласится мнѣ ихъ возвратить, то я ему съ охотой заплачу за нихъ деньгами.... Я, на всякій случай, взялъ съ собой старинный, елизаветинскій рубль, весь мой наличный капиталъ....

— Да у меня ихъ нѣту-ти, часовъ-то вашихъ,—отвѣчалъ мальчикъ сердитымъ и плаксивымъ голосомъ:—батька мой увидалъ ихъ у меня, да отнялъ; еще пороть меня собирался. Ты ихъ,—говоритъ,—должно, укралъ гдѣ-нибудь,—какой дуракъ тебя часами дарить станетъ!

— А кто твой отецъ?

— Мой отецъ? Трофимычъ.

— Да кто онъ такой? Какое его занятіе!

— Онъ—солдатъ отставной—сражантъ. А занятія у него никакого нѣту. Старые башмаки чинитъ, подметки строчаетъ. Вотъ и все его занятіе. Тѣмъ и живетъ.

— Гдѣ ваша квартира? Сведи меня къ нему.

— И то сведу. Вы ему скажите, батькѣ-то, что вы мнѣ часы подарили. А то, онъ меня все попрекаетъ. Воръ, да воръ! И мать туда же: въ кого, молъ, ты воромъ уродился?

Мы съ мальчикомъ отправились на его квартиру. Она помѣщалась въ курной избушкѣ, на заднемъ дворѣ давнымъ-давно сгорѣвшей и не отстроенной фабрики. И Трофимыча, и жену его мы застали дома. Отставной „сражантъ“ былъ высокаго роста старикъ, жилистый и прямой, съ желто-сѣдыми бакенами, небритымъ подбородкомъ и цѣлой сѣтью морщинъ на щекахъ и на лбу. Жена его казалась старше его: красные ея глазки уныло моргали и ёжились посреди болѣзненно-припухлаго лица. На обоихъ висѣли какія-то темныя лохмотья вмѣсто одежды.

Я объяснилъ Трофимычу, въ чемъ было дѣло и зачѣмъ я пришелъ. Онъ выслушалъ меня молча, ни разу не смигнувъ и не спуская съ меня своего тупого и напряженнаго—прямо солдатскаго взгляда.

— Баловство!—промолвилъ онъ, наконецъ, хрипымъ, беззубымъ басомъ.—Развѣ такъ благородные господа поступаютъ? А коли если Петька точно часы не укралъ—такъ за это ему—ррразъ! — Не балуй съ барчуками! А укралъ бы—такъ я-бъ его не такъ! Разъ! разъ! разъ! Фуктелями, по калегвардски! чего смотрѣть-то? Что за притча? Ась?! Шпонтонами ихъ! Вотъ такъ исторія?! Тьфу!

Это послѣднее восклицаніе Трофимычъ произнесъ фальцетомъ. Онъ, очевидно, недоумѣвалъ.

— Если вы хотите возвратить мнѣ часы, — пояснилъ я ему.... я не смѣлъ его „тыкать“, даромъ, что онъ былъ простой солдатъ....— то я вамъ съ удовольствіемъ заплачу вотъ этотъ рубль. Больше они, я полагаю, не стоютъ.

— Нишу! — проворчалъ Трофимычъ, не переставая недоумѣвать и, по старой памяти, поѣдая меня глазами, словно я былъ начальникъ какой. — Эко дѣло — а? — Ну-ко-ся, раскуси его!... Ульяна, молчи! — окрысился онъ на жену, которая разинула-было ротъ. — Вотъ часы,— прибавилъ онъ, раскрывая ящикъ стола:—коли они ваши точно—извольте получить; а рубль-то за что? Ась?

— Бери рубль, Трофимычъ, безпутный, — завопила жена.—Изъ ума выжилъ, старый! Алтына за душой нѣтъ, а туда же, важничаетъ! Косу тебѣ напрасно только отрубили, а то—та же баба! Какъ такъ—ничего не знамши.... Бери деньги, коли ужъ часы отдавать вздумалъ!

— Ульяна, молчи, паскудница! — повторилъ Трофимычъ. — Гдѣ это видано — разговаривать? А? Мужъ — глава; а она—разговаривать? Петька, не шевелись, убью!...

Вотъ часы!

Трофимычъ протянулъ ко мнѣ часы, но не выпускалъ ихъ изъ пальцевъ.

Онъ задумался, потупился, потомъ уставилъ на меня тотъ же пристально-тупой взоръ—да вдругъ, какъ гаркнетъ во всю глотку:

— А гдѣ-жъ онъ? Рубль-то гдѣ?

— Вотъ онъ, вотъ,—поспѣшно промолвилъ я, и выхватилъ монету изъ кармана.

Но онъ ея не бралъ, и все смотрѣлъ на меня. Я положилъ рубль на столъ. Онъ вдругъ смахнулъ его въ ящикъ, вынулъ мнѣ часы и, повернувшись налѣво кругомъ и сильно топнувъ ногою, прошипѣлъ на жену и на сына:

— Вонъ, сволочь!

Ульяна что-то залепетала — но я уже выскочилъ на дворъ, на улицу. Засунувъ часы въ самую глубь кармана и крѣпко стискивая ихъ рукою, я примчался домой.

VI.

Я снова вступилъ во владѣніе часами, но удовольствія оно мнѣ не доставило никакого. Носить я ихъ не рѣшался: нужно было пуще всего скрыть отъ Давыда то, что я сдѣлалъ. Что бы онъ подумалъ обо мнѣ, о моей безхарактерности? Даже запереть въ ящикъ эти злополучные часы я

не могъ: у насъ всѣ ящики были общіе. Приходилось прятать ихъ то на верху шкапа, то подъ матрацомъ, то за печкой.... И, все-таки, мнѣ не удалось обмануть Давыда!

Однажды я, доставъ изъ-подъ половицы нашей комнаты часы, вздумалъ потереть ихъ серебряную спинку старой замшевой перчаткой. Давыдъ ушелъ куда-то въ городъ; я никакъ не ожидалъ, что онъ скоро вернется.... вдругъ онъ—шасть въ дверь!

Я до того смутился, что чуть не выронилъ часовъ, и весь потерянный, съ зардѣвшимся до боли лицомъ, принялся ёрзать ими по жилету, никакъ не попадая въ карманъ.

Давыдъ посмотрѣлъ на меня и, по своему обыкновенію, улыбнулся молча.

— Чего ты?—промолвилъ онъ, наконецъ.—Ты думаешь, я не зналъ, что часы опять у тебя? Я въ первый же день, какъ ты ихъ принесъ, увидѣлъ ихъ.

— Увѣряю тебя,—началъ я чуть не со слезами....

Давыдъ пожалъ плечомъ.

— Часы твои; ты воленъ съ ними дѣлать, что хочешь.

Сказавъ эти жестокія слова, онъ вышелъ.

На меня нашло отчаяніе. На этотъ разъ уже не было никакого сомнѣнія: Давыдъ дѣйствительно презиралъ меня!

Этого нельзя было такъ оставить.

„Докажу-жъ я ему“, подумалъ я, стиснувъ зубы, и тотчасъ же, твердымъ шагомъ отправившись въ переднюю, отыскалъ нашего казачка Юшку и подарилъ ему часы!

Юшка сталъ-было отказываться, но я ему объявилъ, что если онъ не возьметъ у меня этихъ часовъ, я сію же минуту раздавлю, растопчу ихъ ногами, расшибу ихъ въ дребезги, брошу въ помойную яму! Онъ подумалъ, хихикнулъ и взялъ часы. А я возвратился въ нашу комнату, и, увидавъ Давыда, читавшаго книгу, разсказалъ ему свой поступокъ.

Давыдъ не отвелъ глазъ отъ страницы и опять, пожавъ плечомъ и улыбнувшись про себя, промолвилъ, что часы, молъ, твои, и ты въ нихъ воленъ.

Но мнѣ показалось, что онъ уже немножко меньше презиралъ меня.

Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что никогда болѣе не подвергнусь новому упреку въ безхарактерности, ибо эти часы, этотъ гадкій подарокъ моего гадкаго крестнаго, мнѣ вдругъ до такой степени опротивѣли, что я даже никакъ не въ состояніи былъ понять, какъ могъ я сожалѣть о нихъ, какъ могъ выканючивать ихъ у какого-то Трофимыча, который, къ тому же, еще въ правѣ думать, что обошелся со мною великодушно.

Прошло нѣсколько дней.... Помнится, въ одинъ изъ нихъ достигла и до нашего города великая вѣсть: императоръ Павелъ скончался, и сынъ его, Александръ, про благодушіе и человѣколюбіе котораго носилась такая хорошая молва, вступилъ на престолъ. Вѣсть эта страшно взволновала Давыда: возможность свиданія, близкаго свиданія съ отцомъ тотчасъ представилась ему. Мой батюшка тоже обрадовался.

— Всѣхъ ссыльныхъ теперь возвратятъ изъ Сибири, и брата Егора, чай, не забудутъ,—повторялъ онъ, потирая руки, кашляя и въ то же время словно робѣя.

Мы съ Давыдомъ тотчасъ бросили работать и ходить въ гимназію; мы даже не гуляли, а все сидѣли гдѣ-нибудь въ уголку, да разсчитывали и соображали, черезъ сколько мѣсяцевъ, сколько недѣль, сколько дней долженъ былъ вернуться „братъ Егоръ“, и куда было ему писать, и какъ пойти ему навстрѣчу, и какимъ образомъ мы начнемъ жить потомъ? „Братъ Егоръ“ былъ архитекторомъ: мы съ Давыдомъ рѣшили, что ему слѣдовало переселиться въ Москву и строить тамъ большія училища для бѣдныхъ людей, а мы бы пошли ему въ помощники. О часахъ мы

разумѣется, забыли совершенно; къ тому-жъ у Давыда завелись новыя заботы.... о нихъ рѣчь впереди; но часамъ было еще суждено напомнить о себѣ.

VII.

Въ одно утро, мы только-что успѣли позавтракать — я сидѣлъ одинъ подъ окномъ и размышлялъ о возвращеніи дяди—апрѣльская оттепель пàрила и сверкала на дворѣ—вдругъ въ комнату вбѣжала Пульхерія Петровна. Она во всякое время была очень проворна и егозлива, говорила пискливымъ голоскомъ и все размахивала руками, а тутъ она просто такъ и накинулась на меня.

— Ступай! ступай сейчасъ къ отцу, сударь! — затрещала она. Что это за шашни ты тутъ затѣялъ, безстыдникъ этакой!—Вотъ, будетъ ужò вамъ обоимъ! Настасѣй-Настасѣичъ всѣ ваши проказы на чистую воду вывелъ!... Ступай! Отецъ тебя зоветъ.... Сею минутою ступай!

Ничего еще не понимая, послѣдовалъ я за теткой—и переступивъ порогъ гостиной, увидалъ отца, ходившаго большими шагами взадъ и впередъ и ерошившаго хохолъ, Юшку въ слезахъ у двери, а въ углу, на стулѣ, моего крестнаго, Настасѣя Настасѣича — съ выраженіемъ какого-то особеннаго злорадства въ раздутыхъ ноздряхъ и загорѣвшихся, перекосившихся глазахъ.

Отецъ, какъ только я вошелъ, налетѣлъ на меня.

— Ты подарилъ часы Юшкѣ? сказывай!

Я взглянулъ на Юшку....

— Сказывай же!—повторилъ отецъ и затопалъ ногами.

— Да—отвѣчалъ я, и немедленно получилъ размашистую пощечину, доставившую большое удовольствіе моей теткѣ. Я слышалъ, какъ она крякнула, словно глотокъ горячаго чаю отхлебнула.—Отецъ отъ меня перебѣжалъ къ Юшкѣ.

— А ты, подлецъ, не долженъ былъ смѣть принять часы въ подарокъ,—приговаривалъ онъ, таская его за волосы:—а ты ихъ еще продалъ, бездѣльникъ!

Юшка, дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ простотѣ сердца снесъ мои часы къ сосѣднему часовщику.—Часовщикъ выѣсилъ ихъ передъ окномъ; Настасѣй Настасѣичъ, проходя мимо, увидалъ ихъ, выкупилъ и принесъ къ намъ въ домъ.

Впрочемъ, расправа со мной и съ Юшкой продолжалась недолго: отецъ запыхался, закашлялся, да и не въ правѣ его было сердиться.

— Братецъ, Порфирій Петровичъ,—промолвила тетка, какъ только замѣтила, не безъ нѣкотораго, конечно, сожалѣнія, что сердце съ отца, какъ говорится, соскочило:— вы больше не извольте безпокоиться: не стоитъ ручекъ вашихъ марать. А я вотъ что предлагаю: съ согласія почтеннаго Настасья Настасѣича, и по причинѣ такой большой неблагодарности вашего сынка—я часы эти возьму къ себѣ; а такъ какъ онъ поступкомъ своимъ доказалъ, что недостоинъ носить ихъ и даже цѣны имъ не понимаетъ, то я ихъ отъ вашего имени подарю одному человѣку, который очень будетъ чувствовать вашу ласку.

— Кому это?—спросилъ отецъ.

— А Хрисанфу Лукичу, — промолвила тетка съ небольшой запинкой.

— Хрисанфъ? — переспросилъ отецъ и, махнувъ рукой, прибавилъ: — мнѣ все едино. Хоть въ печку ихъ бросайте.

Онъ застегнулъ распахнувшійся камзолъ и вышелъ, корчась отъ кашля.

— А вы, родной, согласны? — обратилась тетка къ Настасѣю Настасѣичу.

— Съ истинной моей готовностью,—отвѣчалъ тотъ. — Въ продолженіи всей „расправы" онъ не шевелился на

своемъ стулѣ, а только тихонько пофыркивая и тихонько потирая кончики пальцевъ, поочередно, направлять свои лисьи глаза на меня, на отца, на Юшку. Истинное мы ему доставляли удовольствіе!...

Предложеніе моей тетки возмутило меня до глубины души. Мнѣ не часовъ было жаль; но очень уже былъ мнѣ ненавистенъ человѣкъ, которому она собиралась подарить ихъ.—Этотъ Хрисанѳъ Лукичъ, по фамиліи Транквиллитатинъ, здоровенный, дюжій, долговязый семинаристъ, повадился ходить къ намъ въ домъ—чортъ знаетъ, зачѣмъ! „Заниматься съ *отцами*“, увѣряла тетка; но заниматься съ нами онъ уже потому не могъ, что самъ ничему не научился и глупъ былъ, какъ лошадь. Онъ вообще смахивалъ на лошадь: стучалъ ногами, словно копытами, не смѣялся, а ржалъ, причемъ обнаруживалъ всю свою пасть, до самой гортани—и лицо имѣлъ длинное, нось съ горбиной и плоскія большія скулы: носилъ мохнатый фризовый кафтанъ, и пахло отъ него сырымъ мясомъ. Тетка въ немъ души не чаяла и величала его виднымъ мужчиной, кавалеромъ и даже гренадеромъ.—У него была привычка щелкать дѣтей (онъ и меня щелкалъ, когда я былъ моложе) по лбу — твердыми, какъ камень, ногтями своихъ длинныхъ пальцевъ—и щелкая, гоготать и удивляться: „какъ это у тебя-моль голова звенитъ! Значитъ: пустая!“ И этотъ-то олухъ будетъ владѣть моими часами!—Ни за что! рѣшилъ я въ умѣ своемъ, выбѣжавъ изъ гостиной и взобравшись съ ногами на кроватку, между тѣмъ какъ щека моя разгоралась и рдѣла отъ полученной поцечины—а на сердцѣ тоже разгоралась горечь обиды и жажда мести.... Ни за что! Не допущу, чтобы проклятый семинаръ надругался надо мною.... Надѣнетъ часы, цѣпочку выпуститъ по животу, станетъ ржать отъ удовольствія.... Ни за что!

Все такъ; но какъ это сдѣлать? какъ помѣшать?...

Я рѣшился украсть часы у тетки!

VIII.

Къ счастью, Транквиллитатинъ на ту пору отлучился куда-то изъ города: онъ не могъ придти къ намъ раньше завтрашняго дня; нужно было воспользоваться ночью! Тетка не запиралась у себя въ комнатѣ, да и у насъ въ цѣломъ домѣ ключи не дѣйствовали въ замкахъ; но куда она положитъ часы, гдѣ спрячетъ? До вечера она ихъ носила въ карманѣ. и даже не разъ вынимала и разсматривала ихъ; но ночью—гдѣ они ночью будутъ?—Ну, ужъ это мое дѣло отыскать, думалъ я, потрясая кулаками.

Я весь пылалъ отвагой и ужасомъ, и радостью близкаго желаннаго преступленья: я постоянно поводилъ головою сверху внизъ; я хмурилъ брови, я шепталъ: погодите! Я грозилъ кому-то, я былъ золъ, я былъ опасенъ... и я избѣгалъ Давыда! — Никто, ни даже онъ, не долженъ былъ имѣть малѣйшее подозрѣніе о томъ, что̀ я собирался совершить....

Буду дѣйствовать одинъ — и одинъ отвѣчать буду!

Медленно проволокся день.... потомъ вечеръ.... наконецъ настала ночь. Я ничего не дѣлалъ, даже старался не шевелиться: какъ гвоздь, засѣла мнѣ въ голову одна мысль. За обѣдомъ отецъ, у котораго сердце было, какъ я сказалъ, отходчивое, да и совѣстно ему немножко стало своей горячности — шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ уже не бьютъ по щекамъ,—отецъ попытался приласкать меня: но я отклонилъ его ласку не изъ злопамятства, какъ онъ вообразилъ тогда, а просто я боялся разчувствоваться: мнѣ нужно было въ цѣлости сохранить весь пылъ мести, весь закалъ безвозвратнаго рѣшенія! Я легъ очень рано; но, разумѣется, не заснулъ и даже глазъ не закрылъ, а напротивъ, таращилъ ихъ — хоть и натянулъ себѣ на голову одѣяло. Я не обдумывалъ заранѣе—какъ поступить;

у меня не было никакого плана: я ждалъ только, когда это, наконецъ, все затихнетъ въ домѣ. Я принялъ одну лишь мѣру: не снялъ чулокъ. Комната моей тетки находилась во второмъ этажѣ. Надо было пройти столовую, переднюю, подняться по лѣстницѣ, пройти небольшой корридорчикъ—а тамъ.... направо дверь!... Не для чего было брать съ собою огарокъ или фонарикъ: въ углу теткиной комнаты, передъ кіотомъ, теплилась неугасимая лампадка: я это зналъ. Стало-быть, видно будетъ! Я продолжалъ лежать съ вытаращенными глазами съ раскрытымъ и засохшимъ ртомъ; кровь стучала у меня въ вискахъ, въ ушахъ, въ горлѣ, въ спинѣ, во всемъ тѣлѣ! Я ждалъ.... но словно объ какой потѣшался надо мною: время шло.... шло, а тишина не водворялась.

IX.

Никогда, казалось мнѣ, Давыдъ такъ поздно не засыпалъ.... Давыдъ, молчаливый Давыдъ даже заговаривалъ со мною! Никогда такъ долго въ домѣ не стучали, не ходили, не бесѣдовали! И о чемъ это они толкуютъ, думалось мнѣ; не наболтались съ утра! Наружные звуки тоже долго не прекращались: то собака лаяла тонкимъ, упорнымъ лаемъ; то пьяный мужикъ гдѣ-то все бурлилъ и не унимался; то какія-то ворота все скрипѣли: то телѣжонка на дряблыхъ колесахъ ѣхала, ѣхала и никакъ проѣхать не хотѣла! Впрочемъ, *эти* звуки не раздражали меня: напротивъ я былъ имъ почему-то радъ! Они, какъ будто, отвлекали вниманіе.—Но вотъ, кажется, наконецъ, все угомонилось. Одинъ лишь маятникъ нашихъ старыхъ часовъ сипло и важно щелкаетъ въ столовой, да слышится мѣрное и протяжное, словно трудное дыханіе спящихъ людей. Я собираюсь приподняться... но вотъ, опять что-то прошипѣло... потомъ вдругъ

охнуло... что-то мягкое упало — и шепотъ разносится, шепотъ скользитъ по стѣнамъ....

Или ничего этого нѣтъ — и только одно воображеніе меня дразнитъ?

Заглохло, наконецъ, все: стала самая сердцевина и темь. и глушь ночи.—Пора! Заранѣе весь похолодѣлый, я сбрасываю одѣяло, опускаю ноги на полъ, встаю.... Шагъ: другой.... Я крадусь.—Плюсны ногъ, словно чужія, тяжелыя, переступаютъ слабо и невѣрно. Стой! что̀ это за звукъ? Нилитъ кто гдѣ, или скребетъ.... или вздыхаетъ? Я прислушиваюсь.... по щекамъ перебѣгаютъ муравки, на глаза выступаютъ водянистыя, холодныя слезы.... Ничего!.... Я крадусь опять. Темно; но я знаю дорогу. Вдругъ я натыкаюсь на стулъ.... Какой стукъ. и какъ больно! Ударъ пришелся прямо по голени.... Замираю на мѣстѣ.... Ну, проснутся? А! была не была! Вдругъ является смѣлость и даже злость. Впередъ! впередъ! Вотъ. уже и столовая пройдена: вотъ, уже и дверь ощупана, раскрыта разомъ, съ размаху.... Визгнула-таки петля проклятая.... ну ее! Вотъ, уже я по лѣстницѣ поднимаюсь.... Разъ! два! разъ, два! Хрустнула подъ ногой ступенька; я взглядываю на нее злобно—словно я видѣть ее могу. Вотъ, уже другую дверь я потянулъ за ручку.... Эта хоть бы чукнула! Такъ легохонько и распахнулась: милости просимъ-молъ.... Вотъ. уже я въ коридорѣ!

Въ коридорѣ наверху. подъ потолкомъ, небольшое окошечко. Слабый ночной свѣтъ чуть свѣтся сквозь темныя стекла. И видится мнѣ, при томъ брезжущемъ свѣтѣ. на полу- на войлокѣ. лежитъ закинувъ объ руки за растрепанную голову. наша дѣвочка побѣгушка: крѣпко спитъ она, дышетъ проворно, а за самой ея головою роковая дверь. Я шагаю черезъ войлокъ, черезъ дѣвочку.... Кто мнѣ отворилъ ту дверь.... не знаю; но вотъ, уже я въ теткѝной комнатѣ: вотъ лампадка въ одномъ углу и кровать

въ другомъ, и тетка въ чепцѣ и кофтѣ на кровати, лицомъ ко мнѣ. Спитъ, не шевелится; даже дыханія не слыхать. Пламя лампадки тихонько колеблется, возмущенное притокомъ свѣжаго воздуха; и по всей комнатѣ, и по неподвижному, какъ воскъ желтому лицу тетки—заколебались тѣни....

А вотъ и часы! За кроватью, на стѣнѣ висятъ они на вышитой подушечкѣ. Экое счастье, подумаешь!... Нечего мѣшкать! Но чьи это шаги, мягкіе и быстрые, за моей спиною? Ахъ, нѣтъ! это сердце стучитъ!... Я заношу ногу впередъ.... Боже! что-то круглое, довольно большое, толкаетъ меня ниже колѣна.... разъ! и еще разъ! Я готовъ вскрикнуть, я готовъ упасть отъ ужаса.... Полосатый котъ, нашъ домашній котъ стоитъ передо мной, сгорбивъ спину, задравъ хвостъ. Вотъ, онъ вскакиваетъ на кровать—тяжело и мягко—оборачивается и сидитъ не мурлыча, словно судья какой; сидитъ и глядитъ на меня своими золотыми зрачками. Кись! кись! шепчу я чуть слышно. Я перегибаюсь черезъ тетку, я уже схватилъ часы..... Она вдругъ приподнимается, широко раскрываетъ вѣки.... Создатель! что̀ будетъ?... Но вѣки ея вздрагиваютъ и закрываются, и съ слабымъ лепетомъ падаетъ голова на подушку.

Минута—и я уже опять въ своей комнатѣ, на своей постели, и часы у меня въ рукахъ....

Легче пуха примчался я назадъ! Я молодецъ, я воръ, я герой, я задыхаюсь отъ радости, мнѣ жарко, мнѣ весело—я хочу тотчасъ разбудить Давыда, все разсказать ему—и, невѣроятное дѣло! засыпаю, какъ убитый! Я открываю, наконецъ, глаза.... Въ комнатѣ свѣтло; солнце уже встало. Къ счастью, еще никто не проснулся. Я вскакиваю, какъ ошпаренный, бужу Давыда, сообщаю ему все. Онъ выслушиваетъ, ухмыляется.—„Знаешь ли, что̀?—говоритъ онъ мнѣ наконецъ.—Зароемъ мы эти дурацкіе часы въ землю, чтобы и духу ихъ больше не было!„ Я нахожу

его мысль безподобной. Въ нѣсколько мгновеній мы оба одѣты, бѣжимъ въ фруктовый садъ расположенный позади нашего дома,—и подъ старой яблонью, въ глубокой ямѣ, торопливо вырытой въ рыхлой весенней землѣ большимъ Давыдовымъ ножемъ, скрывается навсегда ненавистный подарокъ крестнаго отца, такъ-таки не доставшійся въ руки противному Транквиллитатину! Мы утаптываемъ яму, набрасываемъ на нее щебню, и гордые, счастливые, никѣмъ не замѣченные, возвращаемся домой, ложимся въ наши постели и спимъ еще часокъ-другой — и какимъ легкимъ и блаженнымъ сномъ!

X.

Можете себѣ представить, какой гвалтъ поднялся на слѣдующее утро, какъ только тетка проснулась и хватилась часовъ! До сихъ поръ звенитъ у меня въ ушахъ ея пронзительный крикъ. „Караулъ! Ограбили! ограбили!“—вопила она и взбудоражила весь домъ. Она бѣсновалась, а мы съ Давыдомъ только улыбались про себя, и сладка была намъ наша улыбка. „Всѣхъ, всѣхъ пересѣчь надо!—кричала тетка:—изъ-подъ головы, изъ-подъ подушки вытащили часы!“ Мы на все были готовы, мы ждали бѣды.... но, противъ ожиданья, бѣды не стряслось надъ нами никакой. На первыхъ порахъ отецъ, точно, разволновался страшно—онъ даже о полиціи упомянулъ; но, знать, ему уже вчерашняя расправа прискучила, и онъ внезапно, къ неописанному изумленію тетки, накинулся не на насъ, а на нее!—„Надоѣли вы мнѣ мнѣ пуще горькой рѣдьки, Пульхерія Петровна,—закричалъ онъ,—съ вашими часами! Слышать о нихъ я больше не хочу! Не колдовствомъ же они пропали, говорите вы; а мнѣ что за дѣло? Хоть бы колдовствомъ! Украли ихъ у васъ? ну, туда имъ и дорога! Настасѣй Настасѣичъ что скажетъ? А чортъ съ нимъ со-

всѣмъ, съ вашимъ Настасьичемъ! Я отъ него, кромѣ накостей, да неудовольствій, ничего не вижу. Не смѣть меня больше безпокоить! Слышите!“ — Отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Мы сперва съ Давыдомъ не поняли намека, заключавшагося въ его послѣднихъ словахъ; но потомъ мы узнали, что отецъ въ это самое время сильно негодовалъ на моего крестнаго, перебившаго у него выгодное дѣло. Такъ и осталась тетка съ носомъ. Она чуть не лопнула съ досады, но дѣлать было нечего. Она должна была ограничиться тѣмъ, что, проходя мимо меня и скрививъ ротъ въ мою сторону, рѣзкимъ шепотомъ твердила: „воръ, воръ, каторжникъ, мошенникъ!“ —Укоризны тетки доставляли мнѣ истинное наслажденіе. Очень было также пріятно, проходя палисадникомъ, скользить притворно-равнодушнымъ глазомъ по самому тому мѣсту подъ яблоней, гдѣ покоились часы; и если Давыдъ находился тутъ же, вблизи, — обмѣняться съ нимъ значительной ужимкой...

Тетка вздумала-было натравить на меня Транквиллитатина; но я прибѣгнулъ къ помощи Давыда. Тотъ прямо объявилъ дюжему семинаристу, что распоретъ ему ножемъ брюхо, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.... Транквиллитатинъ испугался: онъ хоть и гренадеръ былъ, и кавалеръ, по выраженію тетки, однако храбростью не отличался. Такъ прошло недѣль пять.... Но не думаете ли вы, что исторія съ часами такъ и кончилась? Нѣтъ, она не кончилась; только для того, чтобы продолжать мой разсказъ, мнѣ нужно ввести новое лицо; а чтобы ввести это новое лицо, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

XI.

Мой отецъ былъ долгое время очень друженъ, даже коротокъ съ однимъ отставнымъ чиновникомъ, Латкинымъ, хроменькимъ, убогенькимъ человѣкомъ съ робкими и стран-

ными ухватками, одним изъ тѣхъ существъ, про которыхъ сложилась поговорка, что они самимъ Богомъ убиты. Подобно отцу моему и Настасѣю, онъ занимался хожденіемъ по дѣламъ и былъ тоже частнымъ „стряпчимъ“ и повѣреннымъ; но, не обладая ни представительной наружностью, ни даромъ слова и слишкомъ мало на себя надѣясь, онъ не рѣшался дѣйствовать самостоятельно и примкнулъ къ моему отцу. Почеркъ у него былъ „настоящій бисеръ“, законы онъ зналъ твердо и до тонкости постигъ всѣ завитушки просьбеннаго и приказнаго слога. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ орудовалъ различныя дѣла, дѣлилъ барыши и убытки и, казалось, ничто не могло поколебать ихъ дружбу; и со всѣмъ тѣмъ, она рухнула въ одинъ день—и навсегда. Отецъ навсегда разсорился съ своимъ сотрудникомъ. Если бы Латкинъ отбилъ у отца выгодное дѣло, на манеръ замѣнившаго его впослѣдствіи Настасѣя,—отецъ вознегодовалъ бы на него не болѣе, чѣмъ на Настасѣя, вѣроятно даже меньше; но Латкинъ, подъ вліяніемъ необъяснимаго, непонятнаго чувства—зависти, жадности—а быть можетъ, и подъ мгновеннымъ напѣвомъ честности—„подвелъ“ моего отца, выдалъ его общему ихъ довѣрителю, богатому молодому купцу, открывъ глаза этому безпечному юношѣ на нѣкоторый.... нѣкоторый кунштюкъ, долженствовавшій принести значительную пользу моему отцу. Не денежная утрата, какъ она велика ни была—нѣтъ! а измѣна оскорбила и взорвала отца. Онъ не могъ простить коварства!

— Вишь, святой выискался! — твердилъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва и стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Я находился тутъ же, въ комнатѣ, и былъ свидѣтелемъ этой безобразной сцены.—„Добро! Съ нынѣшняго дня — амшь! Кончено между нами. Вотъ Богъ, а вотъ порогъ! Ни я у тебя, ни ты у меня! Вы для насъ ужъ больно честны—гдѣ намъ съ вами общество водить! Но не быть же тебѣ ни дна, ни покрышки! Напрасно Латкинъ умо-

лялъ отца, клапялся ему земно: напрасно пытался объяснить то, что наполняло его собственную душу болѣзненнымъ недоумѣніемъ.—„Вѣдь безъ всякой пользы для себя, Порфирій Петровичъ, лепеталъ онъ: вѣдь самого себя зарѣзалъ!“ Отецъ остался непреклоненъ.... Ноги Латкина уже больше не было въ нашемъ домѣ. Сама судьба, казалось, вознамѣрилась оправдать послѣднее жестокое пожеланіе моего отца. Вскорѣ послѣ разрыва — (произошелъ онъ года за два до начала моего разсказа) жена Латкина, правда, уже давно больная, умерла: вторая его дочка, трехлѣтній ребенокъ, отъ страха онѣмѣла и оглохла въ одинъ день: пчелиный рой облѣпилъ ей голову: самъ Латкинъ подвергся апоплексическому удару — и палъ въ крайнюю, окончательную бѣдность. Какъ онъ перебивался, чѣмъ существовалъ—трудно было даже предетавить. Жилъ онъ въ полуразрушенной хибарочкѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ нашего дома. Старшая его дочь, Раиса, тоже жила съ нимъ и хозяйничала по возможности. Эта Раиса была именно то новое лицо, которое я долженъ ввести въ разсказъ.

XII.

Пока отецъ ея былъ друженъ съ моимъ, мы безпрестанно ее видали; она иногда по цѣлымъ днямъ сиживала у насъ и либо шила, либо пряла своими тонкими, проворными и ловкими руками. Это была стройная, немного сухощавая дѣвушка, съ умными карими глазами на блѣдномъ, длиноватомъ лицѣ. Она говорила мало, но толково, тихимъ и звонкимъ голосомъ, почти не раскрывая рта и не выказывая зубовъ; когда она смѣялась—что случалось рѣдко и никогда долго не продолжалось—они вдругъ выставлялись всѣ, большіе, бѣлые, какъ миндалины. Помню я также ея походку, легкую, упругую, съ маленькимъ подпрыгомъ на

каждомъ шагу; мнѣ всегда казалось, что она сходитъ по ступенямъ лѣстницы, даже когда она шла по ровному мѣсту. Она держалась прямо, съ поджатыми на груди руками. И что бы она ни дѣлала, за что бы она ни принималась—ну, хоть бы нитку въ ушко иголки вдѣвать, или юбку утюгомъ разглаживать — все выходило у нея красиво и какъ-то.... вы не повѣрите.... какъ-то трогательно. Христіанское ея имя было Раиса, но мы ее звали Черногубкой: у ней на верхней губѣ было родимое, темноватое пятнышко, точно она поѣла куманики; но это ея не портило: напротивъ. Она была ровно годомъ старше Давыда. Я питалъ къ ней чувство въ родѣ уваженія, но она зналась со мною мало. За то между Давыдомъ и ею завелась дружба — не дѣтская, странная, но хорошая дружба. Они какъ-то шли другъ къ другу. Они иногда по цѣлымъ часамъ не мѣнялись словомъ, но каждому чувствовалось, что имъ обоимъ хорошо—и потому именно хорошо, что они вмѣстѣ. Я другой такой дѣвушки не встрѣчалъ, право. Въ ней было что-то внимательное и рѣшительное, что-то честное, и печальное, и милое. Я не слыхивалъ отъ нея умнаго слова, за то я и пошлости отъ нея не слыхалъ, а умнѣе глазъ я не видывалъ. Когда произошелъ разрывъ между ея семействомъ и моимъ, я сталъ рѣдко ее видѣть: отецъ мой строжайше запретилъ мнѣ навѣщать Латкиныхъ—и она уже не показывалась у насъ въ домѣ. Но я встрѣчался съ нею на улицѣ, въ церкви, и Черногубка внушала мнѣ все тѣ же чувства: уваженіе и даже нѣкоторое удивленіе — скорѣй, чѣмъ жалость. Очень уже она хорошо переносила свое несчастье. „Кремень-дѣвка“, сказалъ про нее однажды самъ топорный Транквиллитатинъ. А по настоящему, слѣдовало пожалѣть о ней: лицо ея приняло выраженіе озабоченное, утомленное, глаза осунулись и углубились: непосильная тягота легла ей на молоденькія плечи.

Давыдъ видѣлъ ее гораздо чаще, чѣмъ я: онъ и въ домъ къ нимъ ходилъ. Отецъ махнулъ на него рукою: онъ зналъ, что Давыдъ все-таки его не послушается. И Ранса отъ времени до времени появлялась у плетня нашего сада, выходившаго на проулокъ, и видалась тамъ съ Давыдомъ: не бесѣду она вела съ нимъ, а сообщала ему какое-нибудь новое затрудненіе или новую бѣду—спрашивала совѣта. Параличъ, поразившій Латкина, былъ свойства довольно страннаго. Руки, ноги его ослабѣли, но онъ не лишился ихъ употребленія, даже мозгъ его дѣйствовалъ правильно; за то языкъ его путался и, вмѣсто однихъ словъ, произносилъ другія: надо было догадываться, что̀ именно онъ хочетъ сказать.

....„Чу-чу-чу“ лепеталъ онъ съ усиліемъ—онъ всякую фразу начиналъ съ чу-чу-чу: — „ножницы мнѣ ножницы“.... А ножницы означали хлѣбъ. Отца моего онъ ненавидѣлъ всѣми оставшимися у него силами—онъ его заклятью приписывалъ всѣ свои бѣдствія и звалъ его то мясникомъ, то брилліантщикомъ. „Чу, чу, къ мяснику не смѣй ходить, Васильевна!“ Онъ этимъ именемъ окрестилъ свою дочь, а звали его Мартиньяномъ. Съ каждымъ днемъ становился онъ болѣе требовательнымъ; нужды его росли.... А какъ удовлетворять эти нужды? Откуда взять денегъ? Горе скоро старитъ; но жутко было слышать иныя слова въ устахъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

XIII.

Помнится, мнѣ пришлось присутствовать при ея бесѣдѣ у забора съ Давыдомъ, въ самый день кончины ея матери.

— Сегодня, на зорькѣ, матушка скончалась, — говорила она, поводивъ сперва кругомъ своими темными, выразительными глазами, а тамъ вперивъ ихъ въ землю:—кухарка взялась гробъ подешевле купить; да она у насъ не-

надежная; пожалуй, еще деньги пропьетъ. Ты бы пришелъ, посмотрѣлъ, Давыдушко: тебя она побоится.

— Приду,—отвѣчалъ Давыдъ,—посмотрю.... А что отецъ?

— Плачетъ; говоритъ: побалуйте, дескать, и меня. „Побалуйте“—должно, значитъ,—похороните. Теперь заснулъ.—Раиса вдругъ глубоко вздохнула.—Ахъ, Давыдушко, Давыдушко!—Она провела полусжатымъ кулачкомъ себѣ по лбу и по бровямъ, и было это движеніе и горько такъ.... и такъ искренно, и такъ красиво, какъ всѣ ея движенія.

— Ты, однако, себя пожалѣй,—замѣтилъ Давыдъ.—Не спала, чай, вовсе.... Да и что плакать? Горю не пособить.

— Мнѣ плакать некогда,—отвѣчала Раиса.

— Это богатые баловаться могутъ, плакать-то—замѣтилъ Давыдъ.

Раиса пошла-было да вернулась.

— Желтую шаль у насъ торгуютъ, знаешь, изъ маменькинаго приданаго. Двѣнадцать рублей даютъ. Я думаю, мало.

— И то, мало.

— Мы-бъ ея не продали,—промолвила Раиса, помолчавъ немного,—да, вѣдь, на похороны нужно.

— И то, нужно. Только зря денегъ давать не слѣдуетъ. Попы эти—бѣда! Да вотъ, постой, я приду. Ты уходишь?—Я скоро буду. Прощай, голубка.

— Прощай, братецъ, голубчикъ!

— Смотри же, не плачь!

— Какое, плакать? Либо обѣдъ варить, либо плакать. Одно изъ двухъ.

— Какъ: обѣдъ варить? — обратился я къ Давыду, какъ только Раиса удалилась,—развѣ она сама кушанье готовитъ?

— Да вѣдь ты слышалъ: кухарка гробъ пошла торговать.

„Готовитъ обѣдъ“, подумалъ я, „а руки у ней всегда такія чистыя и одежда опрятная.... Я бы посмотрѣлъ, какъ она, тамъ, въ кухнѣ.... Необыкновенная дѣвушка!“

Помню я другой разговоръ „у забора“. На этотъ разъ Раиса привела съ собою свою глухо-нѣмую сестричку. Это былъ хорошенькій ребенокъ, съ огромными, удивленными глазами и цѣлой громадой черныхъ, тусклыхъ волосъ на маленькой головкѣ (у Раисы волосы были тоже черные— и тоже безъ блеска). Латкинъ былъ уже пораженъ параличомъ.

— Ужъ я не знаю, какъ быть,—начала Раиса.—Докторъ рецептъ прописалъ, надо въ аптеку сходить; а тутъ нашъ мужичокъ (у Латкина осталась одна крѣпостная душа) дровецъ изъ деревни привезъ, да гуся. А дворникъ отнимаетъ: вы мнѣ, говоритъ, задолжали.

— Гуся отнимаетъ?—спросилъ Давыдъ.

— Нѣтъ, не гуся. Онъ, говоритъ, старый; ужъ больше не годится. Оттого, говоритъ, и мужичекъ вамъ его привезъ. А дрова отнимаетъ.

— Да онъ права не имѣетъ!—воскликнулъ Давыдъ.

— Права не имѣетъ, а отнимаетъ.... Я пошла на чердакъ; тамъ у насъ сундукъ стоитъ, старый, престарый. Стала я въ немъ рыться.... И что же я нашла: посмотри!

Она достала изъ-подъ косынки довольно большую зрительную трубку, въ мѣдной оправѣ, оклеенную пожелтѣлымъ сафьяномъ. Давыдъ, какъ любитель и знатокъ всякаго рода инструментовъ, тотчасъ ухватился за нее.

— Англійская,—промолвилъ онъ, приставляя ее то къ одному глазу, то къ другому.—Морская!

— И стекла цѣлы, — продолжала Раиса. — Я показала батюшкѣ; онъ говоритъ: снеси, заложи брилліантщику! Вѣдь, что ты думаешь? За нее дадутъ деньги? А

намъ на что̀ зрительная трубка? Развѣ на себя въ зеркало посмотрѣть, каковы мы есть красавцы. Да зеркала, жаль, нѣтъ.

И сказавши эти слова, Раиса вдругъ громко засмѣялась. Сестричка ея, конечно, не могла ее услышать, но, вѣроятно, почувствовала сотрясеніе ея тѣла: она держала Раису за руку—и, поднявши на нее свои большіе глаза, испуганно перекосила личико и залилась слезами.

— Вотъ такъ-то она всегда, — замѣтила Раиса, — не любитъ, когда смѣются.

— Ну, не буду, Любочка, не буду,—прибавила она, проворно присѣвъ на корточки возлѣ ребенка и проводя пальцами по ея волосамъ.—Видишь?

Смѣхъ исчезъ съ лица Раисы, и губы ея, концы которыхъ какъ-то особенно мило закручивались кверху, стали опять неподвижны. Ребенокъ умолкъ. Раиса приподнялась.

— Такъ ты, Давыдушка, порадѣй.... съ трубой-то. А то, дровъ жаль, — да и гуся, какой онъ ни на есть старый!

— Десять рублей непремѣнно дадутъ, — промолвилъ Давыдъ, переворачивая трубку во всѣ стороны.—Я ее у тебя куплю.... чего лучше? А вотъ, пока, на антеку—пятналтынный.... Довольно?

— Это я у тебя занимаю, — шепнула Раиса, принимая отъ него пятналтынный.

— Еще бы! Съ процентами—хочешь? Да, вотъ, и залогъ у меня есть. Важнѣйшая вещь!... Первый народъ—англичане.

— А, говорятъ, мы съ ними воевать будемъ!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Давыдъ,—мы теперь французовъ бьемъ.

— Ну—тебѣ лучше знать. Такъ порадѣй. Прощайте, господа!

XIV.

А то, вотъ еще какой разговоръ происходилъ все у того же забора. Раиса казалась озабоченной больше обыкновеннаго.

— Пять конѣекъ кочанъ капусты, да и кочанъ-то „махенькій-премахенькій“,—говорила она, подпершн рукою подбородокъ. — Вотъ, какъ дорого! А за шитье деньги еще не получены.

— Тебѣ кто долженъ?—спросилъ Давыдъ.

— Да все таже купчиха, что̀ за валомъ живетъ.

— Эта, что̀ въ шушунѣ зеленомъ ходитъ, толстая такая?

— Она, она.

— Вишь, толстая! Отъ жира не продышится, въ церкви такъ даже паромъ отъ нея пибаетъ, а долги не платитъ!

— Она заплатитъ.... только когда? А то, вотъ еще. Давыдушко, новыя у меня хлопоты. Вздумалъ отецъ мнѣ сны свои разсказывать,—ты вѣдь знаешь, косноязыченъ онъ сталъ: хочетъ одно слово промолвить, анъ выходитъ другое. На счетъ пищи или чего тамъ житейскаго—мы уже привыкли, понимаемъ; а сонъ и у здоровыхъ-то людей непонятенъ бываетъ, а у него—бѣда! Я, говоритъ, очень радуюсь; сегодня все по бѣлымъ птицамъ прохаживался: а Господь Богъ мнѣ пукѣтъ подарилъ, а въ пукѣтѣ Андрюша съ ножичкомъ. Онъ нашу Любочку Андрюшей зоветъ. — Теперь мы, говоритъ, будемъ здоровы оба. Только надо ножичкомъ—чпрк! Эво такъ! и на горло показываетъ.—Я его не понимаю; говорю: хорошо, родной, хорошо; а онъ сердится, хочетъ мнѣ растолковать въ чемъ дѣло. Даже въ слезы ударился.

— Да ты бы ему что-нибудь такое сказала, — вмѣшался я:—солгала бы что-нибудь.

— Не умѣю я лгать-то—отвѣчала Раиса, и даже руками развела.

И точно: она лгать не умѣла.

— Лгать не надо, — замѣтилъ Давыдъ: — да и убивать себя тоже не слѣдъ. Вѣдь спасибо никто тебѣ не скажетъ?

Раиса поглядѣла на него пристально.

— Что я хотѣла спросить у тебя, Давыдушко; какъ надо писать: „штопъ?“

— Что такое „штопъ?“

— Да вотъ, напримѣръ: я хочу, *штобъ* ты живъ былъ.

— Ишши: ша, твердо, онъ, буки, еръ!

— Нѣтъ,—вмѣшался я:—не ша, а червь!

— Ну, все равно, ишши: червь! А главное—сама-то ты живи!

— Мнѣ бы хотѣлось писать правильно, — замѣтила Раиса и слегка покраснѣла.

Она, когда краснѣла, тотчасъ удивительно хорошѣла.

— Пригодиться оно можетъ... Батюшка, въ свое время, какъ писалъ... На удивленіе! Онъ и меня выучилъ. Ну, теперь онъ даже буквы плохо разбираетъ.

— Ты только у меня живи,—повторилъ Давыдъ, понизивъ голосъ и не спуская съ нея глазъ. Раиса быстро глянула на него и пуще покраснѣла.—Живи ты.... а писать... ишши, какъ знаешь.... О, чортъ, вѣдьма идетъ! (Вѣдьмой Давыдъ звалъ мою тетку). И что ее сюда носитъ?... Уходи, душа!

Раиса еще разъ глянула на Давыда и убѣжала.

Давыдъ весьма рѣдко и неохотно говорилъ со мною о Раисѣ, объ ея семьѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ поджидать возвращенія своего отца. Онъ только и думалъ.

что о немъ—и какъ мы потомъ жить будемъ. Онъ живо его помнилъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ описывалъ мнѣ его.

— Большой, сильный, одной рукой десять пудовъ поднимаетъ... Какъ крикнетъ: гей, малый!—такъ по всему дому слышно. Славный такой, добрый.... и молодецъ! Ни передъ кѣмъ, бывало, не струситъ. Отличное было наше житье, пока насъ не разорили! Говорятъ, онъ теперь совсѣмъ сѣдой сталъ, а прежде такой же былъ рыжій, какъ я. Си-п-лачъ!

Давыдъ никакъ не хотѣлъ допустить, что мы останемся въ Рязани.

— Вы-то уѣдете,—замѣтилъ я:—да я-то останусь.

— Пустяки! Мы тебя съ собой возьмемъ.

— А съ отцомъ-то какъ быть?

— Отца ты своего бросишь. А не бросишь—пропадешь.

— Что такъ?

Давыдъ не отвѣчалъ мнѣ и только нахмурилъ свои бѣлыя брови.

— Вотъ, какъ мы уѣдемъ съ батькой, — началъ онъ снова:—найдетъ онъ себѣ хорошее мѣсто, я женюсь....

— Ну это еще не скоро,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, отчего же? Я женюсь скоро.

— Ты?

— Да, я; а что?

— Ужъ нѣтъ ли у тебя невѣсты на примѣтѣ?

— Конечно, есть.

— Кто же она такая?

Давыдъ усмѣхнулся.

— Какой ты, однако, безтолковый! Конечно, Раиса.

— Раиса! — повторилъ я съ изумленіемъ. — Ты шутишь!

— Я, братъ, шутить и не умѣю, и не люблю.

— Да вѣдь она годомъ тебя старше?

— Что-жъ такое? А, впрочемъ, бросимъ этотъ разговоръ.

— Позволь мнѣ одно спросить, — промолвилъ я. — Знаетъ она, что ты собираешься на ней жениться?

— Вѣроятно.

— Но ты ей ничего не открывалъ?

— Что тутъ открывать? Придетъ время, скажу. Ну, баста!

Давыдъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Оставшись наединѣ, я подумалъ.... подумалъ.... и рѣшилъ, наконецъ, что Давыдъ поступаетъ, какъ благоразумный и практическій человѣкъ; и мнѣ даже лестно стало, что я другъ такого практическаго человѣка!

А Раиса, въ своемъ вѣковѣчномъ черномъ шерстяномъ платьицѣ, мнѣ вдругъ показалась прелестной и достойной самой преданной любви!

XV.

Давыдовъ отецъ все не ѣхалъ и даже писемъ не присылалъ. Лѣто давно стало, іюнь мѣсяцъ шелъ къ концу. Мы истомились въ ожиданіи.

Между тѣмъ, начали ходить слухи, что Латкину вдругъ гораздо похужѣло, и семья его—того и жди—съ голоду помретъ, а не то домъ завалится и крышей всѣхъ задавитъ. Давыдъ даже въ лицѣ измѣнился и такой сталъ злой и угрюмый, что хоть не приступайся къ нему. Отлучаться онъ тоже сталъ чаще. Съ Раисой я не встрѣчался вовсе. Изрѣдка мелькала она вдали, быстро переходя черезъ улицу своей красивой, легкой походкой, прямая, какъ стрѣла, съ поджатыми руками, съ темнымъ и умнымъ взоромъ подъ длинными бровями, съ озабоченнымъ выраженіемъ на блѣдномъ и миломъ лицѣ—вотъ и все. Тетка, съ помощью

своего Трашквиллитатина, жучила меня по прежнему, и по прежнему укоризненно шептала мнѣ въ самое ухо: „воръ, сударь, воръ!" Но я не обращалъ на нее вниманія; а отецъ захлопотался, корѣлъ, разъѣзжалъ, писалъ и знать ничего не хотѣлъ.

Однажды, проходя мимо знакомой яблони, я, больше по привычкѣ, бросилъ косвенный взглядъ на извѣстное мѣстечко, и вдругъ мнѣ показалось, какъ-будто на поверхности земли, прикрывавшей нашъ кладъ, произошла нѣкоторая перемѣна.... Какъ-будто горбинка появилась тамъ, гдѣ прежде было углубленіе, и куски щебня лежали уже не такъ! „Что это значитъ?" подумалось мнѣ. „Неужто кто-нибудь проникъ нашу тайну и вырылъ часы?"

Надо было удостовѣриться въ этомъ собственными глазами. Къ часамъ, ржавѣющимъ въ утробѣ земли, я, конечно, чувствовалъ полнѣйшее равнодушіе: но не позволитъ же другому воспользоваться ими! А потому на слѣдующій же день, я, снова поднявшись до зари и вооружившись ножемъ, отправился въ садъ, отыскалъ намѣченное мѣсто подъ яблоней, принялся рыть—и, вырывши чуть не аршинную яму, долженъ былъ убѣдиться, что часы пропали, что кто-то ихъ досталъ, вытащилъ, укралъ!

Но кто же могъ ихъ.... вытащить—кромѣ Давыда?

Кто другой зналъ, гдѣ они находились?

Я засыпалъ яму и вернулся домой. Я чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ.

„Положимъ,—думалъ я,—часы понадобились Давыду для того, чтобы спасти отъ голодной смерти свою будущую жену, или ея отца.... Что тамъ ни говори, часы эти чего-нибудь да стоютъ.... Да какъ было не придти ко мнѣ и не сказать: „брать—(я на мѣстѣ Давыда непремѣнно сказалъ бы: брать) — брать! я нуждаюсь въ деньгахъ: у тебя ихъ нѣтъ, я знаю, но позволь воспользоваться тѣми часами, которые мы вмѣстѣ съ тобою за-

рыли подъ старой яблонью? Они никому не приносятъ пользы, а я тебѣ такъ буду благодаренъ, братъ! "Съ какой бы радостью я согласился! Но дѣйствовать тайно, измѣнически, не довѣриться другу.... Нѣтъ! Никакая страсть, никакая нужда этого не извиняетъ!

Я повторяю, я былъ сильно оскорбленъ. Я началъ-было выказывать холодность, дуться...

Но Давыдъ былъ не изъ тѣхъ, которые это замѣчаютъ и тревожатся!

Я началъ дѣлать намеки....

Но Давыдъ, казалось, нисколько не понималъ моихъ намековъ!

Я говорилъ при немъ, какъ низокъ въ моихъ глазахъ тотъ человѣкъ, который, имѣя друга и даже понимая все значеніе этого священнаго чувства, дружбы, не обладаетъ, однако, достаточно великодушіемъ, чтобы не прибѣгать къ хитрости; какъ будто можно что-нибудь скрыть!

Произнося эти послѣднія слова, я смѣялся презрительно.

Но Давыдъ и ухомъ не велъ!

Я, наконецъ, прямо спросилъ его: какъ онъ полагаетъ, часы наши или еще нѣкоторое время, будучи похоронены въ землю, или тотчасъ же остановились?

Онъ отвѣчалъ мнѣ:—А чортъ ихъ знаетъ! Вотъ, нашелъ о чемъ размышлять?!

Я не зналъ, что̀ думать. У Давыда, очевидно, было что-то на-сердцѣ... но только не похищеніе часовъ. Неожиданный случай доказалъ мнѣ его невиновность.

XVI.

Я возвращался однажды домой по одному проулочку, по которому я вообще избѣгалъ ходить, такъ какъ въ немъ

находился флигель, гдѣ квартировалъ мой врагъ Трашквилитатинъ; но на этотъ разъ сама судьба привела меня туда. Проходя подъ закрытымъ окномъ одного трактирнаго заведенія, я вдругъ услыхалъ голосъ нашего слуги Василья, молодого, развязнаго малаго, великаго „лѣнтяя и шалопая", какъ выражался мой отецъ,—но великаго также покорителя женскихъ душъ, на которыхъ онъ дѣйствовалъ острословіемъ, пляской и игрою на тѣрбанѣ.

— И вѣдь, поди-жъ ты, что̀ выдумали! — говорилъ Василій, котораго я видѣть не могъ, но слышалъ весьма явственно; онъ, вѣроятно, сидѣлъ тутъ же, возлѣ окна, съ товарищемъ, за парой чая—и, какъ это часто случается съ людьми въ запертомъ покоѣ, говорилъ громко, не подозрѣвая, что каждый прохожій на улицѣ слышитъ каждое слово:—что̀ выдумали? Зарыли ихъ въ землю!

— Врешь!—проворчалъ другой голосъ.

— Я тебѣ говорю. Такіе у насъ барчуки необыкновенные! Особенно Давыдка этотъ.... какъ есть іезопъ. На самой на зорькѣ всталъ я, да и подхожу этакъ къ окну.... Гляжу: что̀ за притча?... Идутъ наши два голубчика по саду, несутъ эти самые часы, подъ яблонкой яму вырыли — да туда ихъ, словно младенца какого! И землю потомъ заровняли, ей-богу, такіе безпутные!

— Ахъ, шутъ ихъ возьми! — промолвилъ Васильевъ собесѣдникъ. — Съ жиру, значитъ. Ну, и что-жъ? Ты часы отрылъ?

— Понятное дѣло, отрылъ. Они и теперь у меня. Только показывать ихъ пока не приходится. Больно много изъ-за нихъ шума было. Давыдка-то ихъ у старухи у нашей въ ту самую ночь изъ-подъ хребта вытащилъ.

— О—о!

— Я тебѣ говорю. Безнардонный совсѣмъ. Такъ и нельзя ихъ показывать. Да вотъ, офицеры понаѣдутъ: продамъ кому, а не то въ карты разыграю.

Я не сталъ больше слушать, стремглавъ бросился домой и прямо къ Давыду.

— Братъ!—началъ я,—братъ! прости меня! Я былъ виноватъ передъ тобою! Я подозрѣвалъ тебя! Я обвинялъ тебя! Ты видишь, какъ я взволнованъ! Прости меня!

— Что съ тобой?—спросилъ Давыдъ.—Объяснись!

— Я подозрѣвалъ тебя, что ты наши часы изъ-подъ яблони вырылъ!

— Опять эти часы! Да развѣ ихъ тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ ихъ тамъ; я думалъ, что ты ихъ взялъ, чтобы помочь твоимъ знакомымъ. И это все Василій!

Я передалъ Давыду все, что услышалъ подъ окномъ заведенія.

Но какъ описать мое изумленіе! Я, конечно, полагалъ, что Давыдъ вознегодуетъ; но я уже никакъ не могъ ожидать того, что произошло съ нимъ! Едва я кончилъ мой разсказъ, онъ пришелъ въ ярость несказанную! Давыдъ, который не иначе какъ съ презрѣніемъ относился ко всей этой, по его словамъ, „пошлой“ продѣлкѣ съ часами, тотъ самый Давыдъ, который не разъ увѣрялъ, что они выѣденнаго яйца не стоятъ — тутъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, весь вспыхнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки. „Этого такъ оставить нельзя! — промолвилъ онъ, наконецъ. — Какъ онъ смѣетъ себѣ чужую вещь присвоивать? Я ему покажу, постой! Я ворамъ потачки не даю!“—Признаюсь, я до сихъ поръ не понимаю, что могло такъ взбѣсить Давыда: былъ ли онъ ужъ безъ того раздраженъ, и поступокъ Василья подлилъ только масла въ огонь; оскорбили ли его мои подозрѣнія,—не могу сказать; но я никогда не видывалъ его въ такомъ волненіи. Разинувъ ротъ, стоялъ я передъ нимъ, и только дивился, какъ это онъ такъ тяжело и сильно дышалъ.

— Что же ты намѣренъ сдѣлать? — спросилъ я, наконецъ.

— А вотъ, увидишь—послѣ обѣда, когда отецъ ляжется. Я этого пересмѣшника найду! Я съ нимъ потолкую!

„Ну,—подумалъ я! — не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этого „пересмѣшника"! Что̀ изъ этого выйдетъ, Господи, Боже мой!"

XVII.

А вышло вотъ что̀.

Какъ только послѣ обѣда водворилась та сонная душная тишина, которая до сихъ поръ, какъ жаркій пуховикъ, ложится на русскій домъ и русскій людъ въ серединѣ дня, послѣ вкушенныхъ яствъ, Давыдъ (я съ замиравшимъ сердцемъ шелъ за его пятами)—Давыдъ отправился въ людскую и вызвалъ оттуда Василья! Тотъ сперва не хотѣлъ идти, однако кончилъ тѣмъ, что повиновался и послѣдовалъ за нами въ садикъ.

Давыдъ стоялъ передъ самой его грудью. Василій былъ цѣлой головой выше его.

— Василій Терентьевъ! — началъ твердымъ голосомъ мой товарищъ:—ты изъ-подъ самой этой яблони, недѣль шесть тому назадъ, вытащилъ спрятанные нами часы. Ты не имѣлъ права это сдѣлать, они тебѣ не принадлежали. Отдай ихъ сейчасъ!

Василій смутился-было, но тотчасъ оправился. „Какіе часы? Что вы говорите? Богъ съ вами! Никакихъ нѣтъ у меня часовъ!"

— Я знаю, что я говорю, а ты не лги. Часы у тебя. Отдай ихъ!

— Нѣтъ у меня вашихъ часовъ.

— А какъ же ты въ трактирѣ....—началъ-было я, но Давыдъ меня остановилъ.

— Василій Терентьевъ!—произнесъ онъ глухо и гроз-

но.—Намъ доподлинно извѣстно, что часы у тебя. Говорятъ тебѣ честью: отдай ихъ.—А если ты не отдашь...

Василій нагло ухмылялся.

— И что же вы тогда со мною сдѣлаете? Ну-съ?

— Что? — Мы оба до тѣхъ поръ съ тобой драться будемъ, пока либо ты насъ побѣдишь, либо мы тебя.

Василій засмѣялся.

— Драться? — Это не барское дѣло! Съ холопомъ-то драться?

Давыдъ вдругъ вцѣпился Василію въ жилетъ.

— Да мы не на кулаки съ тобою драться будемъ,— произнесъ онъ съ скрежетомъ зубовъ,—поймй ты! А я тебѣ дамъ ножъ и самъ возьму.... Ну, и посмотримъ, кто кого? Алексѣй!—скомандовалъ онъ мнѣ,—бѣги за моимъ большимъ ножомъ, знаешь, черенокъ у него костяной— онъ тамъ на столѣ лежитъ, а другой у меня въ карманѣ.

Василій вдругъ такъ и обмеръ. Давыдъ все держалъ его за жилетъ.

— Помилуйте.... помилуйте, Давыдъ Егорычъ, — заленталъ онъ: даже слезы выступили у него на глаза:— что вы это? Что вы? Пустите!

— Не выпущу я тебя.—И пощады тебѣ не будетъ!— Сегодня ты отъ насъ отвертишься, мы завтра опять начнемъ.—Алешка! гдѣ же ножъ?

— Давыдъ Егорычъ! — заревѣлъ Василій: — не дѣлайте убивства... Что же это такое? А часы... Я, точно... Я пошутилъ. Я ихъ вамъ сію минуту представлю. Какъ же это? То Хрисанфу Лукичу брюхо пороть, то мнѣ!—Пустите меня, Давыдъ Егорычъ.... Позвольте получить часы. Папенькѣ только не сказывайте.

Давыдъ выпустилъ изъ рукъ Васильевъ жилетъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: точно,—и не Василью можно было испугаться. Такое унылое.... и холодное.... и злое....

Василій вскочилъ въ домъ и немедленно вернулся оттуда

съ часами въ рукѣ.—Молча отдалъ онъ ихъ Давыду, и только возвращаясь обратно въ домъ, громко воскликнулъ на порогѣ: „тьфу ты, окказія!“

На немъ все еще лица не было. Давыдъ качнулъ головой и пошелъ въ нашу комнату. Я опять поплелся за нимъ. „Суворовъ! Какъ есть Суворовъ!“ думалъ я про себя.—Тогда, въ 1801 году. Суворовъ былъ нашъ первый, народный герой.

XVIII.

Давыдъ заперъ за собою дверь, положилъ часы на столъ, скрестилъ руки и—о, чудо!—засмѣялся.—Глядя на него, я засмѣялся тоже.

— Этакая штука удивительная!—началъ онъ. — Никакъ мы отъ этихъ часовъ отбояриться не можемъ. Заколдованные они, право. И съ чего я вдругъ этакъ озлился?

— Да, съ чего? — повторилъ я. — Оставилъ бы ты ихъ у Василья....

— Ну, нѣтъ, — перебилъ Давыдъ.—Это шалишь! Но что мы съ ними теперь сдѣлаемъ?

— Да! Что?

Мы оба уставились на часы—и задумались. Украшенные голубымъ бисернымъ шнуркомъ—(злополучный Василій впопыхахъ не успѣлъ снять шнурокъ этотъ, который ему принадлежалъ)—они преспокойно дѣлали свое дѣло: чикали—правда, нѣсколько въ перебивку,—и медленно передвигали свою мѣдную минутную стрѣлку.

— Развѣ опять ихъ зарыть? Или ужъ въ печку ихъ? предложилъ я, наконецъ.—Или вотъ еще: не поднести ли ихъ Латкину?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Давыдъ.—Это все не то. А вотъ что: при губернаторской канцеляріи завели коммиссію, пожертвованія собираютъ въ пользу касимовскихъ погорѣль-

цѣлъ. Городъ Касимовъ, говорятъ, до тла сгорѣлъ, со всѣми церквами. И, говорятъ, тамъ все принимаютъ: не одинъ только хлѣбъ или деньги — но всякія вещи натурой.—Отдадимъ-ка мы туда эти часы! А?

— Отдадимъ! отдадимъ!—подхватилъ я.—Прекрасная мысль! Но, я полагалъ, такъ какъ семейство твоихъ друзей нуждается....

— Нѣтъ, нѣтъ; въ коммиссію!—Латкины и безъ нихъ обойдутся.—Въ коммиссію!

— Ну, въ коммиссію—такъ въ коммиссію.—Только, я полагаю, надо при этомъ написать что-нибудь губернатору.

— Давыдъ взглянулъ на меня.—Ты полагаешь?

— Да; конечно, много нечего писать. А такъ — нѣсколько словъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ.... начать такъ: „будучи“.... или вотъ еще: „движимые“....

— „Движимые“.... хорошо.

— Потомъ надо будетъ сказать: „сія малая наша лепта“....

— Лепта.... хорошо тоже; ну, бери перо, садись, пиши, валяй!

— Сперва черновую,—замѣтилъ я.

— Ну, черновую; только пиши, пиши.... А я ихъ пока мѣломъ почищу.

Я взялъ листъ бумаги, очинилъ перо; но не успѣлъ я вывести наверху листа: „его превосходительству, господину сіятельному князю“ (у насъ тогда губернаторомъ былъ князь Х.), какъ я остановился, пораженный необычнымъ шумомъ.... внезапно поднявшимся у насъ въ домѣ.—Давыдъ тоже замѣтилъ этотъ шумъ и тоже остановился, поднявъ часы въ лѣвой, тряпочку съ мѣломъ въ правой рукѣ. Мы переглянулись. Что за рѣзкій крикъ? Это тетка

взвизгнула.... а это? — Это голосъ отца, хриплый отъ гнѣва. „Часы! часы!“ оретъ кто-то, чуть ли не Транквиллитатинъ. — Ноги стучатъ, скрыпятъ половицы, цѣлая орава бѣжитъ.... несется прямо къ намъ. Я замираю отъ страха; да и Давыдъ обѣлъ, какъ глина, а смотритъ орломъ. „Василій, подлецъ, выдалъ“, шепчетъ онъ сквозь зубы.... Дверь отворяется настежь.... и отецъ, въ халатѣ, безъ галстука, тетка въ пудраментѣ, Транквиллитатинъ, Василій, Юшка, другой мальчикъ, поваръ Агапитъ—всѣ врываются въ комнату.

— Мерзавцы! — кричитъ отецъ, едва переводя дыханіе.... Наконецъ-то мы васъ накрыли!—И, увидавъ часы въ рукахъ Давыда: — подай! — вопитъ отецъ, — подай часы!

Но Давыдъ, не говоря ни слова, подскакиваетъ къ раскрытому окну—и прыгъ изъ него на дворъ—да на улицу!

Привыкшій подражать во всемъ моему образцу, я прыгаю тоже, я бѣгу вслѣдъ за Давыдомъ....

„Лови! держи!“ гремятъ за нами дикіе, смѣшанные голоса.

Но мы уже мчимся по улицѣ, безъ шапокъ на головахъ, Давыдъ впередъ, я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него позади, а за нами топотъ и гвалтъ погони!

XIX.

Много лѣтъ протекли со времени всѣхъ этихъ происшествій; я не разъ размышлялъ о нихъ — и до сихъ поръ такъ же не могу понять причины той ярости, которая овладѣла моимъ отцомъ, столь недавно еще запретившимъ самое упоминовеніе при немъ этихъ надоѣвшихъ ему часовъ, какъ я не могъ понять тогда бѣшенства Давыда при извѣстіи о похищеніи ихъ Васильемъ!—Но невольно приходитъ

въ голову, что въ нихъ заключалась какая-то таинственная сила. Василій не выдалъ насъ, какъ это предполагалъ Давыдъ,—не до того ему было: онъ слишкомъ сильно перетрусился,—а просто, одна изъ нашихъ дѣвушекъ увидала часы въ его рукахъ и немедленно донесла объ этомъ теткѣ. Сыръ боръ и загорѣлся.

Итакъ, мы мчались по улицѣ, по самой ея серединѣ. Попадавшіеся намъ прохожіе останавливались или сторонились въ недоумѣніи. Помнится, одинъ отставной секундъ-маіоръ, извѣстный борзятникъ, внезапно высунулся изъ окна своей квартиры—и весь багровый, съ туловищемъ на перевѣсъ, неистово заулюлюкалъ! „Стой! держи!“ продолжало гремѣть за нами. — Давыдъ бѣжалъ, крутя часы надъ головою, изрѣдка вспрыгивая; я вспрыгивалъ тоже, и тамъ же, гдѣ онъ.

— Куда? — кричу я Давыду, видя, что онъ сворачиваетъ съ улицы въ переулокъ—и сворачивая вслѣдъ за нимъ.

— Къ Окѣ!—кричитъ онъ.—Въ воду ихъ, въ рѣку, къ чорту!

— Стой, стой!—ревутъ за нами....

Но мы уже летимъ по переулку. Вотъ, намъ на встрѣчу уже повѣяло холодкомъ—и рѣка передъ нами, и грязный, крутой спускъ, и деревянный мостъ съ вытянутымъ по немъ обозомъ, и гарнизонный солдатъ съ пикой возлѣ шлагбаума;—тогда солдаты ходили съ пиками.... Давыдъ уже на мосту, мчится мимо солдата, который старается ударить его по ногамъ пикой—и попадаетъ въ проходившаго теленка.—Давыдъ мгновенно вскакиваетъ на перила—онъ издаетъ радостное восклицаніе.... Что-то бѣлое, что-то голубое сверкнуло, мелькнуло въ воздухѣ—это серебряные часы вмѣстѣ съ бисернымъ Васильевымъ шнуркомъ полетѣли въ волны.... Но тутъ совершается нѣчто невѣроятное! Вслѣдъ за часами ноги Давыда вскидываются вверхъ—

и самъ онъ весь, головою внизъ, руки впередъ, съ развѣвшимися фалдами куртки, описываетъ въ воздухѣ крутую дугу — въ жаркій день такъ вспугнутыя лягушки прыгаютъ съ высокаго берега въ воду пруда — и мгновенно исчезаетъ за перилами моста.... а тамъ — бухъ! и тяжкій всплескъ внизу....

Что со мною стало — я совершенно не въ силахъ описать. Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Давыда, когда онъ спрыгнулъ съ перилъ.... но я даже не помню, закричалъ-ли я; не думаю даже, что я испугался: я онѣмѣлъ, я одурѣлъ. Руки, ноги отнялись. Вокругъ меня толкались, бѣгали люди; нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались знакомыми: Трофимычъ вдругъ промелькнулъ, солдатъ съ никой бросился куда-то въ сторону, лошади обоза посѣянно проходили мимо, задравши кверху привязанныя морды.... Потомъ все позеленѣло, и кто-то меня сильно толкнулъ въ затылокъ и вдоль всей спины.... Это я въ обморокъ упалъ.

Помню, что я потомъ приподнялся и, видя, что никто не обращаетъ на меня вниманія, подошелъ къ периламъ, но не съ той стороны, съ которой спрыгнулъ Давыдъ: подойти къ ней мнѣ показалось страшнымъ,—а къ другой, и сталъ глядѣть на рѣку, бурливую, синюю, взлутую; помню, что недалеко отъ моста, у берега, я замѣтилъ причаленную лодку, а въ лодкѣ нѣсколько людей, и одинъ изъ нихъ, весь мокрый и блестящій на солнцѣ, перегнувшись съ края лодки, вытаскивалъ что-то изъ воды, что-то не очень большое, какую-то продолговатую, темную вещь, которую я сначала принялъ за чемоданъ или корзину; но всмотрѣвшись пристальнѣе, я увидалъ, что эта вещь была — Давыдъ! Тогда я весь встрепенулся, закричалъ благимъ матомъ и побѣжалъ къ лодкѣ, проталкиваясь сквозь народъ, а подбѣжавъ къ ней, оробѣлъ и сталъ оглядываться. Въ числѣ людей, обступившихъ ее, я узналъ Транквиллитатина, повара Ага-

нита съ сапогомъ въ рукѣ, Юшку, Василья.... Мокрый, блестящій человѣкъ выволокъ подъ мышки изъ лодки тѣло Давыда, объ руки котораго поднимались въ уровень лица, точно онъ закрыться хотѣлъ отъ чужихъ взоровъ, и положилъ его въ прибрежную грязь, на спину. Давыдъ не шевелился, словно вытянулся, свелъ пятки и выставилъ животъ. Лицо его было зеленовато, глаза подкатились, и вода канала съ волосъ. Мокрый человѣкъ, который его вытащилъ, фабричный по одеждѣ, началъ разсказывать, дрожа отъ холода и безпрестанно отводя волосы ото лба, какъ онъ это сдѣлалъ. Очень онъ прилично и старательно разсказывалъ.

— Вижу я, господа, что̀ за причина? Какъ ахнетъ этта малецъ съ мосту.... Ну!... Я сейчасъ бѣгомъ по теченью внизъ, потому знаю — попалъ онъ въ самое стремя, проneсетъ его подъ мостомъ, ну, а тамъ.... поминай, какъ звали! Смотрю: шапка така̀ мохнатенькая плыветъ, анъ это — его голова. Ну, я сейчасъ живымъ манеромъ въ воду, стребъ его.... Ну, а тутъ уже не мудрость!

Въ толпѣ послышалось два-три одобрительныхъ слова.

— Согрѣться теперь тебѣ надо, пойдемъ, шкальчикъ выкушаемъ,—замѣтилъ кто-то.

Но тутъ вдругъ кто-то судорожно продирается впередъ.... Это Василій.

— Что же это вы, православные,—кричитъ онъ слезливо:—откачивать его надо. Это нашъ барчукъ!

— Откачивать его, откачивать,—раздается въ толпѣ, которая безпрестанно прибываетъ.

— За ноги повѣсить! Лучшее средство!

— На бочку брюхомъ, да и катай его взадъ и впередъ, пока что̀.... Бери его, ребята!

— Не смѣй трогать! — вмѣшивается солдатъ съ пикой. — На гунтевахту стащить его надо.

— Сволочь! — доносится откуда-то басъ Трофимыча.

— Да онъ живъ, — кричу я вдругъ во все горло почти съ ужасомъ.

Я приблизилъ-было свое лицо къ его лицу.... „Такъ *вотъ*, каковы утопленники“, думалось мнѣ, и душа замирала.... И вдругъ я вижу—губы Давыда дрогнули, и его немножко вырвало водою....

Меня тотчасъ оттолкнули, оттащили; всѣ бросились къ нему.

— Качай его, качай!—зашумѣли голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, стой! — закричалъ Василій. — Домой его.... домой!

— Домой,—подхватилъ самъ Транквиллитатинъ.

— Духомъ его сомчимъ, тамъ видно будетъ, — продолжалъ Василій.... (Я съ того дня полюбилъ Василья).— Братцы! рогожки нѣтъ ли? А не то—берись за голову, за ноги....

— Постой! Вотъ рогожка! Клади! Подхватывай! Трогай! Важно: словно въ колымагѣ поѣхалъ.

И нѣсколько мгновеній спустя, Давыдъ, несомый на рогожѣ, торжественно вступилъ подъ кровъ нашего дома.

XX.

Его раздѣли, положили на кровать. Уже на улицѣ онъ началъ подавать знаки жизни, мычалъ, махалъ руками.... Въ комнатѣ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя. Но какъ только опасенія за жизнь его миновались, и возиться съ нимъ было уже не для чего—негодованіе вступило въ свои права: всѣ отступились отъ него, какъ отъ прокаженнаго.

— Покарай его Богъ! покарай его Богъ! — визжала тетка на весь домъ.—Сбудьте его куда-нибудь, Порфирій Петровичъ, а то онъ еще такую бѣду надѣлаетъ, что не расхлебаешь!

— Это, помилуйте, это аспидъ какой-то, да и бѣсноватый,—поддакивалъ Транквиллитатинъ.

— Злость, злость-то какая,—трещала тетка, подходя къ самой двери нашей комнаты, для того, чтобы Давыдъ ее непремѣнно услышалъ!—перво на̀ перво укралъ часы, а потомъ ихъ въ воду.... Не доставайся, молъ, никому.... На-ка!

Всѣ, всѣ негодовали!

— Давыдъ, — спросилъ я его, какъ только мы остались одни:—для чего ты это сдѣлалъ?

— И ты туда же,—возразилъ онъ все еще слабымъ голосомъ: губы у него были синія, и весь онъ словно припухъ.—Что я такое сдѣлалъ?

— Да въ воду зачѣмъ прыгнулъ?

— Прыгнулъ! — Не удержался на перилахъ, вотъ и вся штука. Умѣлъ бы плавать — нарочно бы прыгнулъ. Выучусь непремѣнно. А за то часы теперь—тютю!...

Но тутъ отецъ мой торжественнымъ шагомъ вошелъ въ нашу комнату.

— Тебя, любезный мой, — обратился онъ ко мнѣ,— я выпорю непремѣнно, не сомнѣвайся, хоть ты поперекъ лавки уже не ложишься.—Потомъ онъ подступилъ къ постели, на которой лежалъ Давыдъ.—Въ Сибири,—началъ онъ внушительнымъ и важнымъ тономъ,—въ Сибири, сударь ты мой, на каторгѣ, въ подземельяхъ живутъ и умираютъ люди, которые менѣе виноваты, менѣе преступны, чѣмъ ты! Самоубивецъ ты, или, просто, воръ, или уже вовсе дуракъ?—скажи ты мнѣ одно, на милость?!!

— Не самоубивецъ я, и не воръ, — отвѣчалъ Давыдъ,—а что правда, то правда: въ Сибирь попадаютъ хорошіе люди, лучше насъ съ вами.... Кому же это знать, коли не вамъ?

Отецъ тихо ахнулъ, отступилъ шагъ назадъ, посмотрѣлъ пристально на Давыда, плюнулъ и, медленно перекрестившись, вышелъ вонъ.

— Не любишь? — проговорилъ ему вслѣдъ Давыдъ, и языкъ высунулъ. Потомъ онъ попытался подняться— однако не могъ.—Знать, какъ-нибудь расшибся, — промолвилъ онъ крехтя и морщась. — Помнится, о бревно меня водой толкнуло.

— Видѣлъ ты Раису?—прибавилъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ, не видѣлъ.... Стой! стой! стой! Теперь я вспоминаю: ужъ не она ли стояла на берегу, возлѣ моста? — Да.... Темное платьице, желтый платокъ на головѣ.... Должно, она!

— Ну, а потомъ.... видѣлъ ты её?

— Потомъ.... Я не знаю. Мнѣ не до того было.—Ты тутъ прыгнулъ....

Давыдъ всполошился.

— Голубчикъ, другъ, Алеша, сходи къ ней сейчасъ, скажи, что я здоровъ, что ничего со мною. Завтра же я у нихъ буду. Сходи скорѣе, братъ, одолжи!

Давыдъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки.... Его высохшіе, рыжіе волосы торчали кверху забавными вихрами.... но умиленное выраженіе его лица казалось отъ того еще болѣе искреннимъ. Я взялъ шапку и вышелъ изъ дому, стараясь не попасться на глаза отцу и не напомнить ему его обѣщанія.

XXI.

„И въ самомъ дѣлѣ“, размышлялъ я, идучи къ Латкинымъ: „какъ же это я не замѣтилъ Раисы? Куда она дѣлась? Должна же она была видѣть“....

И вдругъ я вспомнилъ: въ самый моментъ Давыдова паденія, у меня въ ушахъ зазвенѣлъ страшный, раздирающій крикъ....

Ужъ не она ли это? Но какъ же я потомъ ея не видѣлъ?

Передъ домикомъ, въ которомъ квартировалъ Латкинъ, разстилался пустырь, заросшій крапивой и обнесенный завалившимся плетнемъ. Едва перебрался я черезъ этотъ плетень (ни воротъ, ни калитки не было нигдѣ), какъ моимъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. На нижней ступенькѣ крылечка, передъ домомъ, сидѣла Раиса, облокотившись на колѣни и подпершись подбородокъ скрещенными пальцами; она глядѣла прямо въ упоръ передъ собою; возлѣ нея стояла ея нѣмая сестричка и преспокойно помахивала кнутикомъ, а передъ крыльцомъ, спиной ко мнѣ, въ изорванномъ и истасканномъ камзолѣ, въ подштанникахъ и съ валенками на ногахъ, болтая локтями и кривляясь, сѣменилъ на мѣстѣ и подпрыгивалъ старикъ Латкинъ. Услыхавъ мои шаги, онъ внезапно обернулся, присѣлъ на корточки—и, тотчасъ подскочивъ ко мнѣ, заговорилъ трезвычайно быстро, трепетнымъ голосомъ, съ безпрестанными: чу, чу, чу! Я остолбенѣлъ. Я давно его не видалъ и, конечно, не узналъ бы его, если бы встрѣтился съ нимъ въ другомъ мѣстѣ. Это сморщенное, беззубое, красное лицо, эти круглые, тусклые глазки, взъерошенныя сѣдины, эти подергиванія, эти прыжки, эта безсмысленная, косноязычная рѣчь... Что̀ это такое? Что за нечеловѣческое отчаяніе терзаетъ это несчастное существо? Что за „пляска смерти“?

— Чу, чу,—лепеталъ онъ, не переставая корчиться,—вотъ она, Васильевна, сейчасъ, чу, чу, вошла.... Слышь! кор.... рытомъ по крышкѣ (онъ хлопнулъ себя рукою по головѣ и сидитъ этакъ лопатой; и косая, косая, какъ Андрюшка; косая Васильевна! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: нѣмая). Чу! косая моя Васильевна! Вотъ, онѣ обѣ теперь на одну корку... Полюбуйтесь, православные! Только у меня и есть эти двѣ лодочки! А?

Латкинъ, очевидно, сознавалъ, что говорилъ не то̀, не ладно, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы растолковать мнѣ,

въ чемъ было дѣло. Раиса, казалось, не слышала вовсе, что говорилъ ея отецъ, а сестричка продолжала похлопывать кнутикомъ.

— Прощай, бриллiантщикъ, прощай, прощай!—протянулъ Латкинъ нѣсколько разъ сряду, съ низкими поклонами, какъ бы обрадовавшись, что поймалъ, наконецъ понятное слово.

У меня голова кругомъ пошла. — Что это все значитъ? — спросилъ я какую-то старуху, выглядывавшую изъ окна домика.

— Да что̀, батюшка, — отвѣчала та нараспѣвъ: — говорятъ, человѣкъ какой-то — и кто онъ, Господь его знаетъ—тонуть сталъ, а она это видѣла. Ну, перепугалась, что ли; прiняла однако.... ничего; да какъ сѣла на рундучекъ—съ той самой поры, вотъ, и сидитъ, какъ истуканъ какой; хоть ты говори ей, хоть нѣтъ. Знать, ей тоже безъ языка быть. Ахти-хти!

— Прощай, прощай,—повторялъ Латкинъ все съ тѣми же поклонами.

Я подошелъ къ Раисѣ и остановился прямо передъ нею.

— Раисочка—закричалъ я,— что съ тобою?

Она ничего не отвѣчала; словно и не замѣтила меня. Лицо ея не побѣдѣло, не измѣнилось — но какое-то каменное стало, и выраженiе на немъ такое.... какъ будто вотъ-вотъ, сейчасъ она заснетъ.

— Да косая же она, косая, — лепеталъ мнѣ въ ухо Латкинъ.

Я схватилъ Раису за руку. — Давыдъ живъ, — закричалъ я громче прежняго:—живъ и здоровъ, живъ Давидъ, ты понимаешь? Его вытащили изъ воды, онъ теперь дома и велѣлъ сказать, что завтра придетъ къ тебѣ... Онъ живъ!

Раиса какъ-бы съ трудомъ перевела глаза на меня: мигнула ими нѣсколько разъ, все болѣе и болѣе ихъ расширяя, потомъ нагнула голову на бокъ, понемногу побагро-

вѣла вся, губы ея раскрылись.... Она медленно, полной грудью потянула въ себя воздухъ, сморщилась, какъ-бы отъ боли, и, съ страшнымъ усиліемъ проговоривъ: „Да.... Дав.... жи.... живъ“,— порывисто встала съ крыльца и устремилась....

— Куда?—воскликнулъ я.

Но, слегка похохатывая и пошатываясь, она уже бѣжала черезъ пустырь....

Я, разумѣется, пустился за нею, между тѣмъ какъ позади меня поднялся дружный, старческій и дѣтскій вопль Латкина и глухо-нѣмой.... Раиса мчалась прямо къ намъ.

— „Вотъ, выдался денёкъ!“—думалъ я, стараясь не отставать отъ мелькавшаго передо мною чернаго платьица... „Ну!“

XXII.

Минуя Василья, тетку и даже Транквиллитатина, Раиса вбѣжала въ комнату, гдѣ лежалъ Давыдъ, и прямо бросилась ему на грудь.—Охъ.... охъ.... Да....выдушко,—зазвенѣлъ ея голосъ изъ-подъ разсыпавшихся ея кудрей,—охъ!

Сильно взмахнувъ руками, обнялъ ее Давыдъ и припалъ къ ней головою.

— Прости меня, сердце мое,—послышался и его голосъ.

И оба словно замерли отъ радости.

— Да отчего же ты ушла домой, Раиса, для чего не осталась?—говорилъ я ей.... Она все еще не приподнимала головы.—Ты бы увидала, что его спасли....

— Ахъ, не знаю! Ахъ, не знаю! Не спрашивай! Не знаю, не помню, какъ это я домой попала. Помню только: вижу тебя на воздухѣ.... что-то ударило меня.... А что послѣ было.

— Ударило, — повторилъ Давыдъ, — и мы всѣ трое вдругъ дружно засмѣялись. Очень намъ было хорошо.

— Да что же это такое будетъ, наконецъ!—раздался за нами грозный голосъ, голосъ моего отца. Онъ стоялъ на порогѣ двери. Прекратятся ли, наконецъ, эти дурачества, или нѣтъ? Гдѣ это мы живемъ? Въ россійскомъ государствѣ или во французской республикѣ?

Онъ вошелъ въ комнату.

— Во Францію ступай, кто хочетъ бунтовать, да безпутничать! А *ты* какъ смѣла сюда пожаловать? — обратился онъ къ Раисѣ, которая, тихонько приподнявшись и повернувшись къ нему лицомъ, видимо заробѣла, но продолжала улыбаться какой-то ласковой и блаженной улыбкой. — Дочь моего заклятаго врага! Какъ ты дерзнула? Еще обниматься вздумала! Вонъ сейчасъ! а не то....

— Дядюшка, — промолвилъ Давыдъ, и сѣлъ въ постели.—Не оскорбляйте Раисы. Она уйдетъ... только вы не оскорбляйте ее.

— А ты что мнѣ за уставщикъ? Я ее не оскорбляю, не ос.... кор.... бляю! а просто гоню ее. Я тебя еще самого къ отвѣту потяну. Чужую собственность затратилъ, на жизнь свою посягнулъ, въ убытки ввелъ.

— Въ какіе это убытки?—перебилъ Давыдъ.

— Въ какіе? Платье испортилъ — это ты за ничто считаешь? Да на водку я далъ людямъ, которые тебя принесли! Всю семью перепугалъ, да еще фордыбачится! А коли сія дѣвица, забывъ стыдъ и самую честь....

Давыдъ рванулся съ постели. — Не оскорбляйте ее, говорятъ вамъ!

— Молчи!

— Не смѣйте....

— Молчи!

— Не смѣйте позорить мою невѣсту,—закричалъ Давыдъ во всю голову,—мою будущую жену!

— Невѣсту!—повторилъ отецъ и выпучилъ глаза. — Невѣсту! — Жену! Хо, хо, хо!.... (Ха, ха, ха, — отозвалась за дверью тетка). — Да тебѣ сколько лѣтъ-то? Безъ году недѣлю на свѣтѣ живетъ, молоко на губахъ не обсохло, недоросль! И жениться собирается! Да я.... да ты....

— Пустите, пустите меня,—шепнула Раиса, и направилась къ двери. Она совсѣмъ помертвѣла.

— Я не у васъ позволенія буду просить, — продолжалъ кричать Давыдъ, опираясь кулаками на край постели, а у моего родного отца, который не сегодня, завтра сюда пріѣхать долженъ! *Онъ* мнѣ указъ, а не вы; а что касается до моихъ лѣтъ, то намъ съ Раисой не къ спѣху.... подождемъ, что̀ вы тамъ ни толкуйте....

— Эй, Давыдка, опомнись! — перебилъ отецъ, — посмотри на себя: ты растерзанный весь.... Приличіе всякое потерялъ!

Давыдъ захватилъ рукою на груди рубашку.

— Что̀ вы ни толкуйте,—повторилъ онъ.

— Да зажми же ему ротъ, Порфирій Петровичъ, зажми ему ротъ, — завопила тетка изъ-за двери:—а эту потаскушку, эту негодницу.... эту....

Но, знать, нѣчто необыкновенное пресѣкло въ этотъ мигъ краснорѣчіе моей тетки: голосъ ея порвался вдругъ и на мѣсто его послышался другой, старчески-сильный и хилый....

— Братъ—произнесъ этотъ слабый голосъ....

Христіанская душа!

XXIII.

Мы всѣ обернулись.... Передъ нами, въ томъ же костюмѣ, въ какомъ я его недавно видѣлъ, какъ привидѣніе, худой, жалкій, дикій, стоялъ Латкинъ.

— А Богъ!—произнесъ онъ какъ-то по-дѣтски, поднимая къ верху дрожащій изогнутый палецъ и безсильнымъ взглядомъ осматривая отца:—Богъ покаралъ! а я за Ва.... за Ра.... да, да, за Рапсочкой пришелъ! Мнѣ.... чу! мнѣ что? Скоро въ землю—и какъ это быть? Одна палочка, другая.... перекладинка—вотъ что мнѣ.... нужно.... А ты брать, бриллiантщикъ.... Смотри.... вѣдь и я человѣкъ!

Рапса молча перешла черезъ комнату и, взявъ Латкина подъ руку, застегнула ему камзолъ.

— Пойдемъ, Васильевна,—заговорилъ онъ:—тутотка все святые; къ нимъ не ходи. И тотъ, что вонъ тамъ въ футлярѣ лежитъ,—онъ указалъ на Давыда,—тоже святой. А мы брать, съ тобою грѣшные. Ну, чу.... простите, господа, старичка съ нерчикомъ! Вмѣстѣ крали!—закричалъ онъ вдругъ:—вмѣстѣ крали! вмѣстѣ крали!—повторилъ онъ съ явнымъ наслажденіемъ: языкъ, наконецъ, послушался его.

Мы всѣ въ комнатѣ молчали.

— А гдѣ у васъ.... икона тутъ?—спросилъ онъ, закидывая голову и подкатывая глаза!—почиститься надо.

Онъ сталъ молиться на одинъ изъ угловъ, умиленно крестясь, по нѣсколько разъ сряду, стуча пальцами то по одному плечу, то по другому и торопливо повторяя: Помилуй мя, Го.... мя Го.... мя Го!...“ Отецъ мой, который все время не сводилъ глазъ съ Латкина и слова не промолвилъ, вдругъ встрепенулся, всталъ съ нимъ рядомъ и тоже началъ креститься. Потомъ онъ обернулся къ нему, поклонился низко-низко, такъ, что одной рукой досталъ до полу и проговорилъ: „прости меня и ты, Мартиньянъ Гавриловичъ“, поцѣловалъ его въ плечо. Латкинъ ему въ отвѣтъ чмокнулъ губами въ воздухѣ и заморгалъ глазами: едва ли онъ хорошенько понималъ, что онъ такое дѣлаетъ. Потомъ отецъ мой обратился ко всѣмъ находившимся въ комнатѣ, къ Давыду, къ Рапсѣ, ко мнѣ:

— Дѣлайте, что̀ хотите, поступайте, какъ знаете, — промолвилъ онъ грустнымъ и тихимъ голосомъ—и удалился.

Тетка подъѣхала-было къ нему, но онъ окрикнулъ ее рѣзко и сурово. Онъ былъ потрясенъ.

— Мя Го....мя Го.... помилуй! — повторилъ Латкинъ.—Я человѣкъ!

— Прощай, Давыдушко, — сказала Раиса и вмѣстѣ со старикомъ тоже вышла изъ комнаты.

— Завтра у васъ буду,—крикнулъ ей вслѣдъ Давыдъ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, прошепталъ:—усталъ я очень; теперь соснуть бы не худо,—и затихъ.

Я долго не выходилъ изъ нашей комнаты. Я прятался. Я не могъ забыть, чѣмъ отецъ мнѣ погрозилъ. Но мои опасенія оказались напрасны. Онъ встрѣтилъ меня — и хоть бы слово проронилъ. Ему самому, казалось, было неловко. Впрочемъ, ночь скоро наступила—и все успокоилось въ домѣ.

XXIV.

На слѣдующее утро Давыдъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а не долго спустя, въ одинъ и тотъ же день, совершились два важныхъ событія: утромъ старикъ Латкинъ умеръ, а къ вечеру пріѣхалъ въ Рязань дядя Егоръ, Давыдовъ отецъ. Не приславъ предварительнаго письма, никого не предупредивъ, свалился онъ, какъ снѣгъ на голову. Отецъ мой переполошился чрезвычайно и не зналъ, чѣмъ угостить, куда посадить дорогого гостя, метался, какъ угорѣлый, суетился, какъ виноватый; но, дядю, казалось, не слишкомъ трогало хлопотливое усердіе брата; онъ то и дѣло повторялъ: „къ чему это?“—да „не надо мнѣ ничего“. Съ теткой онъ обошелся еще холоднѣй; впрочемъ, и она не больно его жаловала. Въ глазахъ ея онъ былъ

безбожникомъ, еретикомъ, вольтеріанцемъ.... (онъ, дѣйствительно, выучился французскому языку, чтобъ читать въ подлинникѣ Вольтера). Я нашелъ дядю Егора такимъ, какимъ описывалъ мнѣ его Давыдъ. Это былъ крупный, тяжелый мужчина, съ широкимъ, рябымъ лицомъ, важный и серьезный. Онъ постоянно носилъ ниляну съ плюмажемъ, манжеты, жабо и табачнаго цвѣта камзолъ, съ стальною шпагою на бедрѣ. Давыдъ обрадовался ему несказанно—даже посвѣтлѣлъ и похорошѣлъ лицомъ, и глаза стали у него другіе—веселые, быстрые и блестящіе; но онъ всячески старался умѣрить свою радость и не высказывать ея словами: онъ боялся смалодушничать. Въ первую же ночь послѣ пріѣзда дяди Егора, они оба—отецъ и сынъ—заперлись въ отведенной ему комнатѣ и долго бесѣдовали вполголоса; на другое утро я замѣтилъ, что дядя какъ-то особенно ласково и довѣрчиво посматривалъ на своего сына: очень онъ имъ казался доволенъ. Давыдъ повелъ его на панихиду къ Латкинымъ; я тоже пошелъ туда; отецъ мнѣ не препятствовалъ, но самъ остался дома. Рана поразила меня своимъ спокойствіемъ: побѣднѣла она и похудѣла очень, но слезъ она не проливала, и говорила, и держалась очень просто; и, со всѣмъ тѣмъ, страшно сказать, я въ ней находилъ нѣкоторую величавость: невольную величавость горя, которое само себя забываетъ! Дядя Егоръ тутъ же, на паперти, познакомился съ нею; потому, какъ онъ съ ней обращался, видно было, что Давыдъ ему уже говорилъ о ней. Она ему понравилась не хуже собственнаго сына: я это могъ прочесть въ Давыдовыхъ глазахъ, когда онъ глядѣлъ на нихъ обоихъ. Помню, какъ они заблистали, когда его отецъ сказалъ при немъ, говоря о ней: „умница, хозяйка будетъ“. Въ домѣ у Латкиныхъ мнѣ разсказывали, что старикъ тихо погасъ, какъ догорѣвшая свѣчка, и пока не лишился силъ и сознанія, все гладилъ свою дочь по волосамъ и что-то приговаривалъ невнятное, но не печальное,

и все улыбался. На похороны, въ церковь и на кладбище мой отецъ пошелъ, и очень усердно молился; даже Транквиллитатинъ пѣлъ на клиросѣ. Передъ могилой Раиса вдругъ зарыдала и упала лицомъ на землю; однако, скоро оправилась. Сестричка ея, глухо-нѣмая, озирала всѣхъ и все большими, свѣтлыми и немного дикими глазами; отъ времени до времени она жалась къ Раисѣ, но испуга въ ней не замѣчалось. На другой же день послѣ похоронъ, дядя Егоръ, который, по всему было видно, пріѣхалъ изъ Сибири не съ пустыми руками (деньги на похороны далъ *онъ*, и Давыдова спасителя наградилъ щедро), но который о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ ничего не разсказывалъ и никакихъ своихъ плановъ на будущее не сообщалъ,—дядя Егоръ внезапно объявилъ моему отцу, что не намѣренъ остаться въ Рязани, а уѣзжаетъ въ Москву, вмѣстѣ съ сыномъ. Мой отецъ, приличія ради, высказалъ сожалѣніе и даже попытался—очень, правда, слабо—измѣнить дядино рѣшеніе; но въ глубинѣ души своей, онъ, я полагаю, очень ему обрадовался.

Присутствіе брата, съ которымъ у него было слишкомъ мало общаго, который не удостоилъ его даже упрека, который даже не пренебрегалъ, а просто брезгалъ имъ,—угнетало его.... да и разстаться съ Давыдомъ не составляло для него особеннаго горя. Меня, разумѣется, разлука эта уничтожила; я словно оспротѣлъ на первыхъ порахъ, и потерялъ всякую опору въ жизни и всякую охоту къ ней.

Такъ-таки дядя уѣхалъ и увезъ съ собою не только Давыда, но, къ великому изумленію и даже негодованію всей нашей улицы, и Раису, и ея сестричку.... Узнавъ о таковомъ его поступкѣ, тетка немедленно назвала его туркой, и называла его туркой до самаго конца своей жизни.

А я остался одинъ, одинъ.... Но дѣло не обо мнѣ....

XXV.

Вотъ и конецъ моей исторіи съ часами. Что сще сказать вамъ? Пять лѣтъ спустя, Давыдъ женился на своей Черногубкѣ, а въ 1812 году, въ чинѣ артиллерійскаго поручика, погибъ славной смертью въ день бородинской битвы, защищая шевардинскій редутъ.

Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и много часовъ у меня перебывало; я дошелъ даже до такого великолѣпія, что пріобрѣлъ себѣ настоящій брегетъ, съ секундной стрѣлкой, обозначеніемъ чисель и репетиціей.... Но въ потаенномъ ящикѣ моего письменнаго стола хранятся старинные серебряные часы съ розаномъ на циферблатѣ: я ихъ купилъ у жида-разносчика, пораженный ихъ сходствомъ съ часами, нѣкогда подаренными мнѣ моимъ крестнымъ отцомъ.—Отъ времени до времени, когда я одинъ и никого къ себѣ не жду, я вынимаю ихъ изъ ящика и, глядя на нихъ, вспоминаю молодые дни и товарища тѣхъ дней, безвозвратно улетѣвшихъ....

Парижъ. — 1875 г.

СОНЪ.

Разсказъ.

I.

Я жилъ тогда съ моей матушкой въ небольшомъ приморскомъ городѣ. Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, а матушкѣ не было и тридцати-пяти; она очень молода вышла замужъ. Когда мой отецъ скончался, мнѣ пошелъ всего седьмой годъ, но я хорошо его помнилъ. Матушка моя была небольшаго роста, бѣлокурая женщина, съ прелестнымъ, но вѣчно печальнымъ лицомъ, съ тихимъ, усталымъ голосомъ, робкими тѣлодвиженіями. Въ молодости она славилась красотою, и до конца оставалась привлекательной и милой. Я не видывалъ болѣе глубокихъ, болѣе нѣжныхъ и грустныхъ глазъ, болѣе тонкихъ и мягкихъ волосъ: не видывалъ рукъ болѣе изящныхъ. Я ее обожалъ, и она любила меня.... Но жизнь наша проходила не весело: казалось, тайное, неизлечимое и незаслуженное горе постоянно подтачивало самый корень ея существованія. Это горе не объяснялось одной печалью объ отцѣ, какъ велика она ни была, какъ страстно моя мать его ни любила, какъ свято ни сохраняла память о немъ.... Нѣтъ! тутъ еще что-то таилось, чего я не понималъ, но

что я чувствовалъ, чувствовалъ смутно и сильно, какъ только, бывало, взглядывалъ на эти тихіе и неподвижные глаза, на эти прекрасныя, тоже неподвижныя, не горько сказтыя, но словно навѣкъ застывшія губы.

Я сказалъ, что матушка меня любила; но бывали минуты, когда она меня отталкивала, когда мое присутствіе ей было тягостнымъ, невыносимымъ. Она чувствовала тогда какъ бы невольное отвращеніе ко мнѣ—и ужасалась потомъ, винилась со слезами, прижимала меня къ своему сердцу. Я приписывалъ эти мгновенныя вспышки враждебному разстройству ея здоровья, ея несчастью.... Правда, эти враждебныя ощущенія могли бы, до нѣкоторой степени, быть вызваны какими-то странными, для меня самого непонятными порывами злыхъ и преступныхъ чувствъ, которыя изрѣдка поднимались во мнѣ.... Но эти порывы не совпадали съ тѣми минутами отвращенія.—Матушка ходила постоянно въ черномъ, точно въ трауръ. Жили мы на довольно большую ногу—хотя почти ни съ кѣмъ не знались.

II.

Матушка сосредоточила на мнѣ всѣ свои помыслы и заботы. Ея жизнь слилась съ моей жизнью. Такого рода отношенія между родителями и дѣтьми не всегда полезны для дѣтей.... онѣ скорѣе вредны бываютъ. Притомъ, я у матушки былъ одинъ.... а единственныя дѣти бо́льшею частью развиваются неправильно. Воспитывая ихъ, родители столько же заботятся о самихъ себѣ, сколько о нихъ.... Это не дѣло. Я не избаловался и не ожесточился (то и другое случается съ единственными дѣтьми), но нервы мои до времени разстроились; къ тому же, и здоровьемъ я былъ довольно слабъ — въ матушку, на которую я и лицомъ очень походилъ. Я избѣгалъ обще-

ства своихъ однолѣтковъ; я вообще чуждался людей; я даже съ матушкой разговаривалъ мало. Я пуще всего любилъ читать, гулять наединѣ — и мечтать, мечтать! О чемъ были мои мечты — сказать трудно: мнѣ, право, иногда чудилось, будто я стою передъ полузакрытой дверью, за которой скрываются невѣдомыя тайны, стою и жду, и млѣю — и не переступаю порога — и все размышляю о томъ, что̀ тамъ такое находится впереди— и все жду и замираю.... или засыпаю. Если бы во мнѣ билась поэтическая жилка — я бы, вѣроятно, принялся писать стихи; если бы я чувствовалъ наклонность къ набожности, я бы, можетъ быть, пошелъ въ монахи; но у меня ничего этого не было — и я продолжалъ мечтать—и ждать.

III.

Я сейчасъ упомянулъ о томъ, какъ я засыпалъ иногда подъ напѣвомъ неясныхъ думъ и мечтаній. Я вообще спалъ много—и сны играли въ моей жизни значительную роль; я видѣлъ сны почти каждую ночь. Я не забывалъ ихъ, я придавалъ имъ значеніе, считалъ ихъ предсказаніями, старался разгадать ихъ тайный смыслъ: нѣкоторые изъ нихъ повторялись отъ времени до времени, что̀ всегда казалось мнѣ удивительнымъ и страннымъ. Особенно смущалъ меня одинъ сонъ. Мнѣ казалось, что я иду по узкой, дурно вымощенной улицѣ стариннаго города, между многоэтажными каменными домами съ остроконечными крышами. Я отыскиваю моего отца, который не умеръ, но почему-то прячется отъ насъ, и живетъ именно въ одномъ изъ этихъ домовъ. И вотъ, я вступаю въ низкія, темныя ворота, перехожу длинный дворъ, заваленный бревнами и досками, и проникаю, наконецъ, въ маленькую комнату съ двумя круглыми окнами. По срединѣ комнаты стоитъ мой отецъ въ шлафрокѣ и ку-

рить трубку. Онъ нисколько не похожъ на моего настоящаго отца: онъ высокъ ростомъ, худощавъ, черноволосъ, носъ у него крючкомъ, глаза угрюмые и пронзительные; на видъ ему лѣтъ сорокъ. Онъ недоволенъ тѣмъ, что я его отыскалъ: я тоже нисколько не радуюсь нашему свиданію — и стою въ недоумѣніи. Онъ слегка отворачивается, начинаетъ что-то бормотать и расхаживать взадъ и впередъ небольшими шагами.... Потомъ онъ понемногу удаляется, не переставая бормотать и, то и дѣло, оглядываться назадъ, черезъ плечо; комната расширяется и пропадаетъ въ туманѣ.... Мнѣ вдругъ становится страшно при мысли, что я снова теряю моего отца, я бросаюсь вслѣдъ за нимъ, — но я уже его не вижу—и только слышится мнѣ его сердитое, точно медвѣжье бормотанье.... Сердце во мнѣ замираетъ—я просыпаюсь и долго не могу заснуть опять.... Весь слѣдующій день я думаю объ этомъ снѣ и, конечно, ни до чего додуматься не могу.

IV.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ. Городъ, въ которомъ мы жили съ матушкой, объ эту пору оживлялся необыкновенно. Множество кораблей прибывало въ пристань, множество новыхъ лицъ появлялось на улицахъ. Я любилъ тогда бродить по набережной, мимо кофейныхъ домовъ и гостинницъ, засматриваться на разнородныя фигуры матросовъ и другихъ людей, сидѣвшихъ подъ полотняными навѣсами, передъ небольшими бѣлыми столиками, за оловянными кружками, налитыми пивомъ.

Вотъ, однажды, проходя передъ одной кофейной, я увидалъ человѣка, который тотчасъ же приковалъ къ себѣ все мое вниманіе. Одѣтый въ длинный черный балахонъ, съ надвинутой на глаза соломенной шляпой, онъ сидѣлъ не-

подвижно, скрестивъ руки на груди. Жидкіе завитки черныхъ волосъ спускались почти до самаго носа: тонкія губы стискивали мундштукъ короткой трубки. Человѣкъ этотъ до того показался мнѣ знакомымъ, каждая черта его смуглаго, желтаго лица, вся его фигура — до того несомнѣнно запечатлѣлась въ моей памяти, что я не могъ не остановиться передъ нимъ, не могъ не задать себѣ вопроса: кто этотъ человѣкъ? гдѣ я его видѣлъ? Почувствовавъ, вѣроятно, мой пристальный взглядъ, онъ возвелъ на меня свои черные, колючіе глаза... Я невольно ахнулъ....

Этотъ человѣкъ былъ тотъ отецъ, котораго я отыскивалъ, котораго я видѣлъ во снѣ!

Не было возможности ошибиться, — сходство было слишкомъ поразительно. Самый даже долгополый балахонъ, облекавшій его худощавые члены, цвѣтомъ и складомъ напоминалъ тотъ илафрокъ, въ которомъ являлся мнѣ мой отецъ.

„Ужъ не сплю ли я?“ подумалось мнѣ.... Нѣтъ.... Теперь день, кругомъ шумитъ толпа, солнце ярко свѣтитъ съ голубого неба, и передо мной не призракъ, а живой человѣкъ.

Я подошелъ къ порожнему столику, спросилъ себѣ кружку пива, газету — и сѣлъ въ недальнемъ разстояніи отъ того загадочнаго существа.

V.

Поставивъ листъ газеты въ уровень лица, я продолжалъ пожирать незнакомца глазами.—Онъ почти не шевелился, и лишь изрѣдка приподнималъ понурую голову. Онъ явно ждалъ кого-то. Я глядѣлъ, глядѣлъ... Иногда мнѣ казалось, что я все это выдумалъ, что сходства собственно никакого нѣтъ, что я поддался полу-невольному

обману воображенія... но „тотъ“ вдругъ повернется немного на стулѣ или руки слегка подниметъ—и я опять чуть не ахну, опять вижу передъ собой моего „ночного“ отца! — Онъ, наконецъ, замѣтилъ мое неотвязчивое вниманіе, и сперва съ недоумѣніемъ, потомъ съ досадой взглянувъ въ мою сторону, собрался-было встать— и уронилъ небольшую тросточку, прислоненную имъ къ столу. Я мгновенно вскочилъ, поднялъ и подалъ ему ее. Сердце во мнѣ сильно билось.

Онъ натянуто улыбнулся, поблагодарилъ меня и, приблизивъ свое лицо къ моему лицу, поднялъ брови и раскрылъ немного губы, словно что̀ его поразило.

— Вы очень вѣжливы, молодой человѣкъ, заговорилъ онъ вдругъ сухимъ и рѣзкимъ, гнусливымъ голосомъ.— Въ теперешнее время это рѣдкость. Позвольте васъ поздравить: вы получили хорошее воспитаніе.

Не помню, что̀ именно я отвѣтилъ ему; но разговоръ скоро завязался между нами. Я узналъ, что онъ мой соотечественникъ, что онъ недавно вернулся изъ Америки, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, и скоро опять туда отправляется. Онъ назвалъ себя барономъ.... имени я не могъ хорошенько разслышать. Онъ такъ же, какъ мой „ночной“ отецъ, оканчивалъ каждую свою рѣчь какимъ-то неяснымъ внутреннимъ бормотаньемъ. Онъ пожелалъ узнать мою фамилію.... Услыхавъ ее, онъ опять какъ будто изумился; потомъ онъ спросилъ меня, давно ли я живу въ этомъ городѣ и съ кѣмъ? Я отвѣчалъ ему, что я живу съ моей матерью.

— А батюшка вашъ?—Мой отецъ давно умеръ. Онъ освѣдомился о христіанскомъ имени моей матери, и тотчасъ же разсмѣялся неловкимъ смѣхомъ—а потомъ извинился, говоря, что у него такая американская манера, и что вообще онъ чудакъ порядочный. Потомъ онъ полюбопытствовалъ узнать, гдѣ находится наша квартира. Я сказалъ ему-

VI.

Волненіе, овладѣвшее мною въ началѣ нашего разговора, постепенно утихло; я находилъ наше сближеніе нѣсколько страннымъ—и только. Мнѣ не нравилась улыбочка, съ которой г-нъ баронъ меня разспрашивалъ; не нравилось также выраженіе его глазъ, когда онъ ихъ словно вонзалъ въ меня.... Въ нихъ было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое. Этихъ глазъ я во снѣ не видѣлъ. Странное было лицо у барона! Поблеклое, усталое, и въ то же время моложавое, непріятно моложавое! У моего „ночного“ отца не было также того глубокаго шрама, который косвенно пересѣкалъ весь лобъ моего новаго знакомца, и котораго я не замѣтилъ до тѣхъ поръ, пока не пододвинулся къ нему поближе.

Не успѣлъ я сообщить барону названіе улицы и нумеръ дома, гдѣ мы жили, какъ высокаго роста арапъ, закутанный въ плащъ по самыя брови, подошелъ къ нему сзади и тихонько постучалъ ему по плечу. Баронъ обернулся, промолвилъ: „Ага! наконецъ-то!“ и, слегка кивнувъ мнѣ головою, отправился вмѣстѣ съ арапомъ въ кофейную. Я остался подъ навѣсомъ, я хотѣлъ дождаться выхода барона, не столько для того, чтобы снова заговорить съ нимъ — (я собственно не зналъ, о чемъ бы я могъ повести съ нимъ рѣчь)—сколько для того, чтобы снова провѣрить свое первое впечатлѣніе.—Но минуло полчаса; минулъ часъ.... Баронъ не появлялся.—Я вошелъ въ кофейную, пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ—но нигдѣ не увидалъ ни барона, ни арапа.... Они оба, должно быть, удалились черезъ заднюю дверь.

У меня голова немного разболѣлась—и я, чтобы освѣжиться, отправился вдоль морского берега до пространнаго

загороднаго парка, разведеннаго лѣтъ двѣсти тому назадъ.—Погулявъ часа два въ тѣни громадныхъ дубовъ и платановъ, я вернулся домой.

VII.

Служанка наша бросилась мнѣ на встрѣчу, вся перетревоженная, какъ только я появился въ передней.—Я тотчасъ догадался, по выраженію ея лица, что во время моего отсутствія что-то недоброе произошло въ нашемъ домѣ.—И, точно, я узналъ, что, часъ тому назадъ, въ спальнѣ моей матери внезапно раздался страшный крикъ; вбѣжавшая служанка нашла ее на полу, въ обморокѣ, который продолжался нѣсколько минутъ. Матушка, наконецъ, пришла въ чувство—но принуждена была лечь въ постель, и видъ имѣла испуганный и странный; ни слова не говорила, не отвѣчала на разспросы — все только оглядывалась и вздрагивала. Служанка послала садовника за докторомъ. Докторъ пришелъ и прописалъ успокоительное средство, но и ему матушка ничего сказать не хотѣла. Садовникъ увѣрялъ, что нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ въ матушкиной комнатѣ раздался крикъ — онъ увидѣлъ незнакомаго человѣка, поспѣшно бѣжавшаго черезъ клумбы сада къ уличнымъ воротамъ.—(Мы жили въ одноэтажномъ домѣ, выходившемъ окнами въ довольно большой садъ). Садовникъ не успѣлъ разсмотрѣть лицо этого человѣка: по изъ себя онъ былъ худощавъ, носилъ низкую соломенную шляпу и длинополый сюртукъ.... „Одежда барона!“ тотчасъ мелькнуло у меня въ головѣ. — Догнать его садовникъ не могъ: къ тому же, его немедленно позвали въ домъ и послали за докторомъ. Я вошелъ къ матушкѣ; она лежала на постели, блѣдной подушки, на которой покоилась ея голова. — Узнавъ меня, она слабо улыбнулась и протя-

нула мнѣ руку. Я подсѣлъ къ ней, сталъ ее разспрашивать; сперва она все отнѣкивалась; наконецъ, однако, созналась, что увидѣла нѣчто такое, что̀ очень ее испугало.—„Кто-нибудь входилъ сюда?“ спросилъ я.—„Нѣтъ, торопливо отвѣтила она: никто не приходилъ, но мнѣ показалось.... мнѣ привидѣлось....“ Она умолкла и закрыла глаза рукой. Я хотѣлъ-было сообщить ей то, что̀ узналъ отъ садовника — да кстати разсказать мою встрѣчу съ барономъ.... но, почему-то, слова замерли у меня на губахъ. — Я рѣшился, однако, замѣтить матушкѣ, что привидѣнія обыкновенно не показываются днемъ.... „Оставь, прошептала она, пожалуйста; не мучь меня теперь. Ты когда-нибудь узнаешь....“ Она умолкла опять. Руки у нея были холодныя, и пульсъ бился скоро и неровно. Я далъ ей выпить лекарство и отошелъ немного въ сторону, чтобы не безпокоить ее.—Цѣлый день она не вставала. Она лежала неподвижно и тихо, лишь изрѣдка глубоко вздыхая и пугливо раскрывая глаза. — Всѣ въ домѣ недоумѣвали.

VIII.

Къ ночи съ матушкой сдѣлалась небольшая лихорадка—и она отослала меня. Я, однако, не ушелъ къ себѣ—а легъ въ сосѣдней комнатѣ на диванѣ. Каждыя четверть часа я вставалъ, подходилъ на цыпочкахъ къ двери, слушалъ.... Все оставалось безмолвнымъ—но матушка едва-ли заснула въ ту ночь. Когда я рано поутру вошелъ къ ней—лицо ея казалось воспаленнымъ, глаза блестѣли неестественнымъ блескомъ. Въ теченіе дня ей нѣсколько полегчало, но къ вечеру жаръ опять усилился.—До тѣхъ поръ она упорно молчала, а тутъ вдругъ начала говорить утомленнымъ, прерывистымъ голосомъ. Она не бредила, въ ея словахъ былъ смыслъ—но не было никакой связи.

Незадолго до полуночи, она внезапно, судорожнымъ движеніемъ, приподнялась въ постели (я сидѣлъ возлѣ нея), и тѣмъ же поспѣшнымъ голосомъ, безпрестанно отпивая воду глотками изъ стакана, слабо помахивая руками и ни разу не взглянувъ на меня, принялась разсказывать.... Она останавливалась, дѣлала надъ собой усиліе и продолжала снова.... Такъ это все было странно, точно она все это дѣлала во снѣ, точно она сама отсутствовала, а кто-то другой говорилъ ея устами или заставлялъ ее говорить.

IX.

— Послушай, что̀ я тебѣ разскажу — начала она:— ты уже не молодой мальчикъ; надо тебѣ все знать. У меня была хорошая пріятельница.... Она вышла за человѣка, котораго любила всѣмъ сердцемъ—и она была очень счастлива съ своимъ мужемъ. Въ первый же годъ брака они поѣхали оба въ столицу, чтобы провести тамъ нѣсколько недѣль и повеселиться. Они остановились въ хорошей гостинницѣ и много выѣзжали по театрамъ и собраніямъ. Моя пріятельница была очень недурна собой—ее всѣ замѣчали, молодые люди за ней ухаживали,—но былъ между ними одинъ.... офицеръ. Онъ слѣдилъ за нею неотступно, и гдѣ бы она ни была, она всюду видѣла его черные, злые глаза. Онъ съ ней не познакомился и ни разу съ ней не говорилъ—только все глядѣлъ на нее—такъ дерзко и странно. Всѣ удовольствія столицы были отравлены его присутствіемъ — она начала уговаривать мужа уѣхать поскорѣе—и они уже совсѣмъ собрались въ путь. Однажды мужъ ея отправился въ клубъ: его пригласили офицеры— одного полка съ тѣмъ офицеромъ—играть въ карты.... Она въ первый разъ осталась одна. Мужъ долго не воз-

вращался — она отпустила служанку, легла въ постель.... И вдругъ ей стало очень жутко—такъ что она даже вся похолодѣла и затряслась. Ей почудился легкій стукъ за-стѣною—такъ собака царапаетъ—и она начала глядѣть на ту стѣну. Въ углу горѣла лампада; комната была вся обита штофомъ.... Вдругъ что-то тамъ шевельнулось, приподнялось, раскрылось.... И прямо изъ стѣны, весь черный, длинный, вышелъ тотъ ужасный человѣкъ съ злыми глазами!—Она хотѣла закричать, и не могла. Она совсѣмъ замерла отъ испуга. Онъ подошелъ къ ней быстро, какъ хищный звѣрь, бросилъ ей что-то на голову, что-то душное, тяжелое, бѣлое.... Что было потомъ, не помню.... не помню! Это походило на смерть, на убійство.... Когда наконецъ, разсѣялся тотъ страшный туманъ — когда я.... когда пріятельница моя пришла въ себя, въ комнатѣ не было никого. Она опять—и долго—не въ силахъ была закричать, закричала наконецъ.... потомъ опять все смѣшалось....

Потомъ она увидѣла возлѣ себя мужа, котораго до двухъ часовъ ночи задержали въ клубѣ.... На немъ лица не было. Онъ сталъ ее разспрашивать, но она ему ничего не сказала.... Потомъ она занемогла.... Однако, помнится, оставшись одна въ комнатѣ, она осмотрѣла то мѣсто въ стѣнѣ.... Подъ штофной обивкой оказалась потаенная дверь. А у самой у ней съ руки пропало обручальное кольцо. Это кольцо было необыкновенной формы: на немъ чередовалось семь золотыхъ звѣздочекъ съ семью серебряными; это была старинная семейная драгоцѣнность. Мужъ спрашивалъ ее, что̀ сталось съ кольцомъ; она ничего не могла отвѣтить. Мужъ подумалъ, что она какъ-нибудь его обронила, искалъ вездѣ, но нигдѣ не нашелъ. Тоска на него нашла, онъ рѣшился какъ можно скорѣй домой уѣхать, и какъ только докторъ позволилъ—они покинули столицу.... Но, представь! Въ самый день отъѣзда, они на улицѣ вдругъ наткну-

лись на поленки.... На этихъ поленкахъ лежалъ только-что убитый человѣкъ, съ разрубленной головой—и представь! этотъ человѣкъ былъ тотъ самый страшный ночной гость съ злыми глазами.... Его убили за карточной игрой!

Потомъ моя пріятельница уѣхала въ деревню... сдѣлалась матерью въ первый разъ.... и прожила съ мужемъ нѣсколько лѣтъ. Онъ никогда ничего не узналъ, да и что̀ могла она сказать? Она сама ничего не знала.

Но прежнее счастье исчезло. Темно стало въ ихъ жизни—и никогда уже не прекращалась эта темнота.... Другихъ дѣтей у нихъ не было ни прежде, ни послѣ.... а этотъ сынъ....

Матушка вся затрепетала и закрыла лицо руками....

— Но скажи теперь, продолжала она съ удвоенной силой, развѣ моя знакомая въ чемъ-нибудь виновата? Въ чемъ она могла упрекнуть себя? Она была наказана, но развѣ она не въ правѣ предъ самимъ Богомъ объявить, что наказаніе, которое ее постигло, несправедливо? Такъ почему же ей, какъ преступницѣ, которую терзаютъ угрызенія совѣсти, почему можетъ ей представиться прошедшее въ такомъ ужасномъ видѣ, послѣ стольких лѣтъ? Макбетъ убилъ Банко — такъ не удивительно, что ему можетъ мерещиться.... а я....

Но тутъ рѣчь матушки до того запуталась и смѣшалась, что я пересталъ ее понимать.... Я уже не сомнѣвался въ томъ, что она бредитъ.

X.

Какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня разсказъ матушки—легко пойметъ всякій! Я съ перваго ея слова догадался, что она говоритъ о самой себѣ, а не о какой-то своей знакомой; ея обмолвка только подтвер-

для мою догадку. Стало-быть, это точно былъ мой отецъ, котораго я отыскивалъ во снѣ, котораго я видѣлъ на яву! Онъ не былъ убитъ, какъ полагала матушка, а только раненъ.... И онъ приходилъ къ ней, и бѣжалъ, испуганный ея испугомъ. Все мнѣ стало вдругъ понятно: и чувство невольнаго отвращенія ко мнѣ, которое иногда пробуждалось въ моей матери, и ея постоянная грусть, и наша уединенная жизнь.... Помнится, голова у меня ходила кругомъ— и я хватался за нее обѣими руками, какъ-бы, желая ее удержать на мѣстѣ. Но одна мысль засѣла во мнѣ гвоздемъ: я рѣшился, непремѣнно, во что бы то ни стало, снова найти этого человѣка! Зачѣмъ? съ какою цѣлью?—я не давалъ себѣ отчета, но отыскать.... отыскать его — это сдѣлалось для меня вопросомъ жизни или смерти! На слѣдующее утро матушка, наконецъ, успокоилась.... лихорадка прошла.... она заснула. Препоручивъ ее попеченіямъ нашихъ хозяевъ и слугъ, я отправился на поиски.

XI.

Прежде всего я, разумѣется, направился въ кофейную, гдѣ я встрѣтилъ барона; но въ кофейной никто не зналъ и даже не замѣтилъ его; онъ былъ случайнымъ ея посѣтителемъ. Арапа хозяева замѣтили—фигура его слишкомъ бросалась въ глаза; но кто онъ былъ, гдѣ пребывалъ,— также никто не вѣдалъ. Оставивъ, на всякій случай, мой адресъ въ кофейной, я принялся ходить по улицамъ и набережнымъ города, около пристани, по бульварамъ, заглядывалъ во всѣ публичныя заведенія, и нигдѣ не нашелъ ничего похожаго ни на барона, ни на его товарища!... Не разслыхавъ фамиліи барона, я былъ лишенъ возможности обратиться къ полиціи; однако, далъ знать по всѣмъ

двумъ-тремъ блюстителямъ общественнаго порядка (правда, они съ изумленіемъ смотрѣли на меня и не совсѣмъ мнѣ довѣряли), что вознагражу щедро ихъ усердіе, если имъ удастся напасть на слѣдъ тѣхъ двухъ личностей, наружность которыхъ я постарался описать имъ сколько возможно точнѣе. Прорыскавъ, такимъ образомъ, до самаго обѣда, я вернулся домой изнуренный. Матушка поднялась съ постели; но къ обычной ея грусти примѣшивалось что-то новое, какое-то задумчивое недоумѣніе, которое какъ ножемъ меня рѣзало по сердцу. Вечеръ я просидѣлъ съ нею. Мы почти ничего не говорили: она раскладывала пасьянсъ, я молча смотрѣлъ ей въ карты. Она ни единымъ словомъ не упомянула ни о своемъ разсказѣ, ни о томъ, что случилось наканунѣ. Мы точно оба тайно уговорились не касаться всѣхъ этихъ жуткихъ и страшныхъ происшествій.... Ей, какъ будто, было досадно на себя и совѣстно того, что̀ у нея вырвалось невольно; а можетъ быть, она и не помнила хорошенько, что она такое сказала въ полу-горячечномъ бреду—и надѣялась, что я ее пощажу.... Да и точно, я щадилъ ее, и она это чувствовала; она, по вчерашнему, избѣгала моего взора. Всю ночь я не могъ заснуть.—На дворѣ внезапно поднялась страшная буря. Вѣтеръ выль и рвался неистово, стекла оконъ звенѣли и дребезжали, въ воздухѣ носились отчаянные визги и стоны, точно что-то тамъ, наверху, разрывалось и съ бѣшенымъ плачемъ пролеталo надъ потрясенными домами. Передъ зарей я забылся дремотой..... вдругъ мнѣ почудилось, что кто-то вошелъ ко мнѣ въ комнату и позвалъ меня, произнесъ мое имя—не громкимъ, но рѣзкимъ голосомъ. Я приподнялъ голову и не увидѣлъ никого; но, странное дѣло! я не только не испугался — я обрадовался; во мнѣ внезапно явилась увѣренность, что теперь я непремѣнно достигну цѣли. Я наскоро одѣлся и вышелъ изъ дому.

XII.

Буря утихла... но еще чувствовались ея послѣднія трепетанія. Время было раннее—на улицахъ не попадались люди, во многихъ мѣстахъ валялись обломки трубъ, черепицы, доски разметанныхъ заборовъ, сломанныя сучья деревьевъ.... „Что происходило ночью на морѣ?“ невольно думалось при видѣ слѣдовъ, оставленныхъ бурей. Я хотѣлъ было пойдти на пристань, но мои ноги, какъ бы повинуясь неотразимому влеченію, понесли меня въ другую сторону. Не прошло десяти минутъ, какъ уже я находился въ части города, никогда до тѣхъ поръ мною не посѣщенной. Я шелъ не быстро, но не останавливаясь, шагъ за шагомъ, съ страннымъ ощущеніемъ на сердцѣ: я ожидалъ чего-то необыкновеннаго, невозможнаго, и въ то же время я былъ увѣренъ, что это необыкновенное сбудется.

XIII.

И вотъ, оно наступило, это необыкновенное, это неожиданное! Внезапно, шагахъ въ двадцати впереди меня, я увидѣлъ того самаго арапа, который въ кофейной заговорилъ при мнѣ съ барономъ! Закутанный въ тотъ самый плащъ, который я уже тогда замѣтилъ на немъ, онъ словно вынырнулъ изъ земли и, повернувшись ко мнѣ спиною, шелъ проворными шагами по узкому тротуару кривого переулка! Я тотчасъ бросился ему въ догонку, но и онъ удвоилъ шаги, хоть и не оглянулся назадъ, и вдругъ круто вильнулъ за уголъ выдвинувшагося дома. Я добѣжалъ до этого угла, обогнулъ его такъ же скоро, какъ арапъ... Что за чудо! Передо мною длинная, узкая и совершенно пустая улица; утренній туманъ залилъ ее всю своимъ тусклымъ

свинцомъ,—но взоръ мой проникаетъ до самаго ея конца, я могу перечесть всѣ ея строенія.... и ни одно живое существо нигдѣ не шевелится! Высокій арапъ въ плащѣ такъ же внезапно исчезъ, какъ и появился! Я изумился... но на одно только мгновеніе. Другое чувство тотчасъ овладѣло мною: эта улица, которая растянулась передъ моими глазами, вся нѣмая и какъ бы мертвая—я ее узналъ! Это была улица моего сна. Я вздрагиваю, я пожимаюсь—утро такъ свѣжо—и тотчасъ же, ни мало ни колеблясь, съ какимъ-то испугомъ увѣренности, отправляюсь впередъ!

Я начинаю искать глазами.... Да, вотъ онъ: вотъ, направо, выходя угломъ на тротуаръ, вотъ и домъ моего сна, вотъ и старинныя ворота съ каменными завитушками по обѣимъ сторонамъ.... Правда, окна дома не круглыя, а четырехъ-угольныя.... но это не важно.... Я стучусь въ ворота, стучусь два, три раза, все громче и громче.... Ворота отворяются медленно, съ тяжелымъ скрипомъ, какъ бы зѣвая. Передо мной молодая служанка съ растрепанной головой, съ заспанными глазами. Она, видно, только-что проснулась. — Здѣсь живетъ баронъ? спрашиваю я, а самъ обѣгаю быстрымъ взоромъ глубокій, тѣсный дворъ.... Такъ; все такъ.... вотъ и доски, и бревна, видѣнныя мною во снѣ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мнѣ служанка,—баронъ здѣсь не живетъ.

— Какъ нѣтъ? не можетъ быть!

— Теперь его нѣтъ. Онъ вчера уѣхалъ.

— Куда?

— Въ Америку.

— Въ Америку! повторилъ я невольно. Да онъ вернется?

Служанка подозрительно взглянула на меня.

— Этого мы не знаемъ. Можетъ быть, совсѣмъ не вернется.

— Да долго ли онъ здѣсь жилъ?

— Недолго, съ недѣлю. Теперь его совсѣмъ нѣтъ.

— А какъ его звали по фамиліи, этого барона? Служанка уставилась на меня.

— Вы не знаете его фамиліи? Мы его просто звали барономъ. Эй! Петръ! крикнула она, видя, что я порываюсь впередъ.—Иди-ка сюда: какой то чужой здѣсь все разспрашиваетъ.

Изъ дому появилась нескладная фигура дюжаго работника.

— Что такое? Что надо? спросилъ онъ сильнымъ голосомъ—и, угрюмо выслушавъ меня, повторилъ сказанное служанкой.

— Да кто же здѣсь живетъ? промолвилъ я.

— Нашъ хозяинъ.

— А кто онъ?

— Столяръ. По этой улицѣ все столяры.

— Можно его видѣть?

— Нельзя теперь, онъ спитъ.

— А въ домъ нельзя войти?

— Нельзя. Ступайте.

— Ну, а послѣ можно будетъ вашего хозяина видѣть?

— Отчего же? Можно. Его всегда можно.... На то онъ торговецъ. Только теперь ступайте. Вишь, какая рань.

— Ну, а тотъ аранъ? спросилъ я вдругъ.

Работникъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ сперва на меня, потомъ на служанку.

— Какой тутъ аранъ? проговорилъ онъ наконецъ.— Ступайте, господинъ. Послѣ можете придти. Съ хозяиномъ потолкуете.

— Я вышелъ на улицу. Ворота разомъ захлопнулись за мною, тяжко и рѣзко, безъ скрипу на этотъ разъ.

Я хорошенько замѣтилъ улицу, домъ и пошелъ прочь, только не домой.—Я ощущалъ нѣчто въ родѣ разочаро-

вашія. Все, что случилось со мной, было такъ странно, такъ необыкновенно—а между тѣмъ, какъ оно глупо кончилось! Я былъ увѣренъ, я былъ убѣжденъ, что я увижу въ этомъ домѣ знакомую мнѣ комнату,—и посреди ея моего отца, барона, въ шлафрокѣ и съ трубкой.... А вмѣсто того—хозяиномъ дома столяръ, и его можно посѣщать, сколько угодно—и, пожалуй, мебель ему заказать....

А отецъ уѣхалъ въ Америку! И что мнѣ теперь остается дѣлать?... Разсказать все матери—или на вѣкъ схоронить самое воспоминаніе объ этой встрѣчѣ? Я рѣшительно не былъ въ состояніи помириться съ мыслью, что къ такому сверхъестественному, таинственному началу могъ примкнуть такой безсмысленный, такой ординарный конецъ!

Я не хотѣлъ вернуться домой, и пошелъ, куда глаза глядятъ, вонъ изъ города.

XIV.

Я шелъ, понуривъ голову, безъ мыслей, почти безъ ощущеній, но весь погруженный въ самого себя.—Равномѣрный, глухой и сердитый шумъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія. Я поднялъ голову: то шумѣло и гудѣло море, шагахъ въ пятидесяти отъ меня. Я увидалъ, что я иду по песку дюны. Расколебленное ночной бурей, море до самаго горизонта бѣлѣло барашками, и крутые гребни длинныхъ валовъ чередою катились и разбивались о плоскій берегъ. Я приблизился къ нимъ—и пошелъ вдоль самой черты, оставляемой ихъ отливомъ и приливомъ на желтомъ, рубчатомъ пескѣ, усѣянномъ обрывками морскихъ тягучихъ растеній, обломками раковинъ, змѣевидными лентами осоки. Острокрылыя чайки, съ жалкимъ крикомъ налетая по вѣтру изъ далекой воздушной бездны, вздымались, бѣлыя какъ снѣгъ, на сѣромъ облачномъ небѣ, падали круто и, словно

перескакивая съ волны на волну, уходили вновь и пропадали серебряными искрами въ полосахъ клубившейся пѣны. Нѣкоторыя изъ нихъ, я замѣтилъ, упорно вились надъ крупнымъ камнемъ, одиноко торчавшимъ среди однообразной скатерти песчаныхъ береговъ. Грубая, морская осока росла неровными кучками съ одной стороны камня; а тамъ, гдѣ ея спутанные стебли выходили изъ желтаго солончака, что̀-то чернѣло, что̀-то длинноватое, округленное, не слишкомъ большое.... Я сталъ присматриваться.... Какой-то темный предметъ лежалъ тамъ, лежалъ неподвижно возлѣ камня.... Предметъ этотъ становился все яснѣе, все опредѣленнѣе, чѣмъ ближе я подходилъ....

Мнѣ оставалось до камня всего шаговъ тридцать....

Да это очертаніе человѣческаго тѣла! Это трупъ; это утопленникъ, выброшенный моремъ! Я приблизился къ самому камню.

Это трупъ барона, моего отца! Я остановился, какъ вкопанный. Тутъ только я понялъ, что меня съ самаго утра водили какія-то невѣдомыя силы—что я въ ихъ власти—и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній ничего въ моей душѣ не было, кромѣ немолчнаго морскаго плеска—и нѣмого страха передъ овладѣвшей мною судьбой....

XV.

Онъ лежалъ на спинѣ, склонясь немного на бокъ, закинулъ лѣвую руку за голову.... правая была подвернута подъ его перегнутое тѣло. Вязкая тина всосала концы ногъ, обутыхъ въ высокіе магросскіе сапоги; короткая синяя куртка, вся пропитанная морскою солью, не разстегнулась; красный шарфъ обхватывалъ тугимъ узломъ его шею. Смуглое лицо, обращенное къ небу, какъ будто посмѣивалось; изъ-подъ вздернутой верхней губы виднѣлись частые,

мелкіе зубы; тусклые зрачки полузакрытыхъ глазъ едва отличались отъ потемнѣвшихъ бѣлковъ: покрытые пузырьками пѣны, засоренные волосы разсыпались по землѣ и обнажили гладкій лобъ съ лиловатою чертою шрама; узкій носъ вздымался рѣзкой, бѣловатой чертой между впалыми щеками. Буря прошедшей ночи сдѣлала свое дѣло.... Онъ не увидѣлъ Америки! Человѣкъ, оскорбившій мою мать, обезобразившій ея жизнь—мой отецъ—да! мой отецъ—въ этомъ я не могъ сомнѣваться — лежалъ, безсильно распростертый, въ грязи у ногъ моихъ. Я испытывалъ чувство удовлетворенной мести, и жалости, и отвращенія, и ужаса, пуще всего.... двойного ужаса: и передъ тѣмъ, что я видѣлъ—и передъ тѣмъ, что свершилось. То злое, то преступное,—о которомъ я уже говорилъ, тѣ непонятные порывы поднимались во мнѣ.... душили меня. Ага! думалось мнѣ: вотъ, отчего я такой.... вотъ когда сказывается кровь! Я стоялъ возлѣ трупа, и глядѣлъ, и ждалъ: не шевельнутся ли эти мертвые зрачки, не дрогнутъ ли эти окоченѣлыя губы? — Нѣтъ! все неподвижно; самая осока, куда забросилъ его прибой, точно замерла; даже чайки отлетѣли—ни одного обломка нигдѣ, ни доски, ни разбитой снасти. Пустота всюду.... только онъ—да я—да шумѣвшее вдали море. Я оглянулся назадъ: та же пустота и тамъ: цѣпь безжизненныхъ холмовъ на небосклонѣ.... вотъ и все! Жутко мнѣ было оставить этого несчастнаго въ этомъ одиночествѣ, въ прибрежной тинѣ, на съѣденіе рыбамъ и птицамъ; внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я долженъ былъ отыскать, позвать людей, если не для помощи—гдѣ ужъ тутъ!—такъ хоть для того, чтобы прибрать, отнести его подъ жилой кровъ.... но несказанный страхъ вдругъ обнялъ меня. Мнѣ показалось, что этотъ мертвый человѣкъ знаетъ, что я пришелъ сюда, что онъ самъ устроилъ эту послѣднюю встрѣчу—мнѣ даже почудилось то знакомое, глухое бормотанье.... Я отбѣжалъ

въ сторону.... оглянулся еще разъ.... Что-то блестящее бросилось мнѣ въ глаза: оно остановило меня. То былъ золотой ободокъ на откинутой рукѣ трупа.... Я узналъ обручальное кольцо моей матери. Помню, какъ я заставилъ себя вернуться, подойти, нагнуться.... помню клейкое прикосновеніе холодныхъ пальцевъ, помню, какъ я задыхался и жмурился и скрипѣлъ зубами, срывая упорное кольцо....

Наконецъ, оно сорвано—и я бѣгу, бѣгу прочь, сломя голову,—и что-то несется за мною, и настигаетъ и ловитъ меня.

XVI.

Все, что я испыталъ и перечувствовалъ, было, вѣроятно, написано на моемъ лицѣ, когда я вернулся домой. Матушка, какъ только я вошелъ въ ея комнату, внезапно выпрямилась, и такъ настойчиво-вопросительно поглядѣла на меня, что я, безуспѣшно попытавшись объясниться, кончилъ тѣмъ, что молча протянулъ ей кольцо. Она побѣднѣла страшно, глаза ея раскрылись необычайно и помертвѣли, какъ у *того*,—она слабо крикнула, схватила кольцо, пошатнулась, упала ко мнѣ на грудь и такъ и замерла на ней, закинувъ голову назадъ и пожирая меня этими широкими, обезумѣвшими глазами. Я обнялъ ея станъ обѣими руками, и стоя на мѣстѣ, не шевелясь, не спѣша, разсказалъ ей тихимъ голосомъ все, безъ малѣйшей утайки: мой сонъ и встрѣчу, и все, все.... Она выслушала меня до конца, не промолвивъ ни единаго слова, только грудь все сильнѣй и сильнѣй дышала—и глаза внезапно оживились и опустились. Потомъ она надѣла кольцо на безымянный палецъ и, отойдя немного, начала доставать мантилью и шляпу. Я ее спросилъ, куда она собирается идти. Она подняла на меня удивленный взоръ и хотѣла отвѣтить, но

голосъ измѣнилъ ей. Она содрогнулась нѣсколько разъ, потерла себѣ руки, какъ бы стараясь согрѣться, и наконецъ, проговорила: „пойдемъ сейчасъ туда".

— Куда, матушка?

— Гдѣ онъ лежитъ.... я хочу видѣть.... я хочу узнать.... я узнаю....

Я попытался-было уговорить ее не ходить: но съ ней чуть не сдѣлалось нервическаго припадка. Я понялъ, что противиться ея желанію было невозможно—и мы отправились.

XVII.

И вотъ, я опять иду по песку дюны—но иду уже не одинъ. Я веду подъ руку матушку. Море отодвинулось, ушло еще дальше:—оно утихаетъ—но и ослабѣвшій его шумъ все такъ же грозенъ и зловѣщъ. Вотъ, наконецъ, показался впереди одинокій камень — вотъ и осока. — Я вглядываюсь, я стараюсь различить тотъ округленный, лежавшій на землѣ предметъ—но я ничего не вижу. Мы подходимъ ближе; я невольно замедляю шаги. Но гдѣ же то черное, неподвижное? Одни стебли осоки темнѣютъ надъ пескомъ, уже засохшимъ.... Мы подходимъ къ самому камню.... Трупа нѣтъ нигдѣ — и только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, еще осталась впадина, и можно понять, гдѣ находились руки, ноги.... Кругомъ осока какъ будто помята, — и замѣтны слѣды ступней одного человѣка; они идутъ черезъ дюну—потомъ пропадаютъ, достигнувъ кремнистаго кряжа.

Мы съ матушкой переглядываемся и сами пугаемся того, что прочли на своихъ лицахъ....

Ужъ не всталъ ли онъ самъ и удалился?

— Вѣдь ты его мертвымъ видѣлъ? спрашиваетъ она вполголосъ.

Я могъ только головой кивнуть. Трехъ часовъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я наткнулся на трупъ барона.... Кто нибудь открылъ и унесъ его.—Надо было отыскать, кто это сдѣлалъ, и что съ нимъ сталось?

Но прежде надо было озаботиться о матушкѣ.

XVIII.

Пока она шла къ роковому мѣсту, ее била лихорадка, но она владѣла собою. Исчезновенье трупа поразило ее, какъ окончательное несчастье. На нее нашелъ столбнякъ. Я боялся за ея разсудокъ. Съ большимъ трудомъ доставилъ я ее домой. Я ее опять уложилъ въ постель, опять приставилъ къ ней доктора; но какъ только матушка нѣсколько опомнилась, она тотчасъ потребовала, чтобы я немедленно отправился отыскивать „этого человѣка". Я повиновался. Но, несмотря на всевозможныя мѣры, я ничего не открылъ. Я былъ нѣсколько разъ въ полиціи, посѣтилъ всѣ близъ лежавшія деревни, напечаталъ нѣсколько объявленій въ газетахъ, собиралъ всюду справки—и напрасно! Правда, до меня дошло извѣстіе, что въ одну изъ приморскихъ деревушекъ былъ доставленъ утопленникъ.... я тотчасъ поскакалъ туда, но его уже похоронили, да и по примѣтамъ онъ не походилъ на барона. Я узналъ, на какомъ кораблѣ онъ уплылъ въ Америку, сперва всѣ были увѣрены, что корабль этотъ погибъ во время бури; но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, стали ходить слухи, что его видѣли на якорѣ въ Нью-іоркской гавани. Не зная, что предпринять, я принялся отыскивать видѣннаго мною арапа, предлагалъ ему черезъ газеты довольно значительную сумму денегъ, если онъ отъявится въ нашъ домъ. Какой-то высокій арапъ въ плащѣ, дѣйствительно, приходилъ къ намъ въ мое отсут-

ствіе... Но, поразспросивъ служанку, онъ внезапно удалился и не возвращался болѣе.

Такъ и простылъ слѣдъ моего.... моего отца; такъ и канулъ онъ безвозвратно въ нѣмую тьму. —Съ матушкой мы никогда не говорили о немъ; только однажды, помнится, она подивилась, отчего это я прежде никогда не упоминалъ о моемъ странномъ снѣ; и тутъ же прибавила: „значитъ, онъ, точно....“ и не договорила своей мысли. Матушка долго была больна, да и послѣ выздоровленія прежнія наши отношенія не возобновились. Ей было неловко со мною—до самой ея смерти.... Именно неловко. А этому горю нельзя помочь. Все сглаживается, воспоминанія о самыхъ трагическихъ семейныхъ событіяхъ постепенно теряютъ свою силу и жгучесть: но если чувство неловкости водворилось между двумя близкими людьми—этого ничѣмъ истребить нельзя!—Я уже никогда не видывалъ того сна, который, бывало, такъ меня тревожилъ; я уже не „отыскиваю“ своего отца: но иногда мнѣ чудилось—и чудится до сихъ поръ—во снѣ, что я слышу какіе-то далекіе вопли, какіе-то несмолкаемыя, заунывныя жалобы; звучатъ онѣ гдѣ-то за высокой стѣною, черезъ которую перелѣзть невозможно, надрываютъ онѣ мнѣ сердце—и плачу я съ закрытыми глазами—и никакъ я не въ состояніи понять, что это: живой ли человѣкъ стонетъ— или это мнѣ слышится протяжный и дикій вой взволнованнаго моря? И вотъ, онъ снова переходитъ въ то звѣриное бормотаніе—и я просыпаюсь съ тоской и ужасомъ на душѣ.

1876 г.

РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ.

.....Нѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось объѣхать,—въ качествѣ частнаго ревизора,—всѣ, довольно многочисленныя, имѣнія моей тетки. Приходскіе священники, съ которыми я считалъ своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями довольно однообразными и какъ-бы на одну мѣрку сшитыми; наконецъ, чуть ли не въ послѣднемъ изъ обозрѣнныхъ мною имѣній, я наткнулся на священника, не похожаго на своихъ собратьевъ. Это былъ человѣкъ весьма старый, почти дряхлый; и если бы не усиленныя просьбы прихожанъ, которые его любили и уважали, онъ бы давно отпросился на покой. Меня поразили въ отцѣ Алексѣѣ (такъ звали священника) двѣ особенности. Во-первыхъ, онъ не только ничего не выпросилъ для себя, но прямо заявилъ, что ни въ чемъ не нуждается, а во-вторыхъ, я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполнѣ безучастнаго,—какъ говорится,—„убитаго“ выраженія. Черты этого лица были обыкновенныя, деревенскаго типа: морщинистый лобъ, маленькіе сѣрые глазки, крупный носъ, бородка клиномъ, кожа смуглая и загорѣлая.... Но выраженіе!... выраженіе!... Въ тускломъ взглядѣ едва— и то скорбно— тепли-

лась жизнь; и голосъ былъ какой-то тоже неживой, тоже тусклый. Я занемогъ и пролежалъ нѣсколько дней; отецъ Алексѣй заходилъ ко мнѣ по вечерамъ—не бесѣдовать, а играть въ дурачки. Игра въ карты, казалось, развлекала его еще больше, чѣмъ меня. Однажды, оставшись нѣсколько разъ сряду въ дуракахъ (чему отецъ Алексѣй порадовался немало), я завелъ рѣчь о его прошлой жизни, о тѣхъ горестяхъ, которыя оставили на немъ такой явный слѣдъ. Отецъ Алексѣй сперва долго упирался, но кончилъ тѣмъ, что разсказалъ мнѣ свою исторію. Я ему, должно быть, чѣмъ-нибудь да полюбился: а то бы онъ не былъ со мною такъ откровенъ.

Я постараюсь передать его разсказъ его же словами. Отецъ Алексѣй говорилъ очень просто и толково, безъ всякихъ семинарскихъ или провинціальныхъ замашекъ и оборотовъ рѣчи. Я не въ первый разъ замѣтилъ, что сильно поломанные и смирившіеся русскіе люди всѣхъ сословій и званій выражаются именно такимъ языкомъ.

— .... У меня была жена добрая и степенная, такъ началъ онъ; — я ее любилъ душевно — и прижилъ съ нею восемь человѣкъ дѣтей; но почти всѣ умерли въ младыхъ лѣтахъ. Одинъ мой сынъ вышелъ въ архіереи—и скончался, не такъ давно, у себя въ епархіи: о другомъ сынѣ — Яковомъ его звали — я вотъ теперь разскажу вамъ. Отдалъ я его въ семинарію, въ городъ Т....ъ, — и скоро сталъ получать самыя утѣшительныя о немъ извѣстія: первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ! Онъ и дома, въ отрочествѣ, отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало — день пройдетъ — и не услышишь его.... все съ книжкой сидитъ, да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадьей не причинялъ непріятности самомалѣйшей; смиренникъ былъ. Только

иногда задумывался не по лѣтамъ, и здоровьевъ былъ слабенекъ. Разъ съ нимъ чудное нѣчто произошло. Десять лѣтъ ему тогда минуло. Отлучился онъ изъ дому—подъ самый Петровъ день—на зорькѣ, да почти цѣлое утро пропадалъ. Наконецъ, воротился. Мы съ женой спрашиваемъ его: гдѣ былъ? Въ лѣсъ, говоритъ, гулять ходилъ—да встрѣтилъ тамъ нѣкоего зеленаго старичка, который со мною много разговаривалъ—и такіе мнѣ вкусные орѣшки далъ! — „Какой-такой зеленый старичекъ?“ спрашиваемъ мы.—Не знаю, говоритъ, никогда его досель не видывалъ. Маленькій старичекъ, съ горбиною, ножками все сѣменитъ и посмѣивается—и весь, какъ листъ, зеленый.—„Какъ, говоримъ мы,—и лицо зеленое?“—И лицо, и волосы, и самые даже глаза.—Никогда нашъ сынъ не лгалъ; но тутъ мы съ женой усомнились. „Ты, чай, заснулъ въ лѣсу, на припёкѣ, да и видѣлъ старичка того во снѣ“.—Не спалъ я, говоритъ, николй; да что, говоритъ, вы не вѣрите?—вотъ, у меня въ карманѣ и орѣшекъ одинъ остался. Вынулъ Яковъ изъ кармана тотъ орѣшекъ, показываетъ намъ.... Ядрышко небольшое, въ родѣ каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орѣхи не похоже. Я его спряталъ, хотѣлъ-было доктору показать.... да запропастилось оно.... не нашелъ потомъ.

— Ну-съ, отдали мы его въ семинарію — и, какъ я вамъ уже докладывалъ, веселилъ онъ насъ своими успѣхами! Такъ мы съ супругой и полагали, что выдетъ изъ него человѣкъ! На побывку домой придетъ—любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства за нимъ никакого;—всѣмъ-то онъ нравится, всѣ насъ поздравляютъ. Только все тѣломъ худенекъ—и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ. Вотъ, уже девятнадцатый годъ ему наступилъ — скоро ученью конецъ! И получаемъ мы тутъ вдругъ отъ него письмо. Пишетъ онъ намъ: „Батюшка и матушка, не прогнѣвайтесь на меня, разрѣшите мнѣ идти по свѣтскому; не

лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха—сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь—но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя—ибо много размышлять началъ". „Доложу я вамъ, милостивый государь: опечалился я гораздо отъ этого письма—словно рогатиной мнѣ противъ сердца толкнуло—потому, вижу: не будетъ мнѣ на моемъ мѣстѣ преемника! Старшій сынъ—монахъ; а этотъ вовсе изъ своего званія выступить желаетъ. Горько мнѣ еще потому: въ нашемъ приходѣ близко двухъ-сотъ годовъ все изъ нашей семьи священники живали! Однако, думаю: нечего противъ рожна переть; знать, ужъ такое ему предопредѣленіе вышло. Что ужъ за пастырь, коли сомнѣніе въ себѣ допустилъ! Посовѣтовался я съ женою—и написалъ ему въ такомъ смыслѣ: „Сынъ мой, Яковъ, одумайся хорошенько—десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь—трудности на свѣтской службѣ пребываютъ великія, холодъ да голодъ, да къ нашему сословію пренебреженіе! И знай ты напередъ: никто руку помощи не подастъ: не пеняй потомъ, смотри! Желаніе мое, ты самъ знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня замѣнилъ; но ежели ты точно въ своемъ призваніи усомнился и попятился въ вѣрѣ—то и удерживать тебя мнѣ не приходится. Буди воля Господня! Мы съ матерью твоею въ благословеніи тебѣ не отказываемъ". Отвѣчалъ мнѣ Яковъ благодарственнымъ письмомъ. „Обрадовалъ ты меня, молъ, батюшка; есть мое намѣреніе посвятить себя ученому званію—и протекція у меня есть; поступлю въ университетъ, буду докторомъ; потому,—къ наукѣ большую склонность чувствую". Прочелъ я Яшино письмо—и пуще опечалился; а подѣлиться горемъ скоро стало не съ кѣмъ: старуха моя о-ту пору простудилась сильно и скончалась—отъ этой ли самой простуды—или Господь ее, любя, прибралъ — неизвѣстно. Заплачу, за-

плачу, я, бывало, вдовецъ одинокій,—а что подѣлаешь? Такъ тому, знать, и быть. И радъ бы въ землю уйти.... да тверда она.... не разступается. А самъ сына поджидаю; потому — онъ извѣстилъ меня: „прежде, молъ, чѣмъ въ Москву поѣду, домой навѣдаюсь". И точно, пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ—но только пожилъ въ немъ недолго. Словно что его торопило: такъ бы, кажись, на крылахъ полетѣлъ въ Москву, въ университетъ свой любезный! Сталъ я разспрашивать его о сомнѣніяхъ — какая, дескать, причина?—но и разговоровъ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову—и полно! Ближнимъ, говоритъ, хочу помогать. Ну-съ, поѣхалъ онъ отъ меня — почитай, что ни гроша съ собой не взялъ—только малость изъ платья. Ужъ очень онъ на себя надѣялся! И не по-пусту. Экзаменъ выдержалъ отлично, въ студенты поступилъ, уроки по частнымъ домамъ пріобрѣлъ.... Твердъ онъ былъ въ древнихъ-то языкахъ! И какъ вы полагаете? Мнѣ же деньги высылать вздумалъ. Повеселѣлъ я маленько — конечно, не изъ-за денегъ—я ихъ ему назадъ отослалъ и побранилъ его даже; а повеселѣлъ, потому что вижу: путь въ маломъ будетъ. Только не долго длилось мое веселье....

— Пріѣхалъ онъ на первыя вакаціи.... И—что за чудо? Не узнаю я моего Якова! Скучный такой сталъ, угрюмый—слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ перемѣнился: почитай, на десять лѣтъ постарѣлъ.—Онъ и прежде застѣнчивъ былъ—что и говорить!—Чуть что—сейчасъ заробѣетъ и закраснѣется весь, какъ дѣвица.... Но подниметъ онъ глаза—такъ ты и видишь, что свѣтлехонько у него на душѣ!—А теперь не то. Не робѣетъ онъ—а ничится, словно волкъ, и глядитъ все изъ-подлобья.—Ни тебѣ улыбки, ни тебѣ привѣта—какъ есть камень! Примусь я его разспрашивать—либо молчитъ, либо огрызается. Сталъ я думать: ужъ не запилъ ли онъ—сохрани Богъ!

либо къ картамъ пристрастья не получилъ ли?—или, вотъ, еще на счетъ женской слабости не приключилось ли что? Въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно—ну, да въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, не безъ худыхъ примѣровъ и оказій!—Однако, нѣтъ: ничего подобнаго не видать. Питье его—квасъ да вода: на женскій полъ не взираетъ—да и вообще съ людьми не знается. И что̀ мнѣ было горше всего: нѣту въ немъ прежняго довѣрья ко мнѣ. — равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣду о наукахъ, объ университетѣ—и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ церковь онъ, однако, ходилъ, но тоже не безъ странности: вездѣ-то онъ суровъ да хмурь—а тутъ, въ церкви-то, все словно ухмыляется. Пожилъ онъ у меня такимъ манеромъ недѣль съ шесть — да опять въ Москву!—Изъ Москвы написалъ мнѣ раза два—и показалось мнѣ изъ его писемъ, будто онъ опять приходитъ въ чувство. Но, представьте вы себѣ мое удивленіе, милостивый государь! Вдругъ, въ самый развалъ зимы, передъ святками,—является онъ ко мнѣ!—Какимъ манеромъ? Какъ? Что? Знаю я, что объ эту пору вакацій нѣтъ.—Ты изъ Москвы? спрашиваю я.—Изъ Москвы. — А какъ же.... университетъ-то?—Университетъ я бросилъ. — Бросилъ? — Точно такъ. — Навсегда? — Навсегда.—Да ты, Яковъ, боленъ, что ли?—Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ: а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не разспрашивайте, а то я отсюда уйду—и только вы меня и видали. Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ—а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, не человѣческое словно!—Щеки эта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожа. голось какъ изъ бочки.... а глаза.... Господи, Владыко! Что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся—и поймать ихъ нельзя; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на бокъ скручены.... Что̀ сталось съ моимъ Іосифомъ Пре-

краснымъ, съ тихоней моимъ?—Ума не приложу. Ужъ не рехнулся ли онъ?—думаю я такъ-то. Скитается, какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ,—а то вдругъ возьметъ да уставится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ.... Жутко таково!—Хоть онъ и грозилъ мнѣ, что уйдетъ изъ дому, если я его въ покоѣ не оставлю—но вѣдь я отецъ! Послѣдняя моя надежда разрушается—а я молчи!—Вотъ, однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его сталъ: скажимолъ мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, что съ тобою? Не убивай ты меня—объяснись, облегчи свое сердце! Ужъ не загубилъ ли ты какую христіанскую душу? Такъ покайся!—Ну, батюшка, говоритъ онъ мнѣ вдругъ—(а дѣло-то пришлось къ ночи)—разжалобилъ ты меня; скажу я тебѣ всю правду! Души я никакой не загубилъ—а моя собственная душа пропадаетъ.—Какимъ это образомъ?—А вотъ какъ.... И тутъ Яковъ впервое на меня глаза поднялъ.... Вотъ, уже четвертый мѣсяцъ, началъ онъ.... Но вдругъ у него рѣчь оборвалась—и тяжело дышать онъ сталъ.—Что такое четвертый мѣсяцъ? Сказывай, не томи!—Четвертый мѣсяцъ какъ я его вижу.—*Его?* Кого его?—Да того.... что къ ночи называть неудобно.—И такъ и похолодѣлъ весь и затрясся.—Какъ?! говорю—ты *его* видишь?—Да.—И теперь видишь?—Да.—Гдѣ?—А самъ я и обернуться не смѣю—и говоримъ мы оба шопотомъ.—А вонъ гдѣ....—И глазами мнѣ указываетъ.... вонъ, въ углу.—Я таки-осмѣлился.... глянулъ въ уголъ: ничего тамъ нѣту!—Да тамъ ничего нѣтъ, Яковъ, помилуй!—*Ты* не видишь—а я вижу.—Я опять глянулъ.... опять ничего. Вспомнился мнѣ вдругъ старичекъ въ лѣсу, что кантанчикъ ему подарилъ.—Какой онъ изъ себя? говорю.... зеленый?—Нѣтъ, не зеленый, а черный.—Съ рогами? Нѣтъ, онъ какъ человѣкъ,—только весь черный. Яковъ самъ говоритъ—а у самого зубы оскалились—и

поблѣднѣлъ онъ, какъ мертвецъ, и жмется онъ ко мнѣ со страху; а глаза словно выскочить хотятъ—и глядитъ онъ все въ уголъ.—Да это тѣнь тебѣ мерещится, говорю я; это чернота отъ тѣни—а ты ее за человѣка принимаешь.—Какъ бы не такъ!—Я и глаза его вижу: вонъ, онъ ворочаетъ бѣлками, вонъ, руку подпимаетъ, зоветъ.—Яковъ, Яковъ, ты бы попробовалъ, помолился: навожденіе это бы развѣялось. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!—Пробовалъ, говоритъ, да ничего не дѣйствуетъ.—Постой, постой, Яковъ, не малодушествуй; я ладономъ покурю, молитву почитаю, святой водой кругомъ тебя окроплю. — Яковъ только рукой махнулъ.—Ни въ ладонъ я твой не вѣрю, ни въ воду святую; не помогаютъ они ни на грошъ. Мнѣ съ *нимъ* теперь ужъ не разстаться. Какъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одинъ проклятый день,—такъ съ тѣхъ поръ ужъ онъ мой гость неизмѣнный—и выжить его нельзя. Ты это знай, отецъ—и больше моему поведенію не дивись — и меня не мучь. — Въ какой же это день пришелъ онъ къ тебѣ? спрашиваю я его — а самъ все его крещу. Ужъ не тогда ли, когда ты о сомнѣніи писалъ?—Яковъ отвелъ мою руку.—Оставь ты меня, говоритъ, батюшка, не вводи ты меня въ досаду, чтобы хуже чего не было. Мнѣ вѣдь на себя и руку наложить не долго.—Можете себѣ представить, милостивый государь, каково мнѣ было это слушать!... Помнится, я всю ночь проплакалъ.—Чѣмъ, думаю, заслужилъ я такой гнѣвъ Господень?

Тутъ отецъ Алексѣй досталъ изъ кармана клѣтчатый посовой платокъ и сталъ сморкаться,—да, кстати, утеръ украдкой глаза.

— Худое пошло тогда наше житье! — продолжалъ онъ.—Ужъ я только объ одномъ и думаю: какъ бы онъ не сбѣгъ—или, сохрани Господи, въ самомъ дѣлѣ надъ собою какого зла не учинилъ!—Караулю я его на каждомъ

шагу,—а въ разговоръ и вступать-то боюсь.—И проживала въ ту пору вблизи насъ сосѣдка, полковница, вдова,—Марфой Савишной ее звали; большое я къ ней уваженіе питалъ—потому, женщина разсудительная и тихая,—даромъ, что молодая и собой пригожая; хаживалъ я къ ней часто—и она моимъ званіемъ не гнушалась.—Съ горя, да съ тоски, не зная, что̀ ужъ и придумать—я возьми, да все ей и разскажи.—Сперва она очень ужаснулась и даже вспологнилась вся; а потомъ раздумье на нее нашло.—Долго она изволила сидѣть этакъ, молча;—а потомъ пожелала сына моего видѣть и побесѣдовать съ нимъ.—И почувствовалъ я тутъ, что безпремѣнно мнѣ слѣдуетъ исполнить ея волю; ибо не женское любопытство въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ,—а нѣчто иное. Вернувшись домой, сталъ я убѣждать Якова: „поди, молъ, со мною къ госпожѣ полковницѣ“. Такъ онъ и руками, и ногами!—„Не пойду“, говоритъ, „ни за что! — О чемъ я съ ней буду бесѣдовать!“—Даже кричать на меня сталъ.—Однако, я, наконецъ, уломалъ его—и запрягши саночки, повезъ его къ Марѣ Савишнѣ, да, по уговору, оставилъ его съ нею наединѣ. Самому мнѣ удивительно, какъ это онъ скоро согласился? Ну, ничего,—посмотримъ. Часа черезъ три или четыре, возвращается мой Яковъ. — Ну, спрашиваю я,—какъ тебѣ сосѣдка наша понравилась? Ничего онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Я опять его пытать. — Добродѣтельная, говорю, дама.... Обласкала, чай, тебя?—Да, говоритъ, она не какъ прочія.—Вижу я, онъ какъ-будто помягче сталъ. И рѣшился я тутъ его спросить...—А навожденіе, говорю, какъ? — Глянулъ Яковъ на меня, какъ кнутомъ стегануль,—и опять ничего не промолвилъ. Не сталъ я его больше тревожить, убрался изъ комнаты вонъ; а часъ спустя, подошелъ я къ двери, посмотрѣлъ сквозь замочную скважину.... И что̀ же вы думаете?—спитъ мой Яковъ! Легъ на постельку—и спитъ. Перекрестился я тутъ нѣ-

сколько разъ къ ряду. Пошли, моль, Господь всякой благодати Мароѣ Савишишѣ! Видно, съумѣла, голубушка, ожесточенное его сердце тронуть!

— На слѣдующій день, смотрю, береть Яковъ шапку... Думаю — спросить его: куда, моль, идешь? — да нѣтъ, лучше не спрашивать... навѣрное къ ней!...—И точно,—къ ней, къ Мароѣ Савишишѣ отправился Яковъ—и еще дольше прежняго у ней просидѣлъ; а на слѣдующій день—опять! А тамъ черезъ день—опять! Началъ я воскресать духомъ; потому, вижу: происходитъ въ сынѣ перемѣна,—и лицо у него другое стало,—и въ глаза ему глядѣть стало возможно: не отворачивается. Унылость все въ немъ та же,—да отчаянности прежней, ужаса прежняго нѣтъ. Но не успѣлъ я ободриться маленько,—какъ опять все разомъ оборвалось! Опять одичалъ Яковъ, опять приступиться къ нему нельзя. Сидитъ, заперпись, въ коморкѣ—и полно ходитъ къ полковницѣ!—Неужто, думаю, онъ ее чѣмъ-нибудь обидѣлъ—и она ему отъ дому отказала?—Да нѣтъ, думаю... онъ, хоть и несчастный, но на это не отважится; да и она не такая! Не вытерпѣлъ я, наконецъ,—спрашиваю я у него:—А что, Яковъ, — сосѣдка наша.... Ты, кажется, ее совсѣмъ позабылъ?—А онъ какъ гаркнетъ на меня:—Сосѣдка? Или ты хочешь, чтобы *онъ* смѣялся надо мною? — Какъ? говорю. — Такъ онъ тутъ даже кулаки стиснулъ... освирѣпѣлъ вовсе! — Да! говоритъ, прежде онъ только такъ торчалъ, — а теперь смѣяться началъ, зубы скалить!—Прочь! уйди!—Кому онъ эти слова обращалъ—я ужъ и не знаю; едва ноги меня вынесли—до того я перепугался.—Вы только представьте: лицо, какъ мѣдь красная, пѣна у рта,—голосъ хрипльій, словно кто его давитъ!... И поѣхалъ я—сирота-сиротою, въ тотъ же день, къ Мароѣ Савишишѣ... въ большой ее засталъ печали. Даже въ тѣлѣ она измѣнилась: похудѣлъликъ. Но разговаривать со мной о сынѣ она не захотѣла. Только одно ска-

зала: что никакая тутъ людская помощь дѣйствительна быть не можетъ; молитесь, моль, батюшка! — А тамъ вынесла мнѣ сто рублей:—для бѣдныхъ и больныхъ вашего прихода, говоритъ. И опять повторила: „молитесь!“—Господи! какъ будто я и безъ того не молился—денно и нощно!

Отецъ Алексѣй тутъ снова досталъ платокъ, и снова утеръ свои слезы,—но ужъ не украдкой на этотъ разъ,—и, отдохнувъ немного, продолжалъ свою невеселую повѣсть.

— Покатились мы тутъ съ Яковомъ, словно снѣжный комъ подъ гору, и видать намъ обоимъ, что подъ горою пропасть,—а какъ удержаться — и что̀ предпринять?—И скрыть это не было никакой возможности; по всему приходу пошло смущеніе великое, что вотъ-де, у священника сынъ оказывается бѣсноватымъ,—и что слѣдуетъ-де начальство обо всемъ этомъ извѣстить. — И извѣстили бы непремѣнно,—да прихожане мои—спасибо имъ! — меня жалѣли. Тѣмъ временемъ зима миновала — и наступила весна.—И такую весну послалъ Богъ—красную, да свѣтлую, какой даже старые люди не запоминали: солнышко цѣлый день, безвѣтріе, теплынь! — И пришла мнѣ тутъ благая мысль: уговорить Якова сходить со мною на поклоненіе къ Митрофанію, въ Воронежъ.—„Коли“, думаю, „и это послѣднее средство не поможетъ,—ну, тогда одна надежда: могила!“—Вотъ, сижу я однажды, передъ вечеркомъ, на крылечкѣ,—а зорька разгорается на небѣ, жаворонки поютъ, яблони въ цвѣту, муравка зеленѣетъ.... сижу и думаю, какъ бы сообщить мое намѣреніе Якову?—Вдругъ, смотрю, выходитъ онъ на крыльцо; постоялъ, поглядѣлъ, вздохнулъ и прикорнулъ на ступенькѣ, со мною рядышкомъ. Я даже испугался на радости,—но только молчо̀къ.—А онъ сидитъ, смотритъ на зарю—и тоже ни слова! А показалось мнѣ, словно умиленіе на него нашло:

морщины на лбу разгладились, глаза даже посвѣтлѣли.... еще бы, кажется, немножко—и слеза бы прошибла! Усмотрѣвши таковую въ немъ перемѣну, я — виновать! — осмѣлился.—Яковъ, говорю я ему, выслушай ты меня безъ гнѣва....—Да и разсказалъ ему о моемъ намѣреніи! какъ намъ вдвоемъ къ Митрофанію пойти—пѣшечкомъ; а отъ насъ до Воронежа верстъ полтораста будетъ; и какъ оно пріятно будетъ — вдвоемъ, весеннимъ холодочкомъ, до зорьки поднявшись,—идти да идти по зеленой травкѣ, по большой дорогѣ; и какъ, если мы хорошенько приналёмъ, да помолимся у раки святого угодника,—быть можетъ.—кто знаетъ?—Господь Богъ надъ нами и смилуется — и получитъ онъ исцѣленіе,—чему уже многіе бывали примѣры!—И представьте вы, милостивый государь, мое счастье!—Хорошо, говоритъ Яковъ, — а самъ не оборачивается, все въ небо смотритъ:—я согласенъ. Пойдемъ.—Я такъ и обомлѣлъ....—Другъ, говорю, голубчикъ, благодѣтель!... А онъ у меня спрашиваетъ:—Когда же мы отправимся?—Да хоть завтра, говорю.

— Такъ на другой день мы и отправились. Надѣли котомочки, взяли посохи въ руки—и пошли. Цѣлыхъ семь дней мы шли—и все время намъ погода благопріятствовала—даже удивительно! Ни зноя, ни дождя; муха не кусаетъ, пыль не зудитъ. И съ каждымъ днемъ Яковъ мой все въ лучшій видъ приходитъ. Надо вамъ сказать, что на вольномъ воздухѣ Яковъ прежде—*того-то* не видалъ, но чувствовалъ его за собою, за самой спиною, а не тѣнь его съ боку какъ-будто скользила, что̀ очень моего сына мутило. А въ этотъ разъ ничего такого не происходило; и на постоялыхъ дворахъ, гдѣ намъ ночевать приходилось—тоже ничего не являлось. Мало мы съ нимъ разговаривали... но ужъ какъ намъ хорошо было—особенно мнѣ! Вижу я: воскресаетъ мой бѣднякъ. Не могу я вамъ описать, милостивый государь, что я тогда чувствовалъ. Ну, добрались

мы, наконецъ, до Воронежа. Необчистились, необмылись— и въ соборъ, къ угоднику! Цѣлыхъ три дня почти-что не выходили изъ храма. Сколько молебновъ отслужили, свѣчей сколько понаставили! И все ладно, все прекрасно; дни— благочестивые, ночи—тихія; спитъ мой Яша, какъ младенецъ. Самъ со мной заговаривать сталъ. Бывало, спроситъ: батюшка, ты ничего не видишь? а самъ улыбается. Не вижу, говорю я, ничего. Ну, и я, говоритъ, не вижу. Чего еще требовать? Благодарность моя къ угоднику—безъ границъ.

— Прошли три дня; и говорю я Якову:—Ну, теперь, сынокъ, все дѣло поправилось; на нашей улицѣ праздникъ. Остается одно: исповѣдайся ты, причастись; а тамъ съ Богомъ, во-свояси—и отдохнувши, какъ слѣдуетъ, да по хозяйству поработавши, для укрѣпленія силъ, можно будетъ похлопотать, мѣсто поискать — и что Марфа Савишна, говорю, навѣрное въ этомъ намъ поможетъ. Нѣтъ, говоритъ Яковъ, зачѣмъ мы ее будемъ безпокоить; а вотъ, я ей колечко съ Митрофаніевой ручки принесу. Я тутъ совсѣмъ раскуражился: смотри, говорю, бери серебряное, а не золотое — не обручальное! Покраснѣлъ мой Яковъ и только повторилъ, что не слѣдуетъ ее безпокоить,—а впрочемъ, тотчасъ на все согласился.—Пошли мы на слѣдующій день въ соборъ; исповѣдался мой Яковъ, и такъ передъ тѣмъ молился усердно!—а тамъ и къ причастію приступилъ. Я стою такъ-то въ сторонкѣ —и земли подъ собою не чувствую.... На небесахъ ангеламъ не слаще бываетъ! Только смотрю я: что это значитъ: — причастился мой Яковъ—а не идетъ испить теплоты! Стоитъ онъ ко мнѣ спиною.... Я къ нему.—Яковъ, говорю, что же ты стоишь? Какъ онъ оберется вдругъ!—Вѣрите ли, я назадъ отскочилъ, дотого испугался! — Бывало, страшное было у него лицо,—а теперь какое-то звѣрское, ужасное стало! Блѣденъ какъ смерть, волосы дыбомъ, глаза перекосились... у меня отъ испуга даже голосъ пропалъ; хочу говорить,

не могу—обмеръ я совѣмъ.... А онъ — какъ бросится вонъ изъ церкви! Я за нимъ.... а онъ прямо на постоялый дворъ, гдѣ ночевка наша была, котомку на плечи—да и вонъ! Куда? кричу я ему:—Яковъ, что съ тобой? Постой, погоди!—А Яковъ хоть бы слово мнѣ въ отвѣтъ, побѣжалъ какъ заяцъ—и догнать его нѣтъ никакой возможности! Такъ и скрылся. Я сейчасъ верть назадъ, телѣгу нанялъ, а самъ весь трясусь и только и могу говорить что: Господи! да: Господи! И ничего не понимаю: что̀ это такое надъ нами стряслось! Пустился я домой—потому, думаю: навѣрное онъ туда побѣжалъ.—И точно. На шестой верстѣ отъ города—вижу: шагаетъ онъ по большаку. Я его догналъ, соскочилъ съ телѣги—да къ нему.—Яша! Яша! Остановился онъ, повернулся ко мнѣ лицомъ—а глаза въ землю уперъ и губы стиснулъ.—И что я ему ни говорю—стоитъ онъ какъ истуканъ какой,—и только, и видно, что дышетъ.—А наконецъ, опять пошелъ впередъ по дорогѣ.—Что̀ было дѣлать! Поплелся и я за нимъ....

— Ахъ, какое же это было путешествіе, милостивый государь! Сколь намъ было радости идти въ Воронежъ—столь ужасно было возвращеніе! Стану я ему говорить—такъ онъ даже зубами ляскаетъ, этакъ черезъ плечо, ни дать ни взять—тигръ или гіена! Какъ я тутъ ума не лишился—доселѣ не постигаю! И вотъ, наконецъ, однажды ночью—въ крестьянской курной избѣ — сидѣлъ онъ на палатяхъ, свѣсивши ноги, да озираясь по сторонамъ—палъ я тутъ передъ нимъ на колѣнки и заплакалъ, и горькимъ взмолился моленьемъ:—Не убивай-дескать старика отца окончательно, не дай ему въ отчаянность впасть—скажи, что приключилось съ тобою? Вòзрѣлся онъ въ меня—а то онъ словно и не видѣлъ, кто передъ нимъ стоитъ—и вдругъ заговорилъ—да такимъ голосомъ, что онъ у меня до сихъ поръ въ ушахъ отдается. — Слушай, говоритъ, батька. Хочешь ты знать всю правду? Такъ вотъ она тебѣ. Когда,

ты помнишь, я причастился—и частицу еще во рту держалъ—вдругъ *онъ*—(въ церкви-то это, бѣлымъ-то днемъ!) всталъ передо-мною, словно изъ земли выскочилъ, и шепчетъ онъ мнѣ.... (а прежде никогда ничего не говаривалъ)—шепчетъ: выплюнь, да разотри! Я такъ и сдѣлалъ: выплюнулъ—и ногой растеръ. И стало-быть, я теперь навсегда пропащій—потому что всякое преступленіе отпускается—но только не преступленіе противъ Святого Духа....

— И сказавъ эти ужасныя слова, сынъ мой повалился на полати — а я опустился на избяной полъ.... Ноги у меня подкосились....

Отецъ Алексѣй умолкъ на мгновенье—и закрылъ глаза рукою.

— Однако, продолжалъ онъ,—что же я буду дольше томить васъ, да самого себя! Дотащились мы съ сыномъ до дому—а тутъ скоро конецъ его насталъ—и лишился я моего Якова! Передъ смертью онъ нѣсколько дней не пилъ, не ѣлъ—все по комнатѣ взадъ и впередъ бѣгалъ, да твердилъ, что грѣху его не можетъ быть отпущенія.... но *то* ужъ онъ больше не видѣлъ. Погубилъ онъ-дескать мою душу; теперь зачѣмъ же ему больше ходить? А какъ слегъ Яковъ, сейчасъ въ безпамятство впалъ, и такъ, безъ покаянія, какъ безсмысленный червь, отошелъ отъ сей жизни въ вѣчную....

— Но не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его своимъ строгимъ судомъ....

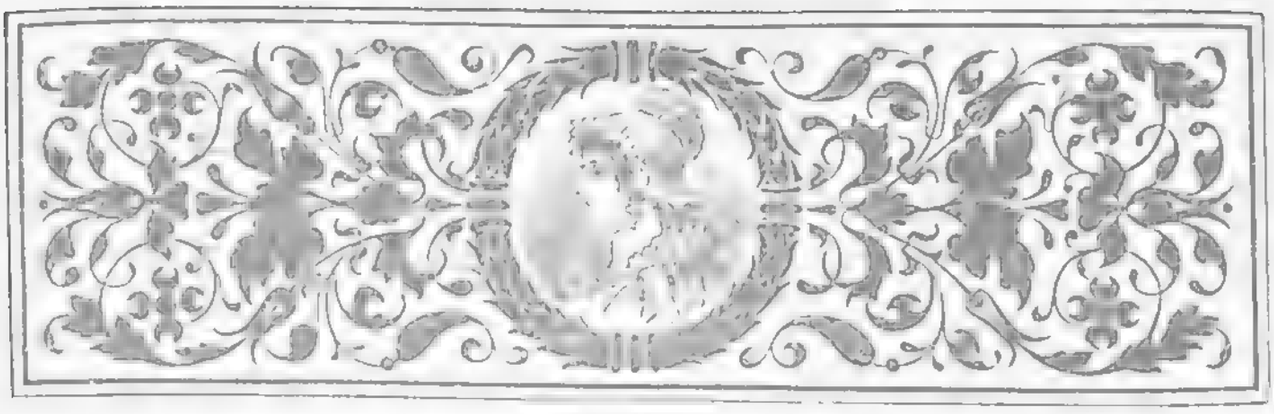
— И между прочимъ, я этому потому не хочу вѣрить, что ужъ очень онъ хоронъ лежалъ въ гробу: совсѣмъ словно помолодѣлъ и сталъ на прежняго похожъ Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились—а на губахъ улыбка. Марѳа Савишна приходила смотрѣть на него—и то же самое говорила. Она же его обставила всего цвѣтами и на сердце ему цвѣты положила—и камень надгробный на свой счетъ поставила.

— А я остался одинокимъ.... И вотъ отчего, милостивый государь, вы изволили усмотрѣть на лицѣ моемъ печаль великую.... Не пройдетъ она никогда — да и не можетъ пройти.

Хотѣлъ я сказать отцу Алексѣю слово утѣшенія.... но никакою слова не нашелъ.

Мы скоро потомъ разстались.

Парижъ.—1877 г.



ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ.

I *).

СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ.

....Верстахъ въ сорока отъ нашего села, проживалъ, много лѣтъ тому назадъ, двоюродный дядя моей матери, отставной гвардіи сержантъ и довольно богатый помѣщикъ, Алексѣй Сергѣичъ Телѣгинъ—въ родовомъ своемъ имѣніи Суходолѣ. Онъ самъ никуда не выѣзжалъ, а потому и не посѣщалъ насъ; но меня, раза два въ годъ, посылали къ нему на поклонъ—сперва съ гувернеромъ, а потомъ одного. Алексѣй Сергѣичъ принималъ меня всегда очень радушно—и я гащивалъ у него дня по три, по четыре. Запалъ я его уже старикомъ: въ первый мой пріѣздъ мнѣ.

*) Считаю нужнымъ предпослать моимъ «Отрывкамъ» небольшое объясненіе. Я избралъ форму разсказа отъ собственнаго лица для бо́льшаго удобства—и потому прошу читателя не принимать «я» разсказчика слишкомъ за личное «я» самого автора. На это намекаетъ и самое заглавіе отрывковъ: **«Изъ воспоминаній своихъ и—чужихъ».**

П. Т.

помнится, было лѣтъ двѣнадцать; а ему уже за семьдесятъ лѣтъ перевалило. Родился онъ еще при императрицѣ Елизаветѣ—въ послѣдній годъ ея царствованія.—Онъ жилъ одинъ съ своей женой, Маланьей Павловной; она была лѣтъ десять моложе его. Двухъ дочерей онъ съ ней прижилъ, но онѣ уже давно вышли замужъ и рѣдко посѣщали Суходолъ; между ними и ихъ родителями черная кошка пробѣжала, и Алексѣй Сергѣичъ почти никогда не упоминалъ о нихъ.

Вижу, какъ теперь, этотъ старинный, ужъ точно дворянскій, стенной домъ. Одноэтажный, съ громаднымъ мезониномъ, построенный, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ удивительно толстыхъ сосновыхъ бревенъ — такія бревна привозились тогда изъ-за Жиздринскихъ боровъ—ихъ теперь и въ поминѣ нѣтъ!—онъ былъ очень обширенъ и вмѣщалъ множество комнатъ, довольно, правда, низкихъ и темныхъ: окна въ стѣнахъ были прорублены маленькія, теплоты ради. Какъ водится—(по настоящему слѣдуетъ сказать: какъ водилось)—службы, дворовыя избы окружали господскій домъ со всѣхъ сторонъ—и садъ къ нему примыкалъ небольшой, но съ хорошими фруктовыми деревьями, наливными яблоками и безсѣмянными грушами; на десять верстъ кругомъ, тянулась плоская, жирно-черноземная степь. Никакого высокаго предмета для глаза: ни дерева, ни даже колокольни; гдѣ-гдѣ развѣ торчитъ вѣтреная мельница съ прорѣхами въ крыльяхъ; ужъ точно: Суходолъ!—Внутри дома комнаты были наполнены заурядною, нехитрою мебелью; нѣсколько необычнымъ являлся стоявшій на окнѣ залы верстовой столбикъ со слѣдующими надписями: „Если ты 68 разъ пройдешь вокругъ сей залы—то сдѣлаешь версту; если ты 87 разъ пройдешь отъ крайняго угла гостиной до праваго угла биллiарда—то сдѣлаешь версту“—и т. п. Но пуще всего поражало въ первый разъ пріѣхавшаго гостя великое количество картинъ,

развѣшанныхъ по стѣнамъ, большей частью работы такъ-называемыхъ итальянскихъ мастеровъ: все какіе-то старинные пейзажи, да миѳологическіе и религіозные сюжеты. Но такъ какъ всѣ эти картины очень почернѣли и даже покоробились — то въ глаза были одни пятна тѣлеснаго цвѣта—а не то, волнистое красное драпри на незримомъ туловищѣ — или арка, словно въ воздухѣ висящая, или растрепанное дерево съ голубой листвой—или грудь Нимфы съ большимъ сосцомъ, подобная крышѣ съ суповой чаши, взрѣзанный арбузъ съ черными сѣмячками, чалма съ перомъ надъ лошадиной головой—или вдругъ выпячивалась гигантская коричневая нога какого-то апостола, съ мускулистой икрой и задранными къ верху пальцами. Въ гостиной, на почетномъ мѣстѣ, висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II во весь ростъ, копія съ извѣстнаго портрета Ламми, предметъ особаго поклоненія, можно сказать, обожанія хозяина. Съ потолковъ спускались стеклянныя люстры, въ бронзовыхъ оправахъ, очень маленькія и очень пыльныя.

Самъ Алексѣй Сергѣичъ былъ приземистый, пузатенькій старичокъ съ одноцвѣтнымъ, пухлымъ, но пріятнымъ лицомъ, съ вваливщимися губами и очень живыми глазками подъ высокими бровями. Онъ зачесывалъ на затылокъ свои рѣдкіе волосики: онъ только съ 1812 года пересталъ пудриться. Ходилъ Алексѣй Сергѣичъ постоянно въ сѣромъ „реденготѣ“, съ тремя воротниками, надавшими на плечи, полосатомъ жилетѣ, замшевыхъ штанахъ и тёмно-красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ сердцевидными вырѣзами и кисточками на верху голенищъ; носилъ бѣлый кисейный галстухъ, жабо, манжеты и двѣ золотыя англійскія „луковицы“, по одной въ каждомъ карманѣ жилета. Въ правой рукѣ онъ обыкновенно держалъ эмальированную табакерку съ „испанскимъ“ табакомъ—а лѣвой опирался на трость съ серебрянымъ, отъ долгаго употребленія гладко-вытертымъ

набалдашникомъ. Голосокъ имѣлъ Алексѣй Сергѣичъ посовой, писклявый—и постоянно улыбался, ласково, но какъ-бы свысока, не безъ нѣкоторой самодовольной важности. Онъ и смѣялся тоже ласково, топкимъ, какъ бисеръ мелкимъ смѣхомъ. Вѣжливъ и привѣтливъ былъ онъ до крайности—на старинный Екатерининскій манеръ—и двигалъ руками медленно и округло, тоже по старинному. По слабости ногъ онъ не могъ ходить—а перебѣгалъ торопливыми шажками съ кресла на кресло, въ которое садился вдругъ—скорѣе падалъ—мягко, какъ подушка.

Какъ я уже сказалъ, Алексѣй Сергѣичъ никуда не выѣзжалъ и съ сосѣдями зналъся мало, хотя и любилъ общество—ибо словоохотливъ былъ! Правда, общества у него вдоволь водилось и дома: разные Никаноры Никанорычи, Севастѣи Севастѣичи, Федулычи, Михеичи, все бѣдные дворянчики въ поношенныхъ казакинахъ и камзолахъ, часто съ барскаго плеча, проживали подъ его кровомъ, не говоря уже о бѣдныхъ дворяночкахъ въ ситцевыхъ платьяхъ, черныхъ платкахъ въ накидку и съ гарусными ридикюлями въ крѣпко-стиснутыхъ пальцахъ—разныхъ Авдотіяхъ Савишнахъ, Пелагеяхъ Мироновнахъ и просто Оеклушкахъ и Аришкахъ, пріютившихся на женской половинѣ. За столъ у Алексѣя Сергѣича никогда меньше пятнадцати человѣкъ не садилось....Такой онъ былъ хлѣбосолъ!—Между всѣми этими приживальщиками особенно выдавались двѣ личности: карликъ, по прозвищу Янусъ или Двулицый, датскаго—а иные утверждали—еврейскаго происхожденія; да сумасшедшій князь Л. Въ противность тогдашнимъ обычаямъ, карликъ этотъ вовсе не служилъ потѣхой для господъ и не былъ шутомъ; напротивъ: онъ постоянно молчалъ, видъ имѣлъ озлобленный и суровый, хмурилъ брови и скрипѣлъ зубами, какъ только обращались къ нему съ вопросами. Алексѣй Сергѣичъ звалъ его также философомъ и даже уважалъ его; за столомъ ему всегда первому послѣ

гостей и хозяевъ, подавали блюда.—„Богъ его обидѣлъ“, говаривалъ Алексѣй Сергѣичъ: „на то его Господня воля; а ужъ мнѣ-то его не обижать стать“.—Почему же онъ философъ? спросилъ я однажды. (Меня Янусъ не жаловалъ; бывало, лишь только я подойду къ нему — онъ тотчасъ окрысится и проворчитъ хрипло: Чужакъ! не приставай!)—„Какъ же, помилуй Богъ! не философъ?“—отвѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ. „Ты сударикъ, посмотри, какъ онъ таково хорошо молчитъ!“—„А почему же онъ двулицый?“—„А потому, сударикъ, что наружу-то у него одно лицо—вотъ вы, верхогляды, и судите.... А другое, настоящее, онъ скрываетъ. И то лицо знаю я одинъ—и люблю его за это.... Потому: хорошее то лицо. Ты, напримѣръ, и глядишь, да ничего не видишь.... а я и безъ словъ вижу: осуждаетъ онъ меня за нѣчто; потому: онъ строгій! И всегда-то за дѣло. Сего ты, сударикъ, не поймешь; но только вѣрь мнѣ, старику!“—Настоящей исторіи двулицаго Януса — откуда онъ прибылъ, какъ попалъ къ Алексѣю Сергѣичу—никто не вѣдалъ; за то исторія князя Л. была хорошо всѣмъ извѣстна. 20-лѣтнимъ юношей, изъ богатой и знатной фамиліи, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на службу въ гвардейскомъ полку; на первомъ же куртагѣ императрица Екатерина его замѣтила—и, остановившись передъ нимъ, да указавъ на него вѣеромъ, громко промолвила, обратясь къ одному изъ своихъ приближенныхъ: Посмотри, Адамъ Васильевичъ, какой красавчикъ! Настоящая куколка!“ — Кровь бросилась бѣдному мальчику въ голову: вернувшись домой, онъ велѣлъ заложить коляску—и, надѣвъ на себя аншпскую ленту, пустился разъѣзжать по городу, словно онъ и точно въ случай попалъ.—„Дави всѣхъ“, кричалъ онъ кучеру, кто не посторонится!“—Тотчасъ же все это было доведено до высочайшаго свѣдѣнія; вышелъ приказъ—объявить его сумасшедшимъ и отдать на поруки двумъ его братьямъ; а тѣ, ни мало не медля, отвезли его

въ деревню и посадили въ каменный мѣшокъ на цѣпь.— Желая воспользоваться его имѣніемъ, они не выпустили несчастнаго даже тогда, когда онъ опомнился и пришелъ въ себя—и такъ и продержали его взаперти, пока онъ дѣйствительно не сошелъ съ ума.—Но не въ прокъ пошло имъ ихъ злодѣйство: князь Л. пережилъ своихъ братьевъ— и, послѣ долгихъ мытарствъ, очутился на попеченіи Алексѣя Сергѣича, которому доводился родственникомъ.—Это былъ толстый, совершенно лысый человѣкъ съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и голубыми глазами на выкатѣ. Онъ совсѣмъ разучился говорить—онъ только бурчалъ что-то непонятное; но отлично пѣлъ старинныя русскія пѣсни, сохранивъ до глубокой старости серебристую свѣжесть голоса—и, во время пѣнія, ясно и четко произнося каждое слово. Иногда находило на него нѣчто въ родѣ ярости—и тогда онъ дѣлался страшенъ: становился въ уголъ, къ стѣнѣ лицомъ—и весь потный да красный—черезъ всю лысину до затылка красный, заливаясь злобнымъ хохотомъ и топая ногами, повелѣвалъ наказывать кого-то — вѣроятно, братьевъ.— „Бей!“ — хрипѣлъ онъ, давясь и кашляя отъ смѣха, — „сѣки, не жалѣй, бей, бей, бей извергов, злодѣевъ моихъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ!“ Наканунѣ своей смерти, онъ очень удивилъ и испугалъ Алексѣя Сергѣича. Вошелъ къ нему въ комнату весь блѣдный да тихій—и, поклонившись пояснымъ поклономъ, сперва поблагодарилъ за пріютъ и призрѣніе, а потомъ попросилъ послать за священникомъ; ибо смерть пришла къ нему — онъ ее видѣлъ — и ему надо всѣхъ простить и себя обѣлить. — „Какъ же ты ее видѣлъ?“ — пробормоталъ изумленный Алексѣй Сергѣичъ, въ первый разъ услыхавъ отъ него связную рѣчь.—„Какова она изъ себя? Съ косою, что ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ князь Л., — „старушка простенькая, въ кофтѣ — только на лбу глазъ одинъ—а глазу тому и вѣку нѣтъ“. И на другой день князь Л. дѣйствительно скончался, совер-

шивъ все должное и простившись со всѣми, вразумительно и умилению.—„Вотъ такъ и я умру“—замѣчалъ, бывало, Алексѣй Сергѣичъ. И точно: нѣчто подобное съ нимъ случилось—о чемъ послѣ.

А теперь возвратимся къ прежнему. Съ сосѣдями, я уже сказалъ, Алексѣй Сергѣичъ не водился; и они его не долюбливали, называли его чудакомъ, гордецомъ, нересмѣшникомъ и даже не признающимъ властей мартинистомъ, не понимая, конечно, значенія этого послѣдняго слова. До нѣкоторой степени сосѣди были правы: Алексѣй Сергѣичъ чуть не семьдесятъ лѣтъ сряду прожилъ въ своемъ Суходолѣ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ предержащими властями, съ начальствомъ и судомъ. „Судъ для разбойника, команда для солдата“, говаривалъ онъ, „а я, слава Богу, не разбойникъ и не солдатъ“. Чудаковатъ былъ, точно, Алексѣй Сергѣичъ,—но душа въ немъ была не изъ мелкихъ. Поразскажу кое-что о немъ.

Доподлинно я никогда не зналъ, какія были его политическія мнѣнія—если только можно примѣнить къ нему такое новѣйшее выраженіе; но, по-своему, онъ былъ аристократъ—скорѣй аристократъ, чѣмъ баринъ.—Не разъ онъ сожалѣлъ о томъ, что Богъ не далъ ему сына-наслѣдника, „въ честь роду, въ продолженіе фамиліи“.—У него въ кабинетѣ висѣло на стѣнѣ родословное дерево Телѣгиныхъ, очень вѣтвистое, со множествомъ кружковъ въ видѣ яблоковъ, въ золотой рамѣ. „Мы, Телѣгины“, говорилъ онъ,—„родъ ископный, извѣчный; сколько насъ, Телѣгиныхъ, ни было,—по прихожимъ мы не таскались, хребта не гнули, по рундучкамъ ногъ не отстаивали, по судамъ не кормились, жалованнаго не нашивали, къ Москвѣ не тянули, въ Питерѣ не кляузничали; сидями сидѣли, каждый на своей *чети*, свой человѣкъ, на своей землѣ.... гнѣздари, сударь, домовитые!—Я самъ хоть и въ гвардіи служилъ—да, спасибо, не долго“. Алексѣй Сергѣичъ предпочиталъ

старое время.—„Вольнѣе было тогда, благообразнѣе, по чести тебѣ доложу!—а съ тысяча восемьсотаго года“—(почему именно съ этого года?—онъ не объяснялъ) „пошла, братецъ ты мой, эта военщина, солдатчина пошла. Надѣли себѣ на голову господа военные какіе-то тамъ салтаны изъ нѣтушиныхъ хвостовъ—и сами нѣтухамъ уподобились; шею затянули туго-на-туго.... хрипятъ, глаза таращатъ—да и какъ не хрипѣть? Надысь, ко мнѣ полицейскій капралъ какой-то наѣхалъ: — Я-молъ до васъ, ваше благородіе.... (вишь, чѣмъ удивить вздумалъ!... я и самъ знаю, что рожденъ благо....) имѣю до васъ дѣло.—А я ему:—Сударь почтенный, ты сперва крючки-то на воротникѣ разстегни. А то, помилуй Богъ, чихнешь! Ахъ, что̀ съ тобою будетъ! Что̀ съ тобою будетъ! — Лопнешь ты, какъ грибъ-дождевикъ.... А я отвѣчай!—И пьютъ же они, эти военные господа — о-го-го! Я имъ все больше цымлянскаго велю подавать; потому—имъ что̀ цымлянское, что̀ понтакъ—все едино; гладко, скоро такъ у нихъ въ горлѣ проходитъ—гдѣ тутъ различить? А то вотъ еще: соску стали эту сосать, табакъ курить. Запихаетъ себѣ военный человѣкъ эту самую соску подъ усища, въ губища—ноздрями, ртомъ и даже ушами дымъ пущаетъ—и думаетъ, что герой! Вотъ, и зятики мои—хоть одинъ изъ нихъ и сенато̀ръ—а другой какой-то тамъ курато̀ръ—тожъ эту соску сосутъ—и за умницъ тожъ себя почитаютъ!...

Алексѣй Сергѣичъ терпѣть не могъ курительнаго табаку, да вотъ еще собакъ, особенно маленькихъ.—„Ну, коли ты французъ, держи себѣ болонку: *ты* бѣгаешь, *ты* прыгаешь тюды-сюды—и она за тобой, задравши хвостъ.... а нашему-то брату на что̀ она?“—Очень онъ былъ опрятенъ и привередливъ. Объ императрицѣ Екатеринѣ говорилъ не иначе, какъ съ восторгомъ, и возвышеннымъ нѣсколько книжнымъ слогомъ: „Полубогъ былъ, не человѣкъ!—Ты, ударикъ, посмотри только на улыбку сію“,

прибавлялъ онъ, почтительно указывая на Ламіевскій портретъ, — „и самъ согласишься: полубогъ! Я въ жизни своей столь счастливъ былъ, что удостоился улицезрѣть сію улыбку, и во вѣкъ она не изгладится изъ сердца моего!“—И при этомъ онъ сообщалъ анекдоты изъ жизни Екатерины, какихъ мнѣ нигдѣ не случалось ни читать, ни слышать. Вотъ одинъ изъ нихъ. Алексѣй Сергѣичъ не позволялъ ни малѣйшаго намека на слабости великой царицы. „Да и, наконецъ“, восклицалъ онъ:—„развѣ о ней можно такъ судить, какъ о прочихъ людяхъ?—Однажды она, во время утренняго туалета, въ пудрамантѣ сидя, повелѣла расчесать себѣ волосы.... И что же? Каммерфрау проводитъ гребнемъ—а электрическія искры такъ и сыплются!—Тогда она подозвала къ себѣ тутъ же по дежурству находившагося лейбъ-медика Роджерсона и говоритъ ему: „меня, я знаю, за нѣкоторые поступки осуждаютъ: но видишь ты электричество сіе? Слѣдовательно, при таковой моей натурѣ и комплекціи—самъ ты можешь заключить, ибо ты врачъ,—что несправедливо меня осуждать—а постичь меня должно!“—Неизгладимымъ остался въ памяти Алексѣя Сергѣича слѣдующій случай. Стоялъ онъ однажды во внутреннемъ карауле, во дворцѣ,—а было ему всего лѣтъ шестнадцать. И вотъ, проходитъ императрица мимо его—онъ отдастъ честь.... „а она“,—съ умиленіемъ тутъ опять восклицалъ Алексѣй Сергѣичъ,—„улыбнувшись на юность мою и на усердіе мое, изволила дать мнѣ ручку свою поцѣловать, и по щекѣ потрепать, и разспросить: кто я? откуда? какой фамиліи? а потомъ....“ Тутъ голосъ старика обыкновенно прерывался.... „потомъ приказала моей матушкѣ отъ своего имени поклониться и поблагодарить ее за то, что такъ хорошо воспитываетъ дѣтей своихъ. И былъ ли я при семъ на небѣ, или на землѣ—и какъ, и куда она изволила удалиться, въ горнія ли воспарила, въ другіе ли покои прослѣдовала.... по сіе время не знаю!“

Я не разъ пытался разспрашивать Алексѣя Сергѣича о тѣхъ давнихъ временахъ, о людяхъ, окружавшихъ императрицу.... Но онъ бо́льшей частью уклонялся. „Что о старинѣ толковать-то?“ говаривалъ онъ.... „только себя мучить: что вотъ-моль, былъ ты тогда молодцомъ—а теперь и послѣднихъ зубовъ у тебя во рту не стало. Да и то сказать: хороша старина.... ну, и Богъ съ ней! А что касательно до тѣхъ людей—вѣдь ты, чай, егоза, о случайныхъ людяхъ рѣчь заводишь?—такъ видалъ ты, какъ на водѣ волдырь вскочитъ? Пока онъ цѣлъ, да держится—какіе же на немъ цвѣта играютъ! И красные, и желтые, и синіе—просто сказать надо: радуга, или вотъ алмазъ!—Только въ скорости онъ лопается—и слѣда отъ него нѣтъ. Такъ вотъ, и люди тѣ такіе были“.

— Ну, а Потемкинъ? спросилъ я однажды.

Алексѣй Сергѣичъ принялъ важный видъ. — „Потемкинъ, Григорій Александровичъ, былъ мужъ государственный, богословъ, Екатерининскій воспитанникъ, чадо ея, такъ надо сказать.... Но довольно о семъ, сударикъ!“

Алексѣй Сергѣичъ былъ человѣкъ очень набожный—и хотя черезъ силу, но церковь посѣщалъ исправно. Суевѣрія въ немъ не замѣчалось; онъ издѣвался надъ примѣтами, глазомъ и прочей „нескладицей“, однако, не любилъ, когда заяцъ ему перебѣгалъ дорогу—и встрѣча съ попомъ была ему не совсѣмъ пріятна. Со всѣмъ тѣмъ, былъ къ духовнымъ лицамъ очень почтителенъ, и подъ благословенье подходилъ, и даже руку всякій разъ цѣловалъ, но неохотно съ ними бесѣдовалъ.—„Очень отъ нихъ духъ силёнъ идетъ“, объяснялъ онъ; „я же, грѣшный, не путёмъ изнѣжился;—волосы у нихъ такіе большіе, да масляные, расчешутъ ихъ во всѣ стороны—думаютъ, что тѣмъ мнѣ уваженіе доказываютъ, и громко такъ между разговоромъ крякаютъ—отъ робости, что-ли, или тоже желаютъ мнѣ тѣмъ угодить. Ну, да и смертный часъ напоминаютъ. А я, какъ ни какъ,

еще жить желаю. Только ты, сударикъ, этихъ рѣчей за мной не повторяй;—уважай духовный чинъ—одни дураки его не уважаютъ;—и я виноватъ, что на старости лѣтъ вздоръ горожу".

Ученъ былъ Алексѣй Сергѣичъ на мѣдныя деньги — какъ всѣ тогдашніе дворяне; но до нѣкоторой степени самъ чтеніемъ восполнилъ этотъ недостатокъ. Книги же читалъ одинъ русскія, конца прошлаго вѣка; новѣйшихъ сочинителей находилъ прѣсными и въ слогѣ слабыми.... Во время чтенія ставился возлѣ него, на одноногій, круглый столикъ серебряный жбанъ съ какимъ-то особеннымъ мятнымъ пѣнистымъ квасомъ, отъ котораго пріятный запахъ распространялся по всѣмъ комнатамъ. Самъ же онъ надѣвалъ при этомъ на конецъ носа большія круглыя очки; но въ послѣднее время не столько читалъ, сколько задумчиво глядѣлъ выше оправы очковъ, поднимая брови, жуя губами и вздыхая. Разъ я засталъ его плачущимъ, съ книгою на колѣняхъ—что̀ меня очень, признаться, удивило.

Вспомнились ему слѣдующіе стишки.

О, всебѣдный родъ людской!
Незнакомъ тебѣ покой!
Ты лишь опый обрѣтаешь,
Пыль могильну коль глотаешь....
Горекъ, горекъ сей покой!
Спи, мертвецъ.... Но плачь живой!

Стишки эти были сочинены нѣкимъ Гормичъ-Гормицкимъ, странствующимъ пѣвцомъ, котораго Алексѣй Сергѣичъ пріютилъ-было у себя въ домѣ—такъ какъ онъ показался ему человѣкомъ деликатнымъ и даже субтильнымъ: носилъ башмачки съ бантиками, говорилъ на о̀, и, поднимая глаза къ небу, часто вздыхалъ;—кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ, Гормичъ-Гормицкій изрядно говорилъ по-французски, ибо получилъ воспитаніе въ іезуитскомъ коллегіумѣ,—а Алексѣй Сергѣичъ только „понималъ". Но, напившись разъ

мертвецки-пьянымъ въ кабакѣ, этотъ самый субтильный Гормицкій оказалъ буйство непомѣрное: „въ дребезгу“ раскровянилъ Алексѣй-Сергѣичина каммердинера, повара, двухъ подвернувшихся прачекъ и даже постороняго столяра—да нѣсколько стеколъ перебилъ въ окнахъ, причемъ кричалъ неистово: „а вотъ, я имъ докажу, этимъ русскимъ тунеядцамъ, кацапамъ необтёсаннымъ!“—И какая въ этомъ тщедушномъ существѣ сила проявилась! Едва съ нимъ сладило восемь человѣкъ!—За самое это буйство. Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ стихотворца вытолкать вонъ изъ дому, посадивши его предварительно „афедрономъ“ въ снѣгъ—дѣло было зимою—для протрезвленія.

„Да“,—говаривалъ, бывало. Алексѣй Сергѣичъ: „прошла моя пора: былъ конь, да изъѣздился. Вотъ, я и стихотворцевъ на своемъ иждивеньи содержалъ, и картины, и книги скупалъ у евреевъ—и гуси были не хуже Мухановскихъ—голуби-турманы глинистые настоящіе.... До всего-то я былъ охочъ! Развѣ, вотъ, собачникомъ никогда не былъ—потому пьянство, вонъ, гаерство! Рьяный былъ я, неукротимый. Чтобы у Телѣгина, да не первый во всемъ сортѣ.... да помилуй Богъ! И конскій заводъ имѣлъ на славу.—И или тѣ кони....откуда ты думаешь, ударикъ? Отъ самыхъ тѣхъ знаменитѣйшихъ заводовъ царя Ивана Алексѣича, брата Петра Великаго.... вѣрно тебѣ говорю! Все жеребцы бурые, въ маслѣ—гривы нѣколѣнь, хвосты нѣконыть.... Львы! — И все то было — да быльёмъ поросло. Суета суетствій—и всяческая суета! А впрочемъ—чего жалѣть! Всякому человѣку свой предѣлъ положѣнъ.—Выше неба не взлетишь, въ водѣ не проживешь, отъ земли не уйдешь.... Поживемъ еще, какъ ни какъ!“

И старикъ опять улыбался, и понюхивалъ свой испанскій табачекъ.

Крестьяне любили его: баринъ былъ, по ихъ словамъ, добрый, сердца не сърѣчиваго.—Только и они повторяли,

что изъѣзженъ-молъ конь. Прежде Алексѣй Сергѣичъ самъ во все входилъ—и въ поле выѣзжалъ, и на мельницу, и на маслобойню — и въ амбары, и въ крестьянскія избы заглядывалъ; всѣмъ знакомы были его бѣговыя дрожки, обитыя малиновымъ плисомъ и запряженныя рослой лошадью съ широкой проточиной во весь лобъ, по прозвищу: „Фонарь“—изъ самаго того знаменитаго завода: Алексѣй Сергѣичъ самъ ею правилъ, закрутивъ концы возжей на кулаки. А какъ стукнулъ ему семидесятый годокъ—махнулъ старикъ на все рукою — и поручилъ управленіе имѣньемъ бурмистру Антипу, котораго втайнѣ боялся и звалъ Микромэгасомъ (Вольтеровскія воспоминанія!)—а то и просто: грабителемъ.—„Ну, грабитель, что скажешь? Много въ пуньку натаскалъ?“ — говоритъ онъ, бывало, съ улыбкой, глядя въ самые глаза грабителю.—„Все вашею милостью“,—весело отвѣчаетъ Антипъ.—„Милость милостью — а только ты смотри у меня, Микромэгасъ! крестьянъ, заглазныхъ подданныхъ моихъ, трогать не смѣй!—Станутъ они жаловаться.... трость-то у меня, видишь, недалеко!“ — „Тросточку-то вашу, батюшка Алексѣй Сергѣичъ, я завсегда хорошо помню“ — отвѣчаетъ Антипъ-Микромэгасъ, да поглаживаетъ бороду.—„То-то, помни!“—И баринъ, и бурмистръ, оба смѣются въ лицо другъ другу. — Съ дворовыми, вообще съ крѣпостными людьми, съ „подданными“ (Алексѣй Сергѣичъ любилъ это слово)—онъ обходился кротко.—„Потому, посуди, племянничекъ: своего-то ничего нѣту, развѣ крестъ на шеѣ—да и тотъ мѣдный—на чужое зариться не моги.... гдѣ-жъ тутъ быть разуму?“—Нечего и говорить, что о такъ-называемомъ крѣпостномъ вопросѣ въ то время никто и не помышлялъ; не могъ онъ волновать и Алексѣя Сергѣича: онъ преспокойно владѣлъ своими „подданными“; но дурныхъ помѣщиковъ осуждалъ и называлъ врагами своего званія.—Онъ вообще дворянъ раздѣлялъ на три разряда: на

путныхъ—„конхъ маловато"; на распутныхъ, „конхъ достаточно", и на безпутныхъ, „коими хоть прудъ пруди".—А если кто изъ нихъ съ подданными крутъ и притѣснитель,—тотъ и передъ Богомъ грѣшенъ, и передъ людьми виноватъ!—Да, хорошо жилось дворовымъ у старика; „заглазнымъ подданнымъ", конечно, хуже, несмотря на трость, которою онъ грозилъ Микромэгасу.—И сколько ихъ водилось, этихъ самыхъ дворовыхъ, въ его домѣ!—И все больше старые, жилистые, волосатые, ворчливые, въ плечахъ согбенные, въ нанковые, длинополые кафтаны облеченные—съ крѣпкимъ, кислымъ запахомъ! А на женской половинѣ только и слышно было, что топотъ босыхъ ногъ, да шлюпанье юбокъ.—Главнаго каммердинера звали Приархомъ, и кликалъ его всегда Алексѣй Сергѣичъ протяжнымъ кликомъ: П-ри-на-а-архъ!—Другихъ онъ звалъ: Малый! Малецъ! Кто тамъ есть подданный!—Колокольчиковъ онъ не терпѣлъ: что̀ за трактиръ, помилуй Богъ!—И удивляло меня то, что въ какое бы время ни позвалъ Алексѣй Сергѣичъ своего каммердинера—тотъ немедленно являлся, словно изъ земли выросталъ—и, сдвинувъ каблуки и заложивъ за спину руки, стоялъ передъ барином, угрюмый и какъ-бы злой, но усердный слуга!

Щедръ былъ Алексѣй Сергѣичъ не по состоянію; но не любилъ, когда его величали благодѣтелемъ. — Какой я вамъ, сударь, благодѣтель!... Я себѣ благо дѣлаю—а не вамъ, сударь мой!"—(когда онъ гнѣвался или негодовалъ, онъ всегда „выкалъ"). „Нищему", — говаривалъ онъ—„подай разъ, подай два, подай три.... Ну—а коли онъ въ четвертый разъ придетъ—подать ему ты все-таки подай—только прибавь при семъ: ты бы, братецъ, чѣмъ бы другимъ поработалъ—не все ртомъ". — „Дяденька, спросишь его, бывало: если же нищій и послѣ этого въ пятый разъ придетъ?" — „А ты и въ пятый разъ подай". Больныхъ, которые къ нему прибѣгали за помощью, онъ

на свой счетъ лечилъ—хотя самъ въ докторовъ не вѣрилъ—и никогда за ними не посылалъ.—„Матушка-покойница“, увѣрялъ онъ — „ото всѣхъ болѣзней прованскимъ масломъ съ солью лечила—и внутрь давала, и натирала—и все прекрасно проходило. А матушка моя кто такая была? При Петрѣ Первомъ рожденье свое имѣла—ты только это сообрази!“

Русскій человѣкъ былъ Алексѣй Сергѣичъ во всемъ: любилъ одинъ русскія кушанья, любилъ русскія пѣсни—а гармонику—„фабричную выдумку“, ненавидѣлъ; любилъ глядѣть на хороводы дѣвокъ, на пляску бабъ; въ молодости онъ самъ, говорятъ, пѣлъ заливисто и плясалъ лихо; любилъ париться въ банѣ—да такъ сильно париться, что Иринархъ, который, служа ему банщикомъ, сѣкъ его березовымъ, въ пивѣ вымоченнымъ вѣникомъ, теръ мочалкой, теръ суконкой, катал намыленнымъ пузыремъ по барскимъ членамъ,—этотъ вѣроотданный Иринархъ, всякій разъ, бывало, говаривалъ, слѣзая съ полка, красный, какъ „новый мѣдный статуй“:—Ну, на сей разъ я, рабъ Божій, Иринархъ Голобѣевъ, еще уцѣлѣлъ.... Что-то будетъ въ слѣдующій?

И говорилъ Алексѣй Сергѣичъ славнымъ русскимъ языкомъ, нѣсколько старомоднымъ, но вкуснымъ и чистымъ, какъ ключевая вода, то и дѣло пересыпая рѣчь любимыми словцами: „по чести, помилуй Богъ, какъ ни какъ, сударь, да сударикъ....“

А впрочемъ, будетъ о немъ. Побесѣдуемъ объ Алексѣй-Сергѣичевой супругѣ, Маланьѣ Павловнѣ.

Была Маланья Павловна московская уроженка, первой слыла красавицей по Москвѣ, la Vénus de Moscou.—Я ее зналъ уже старой, худой женщиной, съ тонкими, но незначительными чертами лица, съ заячьими кривыми зубками въ кроличьемъ ротикѣ, со множествомъ мелко-завитыхъ желтыхъ кудряшекъ на лбу, съ крашеными бровями.

Ходила она постоянно въ пирамидальномъ чепцѣ съ розовыми лентами, высокомъ крагенѣ вокругъ шеи, бѣломъ короткомъ платьѣ и прюнелевыхъ башмакахъ на красныхъ каблучкахъ; а сверху платья носила кофту изъ голубого атласу, со спущеннымъ съ праваго плеча рукавомъ. Точно такой туалетъ былъ на ней въ самый Петровъ день 1789 года! Пошла она, въ тотъ день, еще дѣвицей будучи, съ родными, на Ходынское поле, посмотрѣть знаменитый кулачный бой, устроенный Орловымъ.—„И графъ Алексѣй Григорьевичъ...." (о, сколько разъ слышалъ я этотъ разсказъ!).... „замѣтивъ меня, подошелъ, поклонился низёхонько, взявъ шляпу въ обѣ руки, и сказалъ такъ: красавица писаная, сказалъ онъ, что̀ ты это рукавъ съ плечика спустила? Аль тоже на кулачки со мной побиться желаешь?... Изволь; только напредки говорю тебѣ: побѣдила ты меня—сдаюсь!—И я твой есмь плѣнникъ!... И всѣ на насъ смотрѣли и удивлялись".—И самый этотъ туалетъ она съ тѣхъ поръ постоянно носила.—„Только не чепецъ тогда былъ на мнѣ — а шляпа а-ля-бержеръ де-Тріанонъ;—и хотя я и напудренная была—но волосы мои, какъ золото, такъ и сквозили, такъ и сквозили!"—Маланья Павловна была глуха, что̀ называется, до святости; болтала зря, словно и сама хорошенько не знала, что̀ это у ней изъ устъ выходитъ—и все больше объ Орловѣ.—Орловъ сталъ, можно сказать, главнымъ интересомъ ея жизни. — Она обыкновенно входила.... нѣтъ! вплывала, мѣрно двигая головою, какъ пава, въ комнату, становилась по серединѣ, какъ-то странно вывернувъ одну ногу и придерживая двумя пальцами конецъ спущеннаго рукава (должно быть, эта поза тоже когда-нибудь понравилась Орлову): горделиво-небрежно взглядывала кругомъ, какъ оно и слѣдуетъ красавицѣ — даже пофыркивала и шептала: „вотъ еще!" точно къ ней какой-либо назойливый кавалеръ-сунпрантъ приставалъ съ комплиментами—и вдругъ

уходила, тонувъ каблучкомъ и дернувъ плечикомъ.—Табакъ она тоже нюхала шанскій, изъ крошечной бонбоньерки, доставая его крошечной золотой ложечкой —и отъ времени до времени, особенно когда появлялось новое лицо—подносила снизу—не къ глазамъ, а къ носу—(она видѣла отлично)—двойной лорнетъ въ видѣ рогульки, щеголяя и вертя бѣленькой ручкой съ отдѣленнымъ пальчикомъ.—Сколько разъ описывала мнѣ Маланья Павловна свою свадьбу въ церкви Вознесенія, что̀ на Арбатѣ—такая хорошая церковь! —и какъ вся Москва тутъ присутствовала... давка была какая! ужасти! Экипажи цугомъ, золотыя кареты, скороходы.... одинъ скороходъ графа Завадовскаго даже подъ колесо попалъ! И вѣнчалъ насъ самъ архіерей—и проповѣдь какую сказалъ! всѣ плакали—куда я ни посмотрю—все слезы, слезы.... а у генералъ-губернатора лошади были тигровой масти.... И сколько цвѣтовъ, цвѣтовъ нанесли!... Завалили цвѣтами! И какъ по этому случаю одинъ иностранецъ, богатый-пребогатый, отъ любви застрѣлился—и какъ Орловъ тоже тутъ присутствовалъ.... И приблизившись къ Алексѣю Сергѣичу, поздравилъ его и назвалъ его счастливчикомъ.... Счастливчикъ-моль ты, братъ губошлёпъ! И какъ, въ отвѣтъ на эти слова, Алексѣй Сергѣичъ такъ чудесно поклонился и махнулъ плюмажемъ шляпы по̀ полу слѣва на право.... Дескать, ваше сіятельство, теперь между вами и моей супругой есть черта, которую вы не преступите!—И Орловъ, Алексѣй Григорьевичъ, тотчасъ понялъ и похвалилъ—О! это былъ такой человѣкъ! такой человѣкъ! А то̀, въ другой разъ, мы съ Алексѣемъ были у него на балѣ — я уже за-мужемъ была—и какія были на немъ чудесныя брилліантовыя пуговицы! И я не выдержала, похвалила. Какія, говорю, у васъ, графъ, чудесные брилліанты!—А онъ, взявъ тутъ же со стола ножъ, отрѣзалъ одну пуговицу и презентовалъ мнѣ ее—и сказалъ: у васъ, голубушка, въ глазахъ во сто

кратъ лучше бриліанты; станьте-ка передъ зеркаломъ, да посравните. И я стала, и онъ сталъ со мной рядомъ.—Ну, что? кто правъ? говоритъ—а самъ глазами такъ и водитъ, такъ и водитъ вокругъ меня. И Алексѣй Сергѣичъ тутъ очень сконфузился; но я ему сказала:—Алексисъ, сказала я ему—ты, пожалуйста, не конфузься; ты долженъ лучше меня знать! И онъ мнѣ отвѣтилъ:—Будь покойна, Мелани!—И самые эти бриліанты у меня теперь вокругъ медальона Алексѣя Григорьевича—ты, чай, видѣлъ, голубчикъ, я его по праздникамъ на плечѣ ношу, на Георгіевской лентѣ—потому, храбрый былъ онъ очень герой, Георгіевскій кавалеръ: турку сжегъ!

Со всѣмъ тѣмъ, была Маланья Павловна женщина очень добрая: угодить ей было легко.—„Ни она тебя грызь, ни она тебя шишь“ — отзывались о ней горничныя. — До страсти любила Маланья Павловна все сладкое—и особая старушка, которая только и занималась, что вареньемъ, а потому и прозывалась варенухой, разъ по десяти на день подносила ей китайское блюдечко — то съ розовыми листочками въ сахарѣ, то съ барбарисомъ въ меду, или съ ананаснымъ щербетомъ. Маланья Павловна боялась одиночества—страшныя мысли тогда находятъ — и почти постоянно была окружена прижившалками, которыхъ убѣдительно просила: „говорите-молъ, говорите, что такъ сидите—только мѣста свои грѣете!“—и онѣ трещали, какъ канарейки. Будучи набожной не меньше Алексѣя Сергѣича, она очень любила молиться; но такъ какъ, по ея словамъ, она хорошо читать молитвы не выучилась—то и держалась на то бѣдная вдова-дьяконица, которая ужъ такъ-то вкусно молилась! Не запнется ни во вѣкъ! И дѣйствительно: дьяконица эта умѣла какъ-то неудержимо произносить молитвенныя слова, не прерывая ихъ ни при вдыханьи, ни при выдыханьи—а Маланья Павловна слушала и умилялась. Состояла при ней другая вдовушка; та должна была раз-

сказывать ей на ночь сказки,—но только старыя, просила Маланья Павловна, тѣ, что я ужъ знаю; новыя-то всѣ выдуманы. Очень была Маланья Павловна легкомысленна—а иногда и мнительна: вдругъ ей что въ голову взбредетъ! Не жаловала она, напримѣръ, карлика Януса; все думалось ей, что онъ вдругъ возьметъ, да закричитъ: „а знаете вы кто я? Бурятскій князь! Вотъ, вы и покоряйтесь!“—А не то, домъ отъ меланхоліи подожжетъ. Щедра была Маланья Павловна такъ же, какъ и Алексѣй Сергѣичъ; но никогда деньгами не подавала—ручекъ не хотѣла марать—а платками, сережками, платьями, лентами, или со стола пошлетъ пирогъ, да жаркого кусокъ—а не то, стклянницу вина. Бабъ по праздникамъ тоже угощать любила: станутъ онѣ плясать, а она каблучками притопываетъ и въ позу становится.

Алексѣй Сергѣичъ очень хорошо зналъ, что жена его глупа; но чуть ли не съ перваго году женитьбы пріучилъ себя притворяться, будто она очень остра на языкъ и любитъ колкости говорить. Бывало, какъ только она слишкомъ разболтается, онъ тотчасъ погрозитъ ей мизинцемъ и приговариваетъ: „Охъ, язычекъ, язычекъ! ужъ достанется ему на томъ свѣтѣ! Проткнутъ его горячей шпилькой!“—Маланья Павловна этимъ, однако, не обижалась; напротивъ—ей какъ будто лестно было слышать такія слова: что-жъ-молъ! Не моя вина, что умна родилась!

Маланья Павловна обожала своего мужа—и всю жизнь оставалась примѣрно-вѣрной женой; но былъ и въ ея жизни „предметъ“, молодой племянникъ, гусаръ, убитый, какъ она полагала, на дуэли изъ-за нея—а по болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, умершій отъ удара кіемъ по головѣ, въ трактирной компаніи. Акварельный портретъ этого „предмета“ хранился у ней въ секретномъ ящикѣ. Маланья Павловна всякій разъ краснѣла до ушей, когда упоминала о Капитошкѣ—такъ звался „предметъ“:—а Алексѣй Сергѣичъ

нарочно хмурился, опять грозилъ женѣ мизинцемъ и говорилъ: „Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ! Охъ, ужъ этотъ мнѣ Каинтонушка, Купидонушка!"—Тогда Маланья Павловна вся вострепещивалась, и восклицала: „Алексѣй, грѣшно вамъ, Алексѣй!—Сами-то вы въ молодости, небось, „махались" съ разными сударками—такъ вотъ, вы и полагаете..." — „Ну, полно, полно, Маланьюшка", перебивалъ съ улыбкой Алексѣй Сергѣичъ; — „бѣло твое платье—а душа еще бѣлѣй!"—Бѣлѣй, Алексѣй, бѣлѣй!—„Охъ, язычекъ, по чести язычекъ", повторялъ Алексѣй—и трепалъ ее по рукѣ.

Упоминать объ „убѣжденіяхъ" Маланьи Павловны было бы еще неумѣстнѣе, чѣмъ объ убѣжденьяхъ Алексѣя Сергѣича; однако, мнѣ разъ пришлось быть свидѣтелемъ страннаго проявленія затаенныхъ чувствъ моей тетушки. Я какъ-то разъ, въ разговорѣ, упомянулъ объ извѣстномъ Шишковскомъ: Маланья Павловна внезапно помертвѣла въ лицѣ—такъ-таки помертвѣла, позеленѣла, несмотря на наложенныя бѣлила и румяна—и глухимъ, совершенно-искреннимъ голосомъ—(что съ ней случалось очень рѣдко—она обыкновенно все какъ будто немножко рисовалась, тонировала, да картавила) —проговорила: „Охъ! кого ты это назвалъ! да еще къ ночи!—Не произноси ты этого имени!" Я удивился: какое могло имѣть значеніе это имя для такого безобиднаго и невиннаго существа, которое не только сдѣлать—но и подумать не съумѣло бы ничего непозволительнаго?—На несовсѣмъ веселыя размышленія навелъ меня этотъ страхъ, проявившійся чуть не черезъ полстолѣтія.

Скончался Алексѣй Сергѣичъ на 88-мъ году отъ рожденія, въ самый 1848 годъ, который, видно, смутилъ даже его. И смерть его была довольно страшная. Онъ еще поутру хорошо себя чувствовалъ, хотя уже совсѣмъ не покидалъ кресла. И вдругъ онъ зоветъ жену: „Маланьюшка, подь-ка сюда".—Что тебѣ, Алексѣй?—„Помирать мнѣ

пора, голубушка, вотъ что". — Богъ съ вами, Алексѣй Сергѣичъ! Отчего такъ?—„А вотъ отчего: первo-на-первo, надо и честь знать; и еще: смотрю я себѣ давеча на ноги... чужія ноги—да и полно!—На руки... и тѣ чужія! Посмотрѣлъ на брюхо—и брюхо чужое!—Значитъ: чужой вѣкъ заѣдаю. Пошли-ка за попомъ; а пока—уложи меня на постелюшку—съ которой я уже не встану". Маланья Павловна переполошилась—однако, уложила старика, и за попомъ послала. Алексѣй Сергѣичъ исповѣдался, причастился, попростился съ домочадцами—и сталъ засыпать. Маланья Павловна сидѣла у его кровати. — Алексисъ! вскрикнула она вдругъ—не пугай меня, не закрывай глазки! Аль болитъ что?—Старикъ посмотрѣлъ на жену.—„Нѣтъ, не болитъ ничего.... а трудновато.... дышать трудновато". Потомъ, помолчавъ немного — „Маланьюшка", промолвилъ онъ—„вотъ и жизнь проскочила—а помнишь, какъ мы вѣнчались.... какова была парочка?"—Была, красавчикъ ты мой, Алексисъ ненаглядный!—Старикъ опять помолчалъ.—„Маланьюшка, а встрѣтимся мы на томъ свѣтѣ?"—Буду о томъ Бога молить, Алексисъ.—И старушка залилась слезами.—„Ну, не плачь, глупенькая; авось насъ тамъ Господь Богъ помолодитъ—и мы опять станемъ парочкой!"—Помолодитъ, Алексисъ!—„Ему, Господу, все возможно", замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.—„Онъ чудотворецъ!—пожалуй, и умницей тебя сотворитъ... Ну, душка, пошутилъ; дай, поцѣлую ручку".—А я твою.—И оба старика поцѣловали другъ у друга въ подвертку руку.

Алексѣй Сергѣичъ началъ утихать и забываться. Маланья Павловна умиленно глядѣла на него, сбрасывая кончикомъ пальца слезинки съ рѣсницъ. Часа два просидѣла она такъ. „Заночивалъ?" спрашивала шепотомъ старушка, что̀ молиться хорошо умѣла, высовываясь изъ-за Иринарха, который, неподвижно, какъ столбъ, стоялъ у двери и пристально смотрѣлъ на отходившаго барина.—

„Почиваетъ“, отвѣчала Маланья Павловна тоже шепотомъ. И вдругъ Алексѣй Сергѣичъ открылъ глаза.—„Подруга моя вѣрная“, прошепталъ онъ, „супруга моя почтенная, въ ножки тебѣ бы поклонился за всю твою любовь и вѣрность — да гдѣ встать? Дай, хоть, перекрещу тебя“.— Маланья Павловна придвинулась, наклонилась.... Но приподнятая рука упала безсильно на одѣяло—и черезъ нѣсколько мгновеній не стало Алексѣя Сергѣича.

Дочери его поспѣли только къ похоронамъ, съ мужьями: дѣтей у нихъ не было—ни у той, ни у другой. Алексѣй Сергѣичъ ихъ не обидѣлъ въ своемъ завѣщаніи, хотя и не вспомнилъ о нихъ на смертномъ одрѣ.—„Замкнулось къ нимъ мое сердце“—сказалъ онъ мнѣ однажды. Зная его доброту, я дивился его словамъ.—Трудно разсудить родителей съ дѣтьми.—„Большой оврагъ малой начинается трещиной“, сказалъ Алексѣй Сергѣичъ мнѣ въ другой разъ по тому же поводу:—„въ аршинъ рана заживаетъ, а отруби хоть ноготь—не прирастетъ“.

Мнѣ сдается, что дочери стыдились своихъ чудаковатыхъ стариковъ.

Мѣсяцъ спустя не стало и Маланьи Павловны. Съ самаго дня кончины Алексѣя Сергѣича она уже почти не вставала и не наряжалась; но похоронили ее въ голубой кофтѣ и съ медальономъ Орлова на плечѣ, только безъ бриліантовъ. Ихъ подѣлили дочери, подъ тѣмъ предлогомъ, что пойдутъ тѣ бриліанты на оклады образовъ; на дѣлѣ же онѣ ихъ употребили на украшеніе собственныхъ особъ.

И вотъ — какъ живые стоятъ передо мною мои старики—и хорошее храню я о нихъ воспоминаніе. А между тѣмъ, въ самый мой послѣдній пріѣздъ къ нимъ—(я уже тогда былъ студентомъ) — совершилось событіе, которое внесло нѣкоторый разладъ въ то гармонически-патріархальное настроеніе, которое Телѣгинскій домъ навѣвалъ на меня.

Въ числѣ дворовой прислуги состоялъ нѣкто Иванъ, по кличкѣ „Сухихъ“—кучеръ или кучерёнокъ, какъ его прозывали за малый его ростъ—несмотря на его уже немолодыя лѣта. Крошечный это былъ человѣчекъ, вертлявый, курносый, кудрявый, съ вѣчно смѣющимся, младенческимъ лицомъ и мышиными глазками. Большой онъ былъ балагуръ и потѣшникъ; всякую штуку умѣлъ смастерить, фейерверки пускалъ, змѣи, во всѣ игры игралъ, стоя на лошади скакалъ, выше всѣхъ взлеталъ на качеляхъ, даже китайскія тѣни умѣлъ представлять. Никто лучше его не забавлялъ дѣтей — и самъ онъ съ ними хоть цѣлый день радъ былъ возиться. — Примется хохотать — весь домъ раскольнется: то тутъ, то тамъ ему отвѣчаютъ—разберетъ всѣхъ.... И ругаются, да смѣются.—Плясалъ Иванъ удивительно—особенно „рыбку“.—Грянетъ хоръ плясовую, парень выдетъ на середину круга — да и ну вертѣться, прыгать, ногами топать, а потомъ какъ трескнется о-земь—да и представляетъ движенія рыбки, которую выкинули изъ воды на сушь: и такъ изгибается, и этакъ, даже каблуки къ затылку подводитъ;—а тамъ какъ вскочитъ, загогочетъ—просто земля подъ нимъ дрожитъ! Бывало, Алексѣй Сергѣичъ, большой, какъ я уже сказывалъ, охотникъ до хороводовъ, никакъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не закричать: „Ванюшу сюда! кучерка! Рыбку намъ валяй, живо!“ — а черезъ минуту уже восторженно шепчетъ: „ахъ, онъ, такой-сякой!“

И вотъ — въ послѣдній мой пріѣздъ, входитъ этотъ самый Иванъ Сухихъ ко мнѣ въ комнату и, ни слова не говоря, становится на колѣни.—Иванъ, что съ тобой?—„Спасите, баринъ!“—Какъ, что такое? — И разсказалъ мнѣ тутъ Иванъ свою бѣду.

Былъ онъ вымѣненъ — лѣтъ двадцать тому назадъ — отъ господъ Сухихъ на другого крѣпостного Телѣгинскаго человѣка;—такъ-таки просто вымѣненъ, безо всякихъ фор-

мальностей и бумагъ; отданный за него человѣкъ померъ — а господа Сухіе забыли объ Иванѣ — и остался онъ въ домѣ Алексѣя Сергѣича, какъ свой; одно лишь прозвище его напоминало объ его происхожденіи.—Но вотъ, умерли и прежніе его господа; имѣніе попало въ другіе руки—и новый владѣлецъ, о которомъ ходили слухи, что онъ человѣкъ жестокій, мучитель, провѣдавъ, что одинъ изъ его крѣпостныхъ обрѣтается безо всякаго вида и права у Алексѣя Сергѣича, сталъ его требовать обратно; въ случаѣ же отказа грозилъ судомъ и штрафомъ—и грозилъ не по пустому—такъ какъ самъ состоялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и большой имѣлъ по губерніи вѣсъ. Иванъ, съ перепугу, бросился къ Алексѣю Сергѣичу. Жалко стало старику своего плясуна—и предложилъ онъ тайному совѣтнику купить у него Ивана, за хорошія деньги; но тайный совѣтникъ и слышать не хотѣлъ: былъ онъ малороссъ и упрямъ какъ чортъ. Приходилось отдавать бѣдняка.—„Я здѣсь сжился, я здѣсь освоился, я здѣсь служилъ, хлѣбъ ѣлъ и помереть здѣсь желаю“ — говорилъ мнѣ Иванъ — и уже не было усмѣшки на его лицѣ; напротивъ—оно точно окаменѣло.... „А теперь я должонъ идти къ этому злодѣю.... Али я собака, что съ одной нарни на другую, завязавши оселомъ шею.... на, моль, тебѣ! Спасите, баринъ; помолите вы дяденьку—вспомните, какъ я всегда васъ потѣшалъ.... А то, худо вѣдь будетъ; безъ грѣха дѣло не обойдется“.

— Безъ какого грѣха, Иванъ?

— А убью я того-то барина. — Такъ и приду — да скажу ему: баринъ, отпустите меня обратно; а не то— смотрите, оберегайтесь.... я васъ убью.

Еслибы зябликъ или чижъ могъ говорить и сталъ бы увѣрять меня, что онъ заклюетъ другую птицу—не привелъ бы онъ меня въ бо́льшее изумленіе, чѣмъ Иванъ о ту пору. — Какъ! Ваня Сухихъ, этотъ плясунъ, балагуръ, потѣшникъ, любимецъ дѣтей—и самъ дитя—это добро-

душнѣйшее существо — убійца! Что за чепуха! Ни на мгновенье не повѣрилъ я ему; меня до крайности поразило уже то, что онъ могъ выговорить такое слово! Однако, я отправился къ Алексѣю Сергѣичу.—Не передалъ я ему того, что сказалъ мнѣ Иванъ, но всячески сталъ просить его, нельзя ли какъ-нибудь поправить дѣло?—„Сударикъ ты мой“, отвѣчалъ мнѣ старикъ: „и радъ бы радостью—но какъ быть?—Предлагалъ я этому хохлу вознагражденія великія — триста рублей предлагалъ, по чести тебѣ говорю! а онъ — куды тебѣ! что станешь дѣлать? Поступлено было противозаконно, на вѣру, по старинѣ.... а теперь вонъ какое худо вышло! Вѣдь хохолъ тотъ, чего добраго силкомъ Ивана у меня возьметъ—рука его властная, губернаторъ у него ищи хлебаетъ — солдать пришлетъ хохоль! А боюсь я солдать этихъ! Прежде, что говорить, я, какъ ни какъ, отстоялъ бы Ивана;—а теперь посмотри ты на меня, какой я дряхлецъ сталъ. Гдѣ мнѣ воевать?“ — Дѣйствительно: въ послѣдній мой пріѣздъ я нашелъ Алексѣя Сергѣича чрезвычайно постарѣвшимъ: даже зрачки его глазъ приняли молочный цвѣтъ—какъ у младенцевъ — и на губахъ появилась не прежняя созпательная улыбка, а та напряженно-слащавая, безсознательная усмѣшка, которая и во время сна не сходитъ съ нихъ у очень дряхлыхъ людей.

Сообщилъ я рѣшеніе Алексѣя Сергѣича Ивану. Онъ постоялъ, помолчалъ, помоталъ головою.—„Ну“, сказалъ онъ наконецъ,—„чему быть, того не миновать. А только слово мое крѣпко. Значитъ: одно осталось.... почудесить на послѣдяхъ. — Баринъ, пожалуйте на водку!“ Я ему далъ; онъ напился пьянъ — и въ тотъ же день такую откололъ „рыбку“, что дѣвки и бабы даже взвизгивали—до того онъ кочевряжился!

На другой день я уѣхалъ домой, а мѣсяца черезъ три—уже въ Петербургѣ—я узналъ, что Иванъ сдержалъ-таки

свое слово!—Выслали его къ новому барину; позвалъ его баринъ въ кабинетъ и объявилъ ему, что будетъ онъ у него состоять кучеромъ, что поручается ему тройка вятокъ, и что строго съ него взыщется, если будетъ худо за ними ходить, и вообще не будетъ исправенъ.—„Я-де шутить не люблю“.—Иванъ выслушалъ барина, сперва въ ноги ему поклонился—а потомъ объявилъ, что, какъ его милости угодно, а не можетъ онъ быть ему слугою.—Отпустите, молъ, меня на оброкъ, ваше благородіе, али въ солдаты опредѣлите; а то—долго ли до бѣды?

Баринъ вспылилъ.—Ахъ, ты, такой-сякой! Что ты это мнѣ сказать посмѣлъ? — Во-первыхъ, знай, что я превосходительство, а не высокоблагородіе; во-вторыхъ, ты ужъ изъ лѣтъ вышелъ и ростъ у тебя не такой, чтобы тебя въ солдаты отдать; а наконецъ—какою это ты мнѣ бѣдой грозишь? Поджечь, что-ли, меня собираешься?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не поджечь.

— Такъ убить, что-ли?

Иванъ промолчалъ. — Не слуга я вамъ, промолвилъ онъ наконецъ.

— А вотъ, я тебѣ покажу, взревѣлъ баринъ, мой ли ты слуга или нѣтъ!—И, жестоко наказавъ Ивана, все-таки повелѣлъ ему выдать на руки тройку вятокъ и опредѣлить его кучеромъ на конный дворъ.

Иванъ, повидимому, покорился; началъ ѣздить кучеромъ. Такъ какъ онъ на это дѣло былъ мастеръ, то вскорѣ полюбился барину — тѣмъ болѣе, что велъ себя Иванъ очень скромно и тихо, и лошади у него раздобрѣли; выходилъ онъ ихъ—такіе огурчики стали—загляденье! Сталъ баринъ выѣзжать съ нимъ чаще, чѣмъ съ другими кучерами. Бывало, спроситъ: „А что, помнишь, Иванъ, какъ мы съ тобой неладно встрѣтились? Чай, дурь-то съ тебя соскочила?“ Но Иванъ на эти слова никогда ничего не отвѣчалъ.—Вотъ, однажды, подъ самое Крещеніе, отправился

баринъ съ Иваномъ въ городъ на его тройкѣ съ бубенцами, въ ковровыхъ пошевняхъ. Стали лошади шагомъ подниматься въ гору—а Иванъ слѣзъ съ облучка и зашелъ за пошевни, словно что обронилъ.—Морозъ стоялъ сильный: баринъ сидѣлъ закутавшись, и бобровую шапку на уши надвинулъ. Тогда Иванъ досталъ изъ-подъ полы топоръ, подошелъ сзади къ барину, сбилъ съ него шапку—да, промолвивъ: „Я тебя, Петръ Петровичъ, остерегалъ—самъ на себя теперь пеняй!“—раскроилъ ему голову однимъ ударомъ. Потомъ остановилъ лошадей, надѣлъ на мертваго барина сбитую шапку—и, снова взобравшись на облучокъ, привезъ его въ городъ, прямо къ присутственнымъ мѣстамъ.

— Вотъ-молъ вамъ Сухинскій генералъ, убитый; и убилъ я его.—Какъ я ему сказалъ—такъ я ему и сдѣлалъ. Вяжите!

Ивана схватили, судили, присудили къ кнуту, а потомъ на каторгу.—Попалъ въ рудники веселый, птицеобразный плясунъ—да и исчезъ тамъ на вѣки....

Да; поневолѣ—хоть и въ иномъ смыслѣ — повторишь съ Алексѣемъ Сергѣичемъ:—Хороша старина.... ну, да и Богъ съ ней!

1881 г.

II.

ОТЧАЯННЫЙ.

I.

....Насъ было человѣкъ восемь въ комнатѣ, — и мы разговаривали о современныхъ дѣлахъ и людяхъ.

— Не понимаю я этихъ господъ! — замѣтилъ А.: — они отчаянные какіе-то.... Право, отчаянные.... Ничего подобнаго еще никогда не бывало.

— Нѣтъ, бывало,—вмѣшался П., уже старый, сѣдоволосый человѣкъ, родившійся около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія:—отчаянные люди водились и прежде, только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ. Про поэта Языкова кто-то сказалъ, что у него былъ восторгъ. ни на что не обращенный, безпредметный восторгъ; такъ и у тѣхъ людей—отчаянность была безпредметная. Да вотъ, если позволите, я вамъ разскажу исторію моего двоюроднаго племянника, Мини Полтева. Она можетъ служить образчикомъ тогдашней отчаянности.

Явился онъ на свѣтъ Божій, помнится, въ 1828 году. въ родовомъ помѣстьѣ своего отца, въ одномъ изъ самыхъ

глухихъ уголковъ глухой степной губерніи. Миншна отца, Андрея Николаевича Полтева, я еще хорошо помню. Это былъ настоящій, старозавѣтный помѣщикъ, богобоязненный, степенный человѣкъ, достаточно—по тому времени—образованный, немного, правду сказать, придурковатый, да и къ тому же страдавшій надучей болѣзнью.... Это тоже старозавѣтная, дворянская болѣзнь.... Впрочемъ, припадки у Андрея Николаевича бывали тихіе, и разрѣшались они обыкновенно сномъ, да унылостью.—Сердца онъ былъ добраго, обращенія привѣтливаго, не безъ нѣкоторой величавости: я себѣ всегда такимъ воображалъ царя Михаила Ѳедоровича. Вся жизнь Андрея Николаевича протекла въ неукоснительномъ исполненіи всѣхъ съ давнихъ временъ установившихся обрядовъ, въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣми обычаями древне-православнаго, свято-русскаго быта. Онъ вставалъ и ложился, кушалъ и въ баню ходилъ, веселился и гнѣвался (то и другое, правда, рѣдко), даже трубку курилъ, даже въ карты игралъ (два большихъ новшества!) не такъ, какъ бы ему вздумалось, не на свой манеръ,—а по завѣту и преданію отцовъ—истово и чинно. Самъ онъ былъ высокаго росту, осанистъ и мясистъ, голосъ имѣлъ тихій и нѣсколько хрипловатый, какъ оно часто бываетъ у русскихъ добродѣтельныхъ людей; соблюдалъ опрятность въ бѣльѣ и одеждѣ, носилъ бѣлые галстуки и табачнаго цвѣта длиннополые сюртуки, а дворянская кровь все-таки сказывалась; за поповича или купца никто бы его не принялъ! Всегда, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ и встрѣчахъ, Андрей Николаевичъ несомнѣнно зналъ, какъ надо поступать, что надо говорить, и какія именно выраженія употреблять; зналъ, когда должно лечиться и чѣмъ именно, какимъ примѣтамъ должно вѣрить и какія можно оставлять безъ вниманія.... словомъ, зналъ все, что слѣдуетъ дѣлать.... Ибо все-молъ старикамъ

предусмотрѣно и указано — своего только не придумывай.... А главное: безъ Бога ни до порога! — Должно сознаться: скука смертельная царила въ его домѣ, въ этихъ низкихъ, теплыхъ и темныхъ комнатахъ, столь часто оглашаемыхъ пѣніемъ всенощныхъ и молебновъ, съ почти непереводившимся запахомъ ладана и постныхъ кушаній!

Женился Андрей Николаевичъ, уже не въ первой молодости, на сосѣдней бѣдной барышнѣ, очень нервической и болѣзненной особѣ, бывшей институткѣ. Она недурно играла на фортепіано, говорила по-французски на институтскій ладъ, охотно восторгалась и еще охотнѣе предавалась меланхоліи и даже слезамъ.... Словомъ — характера была безпокойнаго. Считая жизнь свою загубленной, она не могла любить своего мужа, который, „конечно“, ея не понималъ; но она уважала.... она сносила его; и будучи существомъ вполнѣ честнымъ и вполнѣ холоднымъ, ни разу даже не подумала о другомъ „предметѣ“. Къ тому же, ее постоянно поглощали заботы, во-первыхъ, о своемъ собственномъ, дѣйствительно слабомъ здоровьѣ; во-вторыхъ, о здоровьѣ мужа, припадки котораго ей всегда внушали нѣчто въ родѣ суевѣрнаго ужаса, а наконецъ, и о единственномъ своемъ сынѣ, Минѣ, котораго она воспитывала сама съ большимъ рвеніемъ. Андрей Николаевичъ не мѣшалъ женѣ заниматься Миней,—но съ условіемъ: ни подъ какимъ видомъ не выступать изъ однажды навсегда назначенныхъ рамокъ, въ которыхъ все должно было вращаться у него въ домѣ! Такъ, напримѣръ: въ святки и подъ Новый годъ, въ Васильевъ вечеръ, Минѣ позволялось наряжаться вмѣстѣ съ другими „хлопчиками“, и не только позволялось, но даже ставилось въ обязанность.... За то—сохрани Богъ, въ другое время! и т. д., и т. д.

II.

Помню я этого Мишу лѣтъ тринадцати. — Это былъ очень миловидный мальчикъ съ розовыми щечками и мягкенькими губками (да и весь онъ былъ мягкенькій да пухленькій), съ нѣсколько выпуклыми, влажными глазами, тщательно приглаженный и причесанный, ласковый и стыдливый—настоящая дѣвочка!—Одно только въ немъ мнѣ не нравилось: смѣялся онъ рѣдко; но когда смѣялся—зубы его, крупные, бѣлые и по звѣриному заостренные, непріятно выставлялись,—самый смѣхъ звучалъ чѣмъ-то рѣзкимъ и даже дикимъ— почти звѣрскимъ,—а въ глазахъ пробѣгали нехорошія искры. Мать все хвалила его за то, что онъ такой послушный и вѣжливый — и съ мальчиками-шалунами не любитъ знаться, а все больше льнетъ къ женскому обществу.—„Матушкинъ сынокъ, нѣженка“,—отзывался о немъ отецъ, Андрей Николаевичъ:—„но за то въ храмъ Божій ходитъ охотно.... И это меня радуетъ“.—Одинъ только старикъ-сосѣдъ, бывшій исправникъ, сказалъ разъ при мнѣ о Мишѣ:— „Помилуйте, бунтовщикъ будетъ“. И это слово меня, помнится, тогда очень удивило. Бывшій исправникъ, правда, всюду видѣлъ бунтовщиковъ.

Точно такимъ примѣрнымъ юношей оставался Миша до 18-ти лѣтняго возраста, до самой смерти родителей, которыхъ онъ лишился едва-ли не въ одинъ и тотъ же день. Живя постоянно въ Москвѣ, я ничего не слышалъ о моемъ молодомъ родственникѣ. Правда, одинъ пріѣзжій изъ его губерніи увѣрялъ меня, будто бы Миша продалъ за безцѣнокъ свое родовое имѣніе; но это извѣстіе казалось мнѣ слишкомъ неправдоподобнымъ!—И вотъ, вдругъ, въ одно осеннее утро, на дворъ моего дома влетаетъ коляска, запряженная парой превосходныхъ рысаковъ, съ чудовищнымъ кучеромъ на козлахъ; а въ коляскѣ—облеченный

въ шинель военнаго покроя съ двухъ-аршиннымъ бобровымъ воротникомъ, съ фуражкой на бекрень à la diable m'emporte, сидитъ... Миша! —Увидавъ меня (я стоялъ у окна гостиной и съ изумленіемъ глядѣлъ на влетѣвшій экипажъ)—онъ захохоталъ своимъ рѣзкимъ хохотомъ, и лихо тряхнувъ обшлагомъ шинели, выпрыгнулъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ.

— Миша! Михаилъ Андреевичъ!—началъ-было я....— Вы-ли это?

— Говорите мнѣ: „ты“ и „Миша“, — перебилъ онъ меня.—Я.... это я, собственной персоной.... явился въ Москву.... на людей посмотрѣть.... и себя показать. Вотъ, и къ вамъ заѣхалъ.—Каковы рысачки?... А?—онъ опять захохоталъ.

Хотя лѣтъ семь прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ Мишу, но узналъ я его тотчасъ.—Лицо у него осталось совсѣмъ молодымъ и по прежнему миловиднымъ, —даже усъ не пробился; только подъ глазами на щекахъ появилась одутловатость—и изо рту нахло виномъ.

— Да давно ли ты въ Москвѣ?—спросилъ я.—Я полагалъ, что ты тамъ въ деревнѣ, хозяйничаешь....

— Э! Деревню-то я тотчасъ по боку!—Какъ только родители, царство имъ небесное, скончались — (Миша перекрестился истово, безъ малѣйшаго кощунства) — я сейчасъ, ни мало не медля.... эйнъ, цвей, дрей! ха-ха! Дешево спустилъ, каналъство! Такой подвернулся шельмецъ.—Ну, да все равно! По крайней мѣрѣ, поживу въ свое удовольствіе—и другихъ потѣшу. — Да что вы на меня такъ уставились? — Неужто же, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было тянуть да тянуть эту канитель?... Голубчикъ, родной, нельзя ли чарочку?

Миша говорилъ ужасно скоро, торопливо и, въ то же время, какъ бы съ просонья.

— Миша, помилуй!—возопилъ я:—побойся ты Бога! на кого ты похожъ, въ какомъ ты видѣ? А еще чарочку! И продать такое хорошее имѣніе за безцѣнокъ....

— Бога я всегда боюсь и помню,—подхватилъ онъ.—Да, вѣдь, онъ добрый—Богъ-то.... проститъ! И я тоже добрый.... никого еще въ жизни не обидѣлъ. И чарочка тоже добрая; и обижать.... тоже никого не обижаетъ. А видъ у меня самый настоящій.... Дяденька. желаете, струнной по половицѣ пройду? Или поляну немного?

— Ахъ, пожалуйста, избавь!—Какой тутъ плясъ? Ты лучше сядь.

— Сѣсть-то я сяду.... Да что вы мнѣ ничего не скажете о моихъ сѣрыхъ? Вы посмотрите, вѣдь львы! Пока я ихъ нанимаю, но куплю непремѣнно.... вмѣстѣ съ кучеромъ.—Свои лошади не въ примѣръ выгодѣе. И деньги вѣдь были, да спустилъ ихъ вчера въ банчишко.—Ничего, завтра наверстаемъ. Дяденька.... а что же чарочку?

Я все еще не могъ опомниться. — Помилуй, Миша, сколько тебѣ лѣтъ? Не лошадьми, не карточной игрой тебѣ заниматься слѣдуетъ.... а въ университетъ поступить или на службу.

Миша сперва опять захохоталъ. потомъ свиснулъ протяжно.

— Ну, дяденька. я вижу, вы теперь въ меланхолическомъ настроеніи. Заверну въ другой разъ.—А вы вотъ что: заѣзжайте-ка вечеркомъ въ Сокольники. Тамъ у меня палатка разбита. Цыгане поютъ.... Фу ты! ну ты! держись только! А на палаткѣ вымпелъ, а на вымпелѣ ба-альшими буквами написано: „Хоръ Полтевскихъ цыганъ". Змѣемъ вымпелъ-то вьется, буквы золотыя, всякому прочесть лестно. Угощеніе—кто только пожелаетъ!... Отказу нѣтъ. Пыль по всей Москвѣ пошла.... мое почтеніе!... Что жъ? Заѣдете? Ужъ какая тамъ у меня есть одна.... асшдъ! Черна, какъ сапогъ, злюща, какъ собака, а глаза.... угольи!

Никакъ не возможно узнать: что она — поцѣлуетъ или укуситъ?... Заѣдете, дяденька?... Ну, до свиданія!

И внезапно обнявъ и чмокнувъ меня въ плечо, Миша выскочилъ на дворъ, въ коляску, махнулъ надъ головой фуражкой, гикнулъ,—чудовищный кучеръ покосился на него черезъ бороду, рысаки рванулись, и все исчезло!

На другой день, я грѣшный человѣкъ, поѣхалъ-таки въ Сокольники, и дѣйствительно увидалъ палатку съ вымпеломъ и надписью. Полы палатки были приподняты: шумъ, трескъ, визгъ неслись оттуда. Народъ толпился кругомъ. На землѣ, на разостланномъ коврѣ сидѣли цыгане, цыганки, пѣли, били въ бубны, а посреди ихъ, съ гитарой въ рукахъ, въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, юлою вертѣлся Миша.—„Господа! почтенные! милости просимъ! сейчасъ представленіе начнется! Даровое!“ — кричалъ онъ надтреснутымъ голосомъ. — „Эй! шампанскаго! хлопъ! въ лобъ! въ потолокъ! ахъ, ты, шельма, Поль-де-Кокъ!“ — Къ счастью, онъ не увидалъ меня и я поспѣшилъ удалиться.

Не буду, господа, я распространяться о моемъ изумленіи при видѣ такой перемѣны. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ этотъ смирный и скромный мальчикъ превратиться вдругъ въ пьянаго шалопая?! Неужто же это все въ немъ таилось съ дѣтства, и тотчасъ выступило наружу, какъ только соскочилъ съ него гнетъ родительской власти?—А что пыль пошла отъ него по Москвѣ, какъ онъ выражался,—въ этомъ уже, точно не было никакого сомнѣнія. Видалъ я кутилъ на своемъ вѣку; но тутъ проявлялось нѣчто неистовое, какое-то бѣшенство самоистребленія, какое-то отчаяніе!

III.

Мѣсяца два продолжалась эта потѣха.... И вотъ, стою я опять у окна въ гостиной и посматриваю на дворъ....

Вдругъ—что̀ за притча!?.. входитъ въ ворота тихой поступью послушникъ.... Шапонька гречникомъ надвинута на лобъ, волосики изъ подъ ней расчесаны направо и налѣво.... длинный подрясникъ. кожаный поясъ... Неужели Миша? Опъ и есть!

Вышелъ я къ нему на крыльцо.... —Это что за маскарадъ?—спрашиваю я.

— Не маскарадъ, дяденька, — отвѣчаетъ мнѣ Миша съ глубокимъ вздохомъ:—а такъ какъ я все мое имущество до послѣдней копѣечки растранжирилъ—да и раскаяніе мною овладѣло сильное,—то я рѣшился отправиться въ Троицкую Сергіеву Лавру, грѣхи свои отмаливать.—Ибо какой мнѣ теперь пріютъ остался?... И вотъ, пришелъ я къ вамъ проститься, дяденька. какъ блудный сынъ....

Я посмотрѣлъ въ упоръ на Мишу. Лицо все такое-же. розовое да свѣжее (впрочемъ, оно такъ и не измѣнилось у него до конца),—и глаза влажные да ласковые съ поволокой—и ручки бѣленькія.... А виномъ отдаетъ.

— Что-жъ! — промолвилъ я наконецъ: — дѣло хорошее—коли другого исхода нѣтъ. Но зачѣмъ же отъ тебя виномъ-то пахнетъ?

— Старая закваска, — отвѣтилъ Миша. и вдругъ засмѣялся—да тотчасъ спохватился, и поклонившись прямымъ и низкимъ, монашескимъ поклономъ, прибавилъ:—Не пожалуете ли что̀ на путь-дороженьку? Вѣдь въ монастырь иду я пѣшкомъ....

— Когда?

— Сегодня.... сейчасъ.

— Къ чему же такъ спѣшить?

— Дяденька! мой девизъ всегда былъ: скорѣй! скорѣй!

— А теперь какой у тебя девизъ?

— И теперь тотъ же.... Только—къ *добру* скорѣй!

Такъ Миша и ушелъ, предоставивъ мнѣ размышлять о превратностяхъ судебъ человѣческихъ.

Но онъ скоро напомнилъ мнѣ о своемъ существованіи. Мѣсяца два спустя послѣ его посѣщенія, я получилъ отъ него письмо, первое изъ тѣхъ писемъ, которыми онъ впослѣдствіи надѣлялъ меня. И замѣтьте странность: я рѣдко видывалъ болѣе опрятный и четкій почеркъ, чѣмъ у этого безалабернаго человѣка. И слогъ его писемъ былъ очень правильный, слегка витіеватый. Неизмѣнныя просьбы о помощи всегда чередовались съ обѣщаніями исправиться, честными словами и клятвами.... Все это казалось—а, можетъ, и было—искреннимъ. Росчеркъ Миши подъ письмомъ постоянно сопровождался особенными закрутасами, черточками и точками,—и много употреблялъ онъ восклицательныхъ знаковъ. Въ томъ первомъ письмѣ Миша извѣщалъ меня о новомъ „оборотѣ своей фортуны". (Впослѣдствіи онъ называлъ эти обороты—пырками.... и пырялъ онъ часто). Онъ отправился на Кавказъ, служить „грудью" царю и отечеству, въ качествѣ юнкера! И хотя нѣкая добродѣтельная тетка вошла въ его бѣдственное положеніе и прислала ему незначительную сумму,—онъ, однако, все-таки просилъ и меня помочь ему экипироваться. Я исполнилъ его просьбу, и въ теченіе двухъ лѣтъ опять ничего не слышалъ о немъ.

Признаться, я сильно сомнѣвался въ томъ, поѣхалъ ли онъ на Кавказъ? Но оказалось, что онъ, точно, поѣхалъ туда, по протекціи поступилъ въ Т....й полкъ юнкеромъ и прослужилъ въ немъ эти два года. Цѣлыя легенды составились тамъ о немъ. Мнѣ ихъ сообщилъ одинъ офицеръ его полка.

IV.

Я узналъ много такого, чего я и отъ него не ожидалъ.—Меня, конечно, не удивило то, что военнымъ человѣкомъ, служакой, онъ оказался плохимъ, даже просто негоднымъ:

но чего я не ожидалъ, такъ это того, что и храбрости въ немъ особенной не замѣчалось; что въ сраженіяхъ онъ имѣлъ видъ унылый и вялый, не то скучалъ, не то смущался. Всякая дисциплина его стѣсняла, внушала ему грусть; дерзокъ онъ былъ до сумасбродства, когда дѣло шло только о немъ *лично*; не было такого безумнаго пари, отъ котораго бы онъ отказался; но дѣлать зло другимъ, убивать, драться онъ не могъ, быть можетъ, оттого, что сердце у него было доброе,—а быть можетъ, оттого, что „хлопчато-бумажное" (какъ онъ выражался) воспитаніе его изнѣжило. Самого себя истреблять онъ былъ готовъ всячески и во всякое время.... Но другихъ—нѣтъ. „Чортъ его разберетъ", толковали о немъ товарищи:—„дряблый онъ, тряпка—и отчаянный какой-то — просто оглашенный!"—Случалось мнѣ впослѣдствіи спрашивать Мишу, какой это злой духъ его толкаетъ, заставляетъ пить запоемъ, рисковать жизнью и т. п.? У него всегда былъ одинъ отвѣтъ: тоска!

— Да отчего—тоска?

— Какъ-же, помилуйте! Придешь, этакимъ образомъ, въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи.... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска—хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ.

— Россію-то ты зачѣмъ сюда приплелъ?

— А то какъ же? Нельзя! — Оттого я и боюсь размышлять.

— Все это у тебя—и тоска эта—отъ бездѣйствія.

— Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька! родной!— Вотъ, взять, да жизнь на карту поставить—пароли нэ, да щолкъ за воротникъ! Это я умѣю! — Вы, вотъ, научите меня, что̀ мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть?—Я—сію минуту!...

— Да ты живи просто.... Зачѣмъ рисковать?

— Не могу!—Вы скажете: необдуманно я поступаю....

Какъ же иначе?... Станешь думать—и. Господи, что въ голову полѣзетъ! Это нѣмцы одни думаютъ!...

Какъ тутъ было разговаривать съ нимъ? Отчаянный—да и полно!

Изъ числа кавказскихъ легендъ, о которыхъ я упомянулъ, разскажу вамъ двѣ, три. Однажды, въ обществѣ офицеровъ, сталъ Мина хвастаться вымѣненной шашкой.—Настоящій персидскій клинокъ! Офицеры выразили сомнѣніе, точно ли клинокъ настоящій? Мина заспорилъ.—Да вотъ,—воскликнулъ онъ наконецъ:—говорятъ—на счетъ шашекъ первый знатокъ—Абдулка кривой. Поѣду къ нему и спрошу.—Офицеры изумились.—Это какой Абдулка? Что въ горахъ живетъ? Не мирной? Абдулъ-ханъ?—Онъ самый и есть.—Да онъ тебя за лазутчика приметъ, въ клоповникъ засадитъ,—а не то, этой самой шашкой голову тебѣ срѣжетъ. Да и какъ ты доберешься до него? Тебя сейчасъ сцапаютъ.—А я, все-таки, поѣду къ нему.—Пари, что не поѣдешь! — Пари! — И Мина тотчасъ осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ къ Абдулкѣ. Три дня пропадалъ. Всѣ были убѣждены, что пришелъ оглашенному конецъ. Глядь! вернулся—пьянехонекъ и съ шашкой, только не съ той, которую повезъ, а съ другою. Стали его разспрашивать.—Ничего, говоритъ: — добрый Абдулка человѣкъ. Сперва, точно: кандалы велѣлъ мнѣ на ноги набить и даже на колъ посадить собирался. Только я объяснилъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ и шашку показалъ.—И не задерживай ты меня говорю: выкупа, говорю, за меня не жди; гроша у меня задушою нѣтъ—и родныхъ не имѣется.—Удивился Абдулка; посмотрѣлъ на меня единымъ своимъ глазомъ.—Ну, говоритъ, делибашъ ты, урусъ! долженъ я тебѣ вѣрить? — Вѣрь, говорю; я не лгу никогда (и точно, Мина никогда не лгалъ).—Опять посмотрѣлъ на меня Абдулка.—А пить вино умѣешь?—Умѣю, говорю, сколько дашь, столько и выпью.—Опять удивился Абдулка. Аллаха помянулъ. И

велѣлъ онъ тутъ своей—дочкѣ, что ли, хорошенькая такая, только взглядъ, какъ у чекалки,—притащить бурдюкъ. И началъ я дѣйствовать.—А шашка твоя, говоритъ, фальшивая; вотъ, возьми настоящую. И теперь мы съ тобой кунаки.—А пари вы, господа, проиграли, платите.

Вторая легенда о Мишѣ вотъ какого свойства: онъ до страсти любилъ карты; но такъ какъ денегъ у него не водилось и карточные долги онъ не платилъ (хотя шулеромъ никогда не былъ), то играть съ нимъ уже никто не садился. Вотъ, однажды, началъ онъ приставать къ одному товарищу-офицеру: сыграй да сыграй съ нимъ!—Да вѣдь ты проиграешь—не отдашь.—Деньгами, точно, не отдамъ—а лѣвую руку себѣ прострѣлю, вотъ этимъ самымъ пистолетомъ!—Да какая мнѣ отъ этого выгода будетъ?—Выгоды никакой—а все-таки любопытно.—Разговоръ этотъ происходилъ послѣ попойки, при свидѣтеляхъ. Точно ли показалось офицеру любопытнымъ Мишино предложеніе—только онъ согласился. Принесли карты, началась игра. Мишѣ повезло: онъ выигралъ сто рублей. И тутъ противникъ его ударилъ себя по лбу.—Какой же я олухъ!—воскликнулъ онъ:—на какую удочку попался! Кабы ты проигралъ, сталъ бы ты себѣ прострѣливать руку—какъ же, держи карманъ!—А вотъ, ты и совралъ,—возразилъ Миша:—я и выигралъ—да руку себѣ прострѣлю.—Онъ схватилъ пистолетъ — и бацъ! прострѣлилъ себѣ руку. Пуля пролетѣла насквозь... а недѣлю спустя рана зажила совершенно.

Въ другой еще разъ, ѣхалъ Миша ночью съ товарищами по дорогѣ... И видятъ они, возлѣ самой дороги зіяетъ узкій оврагъ въ родѣ разсѣлины, темный, претемный, дна не видать.—Вотъ, говоритъ одинъ товарищъ, ужъ на что Мишка отчаянный, а въ этотъ оврагъ не прыгнетъ. — Нѣтъ, прыгну!—Нѣтъ, не прыгнешь, потому что въ немъ, пожалуй, сажень десять глубины, и шею сломить можно.—

Зналъ пріятель, за что его задѣть—за самолюбіе.... Очень оно было у Миши велико.—А я все-таки прыгну! Хочешь пари? Десять рублей.—Изволь!—И не успѣлъ товарищъ выговорить это слово, какъ уже Миша съ коня долой—въ оврагъ—и загремѣлъ по каменьямъ. Всѣ такъ и замерли.... Прошла добрая минута, и слышатъ они, словно изъ земной утробы доносится Мишинъ голосъ, глухо таково:—Цѣлъ! въ песокъ попалъ... А летѣлъ долго! Десять рублей за вами.—Вылѣзай!—закричали товарищи. — Да, вылѣзай!—отозвался Миша:—чорта съ два! вылѣзешь тутъ. Вамъ теперь за веревками да за фонарями ѣхать надо. А пока, чтобы не скучно было ждать, бросьте-ка мнѣ фляжку....

Такъ и пришлось Мишѣ просидѣть часовъ пять на днѣ оврага; и, когда его вытащили, у него плечо оказалось вывихнутымъ. Но это нисколько его не смутило. На другой же день костоправъ изъ кузнецовъ вправилъ ему плечо, и онъ дѣйствовалъ имъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вообще, здоровье у него было удивительное, неслыханное. Я уже сказывалъ вамъ, что онъ до самой смерти сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть лица. Болѣзней онъ не вѣдалъ, несмотря на всѣ излишества; крѣпость его организма ни разу не пошатнулась. Гдѣ бы другой непремѣнно занемогъ опасно, или даже умеръ бы, онъ только встряхивался, какъ утка на водѣ, и расцвѣталъ пуще прежняго. Разъ, тоже на Кавказѣ... Правда, *эта* легенда неправдоподобна, но по ней можно судить, на что̀ считали Мишу способнымъ.... Итакъ, разъ, на Кавказѣ, онъ въ пьяномъ видѣ свалился въ ручей нижней частью туловища; голова и рука остались на берегу, наружу. Дѣло было зимою, ударилъ сильный морозъ, и когда его нашли на другое утро, ноги его и животъ сквозили изъ-подъ крѣпкой ледяной коры, намерзшей въ теченіи ночи—и хоть бы насморкъ онъ схватилъ! Въ другой разъ (это было уже въ Россіи, подъ

Орломъ, и тоже въ жестокій морозъ), попалъ онъ въ загородный трактиръ, въ компанію семи молодыхъ семинаристовъ. Семинаристы эти праздновали свой выпускной экзаменъ, а Мишу пригласили, какъ милаго человѣка, человѣка „со вздохомъ“, какъ говорилось тогда. Выпито было чрезвычайно много, и когда, наконецъ, веселая ватага собралась къ отъѣзду, Миша, мертвецки пьяный, находился уже въ безчувственномъ состояніи. У всѣхъ семи семинаристовъ были одни только троечныя сани съ высокимъ задкомъ; куда было дѣть безотвѣтное тѣло? Тогда одинъ изъ молодыхъ людей, вдохновившись классическими воспоминаніями, предложилъ привязать Мишу за ноги къ задку саней, какъ Гектора къ колесницѣ Ахиллеса! Предложеніе было одобрено.... и подпрыгивая на ухабахъ, скользя бокомъ на раскатахъ, съ задранными къ верху ногами, съ вывалянной въ снѣгу головою, проѣхалъ нашъ Миша на спинѣ все двухверстное разстояніе отъ трактира до города, и хоть бы кашлянулъ потомъ, хоть бы поморщился! Такимъ дивнымъ здоровьемъ надѣлила его природа!

V.

Съ Кавказа онъ опять явился въ Москву, въ черкескѣ, съ патронами на груди, съ кинжаломъ на поясѣ, съ высокой папахой на головѣ. Съ этимъ костюмомъ онъ уже до конца не разстался, хоть и не находился болѣе на военной службѣ, изъ которой его выключили за неявку къ сроку. Онъ побывалъ у меня, занялъ немного денегъ.... и тутъ-то начались его „нырки“, начались его хожденія по мытарствамъ, или какъ онъ выражался, по семи Семіонамъ; начались внезапныя отлучки и возвращенія, посыпались красиво-написанныя письма, адресованныя ко всѣмъ возможнымъ лицамъ, начиная съ митрополита и кончая берейторами и повивальными бабками! Пошли визиты къ знакомымъ

и незнакомымъ! И вотъ что слѣдуетъ замѣтить: дѣлая свои визиты, онъ не низкопоклонничалъ и не канючилъ, а напротивъ, держался прилично, и даже видъ имѣлъ веселый и пріятный, хотя заматерѣлый запахъ вина сопровождалъ его повсюду—и восточный костюмъ понемногу превращался въ лохмотья.—Дадите, Богъ васъ наградитъ, хоть я этого и не стою, говорилъ онъ, свѣтло улыбаясь и откровенно краснѣя; не дадите, будете вполнѣ правы, и сердиться я уже никакъ не стану. Прокормлюсь, Богъ дастъ! Ибо людей бѣднѣе меня и болѣе достойныхъ помощи — много, очень много!—Миша особенно успѣвалъ у женщинъ: онъ умѣлъ возбуждать ихъ сожалѣніе. И не думайте, чтобы онъ былъ или воображалъ себя Ловласомъ... О, нѣтъ! въ этомъ отношеніи онъ былъ очень скроменъ. Унаслѣдовалъ ли онъ отъ родителей такую холодную кровь, или, наконецъ, и тутъ сказывалось его нежеланіе дѣлать кому-либо зло, такъ какъ, по его понятіямъ, съ женщиной знаться—значитъ, непремѣнно женщину обидѣть,—рѣшить я не берусь, только онъ въ своихъ поступкахъ съ прекраснымъ поломъ былъ весьма деликатенъ. Женщины это чувствовали и тѣмъ охотнѣе жалѣли его и помогали ему, пока онъ, наконецъ, не отталкивалъ ихъ своимъ загуломъ и запоемъ, той отчаянностью, о которой я уже говорилъ.... другого слова я придумать не могу.

Зато въ другихъ отношеніяхъ, онъ уже всякую деликатность утратилъ и понемногу спустился до послѣднихъ униженій. Онъ разъ до того дошелъ, что въ Т...мъ дворянскомъ собраніи выставилъ на столѣ кружку съ надписью: „Всякій, кому покажется лестнымъ щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева (подлинные документы при семъ прилагаются), можетъ удовлетворить свое желаніе, положивши рубль въ сію кружку“. И, говорятъ, нашлись любители щелкать дворянина по носу! Правда, онъ одного изъ этихъ любителей, за то, что тотъ, положивши *одинъ* рубль

въ кружку, далъ ему *два* щелчка, сперва чуть не задушилъ, а потомъ заставилъ попросить извиненія; правда и то, что часть вырученныхъ такимъ образомъ денегъ онъ тутъ же роздалъ другимъ голышамъ.... но все же, какое безобразіе!

Въ теченіи своихъ странствованій по семи Семіонамъ, онъ добрался также до своего родового гнѣзда, проданнаго имъ за безцѣнокъ извѣстному въ то время аферисту и ростовщику. Аферистъ былъ дома, и узнавъ о прибытіи прежняго владѣльца, превратившагося въ бродягу, приказалъ не пускать его въ домъ, а въ случаѣ нужды, даже турнуть его въ шею. Миша объявилъ, что въ домъ, осквернённый присутствіемъ мерзавца, онъ самъ не пойдетъ; турнуть же себя никому не позволитъ, а отправится на церковный погостъ, поклониться праху своихъ родителей. Онъ такъ и сдѣлалъ. На погостѣ присоединился къ нему старикъ дворовый, бывшій когда-то его дядькой. Аферистъ лишилъ старика мѣсячины и прогналъ его вонъ изъ усадьбы; тотъ съ тѣхъ поръ ютился въ закуткѣ у мужика. Миша такое недолгое время завѣдывалъ своимъ имѣньемъ, что особенно хорошей памяти о себѣ оставить не успѣлъ; однако, старый слуга все-таки не вытерпѣлъ и, узнавъ о прибытіи своего барчука, тотчасъ побѣжалъ на погостъ, нашелъ Мишу сидѣвшимъ на землѣ между надгробными плитами, попросилъ у него, по старой памяти, ручку и даже прослезился, глядя на лохмотья, которыми облекались нѣкогда выхоленные члены его воспитанника. Миша долго, молча, смотрѣлъ на старика.—Тимоѳей! сказалъ онъ, наконецъ. Тимоѳей встрепенулся.—Чего изволите?—Есть у тебя лопата?—Достать можно.... А на что вамъ лопата, сударь, Михайло Андреичъ? — Хочу себѣ тутъ могилку вырыть, Тимоѳей;—да и лечь тутъ на вѣки вѣчные, между родителями. Вѣдь только одно мѣстечко и осталось у меня на свѣтѣ. Принеси лопату!—Слушаю, сказалъ Тимоѳей;

пошелъ и принесъ. И Миша тотчасъ началъ рыть землю, а Тимоосй стоялъ возлѣ, подпершн рукою подбородокъ и повторяя:—„Только и осталось намъ съ тобою, баринъ!“ А Миша рылъ да рылъ, отъ времени до времени спрашивая:—Вѣдь не стоитъ жить, Тимоосй?—Не стоитъ, батюшка.—Ямка уже становилась довольно глубокой. Люди увидали Мишину работу и побѣжали доложить о ней новому владѣльцу-аффернсту. Аффернстъ сперва разгнѣвался, хотѣлъ за полиціей послать: — это-молъ кощунство! Но потомъ, вѣроятно, сообразивъ, что дѣло имѣть съ этимъ сумасбродомъ все-таки неудобно, можетъ выдти скандалъ,—отправился самолично на погостъ,—и, подойдя къ трудившемуся Мишѣ, вѣжливо ему поклонился. Тотъ продолжалъ рыть, какъ бы не замѣтивъ своего преемника.—Михаилъ Андреичъ,—началъ аффернстъ:—позвольте узнать, что это вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ, видите — могилу себѣ рою. — Это зачѣмъ же? — А затѣмъ, что жить больше не желаю. — Аффернстъ даже руками развелъ.—Не желаете жить?—Миша грозно взглянулъ на аффериста: — Это васъ удивляетъ? Развѣ не вы всему причиной?... Не вы?... Не ты?... Не ты, Іуда, меня ограбилъ, воспользовавшись моимъ младенчествомъ? Не ты съ мужиковъ шкуру деретъ? Не ты вотъ этого дряхлеца хлѣба насущнаго лишилъ? Не ты?... О, Господи! вездѣ одна несправедливость, да притѣсненіе, да злодѣйство.... Пропадай, значитъ, все—и я туда же! Не хочу жить, не хочу въ Россіи болѣе жить!—И лопата еще быстрѣе заходила въ Мишиныхъ рукахъ.

„Чортъ знаетъ, что это такое! — подумалъ аффернстъ:—вѣдь взаправду закопается“.—Михаилъ Андреевичъ,—началъ онъ снова:—послушайте; я передъ вами, точно, виноватъ; мнѣ объ васъ не такъ доложили.—Миша рылъ.—Но къ чему такое отчаяніе?—Миша все рылъ—и землю бросалъ на ноги аффернсту:—„на-молъ тебѣ, зе-

мнѣдь!“—Право, это вы напрасно. Не угодно ли будетъ вамъ зайти ко мнѣ—закусить, да отдохнуть?—Миша приподнялъ голову.—Вотъ ты теперь какъ! А выпивка будетъ? — Аѳферистъ обрадовался. — Помилуйте.... еще бы!—И Тимоѳея пригласишь?—Отчего же.... и его.—Миша задумался. — Только смотри.... вѣдь ты меня по міру пустилъ.... Одной бутылочкой не полагай отдѣлаться!—Не безпокойтесь.... будетъ всего вволю.—Миша всталъ и бросилъ лопату....—Ну, Тимоша,—обратился онъ къ старому дядькѣ:—уважимъ хозяина.... Идемъ!—Слушаю,—отвѣчалъ старикъ.

И всѣ трое отправились въ домъ.

Аѳферистъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Съ первоначала Миша, правда, взялъ съ него слово, что онъ крестьянамъ „всякія льготы опредѣлитъ“; — но ужъ часъ спустя,—тотъ же Миша, вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ, оба пьяные, плясали галопадъ по самымъ тѣмъ компатамъ, гдѣ, казалось, еще витала богобоязненная тѣнь Андрея Николаевича; а еще часъ спустя — безпробудно заспувшій Миша (онъ былъ очень слабъ на вино)—уложенный въ телѣгу вмѣстѣ съ напахой и кинжаломъ—отправился въ городъ, за двадцать-пять верстъ,—и оказался тамъ подъ заборомъ.... Ну, а Тимоѳея, который все еще стоялъ на ногахъ и только икалъ, конечно, „турнули“: барина не удалось, такъ хоть слугу.

VI.

Опять прошло нѣсколько времени, и я ничего не слышалъ о Мишѣ.... Богъ его знаетъ, гдѣ онъ пропадалъ.—Вотъ, однажды, сидя за самоваромъ на станціи Т...го шоссе, въ ожиданіи лошадей, я вдругъ услышалъ подъ раскрытымъ окномъ станціонной комнаты сильный голосъ, произносившій по-французски:—„Monsieur.... monsieur.... pre-

nez pitié d'un pauvre gentilhomme ruiné“.... Я поднялъ голову, взглянулъ.... Облѣзлая папаха, поломанные патроны на разорванной черкескѣ, кинжалъ въ потрескавшихъ ножнахъ, опухшее, но все еще розовое лицо, растрепанные, но все еще густые волосы.... Боже мой! Миша!—Онъ уже началъ просить милостыню по большимъ дорогамъ! — Я невольно вскрикнулъ. Онъ узналъ меня, дрогнулъ, отвернулся, и хотѣлъ-было отойти отъ окна. — Я остановилъ его.... но что было ему сказать?—Не нравоученіе же читать?!.. Молча протянулъ я ему пяти-рублевую ассигнацію,—онъ такъ же молча схватилъ ее своей все еще бѣлой и пухлой, хоть и дрожавшей и неопрятной ручкой—и исчезъ за угломъ дома.—Мнѣ не скоро подали лошадей,—и я успѣлъ предаться невеселымъ размышленіямъ по поводу неожиданной встрѣчи съ Мишей; совѣстно мнѣ стало, что я его такъ безучастно отпустилъ.—Наконецъ, я отправился дальше—и, отъѣхавъ съ полверсты отъ станціи, замѣтилъ впереди, на дорогѣ, толпу людей, подвигавшуюся страшной, словно размѣренной поступью. Я нагналъ эту толпу—и что же я увидѣлъ?—Человѣкъ двѣнадцать нищихъ, съ сумами черезъ плечо, шли по два въ рядъ, подпѣвая и подскакивая,—а впереди ихъ отплясывалъ Миша, топая въ ладъ ногами и приговаривая: „Начики-чикалды, чукъ-чукъ-чукъ! Начики-чикалды, чукъ-чукъ-чукъ!“ — Какъ только моя коляска поравнялась съ нимъ и онъ увидалъ меня,—онъ тотчасъ закричалъ: „Ура! Стой-равняйсь! во фрунтъ, гвардія придорожная!“—Нищіе подхватили его крикъ и остановились,—а онъ, съ обычнымъ своимъ хохотомъ, вскочилъ на подножку коляски и опять гаркнулъ: ура! — Это что же такое? — спросилъ я съ невольнымъ изумленіемъ.—Это?—Это моя команда, армія моя—все нищенки, Божіи люди, друзья-пріятели! Каждый изъ нихъ, по вашей милости, чарочку пропустилъ,—и вотъ, теперь мы всѣ радуемся и веселимся!... Дяденька! Вѣдь только съ

ницими, съ Божьими людьми, и можно жить на свѣтѣ.... ей Богу!—Я ничего ему не отвѣтилъ.... но онъ мнѣ въ этотъ разъ показался такимъ добрякомъ, лицо его выражало такое дѣтское простодушіе.... Меня вдругъ что-то какъ будто и озарило, и въ сердце кольнуло....—Садись ко мнѣ въ коляску,—сказалъ я ему.—Онъ изумился....—Какъ? въ коляску? — Садись, садись,—повторялъ я: — я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе. Садись!... Поѣдемъ со мной.

— Ну, какъ прикажете. — Онъ сѣлъ. — Ну, а вы, друзья любезные, товарищи почтенные, прибавилъ онъ, обращаясь къ ницимъ:—прощайте! до свиданья!—Минна снялъ папаху и поклонился низко.—Ниціе всѣ словно опѣшили.... я велѣлъ кучеру погнать лошадей, и коляска покатилась.

Вотъ, что я хотѣлъ предложить Минѣ: мнѣ вдругъ пришла мысль взять его ко мнѣ, въ деревенскій мой домъ, отстоявшій верстъ тридцать отъ той станціи,—спасти его, или, по крайней мѣрѣ, попытаться спасти его.—Слушай, Минна,—сказалъ я:—хочешь ты поселиться у меня?... Будешь ты жить на всемъ готовомъ, платье тебѣ сошьютъ, бѣльё, экипируютъ тебя, какъ слѣдуетъ, и деньги тебѣ будутъ выдаваться на табакъ и на прочее, подъ однимъ только условіемъ: не пить вина!... Согласенъ ты?—Минна даже испугался отъ радости: вытаращилъ глаза, побагровѣлъ и вдругъ, припавъ къ моему плечу, началъ цѣловать меня и повторять прерывистымъ голосомъ:—Дяденька.... благодѣтель.... Дай вамъ Богъ!... Онъ расплакался наконецъ, и снявъ папаху, принялся утирать ею глаза, носъ и губы.—Смотри же,—замѣтилъ я ему—помни условіе—вина не пить!—Да будь оно проклято!—воскликнулъ онъ, взмахнувъ обѣими руками, и, вслѣдствіе этого порывистаго движенія, еще сильнѣе обдалъ меня тѣмъ спиртнымъ запахомъ, которымъ онъ весь былъ пропитанъ....—Вѣдь, дяденька,

еслибъ вы знали жизнь мою.... Вѣдь, если бы не горе, судьба жестокая.... За то теперь, клянусь, клянусь, я исправлюсь, и докажу.... Дяденька, я никогда не лгалъ—спросите хоть кого.... Я честный, но я несчастный человѣкъ, дяденька; ласки ни отъ кого не видѣлъ....

Тутъ онъ окончательно разрыдался. Я постарался его успокоить и успѣлъ въ томъ, потому что когда мы подъѣхали къ моему дому, Миша уже давно спалъ мертвымъ сномъ, уронивъ голову ко мнѣ на колѣни.

VII.

Ему тотчасъ опредѣлили особую комнату и тотчасъ же, первымъ дѣломъ, свели въ баню, что̀ было совершенно необходимо. Всю его одежду, и кипжалъ, и папаху, и дырявые сапоги бережно сложили въ чуланъ, надѣли на него чистое бѣльѐ, туфли и кой-какое мое платье, которое, какъ это всегда бываетъ съ бѣдняками, какъ разъ пришлось по его сложенію и росту. Когда онъ пришелъ къ столу, вымытый, опрятный, свѣжій—онъ казался до того умиленнымъ и счастливымъ, онъ весь сіялъ такою радостной благодарностью, что и я почувствовалъ умиленіе и радость.... Его лицо совсѣмъ преобразилось.... У двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ бываютъ такія лица въ Свѣтлое Воскресенье, послѣ причастья, когда они, густо напомаженные, въ новыхъ курточкахъ и накрахмаленныхъ воротничкахъ, идутъ христосоваться съ своими родителями. Миша, то-и-дѣло, осторожно и недовѣрчиво ощупывалъ себя и все повторялъ:—Что̀ это?... Не на небесахъ ли я?—А на другой день объявилъ, что спать всю ночь не могъ отъ восхищенія! У меня въ домѣ жила тогда старушка тетка съ своей племянницей; обѣ онѣ чрезвычайно смутились, когда узнали о прибытіи Миши; онѣ не понимали, какъ я могъ пригласить его къ себѣ въ домъ! Очень уже худая ила о немъ

слава. Но, во-первыхъ, я зналъ, что онъ всегда былъ очень вѣжливъ съ дамами; а во-вторыхъ, я надѣялся на его обѣщаніе исправиться. И дѣйствительно: въ первые два дня своего пребыванія подъ моимъ кровомъ Миша не только оправдалъ мои ожиданія, но превзошелъ ихъ; а дамъ моихъ онъ просто очаровалъ. Со старушкой онъ игралъ въ пикетъ, помогалъ ей разматывать гарусъ, показалъ ей два новыхъ пасіянса; племянницѣ, у которой былъ небольшой голосокъ, онъ аккомпанировалъ на фортепьяно, читалъ ей русскіе, французскіе стихи; разсказывалъ обѣимъ дамамъ веселые, но приличные анекдоты; словомъ, услуживалъ имъ всячески, такъ что онѣ неоднократно выражали мнѣ свое удивленіе, а старушка даже замѣтила, что вотъ, какъ люди бываютъ иногда несправедливы... Чего, чего о немъ не говорили.... а онъ такой смирный, да вѣжливый.... бѣдный Миша! Правда, за столомъ „бѣдный Миша“ какъ-то особенно торопливо облизывался всякій разъ, какъ только взглядывалъ на бутылку. Но стоило мнѣ погрозить пальцемъ, и онъ поднималъ глаза къ верху, и прижималъ руку къ сердцу... „Я-молъ, клялся“...—Я теперь переродился! увѣрялъ онъ меня.—Что-жъ, дай Богъ! думалось мнѣ.... Однако, это перерожденіе продолжалось недолго.

Первые два дня онъ былъ очень разговорчивъ и веселъ. Но уже начиная съ третьяго дня, онъ какъ-то затихъ, хотя, по прежнему, держался возлѣ дамъ и занималъ ихъ. Не то грустное, не то задумчивое выраженіе стало пробѣгать по его лицу, да и самое лицо побѣднѣло и будто похужѣло.—Тебѣ нездоровится?—спросилъ я его.—Да,—отвѣтилъ онъ:—голова немного болитъ. — На четвертый день онъ уже совсѣмъ умолкъ; все больше сидѣлъ въ уголку, спротливо склонивъ голову, и своимъ унылымъ видомъ возбуждая чувство жалости въ обѣихъ дамахъ, которыя теперь, въ свою очередь, старались занимать его. За столомъ онъ ничего не ѣлъ, глядѣлъ въ тарелку и каталъ на-

рики. На пятый день чувство жалости въ дамахъ стало смѣняться другимъ: недовѣрчивостью и даже страхомъ. Миша одичалъ, сторонился отъ людей и все ходилъ вдоль стѣнъ, какъ бы крадучись и внезапно озираясь, точно кто его звалъ. И куда дѣвался розовый цвѣтъ его лица? Оно словно землею перекрылось. — Тебѣ все нездоровится?—спросилъ я его.—Нѣтъ, я здоровъ, — отвѣтилъ онъ отрывисто. — Скучно тебѣ? — Съ чего скучать! А самъ отворачивается и въ глаза не глядитъ.—Иль опять затосковалъ? — На это онъ ничего не отвѣтилъ. Такъ прошли еще сутки. На слѣдующій день тетка прибѣжала ко мнѣ въ кабинетъ въ большомъ волненіи и объявила, что выѣдетъ съ племянницей изъ моего дома, если Миша долженъ въ немъ остаться.—Отчего такъ?—Да ужъ очень намъ жутко съ нимъ.... Не человѣкъ,—волкъ, какъ есть волкъ. Ходитъ, ходитъ, молчитъ — да смотритъ такъ дико.... Только-что зубами не ляскаетъ. Катя, ты знаешь, у меня такая нервическая.... Она же въ первый день очень имъ заинтересовалась.... Мнѣ за нее страшно, да и за себя.... — Я не зналъ, что отвѣчать теткѣ. Не могъ я, однако, выгнать Мишу, котораго я же пригласилъ.

Онъ самъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія.

Въ тотъ же день, — я еще не выходилъ изъ кабинета,—вдругъ, слышу за собою глухой и злобный голосъ:—Николай Николаичъ, а Николай Николаичъ! — Я оглянулся: у двери стоитъ Миша, съ страшнымъ, потемнѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ. — Николай Николаичъ!—повторилъ онъ.... (уже не „дяденька“),—Чего тебѣ?—Отпустите меня.... сейчасъ! — Что? — Отпустите меня, а то я бѣдъ надѣлаю, домъ подожгу, или кого зарѣжу.—Миша вдругъ затрясся.—Велите мнѣ мою одёжу возвратить, да телѣгу дайте до шоссе довезти, и денегъ какую ни на есть малость дайте! — Да развѣ ты чѣмъ недово-

лень?—началъ-было я.—Не могу я такъ жить!—закричалъ онъ во всю голову. — Не могу я жить въ вашемъ барскомъ, треклятомъ домѣ! Мнѣ гадко, мнѣ совѣстно такъ спокойно жить!... Какъ это только *вы* выносите!— То есть,—перебилъ я въ свою очередь:—ты хочешь сказать—безъ вина жить ты не можешь.... — Ну, да! ну, да!—закричалъ онъ опять:—только отпустите вы меня къ моимъ братьямъ, къ моимъ друзьямъ, къ нищимъ!... Прочь отъ вашей дворянской, приличной, противной породы!—Я хотѣлъ-было напомнить ему объ его клятвенныхъ обѣщаніяхъ, но изступленное выраженіе Мишина лица, его сорвавшійся голосъ, судорожный трепетъ всѣхъ его членовъ,—все это было такъ ужасно, что я поспѣшилъ отдѣлаться отъ него; объявилъ ему, что ему сейчасъ выдадутъ его платье, заложатъ ему телѣгу, и вынувъ изъ ящика двадцатипяти-рублевую бумажку, положилъ ее на столъ. Миша начиналъ уже съ угрозой наступать на меня,—но тутъ вдругъ уперся, лицо его мгновенно перекосилось, вспыхнуло, онъ ударилъ себя въ грудь, слезы брызнули изъ глазъ, и пробормотавъ:—дяденька! ангелъ! вѣдь я погибшій человѣкъ! — спасибо! спасибо! — онъ схватилъ ассигнацію и выбѣжалъ вонъ.

Часъ спустя, онъ уже сидѣлъ въ телѣгѣ, снова одѣтый черкесомъ, снова розовый и веселый, и когда лошади тронулись съ мѣста, онъ гикнулъ, сорвалъ папаху съ головы и, размахивая ею надъ головою, отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ долго и крѣпко обнималъ меня и лепеталъ:—Благодѣтель, благодѣтель.... спасти меня нельзя! — Онъ даже къ дамамъ сбѣгалъ и ручки у нихъ перецѣловалъ, на колѣни становился, взывалъ къ Богу и прощенья просилъ! Катю я потомъ засталъ въ слезахъ.

А кучеръ, съ которымъ отправился Миша, вернувшись, доложилъ мнѣ, что довезъ его до перваго кабака на

шоссе—и что тамъ „они и застрялн“, стали угонять всѣхъ безъ разбору—и скоро пришли въ безчувствіе.

Съ тѣхъ поръ я уже не встрѣчался съ Мишей, но окончательную судьбу его я узналъ слѣдующимъ образомъ.

VIII.

Года три спустя, я опять находился у себя въ деревнѣ; вдругъ входитъ человѣкъ и докладываетъ, что меня спрашиваетъ госпожа Полтева. Я никакой госпожи Полтевой не зналъ, да и человѣкъ, докладывавшій мнѣ, почему-то саркастически улыбался. На вопросительный мой взглядъ онъ отвѣчалъ, что барыня меня спрашиваетъ молодая, бѣдно одѣтая, и что пріѣхала она въ крестьянской телѣгѣ въ одну лошадь и сама правила! Я велѣлъ попросить госпожу Полтеву пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ.

Я увидалъ женщину лѣтъ двадцати-пяти, въ одеждѣ мѣщанки, съ большимъ платкомъ на головѣ. Лицо простое, кругловатое, не лишенное пріятности; взглядъ понурый и немного печальный, движенія застѣнчивыя.—Вы госпожа Полтева?—спросилъ я—и попросилъ ее сѣсть.

— Точно такъ-съ, — отвѣтила она тихимъ голосомъ и не садясь. — Я вдова вашего племянника, Михаила Андреевича Полтева.

— Михаилъ Андреевичъ скончался? Давно-ли? — Да сядьте, прошу васъ.

Она опустилась на стулъ.

— Второй мѣсяцъ пошелъ.

— И давно вы за него замужъ вышли?

— Я съ нимъ всего годъ пожила.

— Вы теперь откуда?

— Я изъ-подъ Тулы.... Село тамъ есть Знаменское-Глушково—можетъ быть, изволите знать. Я тамошняго

дьячка дочь. Мы съ Михаломъ Андреичемъ тамъ и жили.... Онъ у моего батюшки поселился. Всего годъ мы съ нимъ пожили.

У молодой женщины слегка задергались губы—и она поднесла къ нимъ руку. Казалось, она собиралась заплакать—однако, одолѣла себя, откашлянулась.

— Мнѣ Михаилъ Андреичъ покойный,—продолжала она,—передъ смертью наказалъ къ вамъ съѣздить; безпремѣнно, говоритъ, съѣзди! И сказалъ онъ мнѣ, чтобы я поблагодарила васъ за всю вашу доброту, и чтобы передала вамъ.... вотъ эту.... эту самую вещицу (она достала изъ кармана небольшой свертокъ), которую онъ всегда при себѣ имѣлъ.... И Михаилъ Андреичъ сказалъ—если вамъ угодно будетъ принять это на память—такъ чтобы вы не побрезговали.... Другимъ, говоритъ, я ничѣмъ отдарить ихъ.... то есть, васъ.... не могу....

Въ свертокѣ находилась небольшая серебряная чашечка съ вензелемъ Мишиной матери. Эту чашечку я часто видалъ въ Мишиныхъ рукахъ,—и разъ онъ даже сказалъ мнѣ, говоря про одного бѣдняка, что, стало-быть, онъ голь—коли у него ни чашечки, ни плошечки—а у меня, вотъ, хоть эта есть.

Я поблагодарилъ, взялъ чашечку и спросилъ: какой болѣзнью умеръ Миша?—Вѣроятно....

Тутъ я прикусилъ языкъ.... но молодая женщина поняла мою недомолвку.... Она быстро взглянула на меня, потомъ потупилась, печально улыбнулась и тотчасъ же промолвила:—Ахъ, нѣтъ! это ужъ онъ совсѣмъ бросилъ, съ тѣхъ поръ какъ со мной сознался.... Только здоровье его было какое?!.. Потерянное совсѣмъ. Какъ бросилъ пить, такъ сейчасъ болѣзнь его и обнаружилась. Такой онъ сталъ степенный; все отцу подсоблять хотѣлъ, по хозяйству, аль въ огородѣ.... или какая другая случалась работа.... даромъ, что дворянскаго былъ роду. Только

гдѣ силъ взять?... Тоже по письменной части хотѣлъ-было заняться—часть эту, вамъ извѣстно, онъ зналъ прекрасно; но руки у него тряслись—и перо держать онъ не могъ, какъ слѣдуетъ.... Все себя упрекалъ; бѣлоручка-моль я, никому добра не дѣлалъ, не помогалъ, не трудился! Убивался онъ очень объ этомъ о самомъ.... Говорилъ, что народъ-моль нашъ трудится—а мы что?... Ахъ, Николай Николаичъ, хорошій онъ былъ человѣкъ—и меня любилъ.... и я.... Ахъ, извините....

Тутъ молодая женщина вирямъ заплакала. Хотѣлось бы мнѣ ее утѣшить—да не зналъ я, какъ.

— Остался ли у васъ ребёночекъ? — спросилъ я наконецъ.

Она вздохнула. — Нѣтъ, не остался.... Да гдѣ ужъ тутъ!—И слезы полились еще сильнѣе.

Такъ вотъ чѣмъ разрѣшились Мишины скитанья по мытарствамъ, завершилъ старикъ П. свой разсказъ.—Вы, господа, конечно, согласитесь со мною, что я имѣлъ право назвать его отчаяннымъ; но, вѣроятно, согласитесь также и въ томъ, что онъ не походилъ на нынѣшнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ бы родственныя черты между нимъ и ими.—И тамъ, и тутъ, жажда самонстребленія, тоска, неудовлетворенность.... А съ чего это все берется, предоставляю судить—именно, философу.

Буживаль—Ноября, 1881 г.

ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ.

[MDXLII].

Посвящается памяти Гюстава Флобера.

«Wage Du zu irren und zu träumen!»
Schiller.

Вотъ, что̀ я вычиталъ въ одной старинной итальянской рукописи:

I.

Около половины XVI-го столѣтія, проживало въ Феррарѣ—(она процвѣтала тогда подъ скипетромъ своихъ великолѣпныхъ герцоговъ, покровителей искусствъ и поэзіи)—проживало два молодыхъ человѣка, по имени: Фабій и Муцій. Ровесники годами, близкіе родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала ихъ съ ранняго дѣтства.... одинаковость судьбы скрѣпила эту связь. Оба принадлежали къ старинымъ фамиліямъ; оба были богаты, независимы и безсемейны; вкусы, наклонности были схожіе у обоихъ. Муцій занимался музыкой.

Фабій—живописью. Вся Феррара гордилась ими, какъ лучшимъ украшеніемъ двора, общества и города. Наружностью они однако не походили другъ на друга, хотя оба отличались стройною юношеской красотою: Фабій былъ выше ростомъ, бѣлъ лицомъ и волосомъ русъ—а глаза имѣлъ голубые; Муцій, напротивъ, имѣлъ лицо смуглое, волосы черные и, въ темнокарихъ его глазахъ не было того веселаго блеска, на губахъ той привѣтливой улыбки, какъ у Фабія; его густыя брови надвигались на узкія вѣки—тогда какъ золотистыя брови Фабія уходили тонкими полукругами на чистый и ровный лобъ. Муцій и въ разговорѣ былъ менѣе живъ; со всѣмъ тѣмъ, оба друга одинаково нравились дамамъ — ибо не даромъ были образцами рыцарской угодливости и щедрости.

Въ одно и тоже время съ ними проживала въ Феррарѣ дѣвица, по имени Валерія. Ее считали одной изъ первыхъ красавицъ города, хотя видѣть ее можно было очень рѣдко, такъ какъ она вела жизнь уединенную и выходила изъ дому только въ церковь—да въ большіе праздники на гулянье. Она жила съ своей матерью, благородной, но небогатой вдовою, у которой не было другихъ дѣтей. Всякому, кому только ни встрѣчалась Валерія,—она внушала чувство невольнаго удивленія и столь же невольнаго, нѣжнаго уваженія: такъ скромна была ея осанка, такъ мало, казалось, сознавала она сама всю силу своихъ прелестей. Иные, правда, находили ее нѣсколько блѣдной; взглядъ ея глазъ, почти всегда опущенныхъ, выражалъ нѣкоторую застѣнчивость и даже боязливость; ея губы улыбались рѣдко—и то слегка; голосъ ея едва ли кто слышалъ. Но ходила молва, что онъ былъ у нея прекрасенъ, и что, заперши у себя въ комнатѣ, раннимъ утромъ, когда все въ городѣ еще дремало, она любила напѣвать старинныя пѣсни, подъ звуки лютни, на которой сама играла. Несмотря на блѣдность лица, Валерія цвѣла здоровьемъ; и даже старые люди,

глядя на нее, не могли не подумать:—О, какъ счастливъ будетъ тотъ юноша, для кого распустится, наконецъ, этотъ еще свернутый въ лепесткахъ своихъ, еще нетронутый и дѣвственный цвѣтокъ!

II.

Фабій и Муцій увидали Валерію въ первый разъ на пышномъ народномъ праздникѣ, устроенномъ по повелѣнію герцога Феррарскаго, Эркола, сына знаменитой Лукреціи Борджіа, въ честь знатныхъ вельможъ, прибывшихъ изъ Парижа по приглашенію герцогини, дочери французскаго короля Людовика XII-го. Рядомъ съ своею матерью, сидѣла Валерія посреди изящной трибуны, возведенной по рисунку Палладія на главной феррарской площади для почетнѣйшихъ дамъ города. Оба—и Фабій, и Муцій—страстно въ нее влюбились въ тотъ же день; и такъ какъ они ничего не скрывали другъ отъ друга—то каждый изъ нихъ скоро узналъ, что происходило въ сердцѣ товарища. Они положили между собою: постараться обоимъ сблизиться съ Валеріей—и если она удостоитъ избрать кого-нибудь изъ нихъ—то другой безропотно покорится ея рѣшенію. Нѣсколько недѣль спустя, благодаря доброй славѣ, которой они пользовались по праву, имъ удалось проникнуть въ трудно-доступный домъ вдовы; она позволила имъ посѣщать ее. Съ тѣхъ поръ они почти каждый день могли видѣть Валерію и бесѣдовать съ нею—и съ каждымъ днемъ огонь, зажженный въ сердцахъ обоихъ юношей, разгорался сильнѣе и сильнѣе; однако Валерія ни одному изъ нихъ не оказывала предпочтенія, хотя присутствіе ихъ ей видимо нравилось. Съ Муціемъ она занималась музыкой; но разговаривала больше съ Фабіемъ: съ нимъ она меньше робѣла. Наконецъ, они рѣшились узнать окончательно свою участь—

и послали къ Валеріи письмо, въ которомъ просили ее объясниться и сказать, кому она готова отдать свою руку. Валерія показала это письмо матери—и объявила ей, что готова остаться въ дѣвицахъ; но если мать находитъ, что ей пора вступить въ бракъ, то она выйдетъ за того, на кого укажетъ ея выборъ. Почтенная вдова пролила нѣсколько слезъ при мысли о разлукѣ съ любимымъ дѣтищемъ; однако, отказать женихамъ не было причины: она считала ихъ обоихъ равно достойными руки ея дочери. Но, втайнѣ предпочитая Фабія и подозрѣвая, что и Валеріи онъ приходится болѣе по нраву, она указала на него. На другой же день Фабій узналъ о своемъ счастьѣ; а Муцію осталось сдержать свое слово—и покориться.

Онъ такъ и сдѣлалъ: но быть свидѣтелемъ торжества своего друга, своего соперника—онъ не могъ. Немедленно продалъ онъ бо́льшую часть своего имущества—и собравъ нѣсколько тысячъ дукатовъ, отправился въ дальнее путешествіе, на Востокъ. Прощаясь съ Фабіемъ, онъ сказалъ ему, что вернется не прежде, чѣмъ почувствуетъ, что послѣдніе слѣды страсти въ немъ исчезли. Тяжело было Фабію разстаться съ другомъ дѣтства и юности.... но радостное ожиданіе близкаго блаженства вскорѣ поглотило всякія другія ощущенія—и онъ отдался весь восторгамъ увѣнчанной любви.

Вскорѣ онъ вступилъ въ бракъ съ Валеріей—и только тогда узналъ всю цѣну сокровища, которымъ ему довелось обладать. У него была прекрасная вилла, окруженная тѣнистымъ садомъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Феррары; онъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ женою и ея матерью. Свѣтлое время наступило для нихъ тогда. Супружеская жизнь выказала въ новомъ, плѣнительномъ свѣтѣ всѣ совершенства Валеріи; Фабій становился замѣчательнымъ живописцемъ—уже не простымъ любителемъ, а мастеромъ. Мать Валеріи радовалась и благодарила Бога, глядя на счастли-

вую чету. Четыре года промчались незамѣтно, какъ блаженный сонъ. Одного недоставало молодымъ супругамъ, одно завелось у нихъ горе: дѣтей у нихъ не было.... но надежда не покидала ихъ. Къ концу четвертаго года ихъ посѣтило великое, на этотъ разъ настоящее горе: мать Валеріи скончалась, поболѣвъ нѣсколько дней.

Много слезъ пролила Валерія; долго не могла привыкнуть къ своей утратѣ. Но прошелъ еще годъ, жизнь опять вступила въ свои права, потекла прежнимъ русломъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, никого не предупредивъ, въ Феррару вернулся Муцій.

III.

Во всѣ пять лѣтъ, прошедшихъ съ его отъѣзда, никто о немъ ничего не вѣдалъ; всякіе слухи о немъ замерли, точно онъ исчезъ съ лица земли. Когда Фабій встрѣтилъ своего друга на одной изъ улицъ Феррары, онъ чуть не закричалъ, сперва отъ испуга, потомъ отъ радости — и тотчасъ пригласилъ его въ свою виллу. Тамъ у него въ саду находился отдѣльный, помѣстительный павильонъ; онъ предложилъ своему другу поселиться въ этомъ павильонѣ. Муцій охотно согласился, и въ тотъ же день переѣхалъ туда вмѣстѣ съ своимъ слугою, нѣмымъ малайцемъ—нѣмымъ, но не глухимъ, и даже, судя по живости его взгляда, очень понятливымъ человѣкомъ.... Языкъ у него былъ вырѣзанъ. Муцій привезъ съ собою десятки сундуковъ, наполненныхъ разнообразными драгоцѣнностями, собранными имъ во время своихъ продолжительныхъ странствованій. Валерія обрадовалась возвращенію Муція; и онъ ее привѣтствовалъ дружески-весело, но спокойно: по всему видно было, что онъ сдержалъ слово, данное Фабію. Въ теченіе дня онъ успѣлъ устроиться въ своемъ павильонѣ; выложилъ, съ помощью

малайца, привезенныя рѣдкости: ковры, шелковыя ткани, бархатныя и парчевыя одежды, оружіе, чаши, блюда и кубки, украшенные филигранью, золотыя, серебряныя вещи, обдѣланныя въ жемчугъ и бирюзу, рѣзные ящики изъ янтаря и слоновой кости, граненыя бутылки, пряности, курева, звѣриныя шкуры, перья невѣдомыхъ птицъ и множество другихъ предметовъ, самое употребленіе которыхъ казалось таинственнымъ и непонятнымъ. Въ числѣ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муціемъ отъ персидскаго шаха за нѣкоторую великую и тайную услугу; онъ попросилъ позволенія у Валеріи собственноручно возложить ей это ожерелье на шею: оно показалось ей тяжелымъ и одареннымъ какой-то странной теплотой.... оно такъ и прильнуло къ кожѣ. Къ вечеру, послѣ обѣда, сидя на террассѣ виллы, въ тѣни олеандровъ и лавровъ, Муцій принялся разсказывать свои похожденія. Онъ говорилъ о видѣнныхъ имъ далекихъ странахъ, заоблачныхъ горахъ, безводныхъ пустыняхъ, о рѣкахъ, подобныхъ морямъ: говорилъ о громадныхъ зданіяхъ и храмахъ, о тысячелѣтнихъ деревьяхъ, о радужныхъ цвѣтахъ и птицахъ; называлъ посѣщенные имъ города и народы.... чѣмъ-то сказочнымъ вѣяло отъ одних ихъ имень. Весь Востокъ былъ знакомъ Муцію: онъ проѣхалъ Персію, Аравію, гдѣ кони благороднѣе и красивѣе всѣхъ другихъ живыхъ существъ, проникъ въ самую глубь Индіи, гдѣ родъ людской подобенъ величественнымъ растеніямъ, достигъ границъ Китая и Тибета, гдѣ живой богъ, по имени Далай-Лама, обитаетъ на землѣ во образѣ безмолвнаго человѣка съ узкими глазами. Чудны были его разсказы! Какъ очарованные, слушали его и Фабій, и Валерія. Собственно, черты Муціева лица мало измѣнились: съ дѣтства смуглое, оно еще потемнѣло, загорѣло подъ лучами болѣе яркаго солнца, глаза казались углубленнѣе прежняго — и только; но выраженіе этого лица стало другое: сосредоточенное,

важное, оно не оживлялось даже тогда, когда онъ упоминалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался, ночью, въ лѣсахъ, оглашаемыхъ воемъ тигровъ, или днемъ, на пустыхъ дорогахъ, гдѣ путешественниковъ караулятъ изувѣры, которые удавливаютъ ихъ въ честь желѣзной богини, требующей человѣческихъ жертвъ. И голосъ Муція сталъ глуше и ровнѣе; движенія рукъ, всего тѣла, утратили развязность, свойственную итальянскому племени. Съ помощью слуги своего, раболѣпно-проворнаго малайца, онъ показалъ хозяевамъ своимъ нѣсколько фокусовъ, которымъ научили его индѣйскіе брамины. Такъ, напримѣръ, онъ, предварительно скрывъ себя занавѣсомъ, явился вдругъ сидящимъ на воздухѣ съ поджатыми ногами, слегка опираясь концами пальцевъ на отвѣсно-поставленную бамбуковую трость, что̀ не мало удивило Фабія, а Валерію даже испугало....—„Ужъ не чернокнижникъ ли онъ?“—подумалось ей.—Когда же онъ принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейтѣ, изъ закрытой корзины ручныхъ змѣй, когда, шевеля жалами, показались изъ-подъ пестрой ткани ихъ темныя, плоскія головки, Валерія пришла въ ужасъ и попросила Муція спрятать поскорѣй этихъ ненавистныхъ гадовъ. За ужиномъ Муцій попотчивалъ своихъ друзей ширазскимъ виномъ изъ круглой бутыли съ длиннымъ горлышкомъ: чрезвычайно пахучее и густое, золотистаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, оно загадочно блестѣло, налитое въ крошечныя янтовыя чашечки. Вкусомъ оно не походило на европейскія вина: оно было очень сладко и пряно, и выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всѣхъ членахъ ощущеніе пріятной дремоты. Муцій заставилъ и Фабія, и Валерію откушать по чашечкѣ и выпилъ самъ. Надъ ея чашечкой онъ, наклонясь, что-то прошепталъ, потрясъ пальцами. Валерія это замѣтила; но такъ какъ вообще въ пріемахъ Муція, во всей его повадкѣ проявлялось нѣчто чуждое и небывалое, то она только по-

думала: „Не принялъ ли онъ въ Индіи новой какой вѣры, или у нихъ тамъ обычаи такіе?“ — Потомъ, помолчавъ немного, она спросила его: продолжалъ ли онъ, во время своего путешествія, заниматься музыкой? — Въ отвѣтъ ей, Муцій приказалъ малайцу принести свою индійскую скрипку. Она походила на нынѣшнія, только вмѣсто четырехъ струнъ у ней было три, верхъ ея обтягивала голубоватая змѣиная кожа и тонкій тростниковый смычекъ имѣлъ видъ полукруглый, а на самомъ его концѣ блисталъ заостренный алмазъ.

Муцій сыгралъ сперва нѣсколько заунывныхъ, по его словамъ народныхъ, пѣсенъ, страшныхъ и даже дикихъ для итальянскаго уха; звукъ металлическихъ струнъ былъ жалобенъ и слабъ. Но когда Муцій началъ послѣднюю пѣснь— этотъ самый звукъ внезапно окрѣпъ, затрепеталъ звонко и сильно; страстная мелодія полилась изъ-подъ широко-проводимаго смычка, полилась, красиво изгибаясь, какъ та змѣя, что̀ покрывала своей кожей скрипичный верхъ; и такимъ огнемъ, такой торжествующей радостью сіяла и горѣла эта мелодія, что и Фабію, и Валеріи стало жутко на сердцѣ, и слезы выступили на глаза.... а Муцій, съ наклоненной, прижатой къ скрипкѣ головою, съ поблѣднѣвшими щеками, съ бровями, сдвинутыми въ одну черту, казался еще сосредоточеннѣй и важнѣй—и алмазъ на концѣ смычка бросалъ на ходу лучистыя искры, какъ-бы тоже зажженный огнемъ той дивной пѣсни. Когда же Муцій кончилъ—и все еще крѣпко стискивая скрипку между подбородкомъ и плечомъ, уронилъ руку, державшую смычекъ.—„Что это такое? Что̀ ты намъ сыгралъ?“ воскликнулъ Фабій.—Валерія не промолвила ни слова—но, казалось, все ея существо повторило вопросъ ея мужа. Муцій положилъ скрипку на столъ—и слегка встряхнувъ волосами, съ вѣжливой улыбкой промолвилъ: „Это? Эту мелодію.... эту пѣснь я услышалъ разъ на островѣ Цейлонѣ. Эта пѣснь слыветъ

тамъ, между народомъ, пѣснью счастливой, удовлетворенной любви". — „Повтори", прошепталъ-было Фабій. — „Нѣтъ; этого повторить нельзя, — отвѣтилъ Муцій — теперь же поздно. Синьорѣ Валеріи слѣдуетъ отдохнуть; и мнѣ пора.... я усталъ". Въ теченіе цѣлаго дня Муцій обращался съ Валеріей почтительно-просто, какъ давнишній другъ; но уходя, онъ пожалъ ей руку крѣпко-накрѣпко, надавивъ пальцами на ея ладонь—и такъ настойчиво заглядывая ей въ лицо, что она, хоть и не поднимала вѣкъ, однако почувствовала этотъ взглядъ на внезапно вспыхнувшихъ своихъ щекахъ. Она ничего не сказала Муцію, но отдернула руку, а когда онъ удалился, посмотрѣла на дверь, черезъ которую онъ вышелъ. Она вспомнила, какъ и въ прежніе годы она его побаивалась.... и теперь нашло на нее недоумѣніе. Муцій ушелъ въ свой павильонъ; супруги отправились въ спальню.

IV.

Валерія не скоро заснула; кровь ея тихо и томно волновалась, и въ головѣ слегка звенѣло.... отъ страннаго того вина, какъ она полагала, а можетъ быть, и отъ разсказовъ Муція, отъ игры его на скрипкѣ... Къ утру она, наконецъ, заснула, и ей привидѣлся необычайный сонъ.

Ей почудилось, что вступаетъ она въ просторную комнату съ низкимъ сводомъ... Такой комнаты она въ жизни не видывала. Всѣ стѣны выложены мелкими голубыми изразцами съ золотыми „травами"; тонкіе рѣзные столбы изъ алебастра поддираютъ мраморный сводъ; самый этотъ сводъ и столбы кажутся полупрозрачными.... блѣдно-розовый свѣтъ отовсюду проникаетъ въ комнату, озаряя всѣ предметы таинственно и однообразно; парчевыя подушки лежатъ на узкомъ коврѣ по самой серединѣ гладкаго, какъ зеркало, пола. По угламъ едва замѣтно дымятся высокія

курильницы, представляющія чудовищныхъ звѣрей; оконъ нѣтъ нигдѣ; дверь, завѣшанная бархатнымъ пологомъ, безмолвно чернѣетъ во впадинѣ стѣны. И вдругъ этотъ пологъ тихонько скользитъ, отодвигается... и входитъ Муцій. Онъ кланяется, раскрываетъ объятія, смѣется.... Его жёсткія руки обвиваютъ станъ Валеріи; его сухія губы обожгли ее всю.... Она падаетъ навзничь, на подушки....

. . . . . .

Стеня отъ ужаса, послѣ долгихъ усилій, проснулась Валерія.—Еще не понимая, гдѣ она и что съ нею, она приподнимается на кровати, озирается.... Дрожь пробѣгаетъ по всему ея тѣлу.... Фабій лежитъ съ нею рядомъ. Онъ спитъ; но лицо его, при свѣтѣ круглой и яркой луны, глядящей въ окна, блѣдно, какъ у мертвеца.... оно печальнѣе мертваго лица. Валерія разбудила мужа — и какъ только онъ взглянулъ на нее—„Что съ тобой?“—воскликнулъ онъ. — „Я видѣла.... я видѣла страшный сонъ“, прошептала она, все еще содрогаясь....

Но въ это мгновенье, со стороны павильона, пронеслись сильные звуки—и оба, и Фабій, и Валерія—узнали мелодію, которую сыгралъ имъ Муцій, называя ее пѣснеи удовлетворенной, торжествующей любви.—Фабій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Валерію.... она закрыла глаза, отвернулась—и оба, притаивъ дыханіе, прослушали пѣснь до конца. Когда замеръ послѣдній звукъ, луна зашла за облако, въ комнатѣ вдругъ потемнѣло.... Оба супруга опустили головы на подушки, не обмѣнявшись словомъ—и ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ, когда заснулъ другой.

V.

На другое утро Муцій пришелъ къ завтраку; онъ казался довольнымъ—и весело привѣтствовалъ Валерію. Съ

замѣшательствомъ отвѣтила она ему—взглянула на него мелькомъ—и страшно ей стало отъ этого довольнаго, веселаго лица, отъ этихъ пронзительныхъ и любопытныхъ глазъ. Муцій принялся-было снова разсказывать.... но Фабій прервалъ его на первомъ словѣ.

— Ты, видно, не могъ заснуть на новомъ мѣстѣ? Мы съ женою слышали, какъ ты игралъ вчерашнюю пѣснь.

— Да? вы слышали? — промолвилъ Муцій. — Я ее игралъ, точно; но я спалъ передъ тѣмъ, и даже видѣлъ удивительный сонъ.

Валерія насторожилась. — Какой сонъ? — спросилъ Фабій.

— Я видѣлъ, — отвѣчалъ Муцій, не спуская глазъ съ Валеріи,—будто я вступаю въ просторную комнату со сводомъ, убранную по восточному. Рѣзные столбы поддирали сводъ, стѣны были покрыты изразцами, и хотя не было ни оконъ, ни свѣчей, всю комнату наполнялъ розовый свѣтъ, точно она вся была сложена изъ прозрачнаго камня. По угламъ дымились китайскія курильницы, на полу лежали парчевыя подушки вдоль узкаго ковра. Я вошелъ черезъ дверь, завѣшанную пологомъ, а изъ другой двери, прямо напротивъ—появилась женщина, которую я любилъ когда-то. И дотого она мнѣ показалась прекрасной, что я загорѣлся весь прежнею любовью....

Муцій знаменательно умолкъ. Валерія сидѣла неподвижно и только медленно блѣднѣла.... и дыханіе ея стало глубже.

— Тогда, продолжалъ Муцій—я проснулся и игралъ ту пѣснь.

— Но кто была эта женщина?—проговорилъ Фабій.

— Кто она была? Жена одного индѣйца. Я встрѣтился съ нею въ городѣ Дѣли. . Ея уже теперь нѣтъ въ живыхъ. Она умерла.

— А мужъ? спросилъ Фабій, самъ не зная, зачѣмъ онъ это спрашиваетъ.

— Мужъ тоже, говорятъ, умеръ. Я ихъ обоихъ скоро потерялъ изъ виду.

— Странно! замѣтилъ Фабій. — Моя жена тоже видѣла нынѣшней ночью необыкновенный сонъ. — Муцій пристально взглянулъ на Валерію—который она мнѣ не разсказала, добавилъ Фабій.

Но тутъ Валерія встала и вышла изъ комнаты.—Тотчасъ послѣ завтрака, Муцій тоже ушелъ, объявивъ, что ему нужно быть въ Феррарѣ, по дѣламъ, — и что онъ раньше вечера не вернется.

VI.

За нѣсколько недѣль до возвращенія Муція, Фабій началъ портретъ своей жены, изобразивъ ее съ аттрибутами святой Цециліи. — Онъ значительно подвинулся въ своемъ искусствѣ; знаменитый Луини, ученикъ Леонарда да-Винчи, пріѣзжалъ къ нему въ Феррару — и, помогая ему собственными совѣтами, передавалъ также наставленія своего великаго учителя. Портретъ былъ почти совсѣмъ готовъ; оставалось докончить лицо нѣсколькими штрихами — и Фабій могъ бы по справедливости гордиться своимъ произведеніемъ. — Отпустивши Муція въ Феррару, онъ отправился въ свою студію, гдѣ Валерія обыкновенно его ожидала; но онъ не нашелъ ее тамъ; кликнулъ ее — она не отозвалась. Фабіемъ овладѣло тайное безпокойство; онъ принялся ее отыскивать. Въ домѣ ея не было; Фабій побѣжалъ въ садъ — и тамъ, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ аллей, онъ увидалъ Валерію. Съ опущенной на грудь головою, со скрещенными на колѣняхъ руками, она сидѣла на скамьѣ—а за ней, выдѣляясь изъ темной зелени кипариса,

мраморный сатиръ, съ искаженнымъ злорадной усмѣшкой лицомъ, прикладывалъ къ свирѣли свои заостренныя губы. Валерія замѣтно обрадовалась появленію мужа—и на его тревожные вопросы отвѣтила, что у ней немного болитъ голова, но что это ничего не значитъ—и что она готова пойти на сеансъ. Фабій привелъ ее въ студію, усадилъ, взялся за кисть; но къ великой своей досадѣ, никакъ не могъ кончить лица такъ, какъ бы онъ того желалъ. И не потому, что оно было нѣсколько блѣдно и казалось утомленнымъ.... нѣтъ; но того чистаго, святого выраженія, которое такъ ему въ немъ нравилось и которое навело его на мысль представить Валерію въ образѣ святой Цециліи—онъ сегодня не находилъ. Онъ, наконецъ, бросилъ кисть, сказалъ женѣ, что онъ не въ ударѣ, что и ей не мѣшало бы прилечь, такъ какъ на видъ она кажется не совсѣмъ здоровой,—и поставилъ мольбертъ съ картиной лицомъ къ стѣнѣ. Валерія согласилась съ нимъ, что ей слѣдуетъ отдохнуть—и, повторивъ свою жалобу на головную боль, удалилась къ себѣ въ спальню.

Фабій остался въ студіи. Онъ чувствовалъ странное, ему самому непонятное смущеніе. Пребываніе Муція подъ его кровомъ, пребываніе, на которое онъ, Фабій, самъ напросился, стѣсняло его. И не то, чтобы онъ ревновалъ.... возможно ли было ревновать Валерію! — но въ своемъ другѣ онъ не узнавалъ прежняго товарища. Все то чуждое, неизвѣстное, новое, что̀ Муцій вынесъ съ собою изъ тѣхъ далекихъ странъ — и что̀, казалось, вошло ему въ плоть и кровь,—всѣ эти магическіе пріемы, пѣсни, странные напитки, этотъ нѣмой малаецъ, самый даже пряный запахъ, которымъ отдавало отъ одежды Муція, отъ его волосъ, отъ его дыханія,—все это внушало Фабію чувство, похожее на недовѣрчивость, пожалуй, даже на робость.— И отчего этотъ малаецъ, служа за столомъ, съ такимъ непріятнымъ вниманіемъ глядитъ на него, Фабія?—Право,

иной могъ бы подумать, что онъ понимаетъ по-итальянски. Муцій говорилъ о немъ, что, понлативщись языкомъ, этотъ малаецъ принесъ великую жертву —и за то обладаетъ теперь великою силой. — Какой силою? и какъ онъ могъ пріобрѣсти ее цѣною языка? Все это очень странно! очень непонятно!—Фабій пошелъ къ женѣ въ спальню; она лежала на постели, одѣтая,—но не спала.—Услышавъ его шаги, она вздрогнула, потомъ опять обрадовалась ему такъ же, какъ и въ саду. Фабій сѣлъ возлѣ кровати, взялъ Валерію за руку, и, помолчавъ немного, спросилъ ее: какой это необыкновенный сонъ напугалъ ее нынѣшней ночью? И былъ ли онъ въ родѣ того сна, о которомъ разсказывалъ Муцій? —Валерія покраснѣла и посѣянно промолвила:—О нѣтъ! нѣтъ! я видѣла.... какое-то чудовище, которое хотѣло растерзать меня. — Чудовище? Въ образѣ человѣка? спросилъ Фабій.—Нѣтъ, звѣря.... звѣря!—И Валерія отвернулась и скрыла въ подушки свое пылавшее лицо. Фабій еще нѣкоторое время подержалъ руку жены; молча поднесъ ее къ губамъ своимъ—и удалился.

Не весело провели этотъ день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло надъ ихъ головами.... но что это было—они назвать не могли. Имъ хотѣлось быть вмѣстѣ—словно опасность имъ грозила; — а что сказать другъ другу—они не знали. Фабій попытался-было взяться за портретъ, читать Аріоста, поэма котораго, недавно передъ тѣмъ появившаяся въ Феррарѣ, уже гремѣла по Италіи: но ничего не удавалось.... Поздно вечеромъ, къ самому ужину, вернулся Муцій.

VII.

Онъ казался спокойнымъ и довольнымъ — но разсказывалъ мало; все больше разспрашивалъ Фабія о прежъ-

нихъ общихъ знакомыхъ, о нѣмецкомъ походѣ. объ императорѣ Карлѣ; говорилъ о своемъ желаніи съѣздить въ Римъ, посмотрѣть на новаго папу. Онъ опять предложилъ Валеріи ширазскаго вина — и, въ отвѣтъ на ея отказъ, промолвилъ, словно про себя: „теперь уже не нужно“.— Вернувшись съ женою въ спальню, Фабій скоро заснулъ.... и, проснувшись часъ спустя, могъ убѣдиться, что никто не раздѣлялъ его ложа: Валеріи не было съ нимъ. Онъ быстро приподнялся и въ то же мгновенье увидѣлъ жену, въ ночномъ платьѣ, входившую изъ сада въ комнату.—Луна свѣтила ярко, хотя незадолго передъ тѣмъ пробѣжалъ легкій дождикъ.—Съ закрытыми глазами, съ выраженіемъ тайнаго ужаса на неподвижномъ лицѣ, Валерія приблизилась къ постели, и, ощупавъ ее протянутыми впередъ руками, легла поспѣшно и молча. Фабій обратился къ ней съ вопросомъ — но она ничего не отвѣтила; казалось, она спала. Онъ коснулся ея—и почувствовалъ на ея одеждѣ, на ея волосахъ, дождевыя капли—а на подошвахъ ея обнаженныхъ ногъ — песчинки. Тогда онъ вскочилъ и побѣжавъ въ садъ черезъ полуоткрытую дверь. Лунный, до жесткости яркій свѣтъ обливалъ всѣ предметы. Фабій оглянулся—и увидѣлъ на песку дорожки слѣды двойной пары ногъ—одна пара была босая; и вели эти слѣды къ бесѣдкѣ изъ жасминовъ, находившейся въ сторонѣ, между павильономъ и домомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи—и вотъ, внезапно, снова раздаются звуки той пѣсни, которую онъ уже слышалъ въ прошлую ночь! Фабій вздрагиваетъ, вбѣгаетъ въ павильонъ.... Муцій стоитъ посреди комнаты и играетъ на скрипкѣ. Фабій бросается къ нему.

— Ты былъ въ саду, ты выходилъ, твое платье мокро отъ дождя.

— Нѣтъ.... не знаю.... кажется.... не выходилъ....— съ разстановкой отвѣчаетъ Муцій, словно удивленный приходомъ Фабія и его волненіемъ.

Фабій схватываетъ его за руку.—И почему ты опять играешь эту мелодію? Развѣ ты опять видѣлъ сонъ?

Муцій взглядываетъ на Фабія съ тѣмъ же удивленіемъ—и молчитъ.

— Отвѣчай-же!

—Мѣсяцъ сталъ, какъ круглый щитъ....
Какъ змѣя, рѣка блеститъ....
Другъ проснулся, недругъ спитъ—
Ястребъ курочку когтитъ....
Помогай!

—бормочетъ Муцій на-распѣвъ, какъ-бы въ забытьи.

Фабій отступилъ шага на два, уставился на Муція, подумалъ.... и вернулся въ домъ, въ спальню.

Склонивъ голову на плечо и безсильно раскинувъ руки, Валерія спала тяжелымъ сномъ. Онъ не скоро ея добудился.... но какъ только она увидала его, она бросилась къ нему на шею, обняла его судорожно; все тѣло ея трепетало.—Что съ тобой, моя дорогая, что съ тобою?—повторялъ Фабій, стараясь ее успокоить. Но она продолжала замирать на его груди. — Ахъ, какіе страшные сны я вижу!—шептала она, прижимаясь къ нему лицомъ. Фабій хотѣлъ-было ее разспросить.... но она только содрагалась....

Раннимъ отблескомъ утра заалѣлись стекла оконъ, когда она, наконецъ, задремала въ его объятіяхъ.

VIII.

На другой день Муцій исчезъ съ утра, а Валерія объявила мужу, что намѣрена съѣздить въ сосѣдній монастырь, гдѣ проживалъ ея духовный отецъ, старый и степенный монахъ, къ которому она питала безграничное довѣріе. На разспросы Фабія она отвѣтила, что желаетъ облегчить не-

повѣдью свою душу, обремененную необычайными впечатлѣніями послѣднихъ дней. Глядя на осунувшееся лицо Валеріи, слушая ея угасшій голосъ, Фабій и самъ одобрилъ ея намѣреніе: почтенный отецъ Лоренцо могъ преподать ей полезный совѣтъ, разсѣять ея сомнѣнія... Подъ охраной четырехъ провожатыхъ, Валерія отправилась въ монастырь,—а Фабій остался дома и, до возвращенія жены, пробродилъ по саду, стараясь понять, что происходило съ нею,—и чувствуя постоянный страхъ и гнѣвъ, и боль неопредѣленныхъ подозрѣній... Онъ не разъ заходилъ въ павильонъ; но Муцій не возвращался—а малаецъ глядѣлъ на Фабія, какъ истуканъ, подобострастно наклонивъ голову, съ далеко—такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Фабію—далеко затаенной усмѣшкой на бронзовомъ лицѣ. Между тѣмъ, Валерія на исповѣди все разсказала своему духовнику, не столько стыдясь, сколько ужасаясь. Духовникъ выслушалъ ее внимательно, благословилъ ее, отпустилъ ей ея невольный грѣхъ—а самъ про себя подумалъ: „колдовство, чары бѣсовскія.... это такъ оставить нельзя“... и вмѣстѣ съ Валеріей отправился въ ея виллу, какъ-бы для того, чтобы окончательно ее успокоить и утѣшить.—При видѣ духовника, Фабій нѣсколько перетревожился; но многоопытный старецъ заранѣе обдумалъ, какъ поступить ему слѣдовало. Оставшись наединѣ съ Фабіемъ, онъ, конечно, не выдалъ тайны исповѣди, однако, посовѣтовалъ ему удалить, буде возможно, изъ дому приглашеннаго имъ гостя, который своими разсказами, пѣснями, всѣмъ поведеніемъ своимъ разстраивалъ воображеніе Валеріи. Притомъ, по мнѣнію старика, Муцій и прежде, помнится, не совсѣмъ былъ твердъ въ вѣрѣ, а побывавъ такое долгое время въ странахъ, не озаренныхъ свѣтомъ христіанства, могъ вынести оттуда заразу ложныхъ ученій, могъ даже сознаться съ тайнами магіи; а потому хотя старинная дружба и предъявляла свои права, однако благоразумная осторожность ука-

зывала на необходимость разлуки. Фабій вполнѣ согласился съ почтеннымъ монахомъ. Валерія даже просвѣтлѣла вся, когда мужъ сообщилъ ей совѣтъ ея духовника—и, напутствуемый благими пожеланіями обоихъ супруговъ, снабженный богатыми подарками для монастыря и для бѣдныхъ, отецъ Лоренцо отправился домой.

Фабій намѣревался тотчасъ послѣ ужина объясниться съ Муціемъ; но странный его гость не возвратился къ ужину. Тогда Фабій рѣшилъ отсрочить разговоръ съ Муціемъ до слѣдующаго дня—и оба супруга удалились въ свою опочивальню.

IX.

Валерія скоро заснула; но Фабій заснуть не могъ. Въ ночной тишинѣ ему живѣе представлялось все видѣнное, все прочувствованное имъ: онъ еще настойчивѣе задавалъ себѣ вопросы, на которые по-прежнему не находилъ отвѣта. Точно ли Муцій сталъ чернокнижникомъ—и ужъ не отравилъ ли онъ Валерію? Она больна... но какою болѣзнью?— Пока онъ, положивъ голову на руку и сдерживая горячее дыханіе, предавался тяжелому раздумью—луна опять взошла на безоблачное небо; и вмѣстѣ съ ея лучами, сквозь полупрозрачныя стекла оконъ, со стороны павильона—или это почудилось Фабію?—стало вливаться дуновеніе, подобное легкой, пахучей струѣ.... вотъ, слышится назойливое, страстное шептаніе... и въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что Валерія начинаетъ слабо шевелиться. Онъ встрепенулся, смотритъ: она приподнимается, опускаетъ сперва одну ногу, потомъ другую съ постели—и, какъ лунатикъ, безжизненно устремивъ прямо передъ собою потускнѣвшіе глаза, протянувъ впередъ руки, направляется къ двери сада! Фабій мгновенно выскочилъ въ другую дверь спальни — и проворно обѣжавъ уголъ дома, приперъ ту, что̀ вела въ

садъ... Едва онъ успѣлъ ухватиться за замокъ, какъ уже почувствовалъ, что кто-то силится отворить дверь изнутри, налегаетъ на нее.... еще и еще.... потомъ раздались трепетныя стенанья....

„Но вѣдь Муцій не вернулся изъ города“, мелькнуло въ головѣ у Фабія—и онъ бросился къ павильону....

Что же онъ видитъ?

На встрѣчу ему, по дорогѣ, ярко залитой блескомъ мѣсячныхъ лучей, идетъ, тоже какъ лунатикъ, тоже протянувъ руки впередъ и безжизненно раскрывъ глаза—идетъ Муцій... Фабій подбѣгаетъ къ нему—но тотъ, не замѣчая его, идетъ, мѣрно выступая шагъ за шагомъ — и недвижное лицо его смѣется при свѣтѣ луны, какъ у малайца. Фабій хочетъ кликнуть его по имени.... но въ это мгновеніе онъ слышитъ: сзади его, въ домѣ, стукнуло окно.... Онъ оглядывается....

Дѣйствительно: окно спальни распахнулось сверху до низу—и, занеся ногу черезъ порогъ, стоитъ въ окнѣ Валерія.... руки ея какъ будто ищутъ Муція.... она вся тянется къ нему.

Несказанное бѣшенство залило грудь Фабія внезапно нахлынувшей волной.—„Проклятый колдунъ!“ возопилъ онъ неистово—и, схвативъ Муція одной рукой за горло, онъ пощупалъ другою кинжалъ въ его поясѣ—и по самую рукоятку воткнулъ лезвіе ему въ бокъ.

Пронзительно закричалъ Муцій—и притиснувъ ладонью рану, побѣжалъ, спотыкаясь, назадъ, въ павильонъ.... Но въ самый тотъ мигъ, когда его ударилъ Фабій, такъ же пронзительно закричала Валерія и, какъ подкошенная, упала на землю.

Фабій бросился къ ней, поднялъ ее, понесъ на кровать, заговорилъ съ нею....

Она долго лежала неподвижно; но открыла, наконецъ, глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, какъ че-

ловѣкъ, только-что спасенный отъ неминучей смерти,—увидала мужа — и обвивъ его шею руками, прижалась къ его груди.—„Ты, ты, это ты“—лепетала она. Понемногу руки ея разжались, голова откинулась назадъ—и, прошептавъ съ блаженной улыбкой:—„Слава Богу, все кончено.... Но какъ я устала!“—она заснула крѣпкимъ, но не тяжелымъ сномъ.

X.

Фабій опустился возлѣ ея ложа—и не спуская глазъ съ ея блѣднаго и похудѣвшаго, но уже успокоеннаго лица, началъ размышлять о томъ, что̀ произошло.... а также о томъ, какъ поступить ему теперь? Что предпринять?—Если онъ убилъ Муція—а вспомнивъ о томъ, какъ глубоко вошло лезвіе кинжала, онъ въ этомъ сомнѣваться не могъ,—если онъ убилъ Муція—то нельзя же это скрыть! Слѣдовало довести это до свѣдѣнія герцога, судей... но какъ объяснить, какъ разсказать такое непонятное дѣло? Онъ, Фабій, убилъ, у себя въ домѣ, своего родственника, своего лучшаго друга! Станутъ спрашивать: за что? по какому поводу?... Но если Муцій не убитъ?—Фабій не въ силахъ былъ оставаться долѣе въ невѣдѣніи—и, удостовѣрившись, что Валерія спитъ, онъ осторожно всталъ съ кресла, вышелъ изъ дому—и направился къ павильону. Все въ немъ было тихо; только въ одномъ окнѣ виднѣлся свѣтъ. Съ замиравшимъ сердцемъ раскрылъ онъ наружную дверь—(на ней остался слѣдъ окровавленныхъ пальцевъ и по песку дороги чернѣли капли крови)—перешелъ первую темную комнату.... и остановился на порогѣ, пораженный изумленіемъ.

По серединѣ комнаты, на персидскомъ коврѣ, съ парчевой подушкой подъ головою, покрытый широкой, красной шалью съ черными разводами, лежалъ, прямо вытянувъ всѣ члены, Муцій. Лицо его, желтое, какъ воскъ, съ за-

крытыми глазами, съ посинѣлыми вѣками, было обращено къ потолку, не было замѣтно дыханія: онъ казался мертвецомъ. У ногъ его, тоже закутанный въ красную шаль, стоялъ на колѣняхъ малаецъ. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ вѣтку невѣдомаго растенія, похожаго на папоротникъ—и, наклонившись слегка впередъ, неотвратно глядѣлъ на своего господина. Небольшой факелъ, воткнутый въ полъ, горѣлъ зеленоватымъ огнемъ, и одинъ освѣщалъ комнату. Пламя не колебалось и не дымилось. Малаецъ не пошевельнулся при входѣ Фабія, только вскинулъ на него глазами—и опять устремилъ ихъ на Муція. Отъ времени до времени онъ приподнималъ и опускалъ вѣтку, потрясалъ ею въ воздухѣ — и нѣмыя его губы медленно раскрывались и двигались, какъ-бы произнося беззвучныя слова. Между малайцемъ и Муціемъ лежалъ на полу кинжалъ, которымъ Фабій поразилъ своего друга: малаецъ разъ ударилъ той вѣткой по окровавленному лезвію. Прошла минута.... другая. Фабій приблизился къ малайцу и, нагнувшись къ нему, промолвилъ вполголоса: умеръ?— Малаецъ наклонилъ голову сверху внизъ, и, высвободивъ изъ-подъ шали свою правую руку, указалъ повелительно на дверь. Фабій хотѣлъ-было повторить свой вопросъ—но повелѣвающая рука возобновила свое движеніе—и Фабій вышелъ вонъ, негодуя и дивясь, но повинуясь.

Онъ нашелъ Валерію спавшею по-прежнему, съ еще болѣе успокоеннымъ лицомъ. Онъ не раздѣлся, присѣлъ подъ окномъ, подперся рукою — и снова погрузился въ думу. Поднявшееся солнце застало его на томъ же самомъ мѣстѣ. Валерія не просыпалась.

XI.

Фабій хотѣлъ дождаться ея пробужденія и уѣхать въ Феррару — какъ вдругъ кто-то легонько постучался въ

дверь спальни. Фабій вышелъ и увидѣлъ передъ собою своего стараго дворецкаго, Антоніо. — Синьоръ, началъ старикъ—малаецъ намъ сейчасъ объявилъ, что синьоръ Муцій занемогъ и желаетъ перебраться со всѣми своими пожитками въ городъ; а потому проситъ васъ, чтобъ вы дали ему въ помощь людей для укладки вещей—а къ обѣду прислали бы вьючныхъ и верховыхъ лошадей, да нѣсколько провожатыхъ. Вы позволяете?—Малаецъ тебѣ объявилъ это? спросилъ Фабій. Какимъ образомъ? Вѣдь онъ нѣмой. — Вотъ, синьоръ, бумага, на которой онъ все это написалъ на нашемъ языкѣ—очень правильно.—И Муцій, ты говоришь, боленъ?—Да, очень боленъ—и видѣть его нельзя.—За врачемъ не посылали?—Нѣтъ. Малаецъ не позволилъ.—И это написалъ тебѣ малаецъ?—Да, онъ.—Фабій помолчалъ.—Ну, что жъ—распорядись, промолвилъ онъ наконецъ.—Антоніо удалился.

Фабій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ вслѣдъ своему слугѣ.—Стало-быть, не убитъ?—подумалось ему.... и онъ не зналъ, радоваться ли—или сожалѣть.—Боленъ?—Но нѣсколько часовъ тому назадъ — вѣдь мертвеца же онъ видѣлъ!

Фабій вернулся къ Валеріи. Она проснулась—и приподнимала голову. Супруги обмѣнялись долгимъ, значительнымъ взглядомъ. — Его уже нѣтъ? промолвила вдругъ Валерія.—Фабій вздрогнулъ.—Какъ.... нѣтъ?—Ты развѣ....—Онъ уѣхалъ? продолжала она. Фабію отлегло отъ сердца. — Нѣтъ еще; но онъ уѣзжаетъ сегодня. — И я его больше никогда, никогда не увижу?—Никогда. — И тѣ сны не повторятся?—Нѣтъ.—Валерія опять радостно вздохнула; блаженная улыбка появилась опять на ея губахъ. Она протянула обѣ руки мужу.—И мы не будемъ никогда говорить о немъ, никогда, слышишь, мой милый? И я изъ комнаты не выйду—пока онъ не уѣдетъ. А ты теперь пришли мнѣ моихъ служанокъ.... да по-

стой: возьми ты эту вещь!—она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на почномъ столикѢ, ожерелье, данное ей Муціемъ,—и брось его тотчасъ въ самый нашъ глубокій колодезь.—Обними меня—я твоя Валерія — и не приходи ко мнѢ, пока.... тотъ не уѢдетъ. — Фабій взялъ ожерелье—жемчужины показались ему потускнѢвшими—и исполнилъ приказаніе своей жены. Потомъ онъ сталъ скитаться по саду, издали поглядывая на павильонъ, около котораго уже началась возня укладки. Люди выносили сундуки, вьючили лошадей.... но малайца не было между ними. Неотразимое чувство влекло Фабія посмотрѢть еще разъ на то, что происходило въ павильонѢ. Онъ вспомнилъ, что на заднемъ его фасѢ находилась потаенная дверь, черезъ которую можно было проникнуть во внутренность комнаты, гдѢ утромъ лежалъ Муцій.—Онъ подкрался къ той двери, нашелъ ее незапертою, и, раздвинувъ полости тяжелаго занавѢса, бросилъ перѢшительный взглядъ.

XII.

Муцій уже не лежалъ на коврѢ. ОдѢтый въ дорожное платье, онъ сидѢлъ въ креслѢ, но казался трупомъ, такъ же какъ въ первое посѢщеніе Фабія. Окаменѣлая голова завалилась на спинку кресла и протянутыя, плашмя положенныя руки недвижно желтѣли на колѢняхъ. Грудь не поднималась. Около кресла, на полу, усѢянномъ засохшими травами, стояло нѢсколько плоскихъ чашекъ съ темной жидкостью, издававшей сильный, почти удушливый запахъ, запахъ мускуса. Вокругъ каждой чашки свернулась, изрѢдка сверкая золотыми глазками, небольшая змѢйка мѢднаго цвѢта; а прямо передъ Муціемъ, въ двухъ шагахъ отъ него, возвышалась длинная фигура малайца, облеченнаго въ парчевую пеструю хламиду, подпоясанную хвостомъ

тигра, съ высокой шляпой въ видѣ рогатой тіары на головѣ. Но онъ не былъ неподвиженъ: онъ то благоговѣйно кланялся и словно молился, то опять выпрямлялся во весь ростъ, становился даже на цыпочки; то мѣрно и широко разводилъ руками, то настойчиво двигалъ ими въ направленіи Муція и, казалось, грозилъ или повелѣвалъ, хмурилъ брови и топалъ ногою. Всѣ эти движенія видимо стоили ему большого труда, причиняли даже страданія: онъ дышалъ тяжело, потъ лилъ съ его лица. Вдругъ онъ замеръ на мѣстѣ и набравъ въ грудь воздуха, наморщивши лобъ, напрягъ и потянулъ къ себѣ свои сжатыя руки, точно онъ возжи въ нихъ держалъ.... и, къ неописанному ужасу Фабія, голова Муція медленно отдѣлилась отъ спинки кресла и потянулась вслѣдъ за руками малайца.... Малаецъ отпустилъ ихъ—и Муціева голова опять тяжело откинулась назадъ; малаецъ повторилъ свои движенія—и послушная голова повторила ихъ за ними. Темная жидкость въ чашкахъ закипѣла; самыя чашки зазвенѣли тонкимъ звономъ, и мѣдныя змѣйки волнообразно зашевелились вокругъ каждой изъ нихъ. Тогда малаецъ ступилъ шагъ впередъ и, высоко поднявъ брови, и расширивъ до огромности глаза, качнулъ головою на Муція.... и вѣки мертвеца затрепетали, неровно раскленлись и изъ-подъ нихъ показались тусклыя, какъ свинецъ, зѣницы. Гордымъ торжествомъ и радостью, радостью почти злобной, просіяло лицо малайца; онъ широко раскрылъ свои губы, и изъ самой глубины его гортани съ усиліемъ вырвался протяжный вой.... Губы Муція раскрылись тоже, и слабый стонъ задрожалъ на нихъ въ отвѣтъ тому нечеловѣческому звуку....

Но тутъ Фабій не выдержалъ болѣе: ему представилось, что онъ присутствуетъ на какихъ-то бѣсовскихъ заклинаніяхъ! Онъ тоже закричалъ и бросился бѣжать безъ оглядки домой, скорѣй домой, творя молитвы и крестясь.

XIII.

Часа три спустя, Антоніо явился къ нему съ докладомъ, что все готово, всѢ вещи уложены, и синьоръ Муцій собирается въ отъѢздъ. Ни слова не отвѢтивъ своему слугѢ, Фабій вышелъ на террасу, откуда былъ видѢнъ павильонъ. НѢсколько вьючныхъ лошадей скучилось передъ нимъ; къ самому крыльцу былъ подведенъ могучій вороной жеребецъ съ широкимъ сѢдломъ, приспособленнымъ для двухъ сѢдоковъ. Тутъ же стояли слуги съ обнаженными головами, вооруженные провожатые. Дверь павильона растворилась и, поддерживаемый малайцемъ, снова надѢвшимъ обычное платье, появился Муцій. Лицо его было мертвенно и руки висѢли, какъ у мертвеца,—но онъ переступалъ.... да! переступалъ ногами, и, посаженный на коня, держался прямо и ощупью нашелъ поводья. Малаецъ вдѢлъ ему ноги въ стремена, вскочилъ сзади его на сѢдло, охватилъ рукой его станъ—и весь поѢздъ двинулся. Лошади шли шагомъ, и когда они заворачивали передъ домомъ, Фабію почудилось, что на темномъ лицѢ Муція мелькнуло два бѢлыхъ пятнышка.... Неужели это онъ къ нему обратилъ свои зрачки?—Одинъ малаецъ ему поклонился.... насмѢшливо, по обыкновенію.

ВидѢла ли это все Валерія? Жалузи ея оконъ были закрыты.... но можетъ быть, она стояла позади ихъ.

XIV.

Къ обѢду она пришла въ столовую и очень была тиха и ласкова; однако все еще жаловалась на усталость. Но ни тревоги уже не было въ ней, ни прежняго постояннаго изумленія и тайнаго страха: и когда, на другой день послѢ

отъѣзда Муція, Фабій снова принялся за ея портретъ, онъ нашелъ въ ея чертахъ то чистое выраженіе, мгновенное затмѣніе котораго такъ смутило его.... и кисть побѣжала по полотну легко и вѣрно.

Супруги зажили прежней жизнью. Муцій для нихъ исчезъ, какъ будто его никогда не существовало. И Фабій, и Валерія, оба точно условились не упоминать о немъ ни единымъ звукомъ, не освѣдомляться объ его дальнѣйшей судьбѣ: она, впрочемъ, и для всѣхъ осталась тайной. Муцій дѣйствительно исчезъ, точно провалился сквозь землю. Фабію однажды показалось, что онъ обязанъ разсказать Валеріи, что̀ именно произошло въ ту роковую ночь.... но она, вѣроятно, угадала его намѣреніе и притаила дыханіе, глаза ея прищурились, точно она ожидала удара.... И Фабій ее понялъ: онъ не нанесъ ей этого удара.

Въ одинъ прекрасный осенній день Фабій оканчивалъ изображеніе своей Цециліи; Валерія сидѣла передъ органомъ, и пальцы ея бродили по клавишамъ.... Внезапно, помимо ея воли, подъ ея руками зазвучала та пѣснь торжествующей любви, которую нѣкогда игралъ Муцій—и въ тотъ же мигъ, въ первый разъ послѣ ея брака, она почувствовала внутри себя трепетъ новой, зарождающейся жизни.... Валерія вздрогнула и остановилась....

Что̀ это значило? Неужели же....

На этомъ словѣ оканчивалась рукопись.

с. Спасское-Лутовиново. Іюнь 1881 г.

КЛАРА МИЛИЧЪ.

Повѣсть.

I.

Весной 1878 года, проживалъ въ Москвѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на Шаболовкѣ—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, по имени Яковъ Аратовъ. Съ нимъ проживала его тетка, старая дѣвица, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, сестра его отца, Платонида Ивановна. Она завѣдывала его хозяйствомъ и вела его расходы, на что̀ Аратовъ совершенно не былъ способенъ. Другихъ родныхъ у него не было. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ его, небогатый дворянинъ Т....й губерніи, переѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ и Платонидой Ивановной, которую, впрочемъ, всегда звалъ Платошей; и племянникъ такъ же ее звалъ. Покинувъ деревню, въ которой они всѣ до тѣхъ поръ постоянно жили, старикъ Аратовъ поселился въ столицѣ съ цѣлью помѣстить сына въ университетъ, къ которому самъ его подготовилъ; купилъ за безцѣнокъ домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ и устроился въ немъ со всѣми своими книгами и „препаратами“. А книгъ и препаратовъ у него было много—ибо человѣкъ онъ былъ не лишенный уче-

ности.... „чудакъ пресестественный“, по словамъ сосѣдей. Онъ даже слылъ у нихъ чернокнижникомъ: даже прозвище получилъ „инсектонаблюдателя“. Онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лечилъ добровольныхъ паціентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методѣ Парацельсія. Этими самыми порошками онъ свелъ въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую жену, которую любилъ страстно, и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ попортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желалъ подкрѣпить, находя въ его организмѣ анемію и склонность къ чахоткѣ, унаслѣдованныя отъ матери. Имя „чернокнижника“ онъ, между прочимъ, получилъ отъ того, что считалъ себя правнукомъ—не по прямой линіи, конечно,—знаменитаго Брюса, въ честь котораго онъ и сына назвалъ Яковомъ. Человѣкъ онъ былъ, что называется, „добрѣйшій“, по нрава меланхолическаго, конотливый, робкій,—склонный ко всему таинственному, мистическому.... Полушёпотомъ произнесенное:—А! было его обычнымъ восклицаніемъ; онъ и умеръ съ этимъ восклицаніемъ на устахъ,—года два спустя послѣ переселенія въ Москву.

Сынъ его, Яковъ, наружностью не походилъ на отца, который былъ некрасивъ собою, неуклюжъ и неловокъ; онъ скорѣй напоминалъ свою мать. Тѣ же тонкія, миловидныя черты, тѣ же мягкіе волосы пепельнаго цвѣта, тотъ же маленькій носъ съ горбинкой, тѣ же выпуклыя, дѣтскія губки—и большіе, зеленовато-сѣрые глаза съ поволокой и пушистыми рѣсницами. Зато нравомъ онъ походилъ на отца;—и несхожее съ отцовскимъ лицо носило отпечатокъ отцовскаго выраженія—и руки имѣлъ онъ узловатыя, и впалую грудь. какъ старикъ Аратовъ, котораго, впрочемъ, едва ли слѣдуетъ называть старикомъ, такъ какъ онъ и до пяти-

десяти лѣтъ не дотянулъ. Еще при жизни его Яковъ поступилъ въ университетъ, по физико-математическому факультету; однако, курса не кончилъ—не по лѣности, а потому, что, по его понятіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома; а за дипломомъ онъ не гонялся, такъ какъ на службу поступить не разсчитывалъ. Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился, въ особенности чуждался женщинъ и жилъ очень уединенно, погруженный въ книги. Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотою.... Онъ даже пріобрѣлъ роскошный англійскій киссокъ—и (о, позоръ!) любовался „украшавшими“ его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ.... Но его постоянно сдерживала прирожденная стыдливость. Въ домѣ онъ занималъ бывшій отцовскій кабинетъ, который былъ также его спальней; и постель его была та же самая, на которой скончался его отецъ.

Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ, была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу. Это было длинноликое, длинозубое существо, съ блѣдными глазами на блѣдномъ лицѣ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ не то грусти, не то озабоченнаго испуга. Вѣчно одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, отъ которой пахло камфорой, она скиталась по дому, какъ тѣнь, неслышными шагами; вздыхала, шептала молитвы — особенно одну, любимую, состоявшую всего изъ двухъ словъ: „Господи, помози!“— и очень дѣльно распоряжалась по хозяйству, берегла каждую копѣйку и все закупала сама. Племянника своего она обожала: постоянно кручинилась объ его здоровьѣ—всего боялась—не за себя, а за него—и, бывало, чуть что̀ ей покажется, сейчасъ тихонько подойдетъ и поставитъ ему на письменный столъ чашку грудного чаю, или погладитъ

его по спинѣ своими мягкими, какъ вата, руками. Яковъ не тяготился этимъ ухаживаньемъ, — грудного чаю, однако, не пилъ—и только одобрительно покачивалъ головою. Впрочемъ, здоровьемъ онъ тоже похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебіеньемъ, иногда одышкой: подобно отцу, вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть—невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ.... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ фотографіи. Запахъ употребляемыхъ при этомъ снадобій очень безпокоилъ старуху-тетку—опять-таки не для себя, а для Яши, для его груди; но, при всей мягкости нрава, въ немъ было не мало упорства—и онъ настойчиво продолжалъ полюбившееся ему занятіе. „Платоша“ покорилась, и только пуще прежняго вздыхала и шептала: „Господи, помози!“ глядя на его окрашенные іодомъ пальцы.

Яковъ, какъ уже сказано, чуждался товарищей; однако съ однимъ изъ нихъ сошелся довольно близко и видалъ его часто, даже послѣ того, какъ этотъ товарищъ, выйдя изъ университета, поступилъ на службу, мало, впрочемъ, обязательную: онъ, говоря его словами, „примостился“ къ постройкѣ Храма Спасителя, ничего, конечно, въ архитектурѣ не смысля. Странное дѣло: этотъ единственный пріятель Аратова, по фамиліи Куферъ, нѣмецъ до того обрусѣвшій, что ни одного слова по-нѣмецки не зналъ и даже ругался „нѣмцемъ“.—этотъ пріятель не имѣлъ съ нимъ, повидимому, ничего общаго. Это былъ чернокудрый, краснощекій малый, весельчакъ, говорунъ и большой любитель того самаго женскаго общества, котораго такъ избѣгалъ Аратовъ. Правда, Куферъ и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько—и даже, будучи человѣкомъ небо-

гатымъ, занимать у него небольшія суммы; но не это заставляло развязнаго нѣмчика прилежно посѣщать укромный домикъ на Шаболовкѣ. Душевная чистота, „идеальность“ Якова ему полюбилась, быть можетъ, какъ противорѣчіе тому, что онъ каждый день встрѣчалъ и видѣлъ;— или, быть можетъ, въ этомъ самомъ влеченіи къ „идеальному“ юношѣ сказывалась его все-таки германская кровь. А Якову нравилась добродушная откровенность Куфера: да кромѣ того, разсказы его о театрахъ, о концертахъ, о балахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ, — вообще, о томъ чуждомъ мірѣ, куда Яковъ не рѣшался проникнуть — тайно занимали и даже волновали молодого отшельника, не возбуждая, впрочемъ, въ немъ желанія извѣдать все это собственнымъ опытомъ. И Платона жаловала Куфера; правда, она находила его иногда черезъ-чуръ безцеремоннымъ, но инстинктивно чувствуя и понимая, что онъ искренне привязанъ къ ея дорогому Яшѣ, она не только терпѣла шумнаго гостя, но благоволила къ нему.

II.

Въ то время, о которомъ идетъ наша рѣчь, обрѣталась въ Москвѣ нѣкая вдова, грузинская княгиня,—личность неопредѣленная, почти подозрительная. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ; въ молодости она, вѣроятно, цвѣла той особенной восточной красотой, которая такъ скоро блекнетъ; теперь она бѣлилась, румянилась и красила волосы въ желтую краску. О ней ходили разные, не совсѣмъ выгодные и не совсѣмъ ясные слухи; мужа ея никто не зналъ—и ни въ одномъ городѣ она подолгу не живала. Ни дѣтей, ни состоянія у ней не было; но она жила открыто—въ долгъ или иначе; держала, какъ говорится, салонъ и принимала довольно смѣшанное общество—бо́льшей частью молодежь.

Все въ ея домѣ, начиная съ собственнаго ея туалета, мебели, стола—и кончая экипажемъ и прислугой—носило печать чего-то недоброкачественнаго, поддѣльнаго, временнаго... но и сама княгиня, и ея гости, повидимому, ничего лучшаго не требовали. Княгиня слыла любительницей музыки, литературы, покровительницей артистовъ и художниковъ; да и дѣйствительно интересовалась всѣми этими „вопросами"—даже до восторженности—и до восторженности, не совсѣмъ напускной. Эстетическая жилка въ ней несомнѣнно билась. Къ тому же, она была очень доступна, любезна, безъ чванливости и ломанія—и, чего многіе не подозрѣвали—въ сущности очень добра, мягкосердечна и снисходительна.... Качества рѣдкія—и тѣмъ болѣе дорогія—именно въ подобнаго рода личностяхъ?—„Пустая баба!" выразился о ней одинъ умникъ—„а въ рай попадетъ непремѣнно! Потому: все прощаетъ—и ей все простится!" О ней говорили также, что когда она исчезала изъ какого-нибудь города—она всегда оставляла въ немъ столько же заимодавцевъ, сколько людей облагодѣтельствованныхъ ею. Мягкое сердце въ какую хочешь сторону гнется.

Куферъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ въ ея домъ—и сталъ къ ней близкимъ.... злые языки увѣряли: слишкомъ близкимъ человѣкомъ. Самъ же онъ всегда отзывался о ней не только дружески, но съ уваженіемъ; величалъ ее золотою женщиной—что̀ тамъ ни толкуй!—и твердо вѣрилъ и въ ея любовь къ искусству, и въ пониманіе ею искусства!—Вотъ, однажды, послѣ обѣда, у Аратовыхъ, разговорившись о княгинѣ и о ея вечерахъ, онъ началъ убѣждать Якова нарушить хоть разъ свою анахоретскую жизнь и позволить ему, Куферу, представить его своей пріятельницѣ. Яковъ сперва и слушать не хотѣлъ.—Да ты что думаешь? воскликнулъ, наконецъ, Куферъ: о какомъ представленіи рѣчь? Просто, возьму тебя, вотъ, какъ

ты теперь сидишь, въ сюртукѣ—и повезу тебя къ ней на вечеръ. Никакихъ тамъ, братъ, этикетовъ не водится! Ты вотъ, и ученый, и литературу любишь, и музыку (у Аратова въ кабинетѣ дѣйствительно находилось піанино, на которомъ онъ изрѣдка бралъ аккорды съ уменьшенной септимой)—а у ней въ домѣ всего этого добра вдоволь!... И людей ты тамъ встрѣтишь симпатическихъ, безо всякихъ претензій! Да и, наконецъ, нельзя же въ твои годы, съ твоей наружностью (Аратовъ опустилъ глаза и махнулъ рукою)—да, да, съ твоей наружностью, такъ чуждаться общества, свѣта! Вѣдь не къ генераламъ я тебя везу! Впрочемъ, я самъ генераловъ не знаю!... Не упирайся, голубчикъ! Нравственность—дѣло хорошее, почтенное.... Но зачѣмъ же въ аскетизмъ вдаваться? Не въ монахи же ты себя готовишь!

Аратовъ, однако, продолжалъ упираться; но на подмогу Купферу неожиданно явилась Платонида Ивановна. Хотя она и не поняла хорошенько, что̀ это за слово такое: аскетизмъ?—однако, тоже нашла, что Яшенькѣ не худо развлечься, на людей посмотрѣть—и себя показать.—Тѣмъ болѣе, прибавила она, что я увѣрена въ Оедоръ-Оедорычѣ! Въ дурное мѣсто онъ тебя не повезетъ!...—Во всей непорочности представлю его вамъ обратно! вскричалъ Купферъ, на котораго Платонида Ивановна, несмотря на свою увѣренность, бросала безпокойные взгляды. Аратовъ покраснѣлъ до ушей—но возражать пересталъ.

Кончилось тѣмъ, что на слѣдующій день Купферъ повезъ его на вечеръ къ княгинѣ. Но Аратовъ не долго тамъ остался. Во-первыхъ, онъ нашелъ у ней человѣкъ двадцать гостей, мужчинъ и женщинъ, положимъ, и симпатическихъ, но все-таки чужихъ; и это его стѣсняло, хотя бесѣдовать ему пришлось очень немного: а этого онъ больше всего боялся. Во-вторыхъ, сама хозяйка ему не понравилась, хотя она и приняла его очень радушно и просто. Все въ ней ему

не понравилось: и раскрашенное лицо, и взбитыя кудри, и хрипловато-слащавый голосъ, визгливый смѣхъ, манеры закатывать глаза подъ-лобъ, излишнее декольтэ—и эти пухлые, глянцовитые пальцы со множествомъ колецъ!... Забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ глазами по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги. Когда же, наконецъ, одинъ заѣзжій артистъ съ испитымъ лицомъ, длиннѣйшими волосами и стекляшкомъ подъ съёженной бровью сѣлъ за рояль и, ударивъ съ размаху руками по клавишамъ, а ногой по педали, началъ валять фантазію Листа на вагнеровскія темы—Аратовъ не выдержалъ и улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, пробивалось нѣчто ему самому непонятное—но значительное и даже тревожное.

III.

Купферъ пришелъ на другой день обѣдать; однако, распространяться о вчерашнемъ вечерѣ не сталъ, даже не попрекнулъ Аратова за его посѣщеніе бѣгство—и только пожалѣлъ о томъ, что онъ не дождался ужина, за которымъ подавали шампанское! (нижегородскаго издѣлія, замѣтимъ въ скобкахъ). Купферъ, вѣроятно, понялъ, что напрасно вздумалъ расшевелить своего пріятеля—и что Аратовъ къ тому обществу и образу жизни человѣкъ рѣшительно „не подходящій“. Съ своей стороны, Аратовъ тоже не заговаривалъ ни о княгинѣ, ни о вчерашнемъ вечерѣ. Платонида Ивановна не знала, радоваться ли неуспѣху этой первой попытки, или сожалѣть о немъ? Она рѣшила, наконецъ, что здоровье Яши могло пострадать отъ подобныхъ выѣздовъ—и успокоилась. Купферъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда—и цѣлую недѣлю потомъ не показывался. И не то,

чтобы онъ дулся на Аратова за неудачу своей рекомендаціи—добрякъ на это не былъ способенъ,—но онъ, очевидно, нашелъ нѣкоторое занятіе, которое поглощало все его время, всѣ его помыслы,—потому что и впослѣдствіи являлся рѣдко къ Аратовымъ, видъ имѣлъ разсѣянный, говорилъ мало и въ скорости исчезалъ.... Аратовъ продолжалъ жить по прежнему;—но какая-то, если можно такъ выразиться, закорючка засѣла ему въ душу. Онъ все что-то припоминалъ, самъ не зная хорошенько, что̀ имѣнно—и это „что-то“ относилось къ вечеру, проведенному у княгини. Со всѣмъ тѣмъ, вернуться къ ней онъ не желалъ нисколько — и свѣтъ, часть котораго онъ улицезрѣлъ у нея въ домѣ, отталкивалъ его больше чѣмъ когда либо. Такъ прошло недѣль шесть.

И вотъ, въ одно утро, опять предсталъ предъ нимъ Куферъ, на этотъ разъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ. —Я знаю,—началъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ,—что̀ тебѣ не по вкусу пришелся твой тогдашній визитъ; но я надѣюсь, что ты все-таки согласишься на мое предложеніе.... не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ!

— Въ чѣмъ дѣло?—спросилъ Аратовъ.

— Вотъ, видишь ли,—продолжалъ Куферъ, все болѣе и болѣе оживляясь:—здѣсь есть одно общество любителей, артистовъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ чтенія, концерты, даже театральныя представленія съ благотворительной цѣлью....

— И княгиня участвуетъ?—перебилъ Аратовъ.

— Княгиня всегда въ добрыхъ дѣлахъ участвуетъ—но это ничего. Мы затѣяли литературно-музыкальное утро.... и на этомъ утрѣ ты можешь услышать дѣвушку.... необыкновенную дѣвушку!—Мы еще не знаемъ хорошенько: Рашель она, или Віардо?... потому что она и поетъ превосходно, и декламируетъ, и играетъ.... Талантъ, братецъ ты мой, первоклассный! Безъ преувеличенія говорю. —

Такъ вотъ.... не возьмешь ли ты билетъ?—Пять рублей, если въ первомъ ряду.

— А откуда взялась эта удивительная дѣвушка? — спросилъ Аратовъ.

Куперъ осклабился.—Ужъ этого я не могу сказать.... Въ послѣднее время она пріютилась у княгини. Княгиня, ты знаешь, всѣмъ такимъ покровительствуетъ.... Да ты ее, вѣроятно, видѣлъ на томъ вечерѣ.

Аратовъ дрогнулъ—внутренно, слабо.... но ничего не промолвилъ.

— Она даже играла гдѣ-то въ провинціи, — продолжалъ Куперъ,—и, вообще, она создана для театра. Вотъ, ты самъ увидишь!

— Клара ея имя?—спросилъ Аратовъ.

— Клара....

— Клара!—вторично перебилъ Аратовъ.—Не можетъ быть?

— Отчего не можетъ быть?—Клара.... Клара Миличъ; это не настоящее ея имя.... но ее такъ называютъ. Пѣть она будетъ Глинкинскій романсъ.... и Чайковскаго, а потомъ письмо изъ „Евгенія Онѣгина“ прочтетъ. — Чтожъ? берешь билетъ?

— А когда это будетъ?

— Завтра.... завтра, въ половинѣ второго, въ частной залѣ, на Остоженкѣ.... Я заѣду за тобой. Въ пять рублей билетъ?... Вотъ онъ.... нѣтъ — это трехрублевый. — Вотъ.—Вотъ и афишка.—Я одинъ изъ распорядителей.

Аратовъ задумался. Платонида Ивановна вошла въ эту минуту и, взглянувъ ему въ лицо, вдругъ перетревожилась. — Яша, воскликнула она, — что съ тобою? Отчего ты такой смущенный? Оедоръ Оедоровичъ, что вы ему такое сказали?

Но Аратовъ не далъ своему пріятелю отвѣтить на вопросъ тетки—и торопливо выхвативъ протянутый къ нему

билетъ, приказалъ Платонидѣ Ивановнѣ сейчасъ выдать Купферу пять рублей.

Та удивилась, глазами заморгала.... Однако, вручила Купферу деньги молча. Очень уже строго крикнулъ на нее Яшенька.

— Я тебѣ говорю, чудо изъ чудесъ! — воскликнулъ Купферъ, и бросился къ дверямъ.—Жди меня завтра!

— У ней черные глаза? — промолвилъ ему въ слѣдъ Аратовъ.

— Какъ уголь!—весело гаркнулъ Купферъ и исчезъ.

Аратовъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Платонида Ивановна такъ и осталась на мѣстѣ, шепотомъ повторяя: „Помози, Господи! Господи, помози!“

IV.

Большая зала въ частномъ домѣ на Остоженкѣ уже на половину была полна посѣтителями, когда Аратовъ съ Купферомъ прибыли туда. Въ этой залѣ давались иногда театральныя представленія, но на этотъ разъ не было видно ни декорацій, ни занавѣса. Учредители „утра“ ограничились тѣмъ, что воздвигнули на одномъ концѣ эстраду, поставили на ней фортепіано, пару пюпитровъ, нѣсколько стульевъ, столъ съ графиномъ воды и стаканъ — да завѣсили краснымъ сукномъ дверь, которая вела въ комнату, предоставленную артистамъ. Въ первомъ ряду уже сидѣла княгиня въ ярко-зеленомъ платьѣ; Аратовъ помѣстился въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, едва обмѣнявшись съ ней поклономъ. Публика была, что называется, разношерстная; все больше молодые люди изъ учебныхъ заведеній. Купферъ, какъ одинъ изъ распорядителей, съ бѣлымъ бантомъ на обшлагѣ фрака, суетился и хлоталъ изо всѣхъ силъ; княгиня видимо волновалась, оглядывалась, посылала во всѣ стороны улыбки,

заговаривала съ сосѣдями.... около нея были одни мужчины. Первымъ на эстрадѣ явился флейтистъ чахоточнаго вида и престарательно проплевалъ.... то-бишь! просвисталъ пьесу тоже чахоточнаго свойства; два человѣка закричали: браво! Потомъ какой-то толстый господинъ въ очкахъ, очень на видъ солидный и даже угрюмый, прочелъ басомъ Щедринскій очеркъ; хлопали очерку, не ему;—потомъ явился фортепіанистъ, уже знакомый Аратову—и пробарабанилъ ту же Листовскую фантазію: фортепіанистъ удостоился вызова. Онъ кланялся, опершись рукою на спинку стула, и послѣ каждаго поклона взмахивалъ волосами, совсѣмъ какъ Листъ! Наконецъ, послѣ довольно долгаго промежутка, красное сукно на двери за эстрадой зашевелилось, распахнулось широко—и появилась Клара Миличъ. Зала огласилась рукоплесканіями. Нерѣшительными шагами подошла она къ передней части эстрады, остановилась и осталась неподвижной, сложивъ передъ собою большія, красивыя руки безъ перчатокъ, не приссѣдая, не наклоняя головы и не улыбаясь.

Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, высокая, нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, носъ прямой, слегка вздернутый, тонкія губы съ красивымъ, но рѣзкимъ выгибомъ, громадная черная коса, тяжелая даже на видъ, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ, крошечныя уши.... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная,—и едва ли добрая, едва ли очень умная—но даровитая—сказывалась во всемъ.

Она нѣкоторое время не поднимала глазъ, но вдругъ встрепенулась и провела по рядамъ зрителей свой пристальный, но не внимательный, словно въ себя углубленный взглядъ.... „Какіе у нея трагическіе глаза!“ замѣтилъ си-

дѣвшій позади Аратова нѣкій сѣдоволосый фатъ съ лицомъ кокотки изъ Ревеля, извѣстный по Москвѣ сотрудникъ и соглядатай. Фатъ былъ глупъ и хотѣлъ сказать глупость... а сказалъ правду! Аратовъ, который съ самаго появленія Клары не спускалъ съ нея взора, только тутъ вспомнилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ ее у княгини; и не только видѣлъ ее, но даже замѣтилъ, что она нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами. Да и теперь.... или это ему показалось? — она, увидавъ его въ первомъ ряду, какъ будто обрадовалась, какъ будто покраснѣла—и опять настойчиво посмотрѣла на него. Потомъ она, не оборачиваясь, отступила шага два въ направленіи фортепіано, за которымъ уже сидѣлъ ея аккомпаніаторъ, длинноволосый чужестранецъ. Ей приходилось исполнить романсъ Глинки; „Только узналъ я тебя“... Она тотчасъ начала пѣть, не перемѣнивъ положенія рукъ и не глядя на ноты. Голосъ у ней былъ звучный и мягкій—контральто—слова она выговаривала отчетливо и вѣско, пѣла однообразно, безъ оттѣнковъ, но съ сильнымъ выраженіемъ.—„Съ убѣжденьемъ поетъ дѣвка“, промолвилъ тотъ же фатъ, сидѣвшій за спиной Аратова,—и опять сказалъ правду. — Крики: bis! браво! раздались кругомъ—но она бросила быстрый взглядъ на Аратова; который не кричалъ и не хлопалъ—ему не особенно понравилось ея пѣніе. — слегка поклонилась и ушла, не принявъ подставленной калачикомъ руки волосатаго піаниста. Ее вызвали.... она не скоро появилась, тѣми же нерѣшительными шагами подошла къ фортепіано — и шепнувъ слова два аккомпаніатору, которому пришлось достать и положить передъ собою не приготовленныя, а другія ноты—начала романсъ, Чайковскаго: „Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду“.... Этотъ романсъ она спѣла иначе чѣмъ первый — въ полъ-голоса, словно усталая.... и только на предпослѣднемъ стихѣ: „Поймешь,

какъ я страдалъ„—у нея вырвался звѣнящій горячій крикъ. Послѣдній стихъ: „И какъ я стражду“.... она почти прошептала, горестно растянувъ послѣднее слово. Романсъ этотъ произвелъ меньшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ Глинкинскій; однако, хлопанья было много.... Особенно отличался Куферъ: складывая ладони при ударѣ особеннымъ манеромъ, въ видѣ бочепка, онъ производилъ необыкновенно-гулкій звукъ. Княгиня передала ему большой, растрепанный букетъ съ тѣмъ, чтобы онъ приподнесъ его пѣвицѣ; но она словно не замѣтила наклоненной фигуры Купфера, его вытянутой съ букетомъ руки, повернулась и ушла, вторично не дождавшись піаниста, который поспѣшилъ прежняго вскочилъ, чтобы ее проводить — и, оставшись не причемъ, такъ взмахнулъ волосами, какъ, вѣроятно, самъ Листъ никогда не взмахивалъ!

Во все время пѣнія, Аратовъ наблюдалъ лицо Клары. Ему казалось, что глаза ея, сквозь прищуренныя рѣсницы, были обращены опять-таки на него; но его въ особенности поразила неподвижность этого лица, лба, бровей— и только при ея страстномъ вскрикѣ онъ замѣтилъ, какъ сквозь едва раскрытыя губы тепло сверкнулъ рядъ бѣлыхъ, тѣсно поставленныхъ зубовъ. Куферъ подошелъ къ нему.

— Ну, что, братъ, какъ ты находишь?—спросилъ онъ, весь сіяя удовольствіемъ.

— Голосъ хорошій,—отвѣтилъ Аратовъ,—но она пѣть еще не умѣетъ, настоящей школы нѣтъ. (Почему онъ это сказалъ и какое онъ самъ имѣлъ понятіе о „школѣ“— Господь вѣдаетъ!).

Куферъ удивился. — Школы нѣтъ, — повторилъ онъ съ разстановкой....—Ну, это.... Она еще подучиться можетъ. За то какая душа! Да вотъ, погоди, ты ее въ письмѣ Татьяны послушаешь.

Онъ отбѣжалъ прочь отъ Аратова—а тотъ подумалъ:

„Душа! Съ этимъ неподвижнымъ лицомъ!“—Онъ находилъ, что она и держится, и движется, какъ намагнетизированная, какъ сомнамбула.—И въ то же время она несомнѣнно.... Да! несомнѣнно смотритъ на него.

Между тѣмъ „утро“ продолжалось. Толстый человѣкъ въ очкахъ появился опять; несмотря на свою серьезную наружность, онъ воображалъ себя комикомъ—и прочелъ сцену изъ Гоголя, не вызвавши на этотъ разъ ни единаго знака одобренія. Промелькнулъ опять флейтистъ; прогремѣлъ опять піанистъ; двѣнадцати-лѣтній мальчикъ, напомаженный и завитой, но со слѣдами слезъ на щекахъ, проигрывалъ какія-то варіаціи на скрипкѣ. Страннымъ могло показаться то, что въ промежуткахъ чтенія и музыки, изъ комнаты артистовъ изрѣдка доносились отрывистые звуки валторны; между тѣмъ этотъ инструментъ такъ и остался безъ употребленія. Впослѣдствіи выяснилось, что любитель, вызвавшійся поиграть на немъ, заробѣлъ въ моментъ выхода передъ публикой. Вотъ, наконецъ, опять появилась Клара Милчъ.

Она держала въ рукѣ томикъ Пушкина; однако, во время чтенія ни разу въ него не заглянула.... Она явно робѣла; небольшая книжка слегка дрожала въ ея пальцахъ. Аратовъ замѣтилъ также выраженіе уныло сти, разлитое *теперь* по всѣмъ ея строгимъ чертамъ. Первый стихъ: „Я къ вамъ пишу.... чего же болѣ?“ она произнесла чрезвычайно просто, почти наивно — и съ наивнымъ, искреннимъ, безпомощнымъ жестомъ протянула обѣ руки впередъ. Потомъ она стала немного спѣшить; но уже начиная со стиховъ: „Другой! нѣтъ! Никому на свѣтѣ не отдала бы сердце я!“—она овладѣла собою, оживилась—и когда дошла до словъ: „Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой“,—ея до тѣхъ поръ довольно глухой голосъ зазвенѣлъ восторженно и смѣло—а глаза ея такъ же смѣло и прямо впились въ Аратова. Съ такимъ

же увлеченіемъ продолжала она—и только къ концу голосъ ея опять понизился—и въ немъ, и на лицѣ отразилась прежняя унылость. Послѣднее четверостишіе она совсѣмъ, какъ говорится, скомкала. — томикъ Пушкина вдругъ выскользнулъ изъ ея рукъ—и она поспѣшно удалилась.

Публика принялась рукоплескать отчаянно, вызывать... Одинъ семинаристъ изъ малороссовъ, между прочимъ, такъ громогласно оралъ: „Мылычъ! Мылычъ!“ — что его сосѣдъ вѣжливо, съ участьемъ попросилъ „поощадить въ себѣ будущаго протодьякона!“ — Но Аратовъ тотчасъ всталъ и направился къ выходу. Куферъ нагналъ его....— Помилуй, куда же ты?—возопилъ онъ:—хочешь, я тебя представлю Кларѣ?—Нѣтъ, спасибо, — торопливо возразилъ Аратовъ—и почти бѣгомъ пустился домой.

V.

Странныя, ему самому неясныя ощущенія волновали его. Въ сущности, чтеніе Клары тоже не совсѣмъ ему понравилось.... хотъ онъ и не могъ себѣ отдать отчета: почему именно? Оно его безпокоило, это чтеніе, оно казалось ему рѣзкимъ, не-гармоническимъ.... Оно какъ-будто нарушало что-то въ немъ, являлось какимъ-то насиліемъ. И эти пристальные, настойчивые, почти навязчивые взгляды — къ чему они? Что они значатъ?

Скромность Аратова не допускала въ немъ даже мгновенной мысли о томъ, что онъ могъ понравиться этой странной дѣвушкѣ, могъ внушить ей чувство, похожее на любовь, на страсть!... Да и онъ самъ совсѣмъ не такою представлялъ себѣ ту, еще невѣдомую женщину, ту дѣвушку, которой онъ отдастся весь, которая и его полюбитъ, станетъ его невѣстой, его женой.... Онъ рѣдко мечталъ объ

этомъ: онъ и душой и тѣломъ былъ дѣвственникъ; — но чистый образъ, возникавшій тогда въ его воображеніи, былъ навѣянъ другимъ образомъ,—образомъ его покойной матери, которую онъ едва помнилъ, но портретъ которой онъ сохранилъ, какъ святыню. Портретъ этотъ былъ писанъ акварелью, довольно неискусно, пріятельницей сосѣдкой, но сходство, по увѣренью всѣхъ, было поразительное. Такой же нѣжный профиль, такіе же добрые, свѣтлые глаза, такіе же шелковистые волосы, такую же улыбку, такое же ясное пониманіе должна была имѣть та женщина, та дѣвушка, которой онъ даже еще не осмѣливался ожидать....

А эта черномазая, смуглая, съ грубыми волосами, съ усиками на губѣ, она навѣрно недобрая, взбалмошная...— „Цыганка“ (Аратовъ не могъ придумать худшаго выраженія),—что̀ она ему?

И между тѣмъ, Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту черномазую цыганку,—нѣніе и чтеніе и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя. Незадолго передъ тѣмъ онъ прочелъ романъ Вальтеръ-Скотта: „Сенъ-Ронанскія воды“ (полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта находилось въ библіотекѣ его отца, который уважалъ въ англійскомъ романистѣ серьёзнаго, чуть не научнаго писателя). Героиня этого романа называется Клара Мобрай. Поэтъ 40-хъ годовъ, Красовъ, написалъ на нее стихотвореніе, оканчивающееся словами:

Несчастная Клара! безумная Клара!
Несчастная Клара Мобрай!

Аратовъ зналъ также это стихотвореніе.... И вотъ, теперь эти слова безпрестанно приходили ему на память.... „Несчастная Клара! безумная Клара!...“ (Оттого онъ и удивился такъ, когда Купферъ назвалъ ему Клару Миличъ).

Сама Платоша замѣтила—не то чтобы перемѣну въ настроеніи Якова—въ немъ, собственно, никакой перемѣны не произошло—а что-то неладное въ его взглядахъ, въ его рѣчахъ. Она осторожно разспросила его о литературномъ утрѣ, на которомъ онъ присутствовалъ;—пошептала, повздыхала, поглядѣла на него спереди, поглядѣла сбоку, сзади—и вдругъ, хлопнувъ ладонями себѣ по ляжкамъ, воскликнула:—Ну, Яша!—Я вижу, въ чемъ дѣло!

— Что такое?—переспросилъ Аратовъ.

— Ты навѣрное на этомъ утрѣ встрѣтилъ какую-нибудь изъ этихъ хвостовозокъ (Платонида Ивановна называла такъ всѣхъ барынь, носящихъ модныя платья).... Рожица у ней смазливая — и *такъ* она ломается—и *такъ* кривляется (Платоша представила все это въ лицахъ), и глазами такіе круги описываетъ.... (и это она представила, проводя указательнымъ пальцемъ большіе круги по воздуху).... Тебѣ съ непривычки и показалось.... но вѣдь это ничего, Яша.... ни-и-чего не значитъ! Выпей чайку на ночь.... и конецъ!... Господи, помози!

Платоша умолкла и удалилась.... Она отроду едва ли произносила такую длинную и оживленную рѣчь.... а Аратовъ подумалъ: „Тетка-то, чай, права.... Съ непривычки все это.... (Ему дѣйствительно въ первый разъ пришлось возбудить къ себѣ вниманіе особы женскаго пола.... во всякомъ случаѣ, онъ этого прежде не замѣчалъ). Баловать себя не надо“.

И онъ принялся за свои книги — а на ночь напился липоваго чаю—и даже спалъ хорошо всю эту ночь — и сновъ не видѣлъ. На слѣдующее утро онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, занялся фотографіей....

Но къ вечеру его душевный покой возмутился снова.

VI.

А именно: разсыльный принесъ ему записку слѣдующаго содержанія, написанную неправильнымъ и крупнымъ женскимъ почеркомъ:

„Если вы догадаетесь, кто вамъ пишетъ, и если это „вамъ не скучно, приходите завтра, послѣ обѣда на Твер„ской бульваръ—около пяти часовъ—и ждите. Васъ за„держать не долго. Но это очень важно. Придите“.

Подписи не было. Аратовъ тотчасъ догадался, кто была его корреспондентка,—и это именно его возмутило.—„Что за вздоръ!“ промолвилъ онъ почти вслухъ: „этого еще недоставало. Разумѣется, я не пойду“.—Онъ, однако, велѣлъ позвать разсыльнаго, отъ котораго узналъ только то, что письмо ему было вручено горничной на улицѣ. Отпустивъ его, Аратовъ перечелъ письмо, бросилъ его на полъ... Но, погодя немного, поднялъ и опять перечелъ; вторично воскликнулъ: вздоръ!—однако, на полъ письма уже не бросилъ, а спряталъ въ ящикъ. Аратовъ принялся за свои обычныя занятія, то за одно, то за другое; но дѣло у него не спорилось и не клеилось. Онъ вдругъ замѣтилъ за самимъ собою, что ожидаетъ Купфера! Хотѣлъ ли онъ разспросить его, или быть можетъ, даже сообщить ему.... Но Купферъ не являлся. Потомъ Аратовъ досталъ Пушкина, прочелъ письмо Татьяны и снова убѣдился, что та „цыганка“ совсѣмъ не поняла настоящаго смысла этого письма. А этотъ шутъ Купферъ кричитъ: Рашель! Віардо! Потомъ онъ подошелъ къ своему піанино, какъ-то безсознательно приподнялъ его крышку, попытался отыскать на память мелодію романса Чайковскаго; но тотчасъ же съ досадой захлопнулъ піанино и пошелъ къ теткѣ, въ ея особенную, всегда жарко натопленную комнату, съ вѣчнымъ запахомъ мяты, шалфея и другихъ цѣлебныхъ травъ и съ такимъ

множествомъ ковриковъ, этажерокъ, скамеечекъ, подушечекъ и разной мягкой мебели, что непривычному человѣку и повернуться было въ этой комнатѣ трудно, и дышать стѣснительно. Платонида Ивановна сидѣла подъ окномъ со спицами въ рукахъ (она вязала Яшенькѣ шарфъ, счетомъ, въ теченіе его жизни—тридцать восьмой!)—и очень изумилась. Аратовъ заходилъ къ ней рѣдко, и если ему было что нужно, всякій разъ кричалъ тоненькимъ голосомъ изъ своего кабинета:—Тетя Платоша!—Однако, она его усадила и, въ ожиданіи его первыхъ словъ, насторожилась, глядя на него однимъ глазомъ черезъ круглыя очки—другимъ выше ихъ. Она не освѣдомилась о его здоровьѣ и не предложила ему чаю, ибо видѣла, что онъ пришелъ не за тѣмъ. Аратовъ немного помялся.... потомъ заговорилъ.... заговорилъ о своей матери, о томъ, какъ она жила съ отцомъ, и какъ отецъ съ ней познакомился. Все это онъ зналъ очень хорошо.... но ему хотѣлось говорить именно объ этомъ. На его бѣду, Платоша совсѣмъ бесѣдовать не умѣла; отвѣчала очень кратко, словно она подозрѣвала, что и не за этимъ пришелъ Яша.

— Что-жъ! — повторяла она, посѣшно, чуть не съ досадой шевеля спицами:—Извѣстно: мать твоя была голубка.... голубка, какъ есть.... И отецъ твой любилъ ее, какъ слѣдуетъ мужу, вѣрно и честно, по самый гробъ; и никакой другой женщины онъ не любилъ,—прибавила она возвысивъ голосъ и снявъ очки.

— А робкаго она была права?—спросилъ, помолчавъ, Аратовъ.

— Извѣстно, робкаго. Какъ слѣдуетъ женскому полу. Смѣлыя-то въ послѣднее время завелись.

— А въ ваше время смѣлыхъ не было?

— Было и въ наше.... какъ не быть! Да вѣдь кто? Такъ, потаскушка какая-нибудь, безстыжая. Заплюндаетъ подолъ—да и мечется зря.... Ей что? Какая печаль? Под-

вернется дурачекъ—ей и на руку. А степенные люди пренебрегали. Ты вспомни, развѣ ты въ нашемъ домѣ такихъ видалъ?

Аратовъ ничего не отвѣтилъ и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Платонида Ивановна посмотрѣла ему вслѣдъ, покачала головою и опять надѣла очки, опять взялась за шарфъ.... но не разъ задумывалась и роняла спицы на колѣни.

А Аратовъ до самой ночи,—нѣтъ, нѣтъ, да и начнетъ опять съ той же досадою, съ тѣмъ же озлобленіемъ размышлять объ этой запискѣ, о „цыганкѣ“, о назначенномъ свиданіи, на которое онъ навѣрное не пойдетъ! И ночью она его безпокоила. Ему все мерещились ея глаза, то прищуренные, то широко раскрытые, съ ихъ настойчивымъ, прямо на него устремленнымъ взглядомъ—и эти неподвижныя черты съ ихъ властительнымъ выраженіемъ....

На слѣдующее утро онъ опять почему-то все ожидалъ Купфера; чуть-чуть было не написалъ ему письма... а впрочемъ, ничего не дѣлалъ.... все больше расхаживалъ по своему кабинету. Онъ ни на одно мгновеніе не допускалъ въ себѣ даже мысли, что пойдетъ на этотъ глупый „рандеву“.... и въ половинѣ четвертаго часа, послѣ торопливо проглоченнаго обѣда, внезапно надѣвъ шинель и нахлобучивъ шапку, украдкой отъ тетки выскочилъ на улицу и отправился на Тверской бульваръ.

VII.

Аратовъ засталъ на немъ немного прохожихъ. Погода стояла сырая и довольно холодная. Онъ старался не размышлять о томъ, что дѣлалъ, заставлялъ себя обращать вниманія на всѣ попадавшіеся предметы и какъ бы увѣрилъ себя, что и онъ такъ же вышелъ погулять, какъ и тѣ

прохожіе... Вчерашнее письмо находилось у него въ боковомъ карманѣ, и онъ постоянно чувствовалъ его присутствіе. Онъ прошелся раза два по бульвару, зорко вглядываясь въ каждую подходившую къ нему женскую фигуру—и сердце его билось, билось.... Онъ почувствовалъ усталость и присѣлъ на лавочку. И вдругъ ему пришло въ голову: „Ну, а если это письмо написано не ею, а кѣмъ-нибудь другимъ, другой женщиной?“ По настоящему, это для него должно было быть все едино.... и однакоже, онъ долженъ былъ самому себѣ признаться, что этого онъ не желалъ. „Ужъ очень было бы глупо“, подумалось ему, „еще глупѣй *того!*“ Первое безпокойство начинало овладѣвать имъ; онъ сталъ зябнуть—не извнѣ, а изнутри. Онъ нѣсколько разъ вынималъ часы изъ кармана жилета, глядѣлъ на циферблатъ, клалъ ихъ обратно, и всякій разъ забывалъ, сколько оставалось минутъ до пяти часовъ. Ему казалось, что всѣ мимо идущіе какъ-то особенно, съ какимъ-то насмѣшливымъ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывали его. Дряная собаченка подбѣжала, понюхала его ноги и стала вертѣть хвостомъ. Онъ сердито на нее замахнулся. Больше всѣхъ надоѣдалъ ему фабричный мальчикъ въ затрапезномъ халатѣ, который усѣлся на скамьѣ, но той сторонѣ бульвара—и то посвистывая, то почесываясь и болтая ногами въ громадныхъ прорванныхъ сапогахъ,—то-и-дѣло посматривалъ на него. „Вѣдь вотъ, думалъ Аратовъ, „хозяинъ навѣрное его ждетъ—а онъ тутъ, лѣнтяй, баклуши бьетъ....“

Но въ это самое мгновенье ему почудилось, что кто-то подошелъ и близко сталъ сзади его.... чѣмъ-то теплымъ повѣяло оттуда....

Онъ оглянулся.... Она!

Онъ тотчасъ узналъ ее, хотя густая темно-синяя вуаль закрывала ея черты. Онъ мгновенно вскочилъ со скамьи—да такъ и остался, и слова не могъ промолвить. Она тоже молчала. Онъ чувствовалъ большое смущеніе.... но и ея

смущенье было не меньше: Аратовъ даже сквозь вуаль не могъ не замѣтить, какъ мертвенно она поблѣднѣла. Однако, она заговорила первая.

— Спасибо, — начала она прерывистымъ голосомъ,— спасибо, что пришли. Я не надѣялась....—Она слегка отвернулась и пошла по бульвару. Аратовъ отправился вслѣдъ за нею.

— Вы, можетъ быть, меня осудили,—продолжала она, не оборачивая головы. — Дѣйствительно, мой поступокъ очень страненъ.... Но я много слышала о васъ... да пѣтъ! Я.... не по этой причинѣ.... Еслибъ вы знали.... Я такъ много хотѣла вамъ сказать, Боже мой!... Но какъ это сдѣлать.... Какъ это сдѣлать!

Аратовъ шелъ съ ней рядомъ, немного позади. Онъ не видѣлъ ея лица; онъ видѣлъ только ея шляпу да часть вуали.... да длинную, черную, уже поношенную мантилью. Вся его досада и на нее, и на себя, вдругъ къ нему вернулась; все смѣшное, все нелѣпое этого свиданья, этихъ объясненій между совершенно незнакомыми людьми, на публичномъ бульварѣ, предстало ему вдругъ.

— Я явился на ваше приглашеніе, — началъ онъ въ свою очередь,—явился, милостивая государыня (ея плечи тихонько дрогнули—она свернула на боковую дорожку—онъ послѣдовалъ за ней), для того только чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который.... который потому только и *догадался*— какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ—что писали ему именно вы.... потому догадался, что вамъ, въ теченіе того литературнаго утра, захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!

Вся эта небольшая рѣчь была произнесена Аратовымъ—тѣмъ, хоть и звонкимъ, но не твердымъ голосомъ, какимъ очень еще молодые люди отвѣчаютъ на экзаменѣ по

предмету, къ которому они хорошо приготовились.... Онъ сердился; онъ гнѣвался.... Этотъ-то самый гнѣвъ и развязалъ его, въ обыкновенное время не очень свободный, языкъ.

Она продолжала идти по дорожкѣ нѣсколько замедленными шагами.... Аратовъ по-прежнему шелъ за нею и по-прежнему видѣлъ одну эту старенькую мантилью да шляпку, тоже не совсѣмъ новую. Самолюбіе его страдало при мысли, что вотъ, теперь она должна думать: „мнѣ стоило только знакъ подать—и онъ тотчасъ прибѣжалъ!“

Аратовъ молчалъ.... онъ ожидалъ, что она ему отвѣтитъ; но она не произносила ни слова.

— Я готовъ выслушать васъ, — началъ онъ опять, — и очень даже буду радъ, если могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ... хотя, все-таки, мнѣ, признаюсь, удивительно... при моей уединенной жизни....

Но при послѣднихъ его словахъ Клара внезапно къ нему обернулась—и онъ увидалъ такое испуганное, такое глубоко-опечаленное лицо, съ такими свѣтлыми, большими слезами на глазахъ, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ вокругъ раскрытыхъ губъ — и такъ было это лицо прекрасно,—что онъ невольно запнулся, и самъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ испуга—и сожалѣнія, и умиленія.

— Ахъ, зачѣмъ.... зачѣмъ вы такъ.... — промолвила она съ неотразимо искренней и правдивой силой—и какъ трогательно зазвенѣлъ ея голосъ! — Неужели мое обращеніе къ вамъ могло оскорбить васъ.... неужели вы ничего не поняли?... Ахъ, да! Вы не поняли ничего, вы не поняли, что я вамъ говорила, вы Богъ знаетъ что вообразили обо мнѣ, вы даже не подумали, чего мнѣ это стоило—написать вамъ!... Вы только о себѣ заботились, о своемъ достоинствѣ, о своемъ покоѣ!... Да развѣ я.... (она такъ сильно стиснула свои поднесенныя къ губамъ руки, что пальцы явственно хрустнули).... Точно я какія требованія къ вамъ

предъявляла. точно нужны были сперва разъясненія.... „Милостивая государыня“.... „мнѣ даже удивительно“.... „я могу быть полезнымъ“.... Ахъ, я безумная!—Я обманулась въ васъ. въ вашемъ лицѣ!... Когда я увидала васъ въ первый разъ.... Вотъ.... Вы стоите.... И хоть бы слово! Такъ-таки ни слова?

Она умолкла.... Лицо ея внезапно вспыхнуло—и такъ же внезапно приняло злое и дерзкое выраженіе.—Господи! какъ это глупо!—воскликнула она вдругъ съ рѣзкимъ хохотомъ. — Какъ наше свиданіе глупо! Какъ я глупа!... да и вы.... Фуй!

Она презрительно двинула рукою, словно отстраняя его прочь съ дороги и, минуя его, быстро сбѣжала съ бульвара и исчезла.

Это движеніе рукою, этотъ оскорбительный хохотъ, это послѣднее восклицаніе разомъ возвратили Аратову его прежнее настроеніе и заглушили въ немъ то чувство, которое возникло въ его душѣ, когда со слезами на глазахъ она къ нему обратилась. Онъ опять разсердился—и чуть не закричалъ въ слѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ: „Изъ васъ можетъ выдти хорошая актриса,—но зачѣмъ вы вздумали надо мной-то комедію ломать?“

Большими шагами вернулся онъ домой,—и хотя продолжалъ и досадовать, и негодовать въ теченіе всей дороги—однако, въ то же время, сквозь всѣ эти нехорошія, враждебныя чувства невольно пробивалось воспоминаніе о томъ чудномъ лицѣ, которое онъ видѣлъ одинъ только мигъ.... Онъ даже поставилъ себѣ вопросъ: „Отчего я не отвѣтилъ ей, когда она требовала отъ меня хоть слово?“—„Я не успѣлъ“.... думалъ онъ.... „Она мнѣ не дала произнести это слово“.... „И какое слово я бы произнесъ?“

Но онъ тотчасъ тряхнулъ головою и съ укоризной промолвилъ: „актерка!“

И опять-таки, въ то же время,—самолюбіе неопытнаго,

нервическаго юноши, сперва оскорбленное, теперь какъ будто было польщено тѣмъ, что вотъ, однако, какую онъ внушилъ страсть....

„Но за то, въ эту минуту“, продолжалъ онъ свои размышленія, „все это, разумѣется, кончено.... Я долженъ былъ показаться ей смѣшнымъ“....

Эта мысль ему была непріятна — и онъ снова сердился.... и на нее.... и на себя. Возвратившись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Ему не хотѣлось видѣться съ Платошей. Добрая старушка раза два подходила къ его двери—прикладывалась ухомъ къ замочной скважинѣ—и только вздыхала, да шептала свою молитву....

„Началось!“ думалось ей.... „А ему всего 25-й годъ.... Ахъ, рано, рано!“

VIII.

Весь слѣдующій день Аратовъ былъ очень не въ духѣ.—„Что это, Яша?—говорила ему Платонида Ивановна:—ты сегодня какой-то растрепанный?!..“ На своеобразномъ языкѣ старушки выраженіе это довольно вѣрно опредѣляло нравственное состояніе Аратова. Работать онъ не могъ, да и самъ не зналъ, чего ему желалось? То онъ опять поджидалъ Купфера (онъ подозрѣвалъ, что Клара именно отъ Купфера получила его адресъ.... да и кто другой могъ ей „много говорить“ о немъ?); то онъ недоумѣвалъ: неужели такъ и должно кончиться его знакомство съ нею?—то онъ воображалъ, что она ему напишетъ опять; то онъ себя спрашивалъ, не слѣдуетъ-ли ему написать ей письмо, въ которомъ онъ все объяснитъ,—такъ какъ онъ все же не желаетъ оставить невыгодное о себѣ мнѣніе.... Но собственно—*что* объяснить?—То онъ возбуждалъ въ себѣ чуть не отвращеніе къ ней, къ ея назойливости, дерзости; то ему снова представлялось это несказанно-трогательное

лицо и слышался неотразимый голосъ; то онъ припоминалъ ея пѣнье, ея чтенье—и не зналъ, правъ ли онъ былъ въ своемъ огульномъ осужденіи?—Однимъ словомъ: растрепанный человѣкъ! Наконецъ, это ему все надоѣло—и онъ рѣшился, какъ говорится, „взять на себя“ и *покрыть* всю эту исторію, такъ какъ она несомнѣнно мѣшала его занятіямъ и нарушала его покой.—Не такъ-то легко далось ему исполнить это рѣшеніе.... Болѣе недѣли прошло, прежде чѣмъ онъ опять попалъ въ обычную колею. Къ счастью, Куферъ совсѣмъ не являлся: точно его и въ Москвѣ не было. Незадолго до „исторіи“, Аратовъ началъ заниматься живописью для фотографическихъ цѣлей; онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ припялся за нее.

Такъ, незамѣтно, съ нѣкоторыми, какъ выражаются доктора, „возвратными припадками“, состоящими, напр., въ томъ, что онъ разъ чуть не отправился съ визитомъ къ княгинѣ,—прошло два.... прошло три мѣсяца.... и Аратовъ сталъ прежнимъ Аратовымъ. Только тамъ, внизу, подъ поверхностью его жизни, что-то тяжелое и темное тайно сопровождало его на всѣхъ его путяхъ. Такъ большая, только-что пойманная на крючекъ, но еще не выхваченная рыба плыветъ по дну глубокой рѣки подъ самой той лодкой, на которой сидитъ рыбакъ, съ крѣпкой лѣсою въ рукѣ.

И вотъ, однажды, пробѣгая уже не совсѣмъ свѣжія „Московскія Вѣдомости“, Аратовъ наткнулся на слѣдующую корреспонденцію:

„Съ великимъ прискорбіемъ“, писалъ нѣкій мѣстный литераторъ изъ Казани. „заносимъ мы въ нашу театральную лѣтопись вѣсть о внезапной кончинѣ нашей даровитой актрисы Клары Миличъ, успѣвшей въ короткое время ея ангажемента сдѣлаться любимицей нашей разборчивой публики. Прискорбіе наше тѣмъ сильнѣе, что г-жа Миличъ самовольно покончила со своей молодой, столь много обѣщавшей жизнью,—посредствомъ отравленія. И это отравленіе

тѣмъ ужаснѣе, что артистка приняла ядъ въ самомъ театрѣ! Ее едва довезли домой, гдѣ она, къ общему сожалѣнію, скончалась. Въ городѣ ходятъ слухи, что неудовлетворенная любовь довела ее до этого страшнаго поступка".

Аратовъ тихонько положилъ нумеръ газеты на столъ. На видъ онъ остался совершенно спокойнымъ.... но что-то разомъ толкнуло его въ грудь и голову—и медленно поплыло потомъ по всѣмъ его членамъ. Онъ всталъ, постоялъ немного на мѣстѣ—и опять сѣлъ, опять перечелъ эту корреспонденцію. Потомъ онъ опять всталъ, легъ на кровать, и, заложивъ руки за голову, какъ отуманенный, долго глядѣлъ на стѣну.—Понемногу эта стѣна словно сгладилась.... исчезла.... и онъ увидалъ передъ собою и бульваръ подъ сѣрымъ небомъ, и *ее* въ черной мантильѣ.... потомъ ее же на эстрадѣ.... увидалъ даже самого себя возлѣ нея.—То, что такъ сильно толкнуло его въ грудь въ первое мгновенье, стало теперь подниматься.... подниматься къ горлу.... Онъ хотѣлъ откашляться, хотѣлъ позвать кого-нибудь—но голосъ измѣнилъ ему—и, къ собственному его изумленью, изъ его глазъ неудержимо покатились слезы.... Что̀ вызвало эти слезы? Жалость? Раскаяніе? Или просто нервы не выдержали внезапнаго потрясенія?—Вѣдь для него она была ничѣмъ? Не такъ ли?

„Да, можетъ быть, это еще неправда?" вдругъ осѣнила его мысль. „Надо узнать! Но отъ кого? Отъ княгини?—Нѣтъ, отъ Купфера.... отъ Купфера? Да его, говорятъ, въ Москвѣ нѣтъ?—Все равно! Сперва къ нему надо!"

Съ этими соображеніями въ головѣ, Аратовъ наскоро одѣлся, взялъ извощика и поскакалъ къ Купферу.

IX.

Не надѣялся онъ его застать.... а засталъ. Купферъ, точно, отлучался изъ Москвы на нѣкоторое время, но уже

съ недѣлю какъ вернулся и даже снова собирался посѣтить Аратова.—Онъ встрѣтилъ его съ обычнымъ радушіемъ—и началъ было ему что-то объяснять.... но Аратовъ тотчасъ перебилъ его нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Ты читалъ?—правда?

— Что—правда?—отвѣчалъ озадаченный Купферъ.

— На счетъ Клары Миличъ?

Лицо Купфера выразило сожалѣніе. — Да, да, братъ, правда; отравилась! Такое горе!

Аратовъ помолчалъ. — Да ты тоже въ газетѣ вычиталъ?—спросилъ онъ:—или, можетъ быть, самъ ѣздилъ въ Казань?

— Я ѣздилъ въ Казань, точно; мы съ княгиней ее туда отвезли.—Она на сцену тамъ поступила - - и большой успѣхъ имѣла. Только до самой катастрофы я тамъ не дожилъ.... Я въ Ярославлѣ былъ.

— Въ Ярославлѣ?

— Да.—Я княгиню туда проводилъ.... Она теперь въ Ярославлѣ поселилась.

— Но ты имѣешь вѣрныя свѣдѣнія?

— Вѣрнѣйшія.... изъ первыхъ рукъ! — Я въ Казани съ ея семействомъ познакомился.—Да постой, братъ.... тебя, кажется, это извѣстіе очень волнуетъ? — А, помнится, тебѣ Клара тогда не понравилась! Напрасно! Чудная была дѣвушка—только голова! Бѣдовая голова! Очень я о ней сокрушался!

Аратовъ не промолвилъ слова, опустился на стулъ — и, погодя немного, попросилъ Купфера разсказать ему.... онъ зашелся.

— Что?—спросилъ Купферъ.

— Да.... все.—отвѣтилъ съ разстановкой Аратовъ.— Вотъ, хоть на счетъ ея семейства.... и прочаго. Все, что знаешь!

— А это тебя интересуетъ? —Изволь!

И Купферъ, по лицу котораго вовсе нельзя было замѣтить, чтобы онъ уже очень такъ сокрушался о Кларѣ, началъ разсказывать.

Изъ его словъ Аратовъ узналъ, что настоящее имя Клары Миличъ было—Катерина Миловидова; что отецъ ея, теперь уже умершій, былъ штатнымъ учителемъ рисованія въ Казани, писалъ плохіе портреты и казенные *образа*—да къ тому же, слылъ за пьяницу и за домашняго тирана... а еще *образованный* человѣкъ!... (тутъ Купферъ самодовольно засмѣялся, намекая тѣмъ на сдѣланный имъ каламбуръ);—что послѣ него остались, во-первыхъ: вдова изъ купеческаго рода, совсѣмъ глупая баба, прямо изъ комедій Островскаго; а во вторыхъ: дочь, гораздо старше Клары и на нее не похожая—дѣвушка очень умная, только восторженная, больная, замѣчательная дѣвушка—и преразвитая, братецъ ты мой! Что живутъ онѣ обѣ—и вдова, и дочь, безбѣдно, въ порядочномъ домикѣ, пріобрѣтенномъ отъ продажи тѣхъ плохихъ портретовъ и образовъ; что Клара.... или Катя, какъ хочешь, съ дѣтскихъ лѣтъ поражала всѣхъ своей даровитостью—но права была непокорнаго, капризнаго—и постоянно грызлась съ отцомъ; что имѣя врожденную страсть къ театру, на шестнадцатомъ году убѣжала изъ родительскаго дома съ актрисой....

— Съ актеромъ?—перебилъ Аратовъ.

— Нѣтъ, не съ актеромъ, а съ актрисой; къ которой привязалась.... Правда, у этой актрисы былъ покровитель, богатый и уже старый баринъ, который потому только на ней не женился, что самъ былъ женатъ—да и актриса, кажется, была женщина замужняя.—Далѣе, Купферъ сообщилъ Аратову, что Клара уже до пріѣзда въ Москву играла и пѣла на провинціальныхъ театрахъ; что, потерявъ свою пріятельницу актрису (баринъ тоже, кажется, умеръ! или опять съ женой сошелся—этого Купферъ хорошенько не помнилъ....), познакомилась съ княгиней, этой золотой

женщиной, которую ты, другъ мой, Яковъ Андреичъ,—прибавилъ съ чувствомъ разсказчикъ, —не умѣлъ оцѣнить какъ слѣдуетъ; что, наконецъ, Кларѣ предложили ангажементъ въ Казани—и что она его приняла, хотя передъ тѣмъ увѣряла, что Москвы никогда не покинетъ!—За то, какъ казанцы ее полюбили—даже удивительно!—Что ни представленіе—букеты и подарокъ! букеты и подарокъ!—Хлѣбный торговецъ, первый по губерніи тузъ, тотъ даже золотую чернильницу преподнесъ!—Купферъ разсказалъ все это съ большимъ оживленіемъ, не высказывая, впрочемъ, особой сентиментальности, и перерывая рѣчь вопросами:—Это тебѣ зачѣмъ?... или:—Это на что?—когда Аратовъ, слушавшій его съ пожирающимъ вниманіемъ, требовалъ все бо̀льшихъ да бо̀льшихъ подробностей. Все было высказано, наконецъ, и Купферъ умолкъ, наградивъ себя за трудъ сигаркой.

— А отчего же она отравилась?—спросилъ Аратовъ.—Въ газетѣ напечатано....

Купферъ взмахнулъ руками.—Ну.... этого я не могу сказать.... Не знаю. А газета вретъ. Вела себя Клара примѣрно.... амуровъ никакихъ.... Да и гдѣ съ ея гордостью! Горда она была—какъ самъ сатана—и неприступна!—Бѣдовая голова! Тверда, какъ камень! Вѣришь ли ты мнѣ—ужъ на что я ее близко зналъ—а никогда на ея глазахъ слезъ не видѣлъ!

— „А я видѣлъ“, подумалъ про себя Аратовъ.

— Только вотъ что̀,—продолжалъ Купферъ:—въ послѣднее время я большую въ ней перемѣну замѣтилъ: скучная такая стала, молчитъ, по цѣлымъ часамъ слова отъ нея не добьешься. Ужъ я ее спрашивалъ: не обидѣлъ ли кто васъ, Катерина Семеновна? Потому, я зналъ ее нравъ: обиду перенести она не могла! Молчитъ, да и баста! Даже успѣхи на сценѣ ее не веселили; букеты сыплются.... а она и не улыбнется! На золотую чернильницу взглянула разъ—

и въ сторону!—Жаловалась, что настоящей роли, какъ она ее понимаетъ, никто ей не напишетъ. И нѣтъ совѣмъ бросила. Я, братъ, виноватъ!... передалъ ей тогда, что ты въ ней *школы* не находишь. Но все-таки.... отчего она отравилась—непостижимо! Да и какъ отравилась!...

— Въ какой роли она больше имѣла успѣха?...—Аратовъ хотѣлъ было узнать, въ какой роли она выступила въ послѣдній разъ—но почему-то спросилъ другое.

— Помнится, въ „Грунѣ“ Островскаго. Но повторяю тебѣ: амуровъ никакихъ! Ты одно посуди: жила она у матери въ домѣ.... Знаешь—есть такіе купеческіе дома: въ каждомъ углу кіотъ и лампадка передъ кіотомъ, духота смертельная, пахнетъ кислятиной, въ гостиной по стѣнамъ одни стулья, на окнахъ герань—а пріѣдетъ гость—хозяйка взъѣдается—словно непріятель подступаетъ. Какіе ужъ тутъ ферлакуры да амуры? Бывало, даже меня не пускаютъ. Служанка ихняя, баба здоровенная, въ кумачномъ сарафанѣ, съ отвислыми грудями, станетъ въ передней поперекъ—да и рычитъ: куды?—Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю, съ чего она отравилась. Жить, значитъ, надоѣло.—философически заключилъ Куферъ свои разсужденія.

Аратовъ сидѣлъ, потупя голову. — Можешь ты мнѣ дать адресъ этого дома въ Казани? — промолвилъ онъ, наконецъ.

— Могу; но на что тебѣ?—Или ты письмо туда послать хочешь?

— Можетъ быть.

— Ну, какъ знаешь. Только старуха тебѣ не отвѣтитъ, ибо безграмотна. Вотъ, развѣ сестра.... О, сестра умница!—Но опять-таки удивляюсь, братъ, тебѣ! Какое прежде равнодушіе.... а теперь какое вниманіе! Все это, любезный, отъ одиночества!

Аратовъ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе и ушелъ, запасшись казанскимъ адресомъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Купферу, на лицѣ его изображалось волненіе, изумленіе, ожиданіе.... Теперь онъ шелъ ровной походкой, съ опущенными глазами, съ надвинутой на лобъ шляпой; почти каждый встрѣчный прохожій провожалъ его пытливымъ взоромъ.... но онъ не замѣчалъ прохожихъ.... не то, что на бульварѣ!...

„Несчастная Клара! безумная Клара!“—звучало у него на душѣ.

X.

Однако, слѣдующій день Аратовъ провелъ довольно спокойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время, онъ постоянно думалъ о Кларѣ, о томъ, что ему наканунѣ сказалъ Купферъ. Правда, его думы были тоже довольно мирнаго свойства. Ему казалось, что эта странная дѣвушка интересовала его съ психологической точки зрѣнія, какъ нѣчто въ родѣ загадки, надъ разрѣшеніемъ которой стоило бы поломать голову.—„Убѣжала съ актрисой на содержаньи“, думалось ему, „отдалась подъ покровительство этой княгини, у которой, кажется, жила—и никакихъ *амуровъ*? Неправдоподобно!... Купферъ говоритъ: гордость! Но, во-первыхъ, мы знаемъ“ (Аратову слѣдовало сказать: мы вычитали въ книгахъ).... „мы знаемъ, что гордость уживается съ легкомысленнымъ поведеніемъ; а во вторыхъ, какъ же она, такая гордая, назначила свиданіе человѣку, который могъ оказать ей презрѣніе.... и оказалъ.... да еще въ публичномъ мѣстѣ.... на бульварѣ!“—Тутъ Аратову вспомнилась вся сцена на бульварѣ—и онъ спросилъ себя: точно ли онъ оказалъ Кларѣ презрѣніе?—Нѣтъ, рѣшилъ онъ.... Это было другое чувство.... чувство недоразумѣнія.... недовѣрчивости, наконецъ!—„Несчастная Клара!“ снова прозвучало у него въ головѣ.—„Да, несчастная, рѣшилъ онъ

опять.... Это самое подходящее слово.—А коли такъ—я былъ несправедливъ. Она вѣрно сказала, что я ея не понялъ. Жаль!—Такое, быть можетъ, замѣчательное существо прошло такъ близко мимо.... и я не воспользовался, я оттолкнулъ.... Ну, ничего! Жизнь еще вся впереди. Пожалуй еще не такія случатся встрѣчи!

— Но съ какой стати она именно *меня* выбрала? — Онъ взглянулъ на зеркало, мимо котораго проходилъ.—Что во мнѣ особеннаго? И какой я красавецъ?—Такъ, лицо.... какъ всѣ лица.... Впрочемъ, и она не красавица.

— Не красавица.... а какое выразительное лицо! Неподвижное.... а выразительное! Я такого лица еще не встрѣчалъ.—И талантъ у ней есть.... то-есть былъ, несомнѣнный. Дикій, неразвитый, даже грубый.... но несомнѣнный.—И въ этомъ случаѣ я былъ къ ней несправедливъ.—Аратовъ мысленно перенесся на литературно-музыкальное утро.... и самъ замѣтилъ за собою, что онъ чрезвычайно ясно вспоминалъ каждое пропѣтое и сказанное ею слово, каждую интонацію.... Этого бы не случилось, еслибы она была лишена таланта.

— И теперь все это въ могилѣ, куда она сама себя толкнула.... Но я тутъ не причемъ.... Я не виноватъ! Было бы даже смѣшно думать, что я виноватъ.—Аратову опять пришло въ голову, что если бы даже и было у ней „что-нибудь такое“—его поведеніе во время свиданія несомнѣнно ее разочаровало. Оттого-то она такъ жестоко и разсмѣялась на прощаніе.—Да и гдѣ доказательство, что она отравилась отъ несчастной любви? Это одни газетные корреспонденты всякую подобную смерть приписываютъ несчастной любви!—Людямъ съ такимъ характеромъ, какъ у Клары, жизнь легко становится постылой.... скучной. Да, скучной. Купферъ правъ: просто, ей надоѣло жить.

— Несмотря на успѣхи, на овація? — Аратовъ задумался.—Ему даже пріятенъ былъ психологическій ана-

лизъ, которому онъ предавался. Чуждый до сихъ поръ всякаго соприкосновенія съ женщинами, онъ и не подозрѣвалъ, какъ знаменательно было для него самого это напряженное разбирательство женской души.

„Значитъ, продолжалъ онъ свои размышленія, искусство не удовлетворяло ея, не наполняло пустоты ея жизни. Настоящіе художники только и существуютъ для художества, для театра.... Все остальное блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что̀ они считаютъ своимъ призваньемъ... Она была дилеттантка!“

Тутъ Аратовъ опять задумался.—Нѣтъ, слово „дилеттантка“, не вязалось съ тѣмъ лицомъ, съ выраженіемъ того лица, тѣхъ глазъ...

И передъ нимъ опять всплылъ образъ Клары съ устремленнымъ на него, залитымъ слезами взоромъ, съ приподнятыми къ губамъ, стиснутыми руками....

„Ахъ, не надо, не надо... прошепталъ онъ... Къ чему?“

Такъ прошелъ цѣлый день. За обѣдомъ Аратовъ много разговаривалъ съ Платошей, разспрашивалъ ее о старинѣ, которую она, впрочемъ, и помнила, и передавала плохо, такъ какъ не очень-то владѣла языкомъ—и кромѣ своего Яши, въ теченіе своей жизни, почти ничего не замѣчала. Она только радовалась тому, что вотъ. онъ какой сегодня добрый да ласковый! — Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ теткой въ свои козыри.

Такъ прошелъ день....—за то ночь!!

XI.

Началась она хорошо;—онъ скоро заснулъ—и когда тетка вошла къ нему на цыпочкахъ, чтобы трижды перекрестить его спящаго—она это дѣлала каждую ночь,—

онъ лежалъ и дышалъ спокойно, какъ дитя.—Но передъ зарею ему привидѣлся сонъ.

Ему снилось: онъ шелъ по голой степи, усѣянной камнями, подъ низкимъ небомъ. Между камнями вилась тропинка; онъ пошелъ по ней.

Вдругъ передъ нимъ поднялось нѣчто въ родѣ тонкаго облачка. Онъ вглядывается; облачко стало женщиной, въ бѣломъ платьѣ, съ свѣтлымъ поясомъ вокругъ стана. Она спѣшитъ отъ него прочь. Онъ не видѣлъ ни лица ея, ни волосъ.... ихъ закрывала длинная ткань. Но онъ непремѣнно хотѣлъ догнать ее и заглянуть ей въ глаза. Только какъ онъ ни торопился—она шла проворнѣе его.

На тропинкѣ лежалъ широкій, плоскій камень, подобный могильной плитѣ. Онъ преградилъ ей дорогу. Женщина остановилась. Аратовъ подбѣжалъ къ ней. Она къ нему обернулась — но онъ все-таки не увидалъ ея глазъ.... они были закрыты. Лицо ея было бѣлое, бѣлое, какъ снѣгъ; руки висѣли неподвижно. Она походила на статую.

Медленно, не сгибаясь ни однимъ членомъ, отклонилась она назадъ и опустилась на ту плиту... И, вотъ, Аратовъ уже лежитъ съ ней рядомъ, вытянутый весь, какъ могильное изваяніе — и руки его сложены, какъ у мертвеца.

Но тутъ женщина вдругъ приподнялась — и пошла прочь. Аратовъ хочетъ тоже подняться... но ни пошевельнуться, ни разжать рукъ онъ не можетъ—и только съ отчаяньемъ глядитъ ей вслѣдъ.

Тогда женщина внезапно обернулась—и онъ увидалъ свѣтлые, живые глаза на живомъ но незнакомомъ лицѣ. Она смѣется, она манитъ его рукою.... а онъ все не можетъ пошевельнуться.

Она засмѣялась еще разъ — и быстро удалилась, весело качая головою, на которой заалѣлъ вѣнокъ изъ маленькихъ розъ.

Аратовъ силится закричать, силится нарушить этотъ страшный кошмаръ....

Вдругъ все кругомъ потемнѣло... и женщина возвратилась къ нему. Но это уже не та незнакомая статуя.... это Клара. Она остановилась передъ нимъ, скрестила руки—и строго, и внимательно смотритъ на него. Губы ея сжаты—но Аратову чудится, что онъ слышитъ слова:

— „Коли хочешь знать, кто я, поѣзжай туда!“

— Куда?—спрашиваетъ онъ.

— „Туда!—слышится стенящій отвѣтъ.—Туда!“

Аратовъ проснулся.

Онъ приподнялся въ постели, зажегъ свѣчку, стоявшую на ночномъ столикѣ,—но не всталъ—и долго сидѣлъ, весь похолодѣлый, медленно осматриваясь кругомъ. Ему казалось, что съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него что-то внѣдрилось.... что-то завладѣло имъ. „Да развѣ это возможно?“ шепталъ онъ безсознательно. „Развѣ существуетъ такая власть?“

Онъ не могъ остаться въ постели. Онъ тихонько одѣлся—и до утра пробродилъ по комнатѣ. И странное дѣло! О Кларѣ онъ не думалъ ни минуты—и не думалъ оттого, что рѣшился на другой же день ѣхать въ Казань!

Онъ думалъ только объ этой поѣздкѣ, о томъ, какъ это сдѣлать, и что съ собою взять,—и какъ онъ тамъ все разыщетъ и узнаетъ—и успокоится.—„Не поѣдешь“, разсуждалъ онъ самъ съ собою,—„пожалуй съ ума сойдешь!“ Онъ боялся этого; боялся своихъ нервовъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только онъ тамъ все это увидитъ воочію—всякія наваожденія разлетятся—какъ тотъ ночной кошмаръ.—„И всего-то на поѣздку пойдетъ недѣля“, думалъ онъ.... „что̀ такое недѣля? а иначе не отдѣлаешься“.

Вставшее солнце освѣтило его комнату; но свѣтъ дневной не разогналъ налегшихъ на него ночныхъ тѣней и не измѣнилъ его рѣшенія.

Съ Платошей чуть не сдѣлался ударъ когда онъ сообщилъ ей это рѣшеніе. Она даже на корточки присѣла.... ноги у ней подкосились. „Какъ въ Казань? зачѣмъ въ Казань?" шептала она, выпучивъ и безъ того слѣпые глаза. Она бы не больше удивилась, если бы узнала, что ея Яша женится на сосѣдней булочницѣ или уѣзжаетъ въ Америку.—„И надолго въ Казань?"

— Я черезъ недѣлю вернусь,—отвѣчалъ Аратовъ стоя въ полу-оборотъ къ теткѣ, все еще сидѣвшей на полу.

Платонида Ивановна хотѣла еще возражать—но Аратовъ совершенно неожиданнымъ и необыкновеннымъ образомъ закричалъ на нее.—Я не ребенокъ,—закричалъ онъ и весь побѣдовѣлъ, губы его задрожали, и глаза сверкнули злобно.—Мнѣ двадцать-шестой годъ, я знаю, что дѣлаю,—я волёнъ дѣлать, что хочу!—Я никому не позволю.... Дайте мнѣ денегъ на дорогу, приготовьте чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ.... и не мучьте меня!—Я черезъ недѣлю вернусь, Платоша, — прибавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

Платоша приподнялась, кряхтя, и уже не возражая болѣе, поплелась въ свою комнату. Яша испугалъ ее.—Не голова у меня на плечахъ,—говорила она кухаркѣ, помогавшей ей укладывать Яшины вещи, — не голова — а улей.... и какія тамъ пчелы жужжатъ—не знаю. Въ Казань уѣзжаетъ, мать моя, въ Ка-за-ань!—Кухарка, видѣвшая наканунѣ, что дворникъ ихъ о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ городовымъ, хотѣла-было доложить объ этомъ обстоятельствѣ своей госпожѣ—да не посмѣла, и только подумала: „въ Казань?—какъ бы не подальше куда-нибудь!"—А Платонида Ивановна дотого растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила.—Въ такой бѣдѣ и Господь Богъ помочь не могъ!

Въ тотъ же день Аратовъ уѣхалъ въ Казань.

XII.

Не успѣлъ онъ прибыть въ этотъ городъ и занять номеръ въ гостинницѣ—какъ уже бросился отыскивать домъ вдовы Миловидовой. Во время всего путешествія онъ находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему принимать всѣ нужныя мѣры, въ Нижнемъ-Новгородѣ перебраться съ желѣзной дороги на пароходъ, кушать на станціяхъ и т. д. Онъ по-прежнему былъ увѣренъ, что *тамъ* все разрѣшится—и потому отгонялъ отъ себя всякія воспоминанія и соображенія, удовлетворяясь однимъ—мысленнымъ приготовленіемъ того *спича*, въ которомъ онъ изложитъ передъ семействомъ Клары Миличъ настоящую причину своей поѣздки.—Вотъ, онъ, наконецъ, добрался до цѣли своего стремленья, велѣлъ о себѣ доложить. Его впустили.... съ недоумѣніемъ и испугомъ—но впустили.

Домъ вдовы Миловидовой оказался дѣйствительно такимъ, какимъ описалъ его Купферъ; и сама вдова точно походила на одну изъ купчихъ Островскаго, хотя была чиновница: мужъ ея состоялъ въ чинѣ коллежскаго ассесора. Не безъ нѣкотораго затрудненія Аратовъ, предварительно извинясь въ своей смѣлости, въ странности своего посѣщенія, произнесъ приготовленный спичъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о столь рано погибшей даровитой артисткѣ: какъ имъ руководитъ въ этомъ случаѣ не праздное любопытство, а глубокое сочувствіе къ ея таланту, котораго онъ былъ поклонникомъ (онъ такъ и сказалъ: поклонникомъ); какъ, наконецъ, было бы грѣшно оставить публику въ невѣдѣніи о томъ, что̀ она потеряла — и почему не сбылись ея надежды! — Г-жа Миловидова не прерывала Аратова: она едва ли хорошо понимала, что̀ такое ей говоритъ этотъ незнакомый гость—

и только пучилась слегка и таращила на него глаза, находя однако, что видъ у него смирный, одѣтъ онъ прилично—и не мазурикъ какой.... денегъ не попроситъ.

— Вы это о Катѣ?—спросила она, какъ только Аратовъ умолкъ.

— Точно такъ.... о вашей дочери.

— И вы для этого изъ Москвы пріѣхали?

— Изъ Москвы.

— Только для этого?

— Для этого.

Г-жа Миловидова вдругъ встрепенулась. — Да вы — сочинитель? Въ журналахъ пишете?

— Нѣтъ, я не сочинитель—и въ журналахъ до сихъ поръ не писалъ.

Вдова наклонила голову. Она недоумѣвала.

— Стало быть.... по собственной охотѣ? — спросила она вдругъ. Аратовъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— По сочувствію, изъ уваженія къ таланту—промолвилъ онъ наконецъ.

Слово: „уваженіе“ понравилось г-жѣ Миловидовой.— Что-жъ! произнесла она со вздохомъ.... Я хоть и мать ея— и очень о ней горевала.... Вѣдь такое вдругъ несчастье!... Но должна сказать: шальная она была всегда—и покончила такимъ же манеромъ! Срамъ такой.... Посудите: каково это для матери? Ужъ на томъ спасибо, что похоронили ее по-христіански.... Г-жа Миловидова перекрестилась.—Съизмала она никому не покорялась—родительскій домъ покинула.... и, наконецъ,—легко сказать!—въ актерки пошла! Извѣстно: отъ дому я ей не отказала: вѣдь я любила ее! Вѣдь я все-таки мать! Не у чужихъ же ей жить—да побираться!... Тутъ вдова прослезилась. — А если у васъ, господинъ,—заговорила она снова, утирая глаза концами косынки,—точно есть такое намѣреніе, и вы противъ насъ никакого безчестія не замышляете—а,

напротивъ, хотите вниманіе оказать—такъ вы, вотъ, съ моей другой дочкой поговорите. Она все вамъ разскажетъ лучше моего....—Аниочка! кликнула г-жа Миловидова:—Аниочка, подь сюда! Вотъ. здѣсь какой-то господинъ изъ Москвы на счетъ Кати побесѣдовать желаетъ!

Что-то стукнуло въ сосѣдней комнатѣ; но никто не появлялся.—Аниочка!—кликнула опять вдова: — Анна Семеновна! иди, говорятъ тебѣ!

Дверь тихонько растворилась, и на порогѣ показалась дѣвушка, уже немолодая, болѣзненнаго вида—и некрасивая—но съ очень кроткими и грустными глазами. Аратовъ поднялся съ мѣста ей на-встрѣчу и отрекомендовался, причемъ назвалъ своего друга Куфера.—А! Оедоръ Оедорычъ! тихонько произнесла дѣвушка и тихонько опустилась на стулъ.

— Ну, вотъ, побесѣдуй съ господиномъ, промолвила г-жа Миловидова, грузно поднимаясь съ мѣста:—потрудился, нарочно изъ Москвы пріѣхалъ,—о Катѣ свѣдѣнія собрать желаетъ. А вы меня, господинъ,—прибавила она, обращаясь къ Аратову,—извините.... Я уйду, по хозяйству. Съ Аниочкой вы можете хорошо объясниться—она вамъ и о театрѣ разскажетъ.... и все такое. Она у меня умница, образованная: по-французски говоритъ и книжки читаетъ, не хуже сестры ея покойницы. Она же ее, можно сказать, воспитывала.... Старше ея была—ну, и занялась.

Г-жа Миловидова удалилась. Оставшись наединѣ съ Анной Семеновной, Аратовъ повторилъ ей свой спичъ; но съ перваго же взгляда поняв, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкой, дѣйствительно образованной, не съ купеческой дочкой,—нѣсколько распространился—и выраженія другія употребилъ;—а подъ конецъ самъ разволновался, покраснѣлъ и почувствовалъ, что сердце у него застучало. Анна слушала его молча, положивъ руку на руку; печальная

улыбка не сходила съ ея лица.... горькое, непереболѣвшее горе сказывалось въ этой улыбкѣ.

— Вы знали мою сестру?—спросила она Аратова.

— Нѣтъ; я ея собственно не зналъ,—отвѣчалъ онъ. Видѣлся съ нею и слышалъ ее разъ.... но вашу сестру стоило разъ увидѣть и услышать....

— Вы хотите ея біографію написать?—спросила опять Анна.

Аратовъ не ожидалъ этого слова; однако, тотчасъ же отвѣтилъ, что—отчего же нѣтъ? Но главное, онъ хотѣлъ познакомить публику....

Анна остановила его движеніемъ руки.

— Это на что же? Публика ей безъ того много горя надѣлала; да и Катя только-что начинала жить. Но если вы сами (Анна посмотрѣла на него и опять улыбнулась той же печальной, но уже болѣе привѣтной улыбкой.... она какъ будто подумала: да, ты внушаешь мнѣ довѣріе)... если вы сами питаете къ ней такое участіе, то позвольте васъ попросить придти къ намъ сегодня вечеромъ.... послѣ обѣда. Я теперь не могу.... такъ, вдругъ.... Я соберусь съ силами.... Я попытаюсь.... Ахъ, я слишкомъ любила ее!

Анна отвернулась; она готова была зарыдать.

Аратовъ проворно поднялся со стула, поблагодарилъ за предложеніе, сказалъ, что придетъ непремѣнно.... непремѣнно!—и ушелъ, унося въ душѣ впечатлѣніе тихаго голоса, кроткихъ и грустныхъ глазъ—и сгорая томленьемъ ожиданія.

XIII.

Аратовъ въ тотъ же день вернулся къ Миловидовымъ и цѣлыхъ три часа пробесѣдовалъ съ Анной Семеновной. Г-жа Миловидова ложилась спать тотчасъ послѣ обѣда—въ два часа—и „отдыхала“ до вечерняго чаю, до семи ча-

совъ. Разговоръ Аратова съ сестрою Клары не былъ собственно бесѣдой: она говорила почти одна, сперва съ запинкой, съ смущеніемъ, но потомъ съ неудержимымъ жаромъ. Она, очевидно, боготворила свою сестру. Довѣріе, внушенное ей Аратовымъ, росло и крѣпло; она уже не стѣснялась; она даже раза два, молча, всплакнула передъ нимъ. Онъ казался ей достойнымъ ея откровенныхъ сообщеній и изліяній.... въ ея собственной глухой жизни ничего такого еще не случалось!... А онъ.... онъ впивалъ каждое ея слово.

Вотъ, что онъ узналъ.... многое, конечно, изъ недомолвокъ.... многое онъ дополнилъ самъ.

Въ дѣтствѣ Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ; и въ дѣвушкахъ она была немногимъ мягче: своевольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность. Онъ это чувствовалъ и не прощалъ ей этого. Музыкальныя способности въ ней оказались рано; отецъ не давалъ имъ ходу, признавая художествомъ одну живопись, въ которой такъ мало самъ преуспѣлъ, но которая кормила и его, и семью. Мать свою Клара любила.... небрежно, какъ няню; сестру обожала, хоть и дралась съ ней, и кусала ее.... Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенныя мѣста. Она была вся — огонь, вся — страсть и вся — противорѣчіе: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу—и не вѣрила въ Бога (эти слова Анна прошептала съ ужасомъ): любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась, какъ попало: терпѣть не могла, чтобы за ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви; не хотѣла нравиться, не любила ласки и никогда ласки не забывала, какъ и не забывала оскорбленія; боялась смерти и сама себя убила! Она говаривала иногда: „Такого, какъ я

хочу—я не встрѣчу.... а другихъ мнѣ не надо!"—Ну, а если встрѣтишь?—спрашивала Анна.—„Встрѣчу.... возьму".—А если не дастся?—„Ну, тогда.... съ собой покончу. Значитъ, не гожусь". Отецъ Клары.... (онъ иногда съ пьяныхъ глазъ спрашивалъ у жены: — „Отъ кого у тебя этотъ бѣсенокъ черномазый? — не отъ меня!") — отецъ Клары, стараясь ее сбыть поскорѣе съ рукъ, просваталъ-было ее за богатаго молодого купчика, преглупенькаго,—изъ „образованныхъ". За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ), она подошла къ своему жениху, скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ, какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой! Онъ вскочилъ и только ротъ разинулъ,—надо сказать, что онъ былъ смертельно въ нее влюбленъ.... Спрашиваетъ: за что? Она засмѣялась и ушла.—Я тутъ же, въ комнатѣ, находилась,—разсказывала Анна,—была свидѣтельницей. Побѣжала за ней, да говорю ей:—Катя, помилуй, что ты это?—А она мнѣ въ отвѣтъ: „Коли-бъ настоящій былъ человѣкъ—прибилъ бы меня, а то—курица мокрая! И еще спрашиваетъ: за что? Коли любишь, и не отмстилъ, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ—во вѣки вѣковъ!" Такъ она замужъ за него и не пошла. Тутъ же скоро она съ той актрисой познакомилась — и оставила нашъ домъ. Матушка поплакала, а отецъ только сказалъ: „Строптивую козу изъ стада вонъ!" и хлопотать, разыскивать не сталъ. Отецъ не понималъ Клары. Меня она, наканунѣ своего бѣгства, прибавила Анна, чуть не задушила въ своихъ объятіяхъ—и все повторяла: не могу! не могу иначе!... Сердце пополамъ, а не могу! Клѣтка ваша мала.... не по крыльямъ! Да и своей судьбы не минуешь....

— Послѣ этого,—замѣтила Анна,—мы съ ней рѣдко видались.... Когда умеръ отецъ, она пріѣхала на два дня, ничего изъ наслѣдства не взяла—и опять скрылась. Ей

у насъ было тяжело.... Я это видѣла. Потомъ она пріѣхала въ Казань уже актрисой.

Аратовъ началъ разспрашивать Анну о театрѣ, о роляхъ, въ которыхъ появлялась Клара, объ ея успѣхахъ.... Анна отвѣчала подробно, но съ тѣмъ же горестнымъ, хоть и живымъ увлеченіемъ. Она даже показала Аратову фотографическую карточку, на которой Клара была представлена въ костюмѣ одной изъ ея ролей. На карточкѣ она глядѣла въ сторону, словно отворачивалась отъ зрителей; перевитая лентой густая коса падала змѣей на обнаженную руку. Аратовъ долго разсматривалъ эту карточку, нашелъ ее схожей, спросилъ, не участвовала ли Клара въ публичныхъ чтеніяхъ, и узналъ, что нѣтъ; что ей нужно было возбужденіе театра, сцены.... но другой вопросъ горѣлъ у него на губахъ.

— Анна Семеновна!—воскликнулъ онъ, наконецъ, не громко, но съ особенной силой,—скажите, умоляю васъ, скажите, отчего она.... отчего она рѣшилась на тотъ ужасный поступокъ?...

Анна опустила глаза. — Не знаю! — промолвила она, спустя нѣсколько мгновеній.—Ей-Богу, не знаю!—продолжала она стремительно, замѣтивъ, что Аратовъ развелъ руками, какъ бы не вѣря ей....—Съ самаго пріѣзда сюда, она, точно, была задумчива, мрачна. Съ ней непремѣнно что-нибудь въ Москвѣ случилось, чего я не могла разгадать! Но, напротивъ, въ тотъ роковой день она какъ будто была.... если не веселѣе, то спокойнѣе обыкновеннаго. Даже у меня никакихъ предчувствій не было,—прибавила Анна съ горькой усмѣшкой, какъ бы упрекая себя въ этомъ.

— Видите ли,—заговорила она опять:—у Кати словно на роду было написано, что она будетъ несчастна. Съ раннихъ лѣтъ она была въ этомъ убѣждена. Подопретея такъ рукою, задумается и скажетъ: „Мнѣ не долго жить!“ У ней бывали предчувствія. Представьте, что она даже

заранѣе,—иногда во снѣ, а иногда и такъ, видѣла, что̀ съ ней будетъ! „Не могу жить, какъ хочу, такъ и не надо“.... тоже была ея поговорка.—„Вѣдь наша жизнь въ нашей рукѣ!“ И она это доказала!

Анна закрыла лицо руками—и умолкла.

— Анна Семеновна,—началъ, погодя немного, Аратовъ: — вы можетъ быть, слышали, чему приписывали газеты....

— Несчастной любви?—перебила Анна, разомъ отдернувъ руки отъ лица.—Это клевета, клевета, выдумка!... Моя нетронутая, неприступная Катя.... Катя!... и несчастная, отвергнутая любовь?!!. И я бы этого не знала?... Въ нее, въ нее всѣ влюблялись.... а она.... И кого бы она здѣсь полюбила? Кто, изо всѣхъ этихъ людей, кто былъ ея достоинъ? Кто дорось до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное,—чистоты, который, при всѣхъ ея недостаткахъ, постоянно носился передъ нею?... Ее отвергнуть.... ее....

Голосъ прервался у Анны.... Ея пальцы слегка задрожали. Она вдругъ вся покраснѣла.... покраснѣла отъ негодованія—и въ этотъ мигъ—и только на мигъ—стала похожа на сестру.

Аратовъ началъ-было извиняться.

— Послушайте,—опять перебила Анна:—я непремѣнно хочу, чтобы вы и сами не вѣрили въ эту клевету и разсѣяли бы ее, если это возможно! Вотъ, вы хотите написать о ней статью, что̀ ли: вотъ вамъ случай защитить ея память! Я оттого и говорю съ вами такъ откровенно. Послушайте: отъ Кати остался дневникъ....

Аратовъ вздрогнулъ.—Дневникъ,—прошепталъ онъ.

— Да, дневникъ.... то-есть, всего нѣсколько страничекъ.—Катя не любила писать.... по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не записывала.... и письма ея были такія короткія. Но она всегда, всегда была правдива, она никогда не лгала...

съ ея самолюбіемъ, да лгать! Я.... я вамъ покажу этотъ дневникъ! Вы увидите сами, былъ ли въ немъ хотя намекъ на какую-то несчастную любовь!

Анна торопливо достала изъ столоваго ящика тоненькую тетрадку, страницъ въ десять, не болѣе, и протянула ее Аратову. Тотъ схватилъ ее съ жадностью, узналъ неправильный, размашистый почеркъ, почеркъ того безъимяннаго письма, развернулъ ее на удачу—и тотчасъ же напалъ на слѣдующія строки:

„Москва. — Вторникъ ....го іюня. Нѣла и читала на литературномъ утрѣ. Сегодня для меня знаменательный день. *Онъ долженъ рѣшить мою участь.* (Эти слова были дважды подчеркнуты). Я опять увидала..." Тутъ слѣдовало нѣсколько тщательно замаранныхъ строкъ.—И потомъ: „Нѣтъ! нѣтъ, нѣтъ!.... Надо опять за прежнее, если только...."

Аратовъ опустилъ руку, въ которой онъ держалъ тетрадку, и голова его тихо свѣсилась на грудь.

— Читайте!—воскликнула Анна. — Чтожъ вы не читаете? Прочтите сначала.... Тутъ всего на пять минутъ чтенія, хоть и на цѣлыхъ два года тянется этотъ дневникъ. Въ Казани она уже ничего не записывала....

Аратовъ медленно поднялся со стула, и такъ и обрушился на колѣни передъ Анной!

Та просто окаменѣла отъ удивленія и испуга.

— Дайте.... дайте мнѣ этотъ дневникъ. — заговорилъ Аратовъ замиравшимъ голосомъ,—и протянулъ къ Аннѣ обѣ руки.—Дайте мнѣ его.... и карточку.... у васъ навѣрное есть другая—а дневникъ я вамъ возвращу.... Но мнѣ нужно, нужно....

Въ его мольбѣ, въ искаженныхъ чертахъ его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страданіе.... Да онъ и страдалъ дѣйствительно.

Онъ словно самъ не могъ предвидѣть, что надъ нимъ стрясется такая бѣда—и раздраженно молилъ о пощадѣ, о спасеніи....

— Дайте,—повторилъ онъ.

— Да.... вы.... вы были влюблены въ мою сестру?—проговорила, наконецъ, Анна.

Аратовъ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— Я ее всего два раза видѣлъ.... вѣрьте мнѣ!... и если бы меня не побуждали причины, которыя я самъ ни понять, ни изъяснить хорошенько не могу.... еслибъ не была надо мною какая-то власть, сильнѣе меня.... я не сталъ бы васъ просить... я бы не пріѣхалъ сюда... Мнѣ нужно... я долженъ... вѣдь вы сами сказали, что я обязанъ возстановить ея образъ!

— И вы не были влюблены въ сестру? — спросила Анна вторично.

Аратовъ не тотчасъ отвѣтилъ—и отвернулся слегка, какъ отъ боли.

— Ну, да! былъ! былъ! — я и теперь влюбленъ....— воскликнулъ онъ съ тѣмъ же отчаяньемъ.

Послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Встаньте.... встаньте.... — поспѣшно промолвила Анна.—Къ намъ матушка идетъ.

Аратовъ приподнялся.

— И возьмите дневникъ и карточку, Богъ съ вами!—Бѣдная, бѣдная Катя!... Но вы дневникъ мнѣ возвратите,—прибавила она съ живостью.—И если вы что напишете, пришлите мнѣ непремѣнно.... Слышите?

Появленіе г-жи Миловидовой избавило Аратова отъ необходимости отвѣчать.—Онъ успѣлъ, однако, шепнуть:—Вы ангелъ! Спасибо! пришлю все, что напишу....

Г-жа Миловидова спросонья ни о чемъ не догадалась. Такъ Аратовъ и уѣхалъ изъ Казани съ фотографической карточкой въ боковомъ карманѣ сюртука.

Тетрадку онъ возвратилъ Анѣ—но, незамѣтно для нея, вырѣзалъ листикъ, на которомъ находились подчеркнутыя слова.

На обратномъ пути въ Москву имъ опять овладѣло оцѣпенѣніе. Хоть онъ и радовался втайнѣ, что добился-таки того, за чѣмъ ѣздилъ, однако, всѣ помышленія о Кларѣ онъ откладывалъ до возвращенія домой. Онъ гораздо больше думалъ о ея сестрѣ Анѣ.—Вотъ, думалъ онъ, чудесное, симпатичное существо! Какое тонкое пониманіе всего, какое любящее сердце, какое отсутствіе эгоизма! И какъ это у насъ, въ провинціи—да еще въ такой обстановкѣ—расцвѣтаютъ такія дѣвушки! Она и болѣзненна, и собой дурна, и не молода,—а какой бы отличной была подругой для порядочнаго, образованнаго человѣка! Вотъ, въ кого слѣдовало бы влюбиться!...—Аратовъ думалъ такъ.... но по прибытіи въ Москву дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

XIV.

Платонида Ивановна несказанно обрадовалась возвращенію своего племянника. Чего-чего она не передумала въ его отсутствіе!—„По меньшей мѣрѣ, въ Сибирь!“ шептала она, сидя неподвижно въ своей комнаткѣ:—„по меньшей мѣрѣ—на годъ!“—Къ тому же, и кухарка пугала ее, сообщая наиѣвриѣйшія извѣстія объ исчезновеніи то того, то другого молодого человѣка по сосѣдству. Совершенная невинность и благонадежность Яши нисколько не успокоивали старушку.—„Потому.... мало ли что!—фотографіей занимается.... ну, и довольно! Бери его!“—И вотъ, ея Яшенька вернулся цѣлъ и невредимъ! Правда, она замѣтила, что онъ какъ будто похудѣлъ и въ личикъ осунулся—дѣло понятное.... безъ призора!—но разспрашивать его объ его путешествіи не посмѣла. Спросила за обѣдомъ: — А хорошій городъ Казань? — Хорошій — отвѣ-

чалъ Аратовъ. — Чай, тамъ все татары живутъ? — Не одни татары.—А халата оттуда не привезъ?—Нѣтъ, не привезъ.—Тѣмъ и кончился разговоръ.

Но какъ только Аратовъ очутился одинъ въ своемъ кабинетѣ—онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило, что онъ опять находится *во власти*, именно во власти другой жизни, другого существа. Хоть онъ и сказалъ Аннѣ—въ томъ порывѣ внезапнаго изступленія,—что онъ влюбленъ въ Клару—но это слово ему самому теперь казалось безсмысленнымъ и дикимъ.—Нѣтъ, онъ не влюбленъ; да и какъ влюбиться въ мертвую, которая даже при жизни ему не нравилась, которую онъ почти забылъ? Нѣтъ! но онъ во власти.... въ *ея* власти.... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе. Онъ—*взятъ*. Взятъ до того, что даже не пытается освободиться ни насмѣшкой надъ собственной нелѣпостью, ни возбужденьемъ въ себѣ, если не увѣренности, то хоть надежды, что это все пройдетъ, что это—одни нервы,—ни пріискиваньемъ къ тому доказательствъ,—ни чѣмъ инымъ! — „Встрѣчу — возьму"—вспомнились ему слова Клары, переданныя Анной.... вотъ, онъ и взятъ.—Да вѣдь она—мертвая? Да; тѣло ея мертвое.... а душа?—развѣ она не безсмертная.... развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть?—Вонъ, магнетизмъ намъ доказалъ вліяніе живой человѣческой души на другую живую человѣческую душу.... Отчего же это вліяніе не продолжится и послѣ смерти—коли душа остается живою? — Да съ какой цѣлью? Что изъ этого можетъ выдти?—Но развѣ мы — вообще — постигаемъ, какая цѣль всего, что совершается вокругъ насъ?—Эти мысли до того занимали Аратова, что онъ внезапно, за чаемъ, спросилъ Платошу: вѣритъ ли она въ безсмертіе души? Та сначала не поняла, что̀ онъ такое спрашиваетъ—а потомъ перекрестилась и отвѣтила, что еще бы—душѣ—да не быть безсмертной!—А коли такъ, можетъ

она дѣйствовать послѣ смерти?—опять спросилъ Аратовъ. Старушка отвѣчала, что можетъ.... за насъ молиться, то-есть; и то, когда пройдетъ всѣ мытарства—въ ожиданьи Страшнаго Суда. А первые сорокъ дней она только витаетъ около того мѣста, гдѣ ей смерть приключилась.

— Первые сорокъ дней?

— Да; а потомъ пойдутъ мытарства.

Аратовъ подивился познаніямъ тетки — и ушелъ къ себѣ.—И опять почувствовалъ то же, ту же власть надъ собой.—Власть эта сказывалась и въ томъ, что ему безпрестанно представлялся образъ Клары, до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ: онъ видѣлъ.... видѣлъ ея пальцы, ногти, грядки волосъ на щекахъ подъ висками, небольшую родинку подъ лѣвымъ глазомъ; видѣлъ движенія ея губъ, ноздрей, бровей.... и какая у ней походка— и какъ она держитъ голову немного на правый бокъ.... все видѣлъ онъ!—Онъ вовсе не любовался всѣмъ этимъ: онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть.—Въ первую ночь послѣ своего возвращенія, она, однако, ему не снилась.... онъ очень усталъ и спалъ, какъ убитый. За то, какъ только онъ проснулся— она снова вошла въ его комнату—и такъ и осталась въ ней—точно хозяйка; точно она своей добровольной смертью купила себѣ это право, не спросясь его и не нуждаясь въ его позволеньи. — Онъ взялъ ея фотографическую карточку; началъ ее воспроизводить, увеличивать. Потомъ онъ вздумалъ ее приладить къ стереоскопу. Хлопотъ ему было много.... наконецъ, это ему удалось. Онъ такъ и вздрогнулъ, когда увидалъ сквозь стекло ея фигуру, получившую подобіе тѣлесности. Но фигура эта была сѣрая, словно запыленная.... и, къ тому же, глаза.... глаза все смотрѣли въ сторону, все какъ будто отворачивались. Онъ сталъ долго, долго глядѣть на нихъ, какъ бы ожидая, что вотъ, они направятся въ его

сторону.... онъ даже нарочно прищуривался.... но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала видъ какой-то куклы. Онъ отошелъ прочь, бросился въ кресло, досталъ вырванный листокъ ея дневника, съ подчеркнутыми словами—и подумалъ: „вѣдь вотъ, говорятъ, влюбленные цѣлуютъ строки, написанныя милой рукою—а мнѣ этого не хочется дѣлать—да и почеркъ мнѣ кажется некрасивымъ. Но въ этой строкѣ—мой приговоръ". —Тутъ ему пришло въ голову обѣщанье, данное Аннѣ насчетъ статьи. Онъ сѣлъ за столъ и принялся-было ее писать; но все у него выходило такъ ложно, такъ риторично.... главное, такъ ложно.... точно онъ не вѣрилъ ни въ то, что онъ писалъ, ни въ собственныя чувства.... да и сама Клара показалась ему незнакомой, непонятной! Она не давалась ему.—„Нѣтъ!" подумалъ онъ, бросая перо: „либо сочинительство вообще не мое дѣло, либо еще подождать надо!"—Онъ сталъ припоминать свое посѣщеніе у Миловидовыхъ — и весь разсказъ Анны, этой доброй, чудной Анны.... Сказанное ею слово: „нетронутая!" внезапно поразило его. Словно что и обожгло его, и освѣтило.—„Да, промолвилъ онъ громко: она нетронутая—и я нетронутый.... Вотъ, что дало ей эту власть!

Мысли о безсмертіи души, о жизни за гробомъ снова посѣтили его.—Развѣ не сказано въ Библіи: „Смерть, гдѣ жало твое?" А у Шиллера: „И мертвые будутъ жить!" (Auch die Todten sollen leben!). — Или, вотъ, еще, кажется, у Мицкевича: — „Я буду любить до скончанія вѣка.... и по скончаніи вѣка!"—А одинъ англійскій писатель сказалъ: „Любовь сильнѣе смерти!"—Библейское изреченіе особенно подѣйствовало на Аратова.—Онъ хотѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ находились эти слова.... Библіи у него не было: онъ пошелъ попросить ее у Платоши.—Та удивилась; однако, достала старую-старую книгу въ покороблепномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застеж-

ками, всю закапанную воскомъ,—и вручила ее Аратову. Онъ унесъ ее къ себѣ въ комнату—но долго не находилъ того изреченія.... за то ему попалось другое:

„Бо̀льшее сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.... (Ев. отъ Іоанна, XV гл. 13 ст.).

Онъ подумалъ: „Не такъ сказано.—Надо было сказать: „Бо̀льшее сея *власти* никто же имать“....

— „А если она вовсе не за меня положила свою душу?—Если она только потому покончила съ собою, что жизнь ей стала въ тягость?—Если она, наконецъ, вовсе не для любовныхъ объясненій пришла на свиданіе?“

Но въ это мгновенье ему представилась Клара передъ разлукой на бульварѣ.... Онъ вспомнилъ то горестное выраженіе на ея лицѣ—и тѣ слезы, и тѣ слова:—Ахъ, вы ничего не поняли!...

Нѣтъ! онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, изъ-за чего и для кого она положила свою душу....

Такъ прошелъ весь этотъ день, до ночи.

XV.

Аратовъ легъ рано, безъ особеннаго желанія спать: но онъ надѣялся найти отдыхъ въ постели. Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе, гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги. Однако, какъ ни было велико его утомленіе, заснуть онъ не могъ. Онъ попытался читать.... но строки путались передъ его глазами. Онъ погасилъ свѣчку, — и мракъ водворился въ его комнатѣ.—Но онъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами.... И вотъ—ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо.... „Стукъ сердца, шелестъ крови“,—подумалъ онъ.... Но шепотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо,

жалобно и невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить.... Но это былъ голосъ Клары!

Аратовъ открылъ глаза, приподнялся, облокотился.... Голосъ сталъ слабѣе, но продолжалъ свою жалобную, посиѣшную, по-прежнему невнятную рѣчь....

Это несомнѣнно голосъ Клары!

Чьи-то пальцы пробѣжали легкими аріеджіями по клавишамъ піанино.... Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки.... какъ бы стоны.... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова....

„Розы.... розы.... розы“....

— Розы,—повторилъ шепотомъ Аратовъ.—Ахъ, да! это тѣ розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины, во снѣ....

„Розы“, послышалось опять.

— Ты ли это? — спросилъ тѣмъ же шепотомъ Аратовъ.

Голосъ вдругъ умолкъ.

Аратовъ подождалъ.... подождалъ—и уронилъ голову на подушку. „Галлюцинація слуха, подумалъ онъ. Ну, а если.... если она, точно, здѣсь, близко?... Если бы я ее увидѣлъ—испугался ли бы я?—Или обрадовался? Но чего бы я испугался? Чему бы обрадовался? Развѣ вотъ чему: это было бы доказательствомъ, что есть другой міръ, что душа безсмертна.—Но, впрочемъ, если бы я даже что-нибудь увидѣлъ—вѣдь это могло бы тоже быть галлюцинаціей зрѣнья....

Однако, онъ зажегъ свѣчку—и быстрымъ взоромъ, не безъ нѣкотораго страха, обѣжалъ всю комнату.... и ничего въ ней необыкновеннаго не увидѣлъ. Онъ всталъ, подошелъ къ стереоскопу.... опять та же сѣрая кукла съ глазами, смотрящими въ сторону. Чувство страха замѣнилось въ Аратовѣ чувствомъ досады. Онъ какъ будто обманулся въ своихъ ожиданьяхъ.. . да и смѣшны ему показались эти

самыя ожиданья.—Вѣдь это, наконецъ, глупо!—пробормоталъ онъ, снова ложась въ постель—и задулъ свѣчку. Опять водворилась глубокая темнота.

Аратовъ рѣшился заснуть на этотъ разъ.... Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него—и чуть замѣтно дышетъ. Онъ поспѣшно обернулся, раскрылъ глаза.... Но что же можно было видѣть въ этой непроницаемой темнотѣ? — Онъ сталъ отыскивать спичку на ночномъ столикѣ.... и вдругъ ему почудилось, что какой-то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, сквозь него — и слово: „Я!“ явственно раздалось въ его ушахъ....

— „Я!... Я!...“

Прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ онъ успѣлъ зажечь свѣчку.

Въ комнатѣ опять никого не было — и онъ уже не слышалъ ничего, кромѣ порывистаго стука собственнаго сердца. Онъ выпилъ стаканъ воды—и остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ.

Онъ подумалъ: „Буду ждать. Либо это все вздоръ.... либо она здѣсь. Не станетъ же она играть со мною, какъ кошка съ мышью!“ Онъ ждалъ, ждалъ долго.... такъ долго, что рука, которой онъ поддерживалъ голову, отекла.... но ни одно изъ прежнихъ ощущеній не повторялось. Раза два глаза его слипались.... Онъ тотчасъ открывалъ ихъ.... по крайней мѣрѣ, ему казалось, что онъ ихъ открывалъ. Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла—и въ комнатѣ стало опять темно.... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ, это пятно шевельнулось, уменьшилось, исчезло.... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается.... Клара! И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему....

На головѣ у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ.... Онъ весь всколыхнулся, приподнялся....

Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ.

— Платоша!—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Это вы?

— Это я, — отвѣтила Платонида Ивановна.... — Я, Яшенёпочекъ, я.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Да ты меня разбудилъ. Сперва все какъ будто стоналъ.... а потомъ вдругъ какъ закричишь:—Спасите! помогите!

— Я кричалъ?

— Да, кричалъ—и хрипло такъ:—Спасите!—Я подумала: Господи! Ужъ не болѣнь ли онъ? Я и вошла. Ты здоровъ?

— Совершенно здоровъ.

— Ну, значитъ, тебѣ дурной сонъ приснился. Хочешь, ладонкомъ покурю?

Аратовъ еще разъ, пристально, вглядѣлся въ тетку—и громко засмѣялся.... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ, вытянутымъ лицомъ, была, дѣйствительно, очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его — всѣ эти чары разлетѣлись разомъ.

— Нѣтъ, Платоша, голубушка, не надо,—промолвилъ онъ.—Извините, пожалуйста, что я нехотя васъ потревожилъ. Почивайте спокойно—и я усну.

Платонида Ивановна постояла еще немного на мѣстѣ, показала на свѣчку, поворчала: зачѣмъ-моль, не гаснешь.... долго ли до бѣды!—и, уходя, не могла удержаться, чтобы хоть издали, да не перекрестить его.

Аратовъ немедленно заснулъ—и спалъ до утра. Онъ и всталъ въ хорошемъ расположеніи духа.... хотя ему и было жаль чего-то.... Онъ чувствовалъ себя легко и сво-

бодно. „Экія романтическія затѣи, подумаешь“, говорилъ онъ самому себѣ съ улыбкой. Онъ ни разу не взглянулъ ни на стереоскопъ, ни на вырванный имъ листикъ. Однако, тотчасъ послѣ завтрака, отправился къ Куперу.

Что его туда влекло.... онъ сознавалъ смутно.

XVI.

Аратовъ засталъ своего сангвиническаго пріятеля дома. Поболталъ съ нимъ немного, попрекнулъ его, что онъ совсѣмъ ихъ съ теткой забываетъ, — выслушалъ новыя похвалы золотой женщинѣ, княгинѣ, отъ которой Куперъ только-что получилъ изъ Ярославля ермолку, вышитую рыбьей чешуей.... и вдругъ, усѣвшись передъ Купером и глядя ему прямо въ глаза, объявилъ, что ѣздилъ въ Казань.

— Ты ѣздилъ въ Казань? Это зачѣмъ?

— Да вотъ, хотѣлъ собрать свѣдѣнія объ этой.... Кларѣ Миличъ.

— О той, что отравилась?

— Да.

Куперъ покачалъ головою.—Вишь, ты какой! А еще тихоня! Тысячу верстъ отломалъ туда и сюда.... изъ-за чего? А? И хоть бы женскій интересъ тутъ былъ какой! Тогда я все понимаю! все! всякія безумства!—Куперъ взъерошилъ себѣ волосы.—Но чтобы одни матеріалы собирать—какъ это у васъ говорится—у ученыхъ мужей.... Слуга покорный! На это существуетъ статистическій комитетъ!—Ну, и чтожъ, познакомился ты со старухой и съ сестрой? Не правда ли, чудесная дѣвушка?

— Чудесная—подтвердилъ Аратовъ.—Она мнѣ много любопытнаго сообщила.

— Сказала она тебѣ, какъ именно отравилась Клара?

— То-есть.... какъ же?

— Да какимъ манеромъ?

— Нѣтъ.... Она еще такъ была огорчена.... Я не посмѣлъ слишкомъ-то разспрашивать. А развѣ было что особенное?

— Конечно, было. Представь: она должна была въ самый тотъ день играть—и играла. Взяла съ собою стклянку яду въ театръ, передъ первымъ актомъ выпила—и такъ и доиграла весь этотъ актъ. Съ ядомъ-то внутри! Какова сила воли? Характеръ каковъ? И, говорятъ, никогда она съ такимъ чувствомъ, съ такимъ жаромъ не проводила своей роли! Публика ничего не подозрѣваетъ, хлопаетъ, вызываетъ.... А какъ только занавѣсъ опустился—и она тутъ же, на сценѣ, упала. Корчи.... корчи.... и черезъ часъ и духъ вонъ! Да развѣ я тебѣ этого не разсказывалъ? И въ газетахъ объ этомъ было!

У Аратова внезапно похолодѣли руки и въ груди задрожало.

— Нѣтъ, ты мнѣ этого не разсказывалъ, — промолвилъ онъ наконецъ.—И ты не знаешь, какая это была пьеса?

Куферъ задумался.—Называли мнѣ эту пьесу.... въ ней является обманутая дѣвушка.... Должно быть, драма какая-нибудь. Клара была рождена для драматическихъ ролей.... Самая ея наружность.... Но куда же ты? — перебилъ самого себя Куферъ, видя, что Аратовъ берется за шапку.

— Мнѣ что-то нездоровится, — отвѣчалъ Аратовъ.— Прощай.... Я въ другой разъ зайду.

Куферъ остановилъ его и заглянулъ ему въ лицо.— Экой ты, братъ, нервическій человѣкъ! Посмотри-ка на себя.... Побѣлѣлъ, какъ глина.

— Мнѣ нездоровится, — повторилъ Аратовъ, освободился отъ руки Купфера и отправился во-свояси. Только

въ это мгновеніе ему стало ясно, что онъ и приходилъ-то къ Куферу съ единственной цѣлью поговорить о Кларѣ...

— „О безумной, о несчастной Кларѣ“....

Однако, придя домой, онъ опять скоро успокоился— до нѣкоторой степени.

Обстоятельства, сопровождавшія смерть Клары, сначала произвели на него потрясающее впечатлѣніе... но потомъ эта игра „съ ядомъ внутри“, какъ выразился Куферъ, показалась ему какой-то уродливой фразой, бравировкой—и онъ уже старался не думать объ этомъ, боясь возбудить въ себѣ чувство, похожее на отвращеніе. А за обѣдомъ, сидя передъ Платошей, онъ вдругъ вспомнилъ ея полуночное появленіе, вспомнилъ эту куцую кофту, этотъ чепецъ съ высокимъ бантомъ (и къ чему бантъ на ночномъ чепцѣ?!), всю эту смѣшную фигуру, отъ которой, какъ отъ свистка машиниста въ фантастическомъ балетѣ, всѣ его видѣнія разсыпались прахомъ! Онъ даже заставилъ Платошу повторить разсказъ о томъ, какъ она услышала его крикъ, испугалась, вскочила, не могла разомъ попасть ни въ свою, ни въ его дверь, и т. д. Вечеромъ онъ съ ней поигралъ въ карты и ушелъ въ свою комнату немного грустный, но опять-таки довольно спокойный.

Аратовъ не думалъ о предстоявшей ночи и не боялся ея: онъ былъ увѣренъ, что проведетъ ее какъ нельзя лучше. Мысль о Кларѣ отъ времени до времени пробуждалась въ немъ; но онъ тотчасъ вспоминалъ, какъ она „фразисто“ себя уморила, и отворачивался. Это „безобразіе“ мѣшало другимъ воспоминаніямъ о ней. Взглянувши мелькомъ на стереоскопъ, ему даже показалось, что она оттого смотрѣла въ сторону, что ей было стыдно. Прямо надъ стереоскопомъ, на стѣнѣ, висѣлъ портретъ его матери. Аратовъ снялъ его съ гвоздя, долго его разсматривалъ, поцѣловалъ и бережно спряталъ въ ящикъ. Отчего онъ это сдѣлалъ? Оттого ли, что тому портрету не слѣдовало находиться въ

слѣдствѣ той женщины.... или по другой какой причинѣ—Аратовъ не отдалъ себѣ отчета. Но портретъ матери возбудилъ въ немъ воспоминаніе объ отцѣ.... объ отцѣ, котораго онъ видѣлъ умирающимъ въ этой же самой комнатѣ, на этой постели. „Что ты думаешь обо всемъ этомъ, отецъ?“ обратился онъ мысленно къ нему: „Ты все это понималъ; ты тоже вѣрилъ въ шиллеровскій міръ духовъ.—Дай мнѣ совѣтъ!“

— Отецъ далъ бы мнѣ совѣтъ всѣ эти глупости бросить,—промолвилъ Аратовъ громко и взялся за книгу. Читать онъ, однако, долго не могъ и, чувствуя какое-то отяжелѣніе всего тѣла, раньше обыкновеннаго легъ въ постель, въ полной увѣренности, что заснетъ немедленно.

Оно такъ и случилось.... но не оправдались его надежды на мирную ночь.

XVII.

Полночь еще не успѣла пробить, какъ ему уже привидѣлся необычайный, угрожающій сонъ.

Ему казалось, что онъ находится въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, котораго онъ былъ хозяиномъ. Онъ недавно купилъ и домъ этотъ, и все прилегавшее къ нему имѣніе. И все ему думается: „хорошо, теперь хорошо, а быть худу!“ Возлѣ него вертится маленькій человѣчекъ, его управляющій; онъ все смѣется, кланяется и хочетъ показать Аратову, какъ у него въ домѣ и въ имѣніи все отлично устроено.—Пожалуйте, пожалуйте,—твердитъ онъ, хихикая при каждомъ словѣ,—посмотрите, какъ у васъ все благополучно! Вотъ лошади... экія чудесныя лошади!—И Аратовъ видитъ рядъ громадныхъ лошадей. Онѣ стоятъ къ нему задомъ въ стойлахъ; гривы и хвосты у нихъ удивительные... но какъ только Аратовъ проходитъ мимо, головы лошадей поворачиваются къ нему—и скверно ска-

лять зубы. — Хорошо.... думаетъ Аратовъ.... а быть худу!—Пожалуйте, пожалуйте, опять твердитъ управляющій:—пожалуйте въ садъ: посмотрите, какія у васъ чудныя яблоки! Яблоки, точно, чудесныя, красныя, круглыя; но какъ только Аратовъ взглядываетъ на нихъ, они морщатся и падаютъ.... „Быть худу“, думаетъ онъ. — А вотъ и озеро, — лепечетъ управляющій: — какое оно синее, да гладкое! Вотъ и лодочка золотая.... Угодно на ней прокатиться?... она сама поплыветъ.—„Не сяду!“ думаетъ Аратовъ: „быть худу!“ и все-таки садится въ лодочку. На днѣ лежитъ, скорчившись, какое-то маленькое существо, похожее на обезьяну; оно держитъ въ лапахъ стклянку съ темной жидкостью.—Не извольте безпокоиться, кричитъ съ берега управляющій...—Это ничего! Это смерть! Счастливаго пути!—Лодка быстро мчится.... но вдругъ налетаетъ вихрь, не въ родѣ вчерашняго, безшумнаго, мягкаго — нѣтъ; черный, страшный, воющій вихрь! — Все мѣшается кругомъ—и среди крутящейся мглы Аратовъ видитъ Клару въ театральномъ костюмѣ: она подноситъ стклянку къ губамъ, слышатся отдаленныя: браво! браво!—и чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо:—А! ты думалъ, это все комедіей кончится?—Нѣтъ, это трагедія! трагедія!

Весь трепеща, проснулся Аратовъ. Въ комнатѣ не темно... Откуда-то льется слабый свѣтъ и печально, и неподвижно освѣщаетъ всѣ предметы. Аратовъ не отдаетъ себѣ отчета, откуда льется этотъ свѣтъ... Онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ.... онъ ощущаетъ ея присутствіе... онъ опять и навсегда въ ея власти!

Изъ губъ его исторгается крикъ: — Клара, ты здѣсь?

— Да!—раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты.

Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ...

— Да!—слышится снова.

— Такъ я хочу тебя видѣть! — вскрикиваетъ онъ и соскакиваетъ съ постели.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, поиирая голыми ногами холодный полъ. — Взоры его блуждали: „гдѣ же? гдѣ?“ шептали его губы....

Ничего не видать, не слыхать...

Онъ осмотрѣлся—и замѣтилъ, что слабый свѣтъ, наполнявшій комнату, происходилъ отъ почника, заслоненаго листомъ бумаги и поставленнаго въ углу, вѣроятно, Платошей, въ то время, какъ онъ спалъ. Онъ даже почувствовалъ запахъ ладана... тоже, вѣроятно, дѣло ея рукъ.

Онъ поспѣшно одѣлся. — Оставаться въ постели, спать—было немыслимо.—Потомъ онъ остановился посреди комнаты и скрестилъ руки. — Ощущеніе присутствія Клары было въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

И вотъ, онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произносятся заклинанія:

— Клара,—такъ началъ онъ:—если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь—явись!... Если эта власть, которую я чувствую надъ собою—точно *твоя* власть—явись! Если ты понимаешь, какъ горько я раскаиваюсь въ томъ, что не понялъ, что оттолкнулъ тебя—явись!—Если то, что я слышалъ — точно твой голосъ; если чувство, которое овладѣло мною—любовь; если ты теперь увѣрена, что я люблю тебя, я, который до сихъ поръ и не любилъ, и не зналъ ни одной женщины;—если ты знаешь, что я послѣ твоей смерти полюбилъ тебя страстно, неотразимо, если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара!

Аратовъ еще не успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему, сзади—какъ тогда, на бульварѣ—и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся—и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе *ея* присутствія стало такимъ явствен-

нымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ опять торопливо оглянулся....

Что это?! На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ.... Это она! Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо!

Аратовъ тихо опустился на колѣни. — Да, онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ— ни даже удивленія.... Даже сердце его стало тише биться.—Одно въ немъ было сознаніе, одно чувство: „А! наконецъ! наконецъ!“

— Клара, — заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ,—отчего ты не смотришь на меня? Я знаю, что это ты.... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный *тому*.... (Онъ указалъ рукою въ направленіи стереоскопа).... Докажи мнѣ, что это ты.... Обернись ко мнѣ, посмотри на меня, Клара!

Рука Клары медленно приподнялась.... и упала снова.

— Клара, Клара! обернись ко мнѣ!

И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова.

Онъ подался немного назадъ—и произнесъ одно протяжное, трепетное:—А!

Клара пристально смотрѣла на него.... но ея глаза, ея черты сохранили прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на эстраду въ день литературнаго утра— прежде чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ—и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы....

— Я прощенъ! — воскликнулъ Аратовъ. — Ты побѣдила.... Возьми же меня! Вѣдь я твой—и ты моя!

Онъ рванулся къ ней. онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы—и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ—и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату.

Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастія.

Платонида Ивановна такъ и упала возлѣ него, обняла его станъ, залепетала:—Яша! Яшенька! Яшенёночекъ!!—попыталась приподнять его своими костлявыми руками.... онъ не шевелился. Тогда Платонида Ивановна принялась кричать не своимъ голосомъ. Вбѣжала служанка. Вдвоемъ онѣ кое-какъ его подняли, усадили, начали прыскать въ него водою—да еще съ òбраза....

Онъ пришелъ въ себя.—Но на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ, что она еще пуще перетревожилась—и то его крестила, то себя.... Аратовъ, наконецъ, отвелъ ея руку и все съ тѣмъ же блаженнымъ выраженьемъ на лицѣ промолвилъ:—Да Платоша, что съ вами?

— Съ тобой-то что, Яшенька?

— Со мной?—Я счастливъ.... счастливъ, Платоша.... вотъ что со мной. А теперь я желаю лечь, да спать.—Онъ хотѣлъ-было приподняться—но такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ, слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ бы въ состояніи раздѣться—и лечь въ постель. За то онъ заснулъ очень скоро, сохраняя на лицѣ все то же блаженно-восторженное выраженіе. Только лицо его было очень блѣдно.

XVIII.

Когда на слѣдующее утро Платонида Ивановна вошла къ нему—онъ находился все въ томъ же положеніи.... но слабость не прошла—и онъ даже предпочелъ остаться въ постели. Блѣдность его лица особенно не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ.—Что это, Господи! думалось ей—кровинки въ лицѣ нѣтъ, отъ бульона отказывается, лежитъ да посмѣивается—и все увѣряетъ, что здоровехонекъ!—Онъ отказался и отъ завтрака. — Что же это ты, Яша? — спрашивала она его:—такъ весь день и намѣренъ пролежать? — А хоть бы и такъ? — отвѣтилъ ласково Аратовъ.—Самая эта ласковость опять-таки не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ. Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну—и ревниво держитъ и хранитъ ее про себя. Онъ дожидался ночи—не то что съ нетерпѣніемъ, а съ любопытствомъ.—Что же далѣе? — спрашивалъ онъ себя: — что будетъ? Изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ: онъ не сомнѣвался въ томъ, что вступилъ въ сообщеніе съ Кларой; что они любятъ другъ друга.... и въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только.... что же можетъ выдти изъ такой любви?—Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй.... и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ.—„Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джульета не мѣнялись! Но въ другой разъ я лучше выдержу.... Я буду обладать ею.... Она придетъ въ вѣнкѣ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ....“

— Но какъ же дальше? Вѣдь вмѣстѣ жить намъ нельзя же? Стало быть, мнѣ придется умереть, чтобы быть вмѣстѣ съ нею? Не за этимъ ли она приходила—и не *такъ* ли она хочетъ меня взять?

— Ну, такъ что же? Умереть—такъ умереть. Смерть

теперь не страшитъ меня нисколько. Уничтожитъ она меня вѣдь не можетъ? Напротивъ, только *такъ* и *тамъ* я буду счастливъ.... какъ не былъ счастливъ въ жизни, какъ и она не была.... Вѣдь мы оба—нетронутые! — О, этотъ поцѣлуй!

Платонида Ивановна то и дѣло заходила къ Аратову въ комнату; не безпокоила его вопросами—только взглядывала на него, шептала, вздыхала—и уходила опять.—Но вотъ, онъ отказался и отъ обѣда.... Это было уже изъ рукъ вонъ плохо. Старушка отправилась за своимъ знакомымъ, участковымъ лекаремъ, въ котораго она вѣрила только потому, что человѣкъ онъ былъ непьющій и женился на нѣмкѣ. Аратовъ удивился, когда она привела его къ нему; но Платонида Ивановна такъ настойчиво стала просить своего Яшеньку позволить Парамону Парамонычу (такъ звали лекаря) осмотрѣть его—ну, хоть для нея!—что Аратовъ согласился. Парамонъ Парамонычъ пощупалъ у него пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ — кое-что поразспросилъ — и объявилъ, наконецъ, что необходимо нужно его „поавскультировать“. Аратовъ былъ въ такомъ повадливомъ настроеніи духа, что и на это согласился. Лекарь деликатно обнажилъ его грудь, деликатно постучалъ, послушалъ, похмыкалъ—прописалъ капли да микстуру—а главное: посовѣтовалъ быть спокойнымъ и воздерживаться отъ сильныхъ впечатлѣній. — „Вотъ какъ! подумалъ Аратовъ.... Ну, братъ, поздно хватился!“—Что такое съ Яшей?—спросила Платонида Ивановна, вручая Парамону Парамонычу на порогѣ двери трехрублевую ассигнацію. Участковый лекарь, который, какъ всѣ современные медики,—особенно тѣ изъ нихъ, что мундиръ носятъ,—любилъ щеголять учеными терминами, объявилъ ей, что у ея племянника всѣ діоптрическіе симптомы нервозной кардіалгіи—да и фе-

рисъ есть. — Ты, однако, батюшка, говори попроще, — отрѣзала Платонида Ивановна: латынью-то не пугай; ты не въ аптекѣ!—Сердце не въ порядкѣ,—объяснилъ лекарь:—ну, и лихорадочка.... и повторилъ свой совѣтъ на счетъ спокойствія и воздержанія. — Да вѣдь опасности нѣтъ?—съ строгостью спросила Платонида Ивановна (смотри-молъ, опять въ латынь не заѣзжай!).—Пока не предвидится!

Лекарь ушелъ — а Платонида Ивановна пригорюнилась.... однако, послала въ аптеку за лекарствомъ, которое Аратовъ не принялъ, несмотря на ея просьбы. Онъ отказался также и отъ грудного чаю.—И чего вы такъ безпокоитесь, голубушка? говорилъ онъ ей:—увѣряю васъ, я теперь самый здоровый и счастливый человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ!—Платонида Ивановна только головой качала. Къ вечеру съ нимъ сдѣлался небольшой жаръ; и все-таки онъ настоялъ на томъ, чтобы она не оставалась въ его комнатѣ и ушла спать къ себѣ. Платонида Ивановна повиновалась—но не раздѣлась и не легла; сѣла въ кресло—и все прислушивалась, да шептала свою молитву.

Она начала было дремать, какъ вдругъ страшный, пронзительный крикъ разбудилъ ее. Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову—и, по вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу.

Но онъ не пришелъ въ себя по вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ. Съ нимъ въ ту же ночь сдѣлалась горячка, усложненная воспаленіемъ сердца.

Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Странное обстоятельство сопровождало его второй обморокъ. Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ. Откуда взялись эти волосы? У Анны Семеновны была такая прядь, оставшаяся отъ Клары: но съ какой стати было ей отдать Аратову такую для нея дорогую вещь?

Развѣ какъ нибудь въ дневникъ она ее заложила—и не замѣтила, какъ отдала?

Въ предсмертномъ бреду Аратовъ называлъ себя Ромео.... послѣ отравы; говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ;—о томъ, что онъ знаетъ теперь, что̀ такое наслажденіе. Особенно ужасна была для Платоши минута, когда Аратовъ, нѣсколько придя въ себя, и увидавъ ее возлѣ своей постели, сказалъ ей: „Тётя, что̀ ты плачешь?—тому, что я умереть долженъ? Да развѣ ты не знаешь, что любовь сильнѣе смерти?... Смерть! Смерть, гдѣ жало твое? Не плакать—а радоваться должно—такъ же, какъ и я радуюсь....“

И опять на лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ.

Буживаль.—Октябрь, 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ПРОЗѢ.

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая, — тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ, и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ.

Въ письмѣ къ намъ, сопровождавшемъ печатаемые нами теперь листки, И. С. Тургеневъ въ заключеніе говоритъ:

...„Пусть вашъ читатель не пробѣгаетъ этихъ *стихотвореній въ прозѣ* сподряду: ему, вѣроятно, скучно ста-

нетъ—и книжка вывалится у него изъ рукъ. Но пусть онъ читаетъ ихъ въ раздробь: сегодня одно, завтра другое,—и которое-нибудь изъ нихъ, можетъ быть, заронитъ ему что-нибудь въ душу“....

Листки не имѣютъ общаго заглавія; авторъ на оберткѣ назвалъ ихъ: „Senilia“ — стариковскія; — но мы предпочли невзначай оброненныя авторомъ слова въ вышеприведенномъ заключеніи его письма къ намъ: „Стихотворенія въ прозѣ“,—и печатаемъ листки подъ этимъ, именно, общимъ заглавіемъ. Оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ выражаетъ какъ источникъ, изъ котораго могли явиться подобныя замѣтки въ умѣ писателя, извѣстнаго своею чуткостью къ разнообразнымъ вопросамъ жизни, такъ и то впечатлѣніе, которое они могутъ произвести на читателя. „заронивъ ему въ душу“—многое. Это, дѣйствительно,—стихотворенія, несмотря на то, что они написаны въ прозѣ. Помѣщаемъ ихъ—въ хронологическомъ порядкѣ,—начиная съ 1878 года.

М. С.

28 октября, 1882 г.

I.

1878-ой годъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь.... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ, собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дёгтемъ маленько—и маленько кожей.—Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь.—Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба,—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалин-

кахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣна передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припёкѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца.... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными каймами; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка.... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, несятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ

большой ломоть еще теплаго хлѣба.—„Кушай, моль, на здоровье, заѣзжій гость!“

Нѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— „Ай да овесъ!“ слышится голосъ моего кучера....

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Февраль, 1878.

Разговоръ.

«Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорнѣ еще не бывало человѣческой ноги!»

Вершины Альпъ.... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ.... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ-подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорнъ.

И говоритъ Юнгфраю сосѣду:—Что скажешь новаго? тебѣ видиѣй.—Что тамъ, внизу?

Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ: одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ: — Сплошныя облака застилаютъ землю.... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу; тамъ, внизу, все то же: пестро, мелко. Воды спѣшатъ; черпѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скучен-

ныхъ камней. Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь, тѣ двуножки, что̀ еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да, люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ, — гремитъ Финстерааргорнъ:—яснѣе стало внизу; съузились воды: порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ: одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ;—ну, а тамъ, вдали, по долинамъ есть еще пятна, и шевелится что-то.

— А теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ, — опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ, и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо, — промолвила Юнгфрау. — Однако, довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора!

Снятъ громадныя горы; снитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878.

Старуха.

Я шелъ по широкому полю, одинъ.

И вдругъ мнѣ почудились легкіе, осторожные шаги за моей спиною.... Кто-то шелъ по моему слѣду.

Я оглянулся — и увидалъ маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную въ сѣрыя лохмотья. Лицо старушки

одно видѣлось изъ-подъ нихъ: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошелъ къ ней.... Она остановилась.

— Кто ты? Чего тебѣ нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвѣтила. Я наклонился къ ней и замѣтилъ, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, бѣловатой перепонкой или плевой, какая бываетъ у иныхъ птицъ: онѣ защищаютъ ею свои глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зѣницъ.... изъ чего я заключилъ, что она слѣпая.

— Хочешь милостыни?—повторилъ я свой вопросъ.—Зачѣмъ ты идешь за мною?—Но старушка по-прежнему не отвѣчала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся отъ нея и пошелъ своей дорогой.

И вотъ, опять слышу я за собою тѣ же легкіе, мѣрные, словно крадущіеся шаги.

— Опять эта женщина!—подумалось мнѣ:—что она ко мнѣ пристала?—Но я тутъ же мысленно прибавилъ: вѣроятно, она со-слѣпу сбилась съ дороги, идетъ теперь по слуху за моими шагами, чтобы вмѣстѣ со мною выдти въ жилое мѣсто. Да, да; это такъ.

Но странное безпокойство понемногу овладѣло моими мыслями: мнѣ начало казаться, что эта старушка не идетъ только за мною, но что она направляетъ меня, что она меня толкаетъ то направо, то налѣво, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако, я продолжаю идти.... но вотъ, впереди, на самой моей дорогѣ, что-то чернѣетъ и ширится.... какая-то яма.... „Могила!“ сверкнуло у меня въ головѣ.—Вотъ куда она толкаетъ меня!

Я круто поворачиваю назадъ. Старуха опять передо мною.... но она видитъ! Она смотритъ на меня большими, злыми, зловѣщими глазами.... глазами хищной птицы.... Я

надвигаюсь къ ея лицу, къ ея глазамъ..... Онять та же тусклая плева, тотъ же слѣпой и тупой обликъ....

„Ахъ! думаю я.... эта старуха—моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человѣку!“

„Не уйти! не уйти! — Что̀ за сумасшествіе.... Надо попытаться“. И я бросаюсь въ сторону, по другому направленію.

Я иду проворно.... Но легкіе шаги по прежнему шелестятъ за мною, близко, близко.... И впереди опять темнѣетъ яма.

Я опять поворачиваю въ другую сторону.... И опять тотъ же шелестъ сзади, и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, какъ заяцъ на угонкахъ.... все то же, то же!

— Стой! думаю я. — Обману-жъ я ее! Не пойду я никуда!—и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоитъ позади, въ двухъ шагахъ отъ меня.— Я ея не слышу, но я чувствую, что она тутъ.

И вдругъ я вижу: то пятно, что чернѣло вдали, плыветъ, ползетъ само ко мнѣ!

Боже! Я оглядываюсь назадъ.... Старуха смотритъ прямо на меня—и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой....

— Не уйдешь!

Февраль, 1878.

Собака.

Насъ двое въ комнатѣ: собака моя и я.... На дворѣ воетъ страшная буря.

Собака сидитъ передо мною—и смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

И я тоже гляжу ей въ глаза.

Она словно хочетъ сказать мнѣ что-то. Она нѣмая, она безъ словъ, она сама себя не понимаетъ—но я ее понимаю.

Я понимаю, что въ это мгновенье и въ ней, и во мнѣ живетъ одно и то же чувство, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы тождественны; въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ же трепетный огонекъ.

Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ, широкимъ крыломъ....

— И конецъ!

Кто потомъ разберетъ, какой именно въ каждомъ изъ насъ горѣлъ огонекъ?

Нѣтъ! это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами...

Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга.

И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и въ человѣкѣ,—одна и та же жизнь жмется пугливо къ другой.

Февраль, 1878.

Соперникъ.

У меня былъ товарищъ-соперникъ; не по занятіямъ, не по службѣ или любви; но наши воззрѣнія ни въ чемъ не сходились, и всякій разъ, когда мы встрѣчались,—между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всёмъ: объ искусствѣ, о религіи, о наукѣ, о земной и загробной—особенно о загробной жизни.

Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и восторженный. Однажды онъ сказалъ мнѣ: „Ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда?“

И онъ, точно, умеръ прежде меня, въ молодыхъ лѣтахъ еще будучи; но прошли года — и я позабылъ объ его обѣщаніи—объ его угрозѣ.

Разъ, ночью, я лежалъ въ постели—и не могъ, да и не хотѣлъ заснуть.

Въ комнатѣ не было ни темно, ни свѣтло; я принялся глядѣть въ сѣдой полумракъ.

И вдругъ мнѣ почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ мой соперникъ—и тихо, и печально качаетъ сверху внизъ головою.

Я не испугался—даже не удивился.... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, сталъ еще пристальнѣе глядѣть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тотъ продолжалъ качать головою.

— Что? — промолвилъ я, наконецъ. — Ты торжествуешь? или жалѣешь?—Что это: предостереженіе или упрекъ?... Или ты мнѣ хочешь дать понять, что ты былъ неправъ? что мы оба неправы? Что̀ ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперникъ не издалъ ни единаго звука — и только по-прежнему печально и покорно качалъ головою— сверху внизъ.

Я засмѣялся... онъ исчезъ.

Февраль, 1878.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шарнавыя лохмотья, нечистыя раны.... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку.... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ.... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка.... Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ.... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку.... „Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ“.

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись—и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ, — прошамкалъ онъ: — и на томъ спасибо.—Это тоже подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Февраль, 1878.

„Услышишь судъ глупца“...

Пушкинъ.

„Услышишь судъ глупца“.... Ты всегда говорилъ правду, великій нашъ пѣвецъ: ты сказалъ ее и на этотъ разъ.

„Судъ глупца и смѣхъ толпы“.... Кто не извѣдалъ и того, и другого?

Всё это можно—и должно переносить; а кто въ силахъ—пусть презираетъ!

Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ всё, что могъ; работалъ усиленно, любовно, честно.... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. „Удались! Ступай вонъ!“ кричатъ ему честные, молодые голоса.—„Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ, ты оскверняешь наше жилище—ты насъ не знаешь и не понимаешь.... Ты нашъ врагъ!“

Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.

Нѣкогда земледѣльцы проклинали путешественника, принесшаго имъ картофель, замѣну хлѣба, ежедневную пищу бѣдняка.... Они выбивали изъ протянутыхъ къ нимъ рукъ драгоцѣнный даръ, бросали его въ грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются имъ—и даже не вѣдаютъ имени своего благодѣтеля.

Пускай! На что имъ его имя? Онъ, и безъимянный, спасаетъ ихъ отъ голода.

Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь.... Но перенести можно и это....

„Бей меня! но выслушай!“—говорилъ аонійскій вождь спартанскому.

„Бей меня — но будь здоровъ и сытъ!“—должны говорить мы.

Февраль, 1878.

Довольный человѣкъ.

По улицѣ столицы мчится въ припрыжку молодой еще человѣкъ.—Его движенья веселы, бойки; глаза сіяютъ, ухмыляются губы, пріятно алѣетъ умиленное лицо.... Онъ весь—довольство и радость.

Что съ нимъ случилось? Досталось ли ему наслѣдство? Повысили ли его чиномъ? Спѣшитъ ли онъ на любовное свиданіе? Или просто — онъ хорошо позавтракалъ, — и чувство здоровья, чувство сытой силы взыграло во всѣхъ его членахъ? Ужъ не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крестъ, о. польскій король Станиславъ!

Нѣтъ. Онъ сочинилъ клевету на знакомаго, распространилъ ее тщательно, услышалъ ее, эту самую клевету, изъ устъ другого знакомаго—и *самъ ей повѣрилъ*.

О, какъ доволенъ, какъ даже добръ въ эту минуту этотъ милый, многообѣщающій молодой человѣкъ.

Февраль, 1878.

Житейское правило.

— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха,—то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или порокѣ, который вы за собою чувствуете.—Негодуйте.... и упрекайте!

Во-первыхъ — это заставитъ другихъ думать, что у васъ этого порока нѣтъ.

Во-вторыхъ — негодованіе ваше можетъ даже быть искреннимъ.... Вы можете воспользоваться укорами собственной совѣсти.

Если вы, напримѣръ, ренегатъ—упрекайте противника въ томъ, что у него нѣтъ убѣжденій!

Если вы сами лакей въ душѣ—говорите ему съ укоризной, что онъ лакей.... лакей цивилизаціи, Европы, соціализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — замѣтилъ я.

— И это можно,—подхватилъ пройдоха.

Февраль, 1878.

Конецъ свѣта.

Сонъ.

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль: сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею, какъ пологъ.

Я не одинъ; человѣкъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и по-

перекъ. молча, словно крадучись. Они избѣгаютъ другъ друга—и, однако, безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что̀ за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ безпокойство и уныло̀сть.... всѣ поочередно подходятъ къ окнамъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извнѣ.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ: отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ, однозвучнымъ голосомъ: „Тятенька, боюсь!“ — Мнѣ тошно на сердцѣ отъ этого писку—и я тоже начинаю бояться.... чего? не знаю самъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ, нѣтъ—да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! какъ тяжело.... Но уйти невозможно.

Это небо—точно саванъ. И вѣтра нѣтъ.... Умеръ воздухъ, что̀-ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ къ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: „Гляньте! гляньте! земля провалилась!“

— „Какъ? провалилась?“—Точно: прежде предъ домомъ была равнина — а теперь онъ стоитъ на вершинѣ странной горы! — Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ — а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная круча.

Мы всѣ столпились у окна.... Ужасъ леденитъ наши сердца.—„Вотъ оно.... вотъ оно!“ шепчетъ мой сосѣдъ.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

„Это море!“ подумалось всѣмъ намъ въ одно и то же

мгновеніе.—„Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопитъ.... Только какъ же оно можетъ расти и подниматься вверхъ? На эту кручь?“

И однако, оно растетъ, растетъ громадно.... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали.... Одна сплошная, чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ! — Морознымъ вихремъ несется она, крутится тьмой кромѣшной. Все задрожало вокругъ—а тамъ, въ этой налетающей громадѣ,—и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай....

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завыла отъ страха....

Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ.... Я хотѣлъ было ухватиться за товарищей—но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота.... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Марта, 1878.

Маша.

Проживая—много лѣтъ тому назадъ—въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками и плохой клячёнкой—въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ, однажды нанялъ я такого извозчика.... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной

шапоньки.—И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ?—спросилъ я его.—Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть,—промолвилъ онъ наконецъ.—Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ.... Жену-то свою?

Парень не оберпулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ.... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце.... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!... Въ одинъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ! — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили,— сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ—а ужъ за-полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серёдкѣ, и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а Маша!“ Только сверчокъ трещитъ. — Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ—да ладонью по землѣ какъ хлопну! — Ненасытная, говорю, утроба!... Сожрала ты ее.... сожри-жъ и меня!—Ахъ, Маша!

— Маша,—прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ возжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, бросилъ въ сторону, повелъ плечами — и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пяти-алтынный.—Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку—и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январьскаго мороза.

Апрѣль, 1878.

Дуракъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ бы прекратить тѣ непріятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконецъ, его темный умишко.... И онъ, ни мало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Встрѣтился ему на улицѣ знакомый—и принялся хвалить извѣстнаго живописца....

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Живописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ.... Вы этого не знаете?—Я отъ васъ этого не ожидалъ.... Вы—отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался—и тотчасъ согласился съ дуракомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня!—говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте!—воскликнулъ дуракъ.—Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукою.—Вы этого не знаете?—Вы—отсталый человѣкъ.

И этотъ знакомый испугался—и согласился съ дуракомъ.

— Что за чудесный человѣкъ мой другъ N. N.!—говорилъ дураку третій знакомый. — Вотъ истинно благородное существо!

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — N. N. завѣдомый подлецъ! Родню всю ограбилъ. Кто-жъ этого не знаетъ? Вы—отсталый человѣкъ!

Третій знакомый тоже испугался и согласился съ дуракомъ, отступился отъ друга. И кого бы, что бы ни хвалили при дуракѣ—у него на все была одна отповѣдь.

Развѣ иногда прибавитъ съ укоризной:—А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

„Злюкъ! Желчевикъ!“ начинали толковать о дуракѣ его знакомые.—„Но какая голова!“

„И какой языкъ!“—прибавляли другіе.—„О, да онъ талантъ!“

Кончилось тѣмъ, что издатель одной газеты предложилъ дураку завѣдывать у него критическимъ отдѣломъ.

И дуракъ сталъ критиковать все и всѣхъ, нисколько не мѣняя манеры своей, ни своихъ восклицаній.

Теперь онъ, кричавшій нѣкогда противъ авторитетовъ,—самъ авторитетъ,—а юноши передъ нимъ благоговѣютъ—и боятся его.

Да и какъ имъ быть, бѣднымъ юношамъ?—Хоть и не слѣдуетъ—вообще говоря—благоговѣть.... но тутъ, поди, не возблагоговѣй—въ отсталые люди попадешь!

Житье дуракамъ между трусами.

Апрѣль, 1878.

Восточная легенда.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ великаго Джіаффара, солнца вселенной?

Однажды — много лѣтъ тому назадъ — онъ былъ еще юношей, — прогуливался Джіаффаръ въ окрестностяхъ Багдада.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ хриплый крикъ: кто-то отчаянно взывалъ о помощи.

Джіаффаръ отличался между своими сверстниками благоразуміемъ и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое—и онъ надѣялся на свою силу.

Онъ побѣжалъ на крикъ и увидѣлъ дряхлаго старика, притиснутаго къ городской стѣнѣ двумя разбойниками, которые его грабили.

Джіаффаръ выхватилъ свою саблю и напалъ на злодѣевъ: одного убилъ, другого прогналъ.

Освобожденный старецъ палъ къ ногамъ своего избавителя и, облобызавъ край его одежды, воскликнулъ: „Храбрый юноша, твое великодушіе не останется безъ награды. На видъ я—убогій нищій; но только на видъ. Я человѣкъ не простой.—Приходи завтра, раннимъ утромъ, на главный базаръ; я буду ждать тебя у фонтана—и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ“.

Джіаффаръ подумалъ: „На видъ человѣкъ этотъ нищій, точно; однако—всяко бываетъ. Отчего не попытаться?“—и отвѣчалъ: „хорошо, отецъ мой, приду“.

Старикъ взглянулъ ему въ глаза—и удалился.

На другое утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Джіаффаръ отправился на базаръ. Старикъ уже ожидалъ его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча взялъ онъ Джіаффара за руку и привелъ его въ небольшой садъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами.

По самой серединѣ этого сада, на зеленой лужайкѣ, росло дерево необычайнаго вида.

Оно походило на кипарисъ; только листва на немъ была лазореваго цвѣта.

Три плода—три яблока—висѣло на тонкихъ, къ верху загнутыхъ вѣткахъ:—одно—средней величины, продолговатое, молочно-бѣлое; другое—большое, круглое, ярко-красное; третье—маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумѣло, хоть и не было вѣтра. Опо

звенѣло тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближеніе Джіаффара.

„Юноша!“—промолвилъ старецъ.—„Сорви любой изъ этихъ плодовъ и знай: сорвешь и съѣшь бѣлый—будешь умнѣе всѣхъ людей; сорвешь и съѣшь красный—будешь богатъ, какъ еврей Ротшильдъ; сорвешь и съѣшь желтый—будешь нравиться старымъ женщинамъ. Рѣшайся!... и не мѣшкай. Черезъ часъ и плоды завянутъ, и само дерево уйдетъ въ нѣмую глубь земли!“

Джіаффаръ понурилъ голову — и задумался. — „Какъ тутъ поступить?“—произнесъ онъ въ полголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою.—„Сдѣлаешься слишкомъ умнымъ—пожалуй, жить не захочется; сдѣлаешься богаче всѣхъ людей—будутъ всѣ тебѣ завидовать; лучше же я сорву и съѣмъ третье, сморщенное яблоко!“

Онъ такъ и поступилъ; а старецъ засмѣялся беззубымъ смѣхомъ и промолвилъ: „О, мудрѣйшій юноша! Ты избралъ благую часть!—На что тебѣ бѣлое яблоко? Ты и такъ умнѣе Соломона. — Красное яблоко также тебѣ не нужно.... И безъ него ты будешь богатъ. Только богатству твоему никто завидовать не станетъ“.

— „Повѣдай мнѣ, старецъ“. — промолвилъ, встрепенувшись, Джіаффаръ: „гдѣ живетъ почтенная мать нашего богоспасаемаго халифа?“

Старикъ поклонился до земли—и указалъ юношѣ дорогу.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ солнца вселенной, великаго, знаменитаго Джіаффара?

Апрѣль, 1878.

Два четверостишія.

Существовалъ нѣкогда городъ, жители котораго дотого страстно любили поэзію, что если проходило нѣсколько

недѣль и не появлялось новыхъ прекрасныхъ стиховъ—они считали такой поэтическій неурожай общественнымъ бѣдствіемъ.

Они надѣвали тогда свои худшія одежды, посыпали пепломъ головы—и, собираясь толпами на площадяхъ, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую ихъ.

Въ одинъ подобный злополучный день молодой поэтъ Юній появился на площади, переполненной скорбѣвшимъ народомъ.

Проворными шагами взобрался онъ на особенно-устроенный амвонъ—и подалъ знакъ, что желаетъ произнести стихотвореніе.

Ликторы тотчасъ замахали жезлами. „Молчаніе! вниманіе!“ зычно возопили они—и толпа затихла, выжидая.

„Друзья! Товарищи!“—началъ Юній громкимъ, но не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

«Друзья! Товарищи! Любители стиховъ!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущаетъ васъ мгновенье грусти темной!
Придетъ желанный мигъ.... и свѣтъ разсѣетъ тьму».

Юній умолкъ.... а въ отвѣтъ ему, со всѣхъ концовъ площади, поднялся гамъ, свистъ, хохотъ.

Всѣ обращенныя къ нему лица пылали негодованіемъ, всѣ глаза сверкали злобой, всѣ руки поднимались, угрожали, сжимались въ кулаки.

„Чѣмъ вздумалъ удивить!“—ревѣли сердитые голоса. „Долой съ амвона бездарнаго рифмоплета! Вонъ дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута гороховаго! Подайте камней! Камней сюда!“

Кубаремъ скатился съ амвона Юній.... но онъ еще не успѣлъ прибѣжать къ себѣ домой, — какъ до слуха его долетѣли раскаты восторженныхъ рукоплесканій, хвалебныхъ возгласовъ и кликовъ.

Исполненный недоумѣнья, стараясь, однако, не быть замѣченнымъ (ибо опасно раздражать залютѣвшаго звѣря)—возвратился Юній на площадь.

И что же онъ увидѣлъ?

Высоко надъ толпою, надъ ея плечами, стоялъ на золотомъ плоскомъ щитѣ, облеченный пурпурной хламидой, съ лавровымъ вѣнкомъ на взвившихся кудряхъ, стоялъ его соперникъ, молодой поэтъ Юлій.... А народъ вопилъ кругомъ: „Слава! Слава! Слава безсмертному Юлію! Онъ утѣшилъ насъ въ нашей печали, въ нашемъ горѣ великомъ! Онъ подарилъ насъ стихами слаще меду, звучнѣе кимвала, душистѣе розы, чище небесной лазури! Несите его съ торжествомъ, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной ѳиміама, прохлаждайте его чело мѣрнымъ колебаніемъ пальмовыхъ вѣтвей, расточайте у ногъ его всѣ благовонія аравійскихъ мирръ! Слава!"

Юній приблизился къ одному изъ славословящихъ. — Повѣдай мнѣ, о, мой согражданинъ! какими стихами осчастливилъ васъ Юлій?—Увы! меня не было на площади, когда онъ произнесъ ихъ! Повтори ихъ, если ты ихъ запомнилъ, сдѣлай милость!

— „Такіе стихи—да не запомнить?" ретиво отвѣтствовалъ вопрошенный.—„За кого-жъ ты меня принимаешь? Слушай—и ликуй, ликуй вмѣстѣ съ нами!"

„Любители стиховъ!" — такъ началъ божественный Юлій....

«Любители стиховъ! Товарищи! друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нѣжно!
Да не смущаетъ васъ мгновенье скорби тяжкой!
Желанный мигъ придетъ—и день прогонитъ ночь!»

— „Каково?"

— Помилуй!—возопилъ Юній—да это мои стихи!—Юлій, должно быть, находился въ толпѣ, когда я про-

изнесъ ихъ—онъ услышалъ и повторилъ ихъ, едва измѣнивъ—и ужъ, конечно, не къ лучшему,—нѣсколько выраженій!

— „Ага! Теперь я узнаю тебя.... Ты Юній“,—возразилъ насупивъ брови, остановленный имъ гражданинъ.— „Завистникъ или глупецъ!... вообрази только одно, несчастный! У Юлія какъ возвышенно сказано: „И день прогонитъ ночь!...“ А у тебя—чепуха какая-то: „И свѣтъ разсѣетъ тьму!?“—Какой свѣтъ?! Какую тьму?!“

— „Да развѣ это не все едино....—началъ было Юній....

— „Прибавь еще слово, перебилъ его гражданинъ — я крикну народу.... и онъ тебя растерзаетъ!“

Юній благоразумно умолкъ, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— „Юній! Ты сказалъ свое—да не вò время; а тотъ не свое сказалъ — да во время. — Слѣдовательно, онъ правъ—а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти“.

Но пока совѣсть — какъ могла и какъ умѣла.... довольно плохо, правду сказать—утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія—вдали, среди грома и плеска ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ сквозь волнистыя струи обильнаго ониміама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо выпрямленная фигура Юлія.... и длинныя вѣтви пальмъ поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыманьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ—то непрестанно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва проставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ писком прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище.... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился.... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился, благоговѣя.

Да: не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.—Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрѣль, 1878.

Черепья.

Роскошная, пышно-освѣщенная зала; множество кавалеровъ и дамъ.

Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки.... Идетъ трескучій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, безсмертной.... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель!

И вдругъ — словно по манію волшебнаго жезла — со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи— и мгновенно выступила наружу мертвенная бѣлизна черéньевъ, зарябили синеватымъ оловомъ обнаженныя десны и скулы.

Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы — какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ ламиъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары— и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары—шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черéнья поворачивались по прежнему.... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ удивительно, какъ неподражаемо безсмертная... да, безсмертная пѣвица пустила свою послѣднюю трель!

Апрѣль, 1878.

Чернорабочій и Бѣлоручка.

Разговоръ.

Чернорабочій.

Что ты къ намъ лѣзешь? чего тебѣ надо? Ты не нашъ.... Ступай прочь!

БѢЛОРУЧКА.

Я вашъ, братцы!

ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Какъ бы не такъ: нашъ! Что выдумалъ! Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ несетъ, и дегтемъ,—а твои, вонъ, руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ пахнетъ?

БѢЛОРУЧКА—*подавая свои руки.*

Понюхай.

ЧЕРНОРАБОЧІЙ—*понюхавъ руки.*

Что за притча? Словно желѣзомъ отъ нихъ отдаетъ.

БѢЛОРУЧКА.

Желѣзомъ и есть. Цѣлыхъ шесть лѣтъ я на нихъ посилъ кандалы.

ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

А за что же это?

БѢЛОРУЧКА.

А за то, что я о вашемъ же добрѣ заботился, хотѣлъ освободить васъ, сѣрыхъ, темныхъ людей, возставалъ противъ притѣснителей вашихъ, бунтовалъ.... Ну, меня и засадили.

ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Засадили? Вольно-жъ тебѣ было бунтовать!

Два года спустя.

ТОТЪ ЖЕ ЧЕРНОРАБОЧІЙ—*другому.*

Слышь, Пётра!... Помнишь, позапрошлымъ лѣтомъ одинъ такой бѣлоручка съ тобой бесѣдовалъ?

ДРУГОЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Помню.... а что?

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Его сегодня, слышь, повѣсятъ; такой приказъ вышелъ.

ВТОРОЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Все бунтовалъ?

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Все бунтовалъ.

ВТОРОЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Да.... Ну, вотъ что, братъ Митрій: нельзя-ли намъ той самой веревочки раздобыть, на которой его вѣшать будутъ? говорятъ, ба-альшое счастье отъ этого въ дому бываетъ!

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОРАБОЧІЙ.

Это ты справедливо. Надо попытаться, братъ Нётра.

Апрѣль, 1878.

Роза.

Послѣдніе дни августа.... Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный, порывистый ливень, безъ грому и безъ молній, только-что промчался надъ нашей широкой равниной.

Садъ передъ домомъ горѣлъ и дымился, весь залитый пожаромъ зари и потопомъ дождя.

Она сидѣла за столомъ въ гостиной и съ упорной задумчивостью глядѣла въ садъ сквозь полу-раскрытую дверь.

Я зналъ, что̀ свершалось тогда въ ея душѣ; я зналъ, что послѣ недолгой, хоть и мучительной борьбы, она въ этотъ самый мигъ отдавалась чувству, съ которымъ уже не могла болѣе сладить.

Вдругъ она поднялась, проворно вышла въ садъ и скрылась.

Пробилъ часъ.... пробилъ другой; она не возвращалась.

Тогда я всталъ, и выйдя изъ дому, отправился по аллеѣ, по которой—я въ томъ не сомнѣвался — пошла и она.

Все потемнѣло вокругъ; ночь уже надвинулась. Но на сыромъ песку дорожки, ярко алѣя даже сквозь разлитую мглу, виднѣлся кругловатый предметъ.

Я наклонился. То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назадъ, я видѣлъ эту самую розу на ея груди.

Я бережно поднялъ упавшій въ грязь цвѣтокъ и вернувшись въ гостиную, положилъ его на столъ, передъ ея кресломъ.

Вотъ, и она вернулась наконецъ—и, легкими шагами пройдя всю комнату, сѣла за столъ.

Ея лицо и поблѣднѣло, и ожило; быстро, съ веселымъ смущеньемъ, бѣгали по сторонамъ опущенные, какъ бы, уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила ее, взглянула на ея измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня—и глаза ея, внезапно остановившись, засіяли слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ я.

— Да вотъ, объ этой розѣ. Посмотрите, что съ ней сталось.

Тутъ я вздумалъ выказать глубокомысліе.

— Ваши слезы смоютъ эту грязь — промолвилъ я съ значительнымъ выраженіемъ.

— Слезы не моютъ, слезы жгутъ,—отвѣчала она и, обернувшись къ камину, бросила цвѣтокъ въ умиравшее пламя.

— Огонь сожжетъ еще лучше слезъ — воскликнула

она не безъ удали,—и прекрасные глаза, еще блестѣвшіе отъ слезъ, засмѣялись дерзостно и счастливо.

Я понялъ, что и она была сожжена.

Апрѣль, 1878.

Памяти Ю. П. Вревской.

На грязи, на вопючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ — и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ,—поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились.... два-три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалася; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце.... и такая сила, такая жажда жертвы!—Помогать нуждающимся въ помощи.... она не вѣдала другого счастія.... не вѣдала—и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась—и вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ—никто не зналъ никогда—а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена.... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже

ея трупу—хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ поздним цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

Сентябрь, 1878.

Послѣднее свиданіе.

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями.... Но настал недобрый мигъ—и мы разстались какъ враги.

Прошло много лѣтъ.... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ. я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату.... Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ.... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ-ли то былъ, упрекъ-ли — кто знаетъ? Изможденная грудь закольхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало.... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него—и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая. тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы....

Эта женщина соединила наши руки.... Она навсегда примирила насъ.

Да.... Смерть насъ примирила....

Апрѣль, 1878.

Посѣщеніе.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна.... утромъ, раннимъ утромъ перваго мая.

Заря еще не занималась; но уже блѣдиѣла, уже холодѣла темная, теплая ночь.

Туманъ не вставалъ, не бродилъ вѣтерокъ, все было одноцвѣтно и безмолвно.... но чуялась близость пробужденія—и въ порѣдѣвшемъ воздухѣ пахло жёсткой сыростью росы.

Вдругъ, въ мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетѣла большая птица.

Я вздрогнулъ, вглядѣлся.... То была не птица, то была крылатая, маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, къ низу волнистое платье.

Вся она была сѣрая, перламутроваго цвѣта; одна лишь внутренняя сторона ея крылышекъ алѣла нѣжной алостью распускающейся розы; вѣнокъ изъ ландышей охватывалъ разбросанныя кудри круглой головки,—и, подобныя усикамъ бабочки, два павлиныхъ пера забавно колебались надъ красивымъ, выпуклымъ лобикомъ.

Она пронеслась раза два подъ потолкомъ; ея крошечное лицо смѣялось; смѣялись также огромные, черные, свѣтлые глаза.

Веселая рѣзвость прихотливаго полета дробила ихъ алмазные лучи.

Она держала въ рукѣ длинный стебель степного цвѣтка: „царскимъ жезломъ“ зовутъ его русскіе люди,—онъ и то похожъ на скипетръ.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тѣмъ цвѣткомъ.

Я рванулся къ ней.... Но она уже выпорхнула изъ окна—и умчалась....

Въ саду, въ глуши сиреневыхъ кустовъ, горлинка встрѣтила ее первымъ воркованьемъ — а тамъ, гдѣ она скрылась, молочно-бѣлое небо тихонько закрасивѣлось.

Я узналъ тебя, богиня фантазіи! Ты посѣтила меня случайно—ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною—раннимъ утромъ ранней весны!

Май, 1878.

Necessitas—Vis—Libertas.

Барельефъ.

Высокая, костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно тупымъ взоромъ, идетъ большими шагами и сухою, какъ палка рукою толкаетъ передъ собою другую женщину.

Женщина эта огромнаго росту, могучая, дебелая, съ мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ — и слѣпая — въ свою очередь, толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу.... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ.... и, все-таки, должна повиноваться и идти.

NECESSITAS—VIS—LIBERTAS.

Кому угодно—пусть переводитъ.

Май, 1878.

Милостыня.

Вблизи большого города, по широкой проѣзжей дорогѣ шелъ старый, больной человѣкъ.

Онъ шатался на ходу; его исхудалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и слабо, словно чужія; одежда на немъ висѣла лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь.... Онъ изнемогалъ.

Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклонился впередъ, облокотился, закрылъ лицо обѣими руками—и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, сѣдую пыль.

Онъ вспоминалъ....

Вспоминалъ онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ—и какъ онъ здоровье истратилъ—и богатство роздалъ другимъ, друзьямъ и недругамъ.... И вотъ, теперь у него нѣтъ куска хлѣба—и всѣ его покинули, друзья еще раньше враговъ.... Неужли-жъ ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ, и стыдно.

А слезы все капали да капали, нестря сѣдую пыль.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени: онъ поднялъ усталую голову — и увидалъ передъ собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а свѣтлые; взоръ пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздалъ,—послышался ровный голосъ.... — Но вѣдь ты не жалѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?

— Не жалѣю, — отвѣтилъ со вздохомъ старикъ: — только, вотъ, умираю я теперь.

— И не было бы на свѣтѣ нищихъ, которые къ тебѣ протягивали руку,—продолжалъ незнакомецъ,—не надъ кѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ бы ты упражняться въ ней?

Старикъ ничего не отвѣтилъ—и задумался.

— Такъ и ты теперь не гордись, бѣднякъ, — заговорилъ опять незнакомецъ:—ступай, протягивай руку, доставь и ты другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры.

Старикъ встрепенулся, вскинулъ глазами.... но незнакомецъ уже исчезъ; — а вдали, на дорогѣ, показался прохожій.

Старикъ подошелъ къ нему — и протянулъ руку. — Этотъ прохожій отвернулся съ суровымъ видомъ и не далъ ничего.

Но за нимъ шелъ другой—и тотъ подалъ старику малую милостыню.

И старикъ купилъ себѣ на данные гроши хлѣба — и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ—и не было стыда у него на сердцѣ—а напротивъ: его осѣнила тихая радость.

Май, 1878.

Насѣкомое.

Снилось мнѣ, что сидитъ насъ человѣкъ двадцать въ большой комнатѣ съ раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дѣти, старики.... Всѣ мы говоримъ о какомъ-то очень извѣстномъ предметѣ — говоримъ шумно и невнятно.

Вдругъ въ комнату съ сухимъ трескомъ влетѣло большое насѣкомое, вершка въ два длиною.... влетѣло, покружилось и сѣло на стѣну.

Оно походило на муху или на осу.— Туловище грязно-бураго цвѣту; такого же цвѣту и плоскія, жёсткія крылья: растопыренныя мохнатыя лапки, да голова угловатая и крупная, какъ у коромысловъ; и голова эта, и лапки— ярко-красныя, точно кровавыя.

Страшное это насѣкомое безпрестанно поворачивало го-

лову внизъ, вверхъ, вправо, влѣво, передвигало лапки.... потомъ вдругъ срывалось со стѣны, съ трескомъ летало по комнатѣ—и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь съ мѣста.

Во всѣхъ насъ оно возбуждало отвращеніе, страхъ, даже ужасъ.... Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, всѣ кричали: „гоните вонъ это чудовище!“ всѣ махали платками издали.... ибо никто не рѣшался подойти.... и когда насѣкомое взлетало—всѣ невольно сторонились.

Лишь одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, молодой еще, блѣдноличный человѣкъ, оглядывалъ насъ всѣхъ съ недоумѣніемъ.—Онъ пожималъ плечами, онъ улыбался, онъ рѣшительно не могъ понять, что̀ съ нами сталось и съ чего мы такъ волнуемся. Самъ онъ не видѣлъ никакого насѣкомаго—не слышалъ зловѣщаго треска его крылъ.

Вдругъ насѣкомое словно уставилось на него, взвилось и, приникнувъ къ его головѣ, ужалило его въ лобъ, повыше глазъ.... Молодой человѣкъ слабо ахнулъ—и упалъ мертвымъ.

Страшная муха тотчасъ улетѣла. .. Мы только тогда догадались, что̀ это была за гостья.

Май, 1878.

Щи.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и опухли.... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

„Господи!“ подумала барыня: „она можетъ ѣсть въ такую минуту.... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!“

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ—и прожила цѣлое лѣто въ городѣ!—А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла, наконецъ.—Татьяна!—промолвила она.... Помилуй!—Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ?—Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ,—тихо проговорила баба—и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ.—Значитъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же; вѣдь они посолёныя.

Барыня только плечами пожала—и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878.

Лазурное царство.

О, лазурное царство! О, царство лазури, свѣта, молодости и счастья! Я видѣлъ тебя.... во снѣ.

Насъ было нѣсколько человѣкъ на красивой, разубранной лодкѣ. Лебединой грудью вздымался бѣлый парусъ подъ рѣзвыми вымпелами.

Я не зналъ, кто были мои товарищи; но я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что они были такъ же молоды, веселы и счастливы, какъ и я!

Да я и не замѣчалъ ихъ. Я видѣлъ кругомъ одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золо-

тыхъ чешуекъ — а надъ головою такое же безбрежное, такое же лазурное море — и по немъ, торжествуя и словно смѣясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временамъ поднимался смѣхъ, звонкій и радостный, какъ смѣхъ боговъ!

А не то вдругъ съ чьихъ-нибудь устъ слетали слова, стихи, исполненные дивной красоты и вдохновенной силы.... казалось, самое небо звучало имъ въ отвѣтъ — и кругомъ море сочувственно трепетало.... А тамъ опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягкимъ волнамъ, плыла наша быстрая лодка. Не вѣтромъ двигалась она; ею правили наши собственныя, играющія сердца. Куда мы хотѣли, туда она и неслась, послушно, какъ живая.

Намъ попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова съ отливами драгоцѣнныхъ камней, яхонтовъ и изумрудовъ. Упоительныя благовонія неслись съ округлыхъ береговъ; одни изъ этихъ острововъ осыпали насъ дождемъ бѣлыхъ розъ и ландышей; съ другихъ внезапно поднимались радужныя, длиннокрылыя птицы.

Птицы кружились надъ нами, ландыши и розы таяли въ жемчужной пѣнѣ, скользившей вдоль гладкихъ боковъ нашей лодки.

Вмѣстѣ съ цвѣтами, съ птицами прилетали сладкіе, сладкіе звуки.... Женскіе голоса чудились въ нихъ.... И все вокругъ: небо, море, колыханіе паруса въ вышинѣ, журчаніе струи за кормою—все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый изъ насъ любилъ — она была тутъ.... невидимо и близко. Еще мгновеніе—и вотъ, засіяютъ ея глаза, расцвѣтетъ ея улыбка.... Ея рука возьметъ твою руку—и увлечетъ тебя за собою въ неувядаемый рай!

О, лазурное царство! я видѣлъ тебя во снѣ.

Іюнь, 1878.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ—я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку,—говорила баба,—послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ. — Нѣ на что будетъ соли добыть, похлебку посолить....

— А мы ее... и не соленую,—отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

Старикъ.

Настали темные, тяжелые дни....

Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь....

На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже,—но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской, и силой весны!

Но будь осторожень.... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Іюль, 1878.

Корреспондентъ.

Двое друзей сидятъ за столомъ и пьютъ чай.

Внезапный шумъ поднялся на улицѣ. Слышны жалобные стоны, ярыя ругательства, взрывы злорадnаго смѣха.

— Кого-то бьютъ,—замѣтилъ одинъ изъ друзей, выглянувъ изъ окна.

— Преступника? Убійцу? — спросилъ другой. — Слушай, кто бы онъ ни былъ, нельзя допустить безсудную расправу. Пойдемъ, заступимся за него.

— Да это бьютъ не убійцу.

— Не убійцу? Такъ вора? Все равно, пойдемъ, отнимемъ его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Такъ кассира, желѣзнодорожника, военнаго поставщика, россійскаго мецената, адвоката, благонамѣреннаго редактора, общественнаго жертвователя?... Все-таки пойдемъ, поможемъ ему!

— Нѣтъ.... это бьютъ корреспондента.

— Корреспондента?—Ну, знаешь что: допьемъ сперва стаканъ чаю.

Іюль, 1878.

Два брата.

То было видѣніе....

Передо мною появилось два ангела.... два генія.

Я говорю: ангелы.... геніи—потому, что у обоихъ на обнаженныхъ тѣлахъ не было никакой одежды и за плечами у каждаго вздымались сильныя, длинныя крылья.

Оба—юноши. Одинъ—нѣсколько полный, гладкокожій, чернокудрый. Глаза каріе, съ поволокой, съ густыми рѣсницами; взглядъ вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, плѣнительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое.

Алыя, пухлявыя губы слегка вздрагиваютъ. Юноша улыбается, какъ власть имѣющій—самоувѣренно и лѣниво; пышный цвѣточный вѣнокъ слегка покоится на блестящихъ волосахъ, почти касаясь бархатныхъ бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрѣлою, легко повисла съ округлаго плеча на выпутое бедро. Перья крыльевъ отливаютъ розовымъ цвѣтомъ: концы ихъ ярко красны, точно омочены багряной, свѣжей кровью. Отъ времени до времени они трепещутъ быстро, съ пріятнымъ серебристымъ шумомъ, шумомъ весенняго дождя.

Другой былъ худъ и желтоватъ тѣломъ. Ребра слабо видѣлись при каждомъ вдыханіи. Волосы бѣлокурые, жидкіе, прямые: огромные, круглые, блѣдно-сѣрые глаза.... взглядъ безпокойный и странно-свѣтлый. Всѣ черты лица заостренныя; маленькій, полураскрытый ротъ съ рыбьими зубами; сжатый, орлиный носъ, выдающійся подбородокъ, покрытый бѣловатымъ пухомъ. Эти сухія губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо! (Впрочемъ и у перваго, у красавца—лицо, хоть и милое, и сладкое, жалости не выражало тоже). Вокругъ головы втораго зацѣпилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосьевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая, сѣрая ткань обвивала чресла; крылья за спиною, темно-синія, матоваго цвѣта, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый изъ нихъ опирался на плечо другого. Мягкая ручка перваго лежала, какъ виноградный гроздь, на сухой ключицѣ втораго; узкая кисть втораго съ длинными, тонкими пальцами протянулась, какъ змѣя, по женоподобной груди перваго.

И послышался мнѣ голосъ. Вотъ, что произнесъ онъ:

„Передъ тобой Любовь и Голодъ—два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго.

„Все, что живетъ—движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить.

„Любовь и Голодъ — цѣль ихъ одна: нужно, чтобъ жизнь не прекращалась,—собственная и чужая—все та же, всеобщая жизнь“.

Августъ, 1878.

Эгоистъ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичемъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ—и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ!... И гордый сознаньемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ.... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказаннаго добра;—и онъ былъ безжалостнымъ—и не дѣлалъ добра.... потому что добро по указу — не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной—столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ—и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и эгоизмъ! — Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что̀ значитъ прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось.... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога—онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ—и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: „Да; я достойный, я нравственный человѣкъ!“

Онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ—и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ—въ этомъ сердцѣ безъ пятныика и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока!

Декабрь, 1878.

Пиръ у Верховнаго существа.

Однажды, Верховное существо вздумало задать великій пиръ въ своихъ лазоревыхъ чертогахъ.

Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Одинъ добродѣтели.... мужчинъ онъ не приглашалъ.... однѣхъ только дамъ.

Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но всѣ казались довольными—и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ.

Но вотъ, Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой.

Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

„Благодѣтельность!“—сказалъ онъ, указавъ на первую.

„Благодарность!“—прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоялъ—а стоялъ онъ давно—онѣ встрѣчались въ первый разъ.

Декабрь, 1878.

Сфинксъ.

Изжелта сѣрый, сверху рыхлый, изподнизу твердый, скрыпучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

Что хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздёрнутыя ноздри—и эти глаза, эти длинные, полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ — но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты.... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая — и эти широко разставленные небольшіе глаза.... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ.... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ, ярославскій, рязанскій мужичекъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже—сфинксъ.

И глаза твои—эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже.... И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! не довольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о всероссійскій сфинксъ!

Декабрь, 1878.

Нимфы.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ сверху до низу.

Прозрачно синѣло надъ нами южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный.... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: „Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—„Умеръ великій Панъ!“

Кормчій удивился.... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—Умеръ великій Панъ!

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны, протяжные, жалостные возгласы:—Умеръ! Умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе.... и странная мысль посѣтила меня.—„Что, если и я кликну кличъ?“

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ:—„Воскресъ! воскресъ великій Панъ!“

И тотчасъ же, о, чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!“ шумѣли молодые голоса. — Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ

подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чашу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ.... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину....

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣтки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними....

Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны....

Діана, это—ты?

Но вдругъ богиня остановилась.... и тотчасъ, вслѣдъ за нею, остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги, какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные въ даль.... Что она увидала? Куда глядѣла она?

Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла....

На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви.... Этотъ крестъ увидала богиня.

Я услышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда.... Широкій лѣсъ зеленѣлъ по-прежнему, и только мѣстами, сквозь частую сѣть вѣтвей, виднѣлись, таяли клочки чего-то бѣлаго. Были ли то туники нимфъ, поднимался ли паръ со дна долинъ—не знаю.

Но какъ мнѣ было жаль исчезнувшихъ богинь.

Декабрь, 1878.

Врагъ и Другъ.

Осужденный на вѣчное заточенье узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать.... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ.... Преслѣдователи начинали отставать.

Но вотъ, передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая—но глубокая рѣка.... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Бѣглецъ уже занесъ на нее ногу.... Но случилось такъ, что тутъ же, возлѣ рѣки, стояли: лучшій его другъ и самый жестокій его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло: — „Помилуй! Что ты дѣлаешь? Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твоею тяжестью—и ты неизбѣжно погибнешь!“

— „Но вѣдь другой переправы нѣтъ.... а погоню слышишь?“ отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

— Не допущу!... Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнулъ!—возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ подъ ногъ бѣглеца доску.—Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны—и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку—и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ.... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ.... ни на мигъ.

„Не послушался меня! Не послушался!“—шепталъ онъ уныло.

„А впрочемъ!—промолвилъ онъ, наконецъ. Вѣдь онъ

всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! Но крайней мѣрѣ, онъ теперь не страдаетъ! Теперь ему легче! Знать, ужъ такая ему выпала доля!"

„А все-таки жалко, по человѣчеству!"

И добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь, 1878.

Христосъ.

Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви.—Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя.—Темно и тускло было въ церкви.... Но народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему—но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ — Христосъ.

Умиленіе, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе.... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

„Какой же это Христосъ!" подумалось мнѣ. „Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ!"

Я отвернулся прочь.—Но не успѣлъ я отвести взоръ

отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христосъ стоялъ со мной рядомъ.

Я опять сдѣлалъ надъ собою усиліе.... И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. тѣ же обычныя, хоть и незнакомыя черты.

И мнѣ вдругъ стало жутко — и я пришелъ въ себя. Только тогда я понялъ, что именно такое лицо,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица,—оно и есть лицо Христа.

Декабрь. 1878.

II.

1879—1882 гг.

Камень.

Видали-ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежьѣ, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенній день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны—бьютъ и играютъ, и ластятся къ нему—и обливаютъ его мшистую голову разсыпчатымъ жемчугомъ блестящей пѣны?

Камень остается тѣмъ же камнемъ—но по хмурой его поверхности выступаютъ яркіе цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только-что начиналъ твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣлъ огнистыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя, женскія души—и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблекшими красками, слѣдами бывалаго огня!

Волны отхлынули.... но краски еще не потускнѣли—хоть и сушитъ ихъ рѣзкій вѣтеръ.

Май, 1879.

Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною—то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось.... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду.... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ,—сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю.... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно: ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо.... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній—та же стояла жестокая тишь.... Но глядь! Уже *два* платка мелькаютъ, *два* комочка

несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ *два* бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря—и понла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молнии слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой....

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя—и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ — и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба—и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда....

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ.... Хоть я и одинъ.... одинъ, какъ всегда.

Май, 1879.

Завтра! Завтра!

Какъ пусть и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитой день! Какъ мало слѣдовъ оставляетъ онъ за собою! Какъ безсмысленно-глупо пробѣжали эти часы за часами!

И, между тѣмъ, человѣку хочется существовать; онъ дорожитъ жизнію, онъ надѣется на нее, на себя, на будущее.... О, какихъ благъ онъ ждетъ отъ будущаго!

Но почему же онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ только-что прожитой день?

Да онъ этого и не воображаетъ. Онъ вообще не любитъ размышлять — и хорошо дѣлаетъ.

„Вотъ, завтра, завтра!“ — утѣшаетъ онъ себя,—пока это „завтра“ не свалитъ его въ могилу.

Ну—а разъ въ могилѣ — поневолѣ размышлять перестанешь.

Май, 1879.

Природа.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама Природа,—и мгновеннымъ холодомъ вѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!“—воскликнулъ я.—„О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался звучный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено.... Надо его возстановить.

— Какъ? — пролепеталъ я въ отвѣтъ. — Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови: — Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро.... разумъ.... справедливость....—пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова, — раздался желѣзный го-

лось—я не вѣдаю ни добра, ни зла.... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость?- -Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ.... мнѣ все равно.... А ты, пока, защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ-было возражать.... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся.

Августъ, 1879.

„Повѣсить его!“

Это случилось въ 1803 году,—началъ мой старый знакомый,—незадолго до Аустерлица. Полкъ, въ которомъ я служилъ офицеромъ, стоялъ на квартирахъ въ Моравіи.

Намъ было строго запрещено безпокоить и притѣснять жителей; они и такъ смотрѣли на насъ косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня былъ деньщикъ, бывшій крѣпостной моей матери, Егоръ по имени. Человѣкъ онъ былъ честный и смирный; я зналъ его съ дѣтства и обращался съ нимъ какъ съ другомъ.

Вотъ однажды, въ домѣ, гдѣ я жилъ, поднялись бранчивые крики, вопли: у хозяйки украли двухъ куръ, и она въ этой кражѣ обвиняла моего деньщика. Онъ оправдывался, призывалъ меня въ свидѣтели....—„Станетъ онъ красть, онъ, Егоръ Автамоновъ!“ Я увѣрялъ хозяйку въ честности Егора, но она ничего слушать не хотѣла.

Вдругъ вдоль улицы раздался дружный конскій топотъ: то самъ главнокомандующій проѣзжалъ со своимъ штабомъ. Онъ ѣхалъ шагомъ, толстый, обрюзглый, съ понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его—и, бросившись на перерѣзъ его лошади, пала на колѣни—и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего деньщика, указывала на него рукою.

— „Господинъ генералъ!“ кричала она:—„ваше сіятельство! разсудите! помогите! спасите! этотъ солдатъ меня ограбилъ!“

Егоръ стоялъ на порогѣ дома, вытянувшись въ струнку, съ шапкой въ рукѣ, даже грудь выставилъ и ноги сдвинулъ, какъ часовой,—и хоть бы слово! Смутилъ ли его весь этотъ остановившійся посреди улицы генералитетъ, окаменѣлъ ли онъ передъ налетающею бѣдою — только стоитъ мой Егоръ да мигаетъ глазами, а самъ бѣлъ какъ глина!

Главнокомандующій бросилъ на него разсѣянный и угрюмый взглядъ, промычалъ сердито: — Ну?.... Стоитъ Егоръ, какъ истуканъ, и зубы оскалилъ! Со стороны посмотрѣть: словно смѣется человѣкъ.

Тогда главнокомандующій промолвилъ отрывисто: — Повѣсить его!—толкнулъ лошадь подъ бока и двинулся дальше—сперва опять-таки шагомъ — а потомъ шибкой рысью. Весь штабъ помчался вслѣдъ за нимъ; одинъ только адъютантъ, повернувшись на сѣдлѣ, взглянулъ мелькомъ на Егора.

Ослушаться было невозможно.... Егора тотчасъ схватили и повели на казнь.

Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ—и только раза два съ трудомъ воскликнулъ: „батюшки! батюшки!“—а потомъ въ полголоса: „видитъ Богъ—не я!“

Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи.—„Егоръ! Егоръ!“ кричалъ я: „какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!“

— Видитъ Богъ, не я,—повторялъ, всхлипывая, бѣдняга.—Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія, и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждаго о лошади, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить....

Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Воен-

ные, сударь, порядки! Дисциплина!—Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите ей, ваше благородіе, чтобъ она не убивалась.... Вѣдь я ей простилъ.

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: „Егорушка, голубчикъ, праведникъ!“—и слезы заканали по его старымъ щекамъ.

Августъ, 1879.

Что я буду думать?...

Что я буду думать тогда, когда мнѣ придется умирать.—если я только буду въ состояніи тогда думать?

Буду ли я думать о томъ, что плохо воспользовался жизнью, проспалъ ее, продремалъ, не съумѣлъ вкусить отъ ея даровъ?

„Какъ? это уже смерть? Такъ скоро? Невозможно! Вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать.... Я только собирался дѣлать!“

Буду ли я вспоминать о прошедшемъ, останавливаться мыслію на немногихъ, свѣтлыхъ, прожитыхъ мною мгновеніяхъ, на дорогихъ образахъ и лицахъ?

Предстанутъ ли моей памяти мои дурныя дѣла—и найдетъ на мою душу жгучая тоска поздняго раскаянія?

Буду ли я думать о томъ, что̀ меня ожидаетъ за гробомъ.... да и ожидаетъ ли меня тамъ что-нибудь?

Нѣтъ.... мнѣ кажется, я буду стараться не думать—и насильно займусь какимъ-нибудь вздоромъ, чтобы только отвлечь собственное мое вниманіе отъ грознаго мрака, черпѣющаго впереди.

При мнѣ одинъ умирающій все жаловался на то, что не хотятъ дать ему погрызть каленыхъ орѣшковъ.... и

только тамъ, въ глубинѣ его потускнѣвшихъ глазъ, билось и трепетало что-то, какъ перешибленное крыло на смерть раненой птицы....

Августъ, 1879.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы....“

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною.... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы....»

Теперь зима; морозъ занушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ: а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы....»

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;—а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка—и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышетъ еще не вполнѣ разцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы....»

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй.... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ по-

толкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною —и чудится скучный, старческій шепотъ....

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы ...»

Встаютъ передо мною другіе образы.... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ стараго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара....

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы....»

Свѣча меркнетъ и гаснетъ.... Кто это капаетъ тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ.... Мнѣ холодно.... Я зябну.... и всѣ онѣ умерли.... умерли....

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы... »

Сентябрь, 1879.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьяна, самка изъ породы унстити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, поптичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку—и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. Я бралъ ея руку—и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ: густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ, и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою. Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинныя, прямыя складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивалась она на змѣевидныя струи, а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень—и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать—и опять протягивала мнѣ руку.

Сплотворной сыростью обдавало насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь.... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери—и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ноябрь, 1879.

Н. Н.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, безъ слезъ и безъ улыбки, едва оживленная равнодушнымъ вниманіемъ.

Ты добра и умна.... и все тебѣ чуждо—и никто тебѣ не нуженъ.

Ты прекрасна—и никто не скажетъ: дорожишь ли ты своей красотою или нѣтъ?—Ты безучастна сама—и не требуешь участія.

Твой взоръ глубокъ—и не задумчивъ; пусто въ этой свѣтлой глубинѣ.

Такъ, въ Елисейскихъ поляхъ, подъ важные звуки Глюковскихъ мелодій,—безпечально и безрадостно проходятъ стройныя тѣни.

Ноябрь, 1879.

Стой!

Стой! Какою я теперь тебя вижу—останься навсегда такою въ моей памяти!

Съ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ—глаза не блестятъ и не сверкаютъ—они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаніемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенныя руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеніемъ откинулъ назадъ твои разсыпанныя кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ побѣднѣвшемъ, челѣ!

Вотъ она — открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно—безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ — и не надо. — Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ—и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя.... Но что тебѣ за дѣло! — Въ это мгновенье — ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временнаго.—Это *твое* мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

Монахъ.

Я зналъ одного монаха, отшельника, святого. Онъ жилъ одною сладостью молитвы—и, упиваясь ею, такъ долго простаивалъ на холодномъ полу церкви, что ноги его, ниже колѣнъ, отекли и уподобились столбамъ. Онъ ихъ не чувствовалъ, стоялъ—и молился.

Я его понималъ — и, быть можетъ, завидовалъ ему— но пускай же и онъ пойметъ меня, и не осуждаетъ меня— меня, которому недоступны его радости.

Онъ добился того, что уничтожилъ себя, свое ненавистное *я:* но вѣдь и я—не молюсь—не изъ самолюбія.

Мое *я* мнѣ, можетъ быть, еще тягостнѣе и противнѣе, чѣмъ его—ему.

Онъ нашелъ, въ чемъ забыть себя.... да вѣдь и я нахожу, хоть и не такъ постоянно.

Онъ не лжетъ.... да вѣдь и я не лгу.

Ноябрь, 1879.

Мы еще повоюемъ!

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка?

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

Я поднялъ голову.... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно!

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель — и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть можетъ, суждено сожрать именно этого самаго завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

И пускай надо мной кружитъ *мой* ястребъ....

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Ноябрь, 1879.

Молитва.

О чемъ бы ни молился человѣкъ — онъ молится о чудѣ.—Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два—не было четыре“.

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемірному Духу, Высшему Су-

ществу кантовскому, гегелевскому—очищенному, безòбразному Богу — невозможно и немыслимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, òбразный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два — не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ*—и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо....“ и т. д.

А если ему станутъ возражать во имя истины.—ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „Что̀ есть истина?“

И потому: станемъ пить и веселиться—и молиться.

Іюль. 1881.

Русскій языкъ.

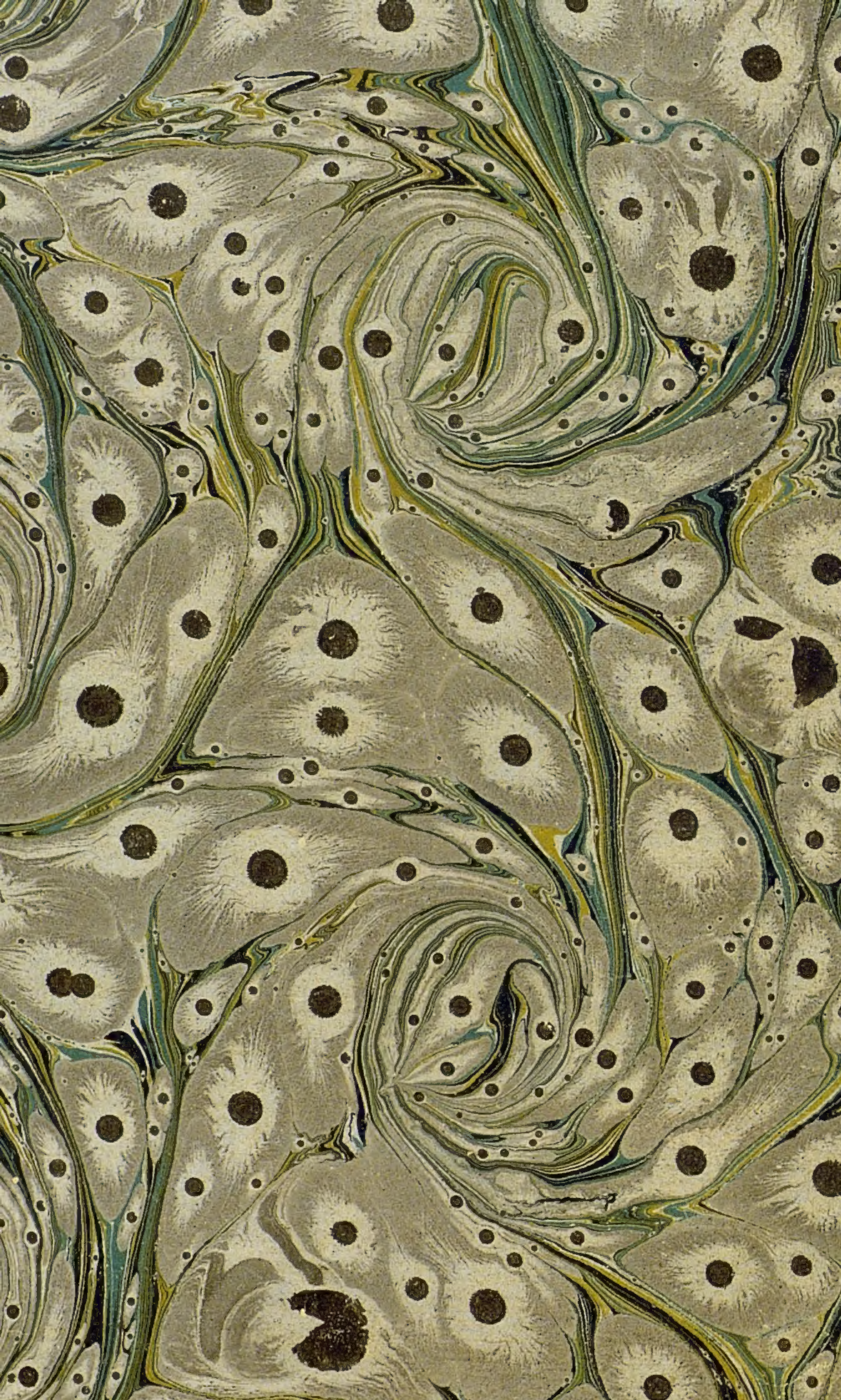
Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины.—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что̀ совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь. 1882.

КОНЕЦЪ

ВОСЬМОГО ТОМА.

FINIS



20. 84. 2. 1/8